

1894.

VIII

Шибанов

ХАРЬКОВСКИЙ

СВОРНИКЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
къ „Харьковскому Календарю“ на 1894 г.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ЧЛЕНА-СЕКРЕТАРЯ

В. В. Иванова.

516/16
402

Изданіе Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

ВЫПУСКЪ 8-й.

ХАРЬКОВЪ.
ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1894.

с 595 Хар.
X 23 а

III-7

ХАРЬКОВСКІЙ СБОРНИКЪ.

Литературно-научное приложение къ „Харьковскому Календарю“
на 1894 годъ.

ВЫПУСКЪ 8-й.

ИЗДАНИЕ ХАРЬКОВСКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ЧЛЕНА-СЕКРЕТАРЯ КОМИТЕТА

В. В. Иванова.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій пер., № 17.

1894.

сп. 95690

zef.ru

ХАРЬКОВСКИЙ

СБОРНИКЪ

Печатано по постановленію Харьковскаго Губернскаго Статисти-
ческаго Комитета.

ВЫПУСКЪ В-М.

В. В. Наволов.

ХАРЬКОВЪ

Типографія Губернскаго Статистическаго Комитета.

1884.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ редакціи	Стр. I
------------------------	--------

А) Отдѣлъ I-й.

1.—„Житіе Григорія Сковороды“. М. И. Ковалинскаго.	1
2.—Очеркъ отношеній обычнаго права къ законодатель- ствамъ. Н. С. Илларионова	41
3.—Очерки растительности Харьковской губ. и прилежа- щихъ къ ней мѣстностей. (Продолженіе). Л. О. Павловича.	63
4.—Матеріалы къ столѣтію Харьковской каѳедры. Хри- стофоръ—первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій. (Продолженіе). Прот. Н. А. Лащенкова	99
5.—Обычное право крестьянъ Харьковской губ. Гл. 1. Старобѣльскій уѣздъ: 1) Никольская волость	171
6.—О правѣ наслѣдованія у крестьянъ Харьковскаго уѣзда. (Продолженіе)	185

Б) Отдѣлъ II-й.

Матеріалы для этнографическаго изученія Харьков-
ской губерніи. Гл. 1. Старобѣльскій уѣздъ:

1) Сл. Свято-Дмитріевка. А. А. Татарскаго	1
2) Сл. Ново-Астрахань. М. К. Стороженко	27
3) Сл. Шулика. Р. А. Коробовой	49
4) Сл. Мостки. С. А. Хотяинцевой и А. А. Усиновой	63
5) Сл. Танюшевка. М. М. Инноковой	85
6) Сл. Каменка. О. Бородавкиной	95
7) Сл. Нищеретова. А. Шальневой	120
8) Сл. Петро-Павловка. А. И. Ткаченковой	133
9) Сл. Богдановка. А. М. Инноковой	169
10) Сл. Никольское. Г. А. и А. М. Калашниковыхъ	173
11) Сл. Александровка. А. Д. Стефановой	343
12) Сл. Бѣло-Куракино. (Гл. 1 и 2) П. М. Шинкарева	349

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ виду предстоящаго столѣтія со дня кончины Григорія Саввича Сковороды († 29 Окт. 1794 г.), чтобы почтить память этого замѣчательнѣйшаго мѣстнаго дѣятеля, просвѣтителя Слободско-Украинскаго общества, нравственно-воспитательное вліяніе котораго, распространяясь преимущественно на передовой слой его—дворянство, простиралось и на народъ, усвоившій нѣкоторыя религіозно-нравственныя его стихотворенія, этого странствующаго мудреца—философа, жизнь котораго еще болѣе, быть можетъ, назидательна, чѣмъ его ученіе,—помѣщаемъ на страницахъ „Харьковскаго Сборника“ его біографію, составленную вскорѣ послѣ смерти его, другомъ его, помѣщикомъ Мих. Ив. Ковалинскимъ. „Житіе Григорія Сковороды“, написанное его другомъ „въ древнемъ вкусѣ“, является основнымъ и, можно сказать, единственнымъ по достовѣрности матеріаломъ для знакомства съ жизнью „мудреца“ прошлаго вѣка. Выдержками изъ этого сочиненія широко пользовался Г. П. Данилевскій въ своемъ біографическомъ очеркѣ Г. С. Сковороды (см. его „Украинскую Старину“); затѣмъ въ 1886 г. оно впервые было напечатано проф. Н. Ф. Сумцовымъ въ „Кіевской Старинѣ“ (Сентябрь), но по списку или, правильнѣе, по двумъ спискамъ, изъ которыхъ основной былъ не полонъ. Издавая этотъ памятникъ, мы пользовались самымъ оригиналомъ, найденнымъ проф. Д. И. Багалѣемъ въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ. Точно въ такомъ же видѣ памятникъ этотъ будетъ напечатанъ въ сочиненіяхъ Г. С. Сковороды, издаваемыхъ Харьковскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ *).

*) Въ составъ книги, изд. Х. И.-Ф. О., войдутъ слѣдующія статьи: Бритико-біографическая и библиографическая статья проф. Д. И. Багалѣя, „Житіе Гр. Сковороды“, написанное М. И. Ковалинскимъ, Наркисъ или узнай себя, Правда вѣры, О древнемъ мирѣ, Бесѣда—Двое, О душевномъ мирѣ, Алфавитъ міра, Начальная дверь по христіанскому добронравію, Благодарный Еродій, Харьковскія басни, Борьба архистратига Михаила съ сатаною, Садъ божественныхъ пѣсней, Убогій жайворонокъ, Израильскій змій, Плутарха о спокойствіи души, Ода Сидронія объ уединеніи, Письма.—Желательно было-бы знать, не имѣется-ли

Въ предлагаемомъ выпускѣ „Харьковскаго Сборника“ начинается печатаніе „матеріаловъ“ по этнографіи края, собранныхъ народными учителями и учительницами Харьковской губерніи. Благодаря особому просвѣщенному вліянію умѣлаго руководителя и знатока дѣла, инспектора народныхъ училищъ Г. А. Ознобишина, матеріалы по Старобѣльскому уѣзду отличаются наибольшей полнотой и изобиліемъ. Начиная печатаніе „матеріаловъ“ съ этого уѣзда, мы могли помѣтить въ настоящемъ выпускѣ лишь часть работъ мѣстныхъ учителей и учительницъ, доставленныхъ Г. А. Ознобишинымъ вмѣстѣ съ „этнографическою картою“ Старобѣльскаго уѣзда, имъ составленною, въ Харьковскій Губернскій Статистическій Комитетъ. Такъ какъ печатаніе остальныхъ работъ по этнографическому описанію поселеній Харьковской губерніи учительскаго персонала губерніи будетъ продолжаться въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, то желательно, чтобы лица, приславшія уже свои работы въ Статистическій Комитетъ, если найдутъ возможнымъ, дополнили свои работы присылкою новыхъ матеріаловъ, которые своевременно будутъ опубликованы.

Другая работа, предпринятая Статистическимъ Комитетомъ и тѣсно связанная съ этнографическимъ изученіемъ губерніи,— опытъ сплошнаго изученія обычнаго права мѣстнаго населенія, дала также весьма значительные результаты. По программѣ, опубликованной уже въ „Харьковскомъ Сборникѣ“ (вып. 7), получены Статистическимъ Комитетомъ свѣдѣнія отъ волостныхъ судовъ по всѣмъ уѣздамъ губерніи. Поступаютъ, кромѣ того, матеріалы по обычному праву отъ гг. земскихъ начальниковъ, а также отъ Уѣздныхъ Съѣздовъ. Въ предлагаемомъ выпускѣ, за недостаткомъ мѣста, кромѣ продолженія матеріаловъ Харьковскаго Уѣзднаго Съѣзда, собранныхъ послѣднимъ для рѣшенія извѣстныхъ дѣлъ, помѣщаются, къ сожалѣнію, лишь для иллюстраціи имѣющагося матеріала, описаніе юридическихъ обычаевъ одной волости. Систематическое печатаніе полученныхъ матеріаловъ по обычному праву начнется со слѣдующаго выпуска „Сборника“.

В. В. Ивановъ.

у кого-либо слѣдующихъ неизданныхъ сочиненій Г. С. Сковороды, которыхъ нѣтъ въ распоряженіи Х.И.-Ф. Общества и о которыхъ мы знаемъ только по указаніямъ самого Сковороды и др. лицъ: Неграмотный Марко, Бесѣда I—Сіонъ, Бесѣда II—Сіонъ, Переводы изъ Цицерона, Книжечка о любви до своихъ, Нареченная Ольга православная, Симфонія о народѣ, Помни послѣдняя, помню и исповѣдаюся тебѣ Господи, Трагедо-комедія.

ОТДѢЛЪ I-Й.

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЯ СТАТЬИ

ОБЩАГО ХАРАКТЕРА.

„ЖИТІЕ ГРИГОРІЯ СКОВОРОДЫ“.

Писано въ 1796 г. въ древнемъ вкусѣ. *)

Non omnis moriar. Horat.

Во всемъ существующемъ есть нѣчто главное и всеобщее; въ нечленовныхъ ископаемыхъ земля, въ растительныхъ вода; въ животныхъ огонь; въ человѣкѣ разумъ и такъ далѣе.

Каждое бытіе составляетъ особый кругъ или міръ свой, съ различіями, дѣлимостями, раздробленіями до непостижимости.

Каждая главность, или всеобщность сихъ круговъ имѣетъ надъ собой и въ себѣ главнѣйшее, всемірное, верховное, единое начало: *вся тѣмъ быша*. Сіе распространяясь, раздѣляясь въ способности, силы, свойства, постепенности, осуществляетъ невидимыя бытія разнообразно и въ снисхожденіи своемъ сгущаясь составляетъ въ человѣкѣ мысленность, въ животныхъ чувство, въ растительныхъ движеніе, въ нечленовныхъ ископаемыхъ существованіе. Человѣкѣ, т. е. воплощенная способность мыслящая, въ семъ началѣ живетъ, движется и есть.

Сія всеглавнѣйшая, всемірная, невидимая сила, единая, умъ, жизнь, движеніе, существованіе, изливаясь изъ непостижимости въ явленіе, изъ вѣчности во всю обширность времени, изъ единства исключительнаго до безпредѣльной множественности, образуя кругъ человѣчества, удѣляетъ одному отъ главности своей благороднѣйшее преимущество—свободную волю.

На сей главизнѣ, на семъ корени, на семъ началѣ основывается власть правительствъ, держава владыкъ, сила царей, любовь родителей, честь мудрыхъ, слава добродѣтельныхъ, память праведныхъ.

*) Предлагаемая біографія Григорія Саввича Сковороды составлена другомъ его М. И. Ковалинскимъ.

Множественность вноситъ различіе, а сіе предполагаетъ неравенство и несовершенство; свободная воля предполагаетъ выборъ, сей же нравственную способность, могущую познать добро, истину, совершенство,—любить оное, искать предпочтительно. Отсюда происходитъ подвигъ исканія; *подвижникъ истины называется мудрый*, а дѣло его—добродѣтель. Пароянинъ и мидянинъ, іудей и элинъ, рабъ и свободъ равно участвуютъ въ семъ преимуществѣ всемірнаго, верховнаго, единаго начала. Подвигъ, т. е. правильное употребленіе свободной воли, дѣлаетъ раздѣленіе.

Поставленный между вѣчностію и временемъ, свѣтомъ и тьмою, истиною и лжею, добромъ и зломъ, имѣющій преимущественное право избирать истинное, доброе, совершенное и приводящій то въ исполненіе на самомъ дѣлѣ, во всякомъ мѣстѣ бытія, состояніи, званіи, степени есть мудрый, есть праведный.

Таковъ есть мужъ, о которомъ здѣсь предлежитъ слово.

Григорій (сынъ Саввы) Сковорода родился въ Малой Россіи, кіевскаго намѣстничества, лубенской округи, *въ селѣ Чернухахъ*, въ 1722 году. Родители его были изъ простолюдства: отецъ козакъ, мать такого же рода. Они имѣли состояніе мѣщанское посредственно-достаточное, но честностію, правдивостію, страннопріимствомъ, набожествомъ, миролюбивымъ сосѣдствомъ отличались въ своемъ кругѣ.

Сей сынъ ихъ Григорій, по седьмому году отъ рожденія, примѣтенъ былъ склонностію къ богочтенію, дарованіемъ къ музыкѣ, охотою къ наукамъ и твердостію духа. Въ церквѣ ходилъ онъ самоохотно на крилосъ и пѣвалъ отмѣнно пріятно. Любимое и всегда почти твердое имъ пѣніе было сей стихъ Іоанна Дамаскина: «Образу златому на полѣ Деирѣ служиму, тріе твои отропы не брегоса безбожнаго велѣнія».

По охотѣ его, отецъ отдалъ его въ кіевское училище, славившееся тогда науками. Григорій скоро превзошелъ сверстниковъ своихъ успѣхами и похвалами. Митрополитъ кіевскій Самуилъ Миславскій, человекъ отличной остроты разума и рѣдкихъ способностей къ наукамъ, будучи тогда соученикомъ его, оставался во всемъ ниже его при величайшемъ соревнованіи своемъ.

Тогда царствовала императрица Елисавета, любительница музыки и Малороссіи. Дарованія Сковороды къ музыкѣ и отмѣнно пріятный голосъ его подали случай быть ему выбранну ко двору въ пѣвческую музыку, куда и отправленъ былъ онъ при вступленіи на престоль государыни.

Онъ не долго находился тамъ. Императрица скоро предпріяла путешествіе въ Кіевъ, и съ нею весь кругъ двора. Сковорода прибылъ туда при возвратномъ отбытіи двора въ С.-Петербургъ, получа увольненіе съ чиномъ придворнаго уставщика, остался въ Кіевѣ и паки началъ учиться.

Кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ Кіевѣ, показался ему недостаточнымъ. Онъ возжелалъ видѣть чужіе краи. Скоро представился поводъ къ сему, и онъ воспользовался имъ всеохотно. Отъ двора отправленъ былъ въ Венгрію къ Токайскимъ садамъ генераль-майоръ Вишневскій, который, для находившейся тамъ греко-россійской церкви, хотѣлъ имѣть церковниковъ, способныхъ къ службѣ и пѣнію.

Сковорода извѣстенъ знаніемъ музыки голосомъ, желаніемъ быть въ чужихъ краяхъ, разумѣніемъ нѣкоторыхъ языковъ, представленъ былъ Вишневскому одобрительно и взятъ имъ въ покровительство.

Путешествуя съ генераломъ симъ, имѣлъ онъ случай, съ позволеніемъ и съ помощію его, поѣхать изъ Венгріи въ Вѣну, Офенъ, Пресбургъ и прочія окольныя мѣста, гдѣ, любопытствуя по охотѣ своей, старался знакомиться найпаче съ людьми ученостію и знаніями отлично славимыми тогда. Онъ говорилъ весьма исправно и съ особливою чистотою латинскимъ и нѣмецкимъ языкомъ и довольно разумѣлъ еллинской, по чему и способствовался сими доставить себѣ знакомство и пріязнь ученыхъ, а съ ними новыя познанія, каковыхъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ своемъ отечествѣ.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ, наполненъ ученостію, свѣдѣніями, знаніями, но съ пустымъ карманомъ, въ крайнемъ недостаткѣ всего нужнѣйшаго, проживалъ онъ у своихъ прежнихъ пріятелей и знакомыхъ. Какъ и сихъ состояніе не весьма зажиточно было, то искали они случая, какъ бы употребить его труды съ пользою его и общественной. Скоро открылось мѣсто учителя поэзіи въ Переяславлѣ, куда онъ и отправился по приглашенію тамошняго епископа. Сковорода, имѣя тогда уже болѣе основательныя и болѣе обширныя познанія въ наукахъ, нежели каковы тогда были въ училищахъ провинціальныхъ, написалъ рассужденіе о поэзіи и руководство къ искуству оной—такъ новымъ образомъ, что епископу показалось страннымъ и несообразнымъ прежнему старинному обычаю. Епископъ приказалъ перемѣнить и преподавать по тогдашнему обыкновенному образу ученія.

Сковорода, увѣренъ будучи въ знаніи своемъ и точности дѣла сего, не согласился перемѣнить и отставить написанныя имъ правила для поэзіи, которыя были простѣе и вразумительнѣе для учащихся, да и совсѣмъ новое и точное давали понятіе объ оной. Епископъ требовалъ отъ него письменнаго отвѣта образомъ судебнымъ чрезъ консисторію, для чего онъ не выполнилъ повелѣнія. Сковорода отвѣтствовалъ, что онъ полагается на судъ всѣхъ знатоковъ въ томъ, что разсужденіе его о поэзіи и руководство, написанное имъ, есть правильное и основанное на природѣ сего искусства. При томъ въ объясненіи прибавилъ латинскую пословицу: *Alia res sceptrum, alia plectrum*, т. е. иное дѣло пастырскій жезлъ, а иное пастушья свирѣль.

Епископъ на докладѣ консисторіи сдѣлалъ собственноручное распоряженіе: не живяше по средѣ дому моего творяи гордыню. Вслѣдъ за тѣмъ Сковорода изгнанъ былъ изъ переяславскаго училища. Сей былъ первый опытъ твердости его духа.

Недостатки стѣсняли его крайне, но нелюбостыжательный нравъ его поддерживалъ въ немъ веселость его.

Онъ перешелъ изъ училища жить къ пріятелю своему, который зналъ цѣну достоинствъ его, но не зналъ стѣсненія нужды его. Сковорода не смѣлъ просить помощи, а пріятель не вздумалъ спросить его о надобности. И такъ переносилъ онъ нужды скромно, молчаливо, терпѣливо, безропотно, не имѣя тогда, какъ только двѣ худыя рубашки, одинъ камлотной кафтанъ, одни башмаки, одни черныя гарусныя чулки. Нужда обработывала въ немъ сердце полезнѣйшее и насѣяла въ немъ сѣмяна терпѣнія такія, которыхъ плодами угобзаясь жизнь его, содѣлала его мудрымъ и счастливымъ.

Не въ далекомъ разстояніи имѣлъ жительство малороссійскій знаменитый дворянинъ Стефанъ Тамара, которому потребенъ былъ учитель для сына его. Сковорода одобренъ былъ ему отъ знакомыхъ и приглашенъ имъ въ деревню Каврай, гдѣ и порученъ былъ ему сынъ въ смотрѣніе и науку.

Старикъ Тамара отъ природы имѣлъ великій разумъ, по службѣ обращаясь съ иноземцами, пріобрѣлъ нарочитыя знанія; однако придерживался много застарѣлыхъ предубѣжденій, свойственныхъ грубаго воспитанія людямъ, которые смотрятъ съ презрѣніемъ на все то, что не одѣто въ гербы и не расписано родословіями. Сковорода началъ раньше воздѣлывать сердце воспитанника своего и, рассматривая природныя склонности его, помогать только природѣ въ рашеніи направленіемъ легкимъ, нѣжнымъ, нечувствительнымъ,

а не безвременно обременять разумъ его науками, и воспитанникъ привязался къ нему внутреннею любовію.

Цѣлой годъ продолжалось обращеніе его съ сыномъ, но отецъ никогда не удостоивалъ учителя ни однимъ словомъ разговора, хотя всякой день за столомъ онъ съ воспитанникомъ бывалъ у него. Чувствительно было такое униженіе человѣку, имѣвшему въ низкой простотѣ благородное сердце: но Сковорода сносилъ все то и, не смотря на презрѣніе и униженіе его, исправлялъ должность свою по совѣстной обязанности.

Договоръ былъ сдѣланъ на годъ, и онъ хотѣлъ сдержать слово свое.

Въ одно время, разговаривая съ воспитанникомъ своимъ и видя любовь его къ себѣ, а по сему обращаясь съ нимъ откровенно и просто, спросилъ его, какъ онъ мыслить о томъ, что говорили. Воспитанникъ на тотъ случай отвѣчалъ неприлично. Сковорода возразилъ ему, что онъ мыслить о семъ, какъ свиная голова. Служители тотчасъ отнесли госпожѣ, а барыня мужу. Старикъ Тамара, цѣня все таки учителя, но уступая женѣ, отказалъ ему отъ дому и должности; и при отпускѣ его, въ первый разъ заговоря съ нимъ, сказалъ ему: прости государь мой! мнѣ жаль тебя!

Тогда уже судьба начинала приготавливать сердце его къ несправедливостямъ людскимъ, которыя имѣлъ онъ испытать въ продолженіи жизни. Сковорода остался безъ мѣста, безъ пропитанія, безъ одежды, но не безъ надежды.

Убогъ, скуденъ, нуженъ, пріѣхалъ онъ къ пріятелю своему, одному сотнику переяславскому, человѣку добродушному и страннолюбивому. Тутъ нечаянно представился ему случай ѣхать въ Москву съ Калиграфомъ, отправлявшимся въ московскую академию проповѣдникомъ, съ которымъ онъ, какъ пріятель его, и поѣхалъ; а оттуда въ Троицкую Сергіеву лавру, гдѣ былъ тогда намѣстникомъ многоученый Кириллъ, бывший послѣ епископомъ черниговскимъ. Сей, увидя Сковороду, котораго зналъ уже по слуху, и нашедъ въ немъ человѣка отличныхъ дарованій и учености, старался уговорить его остаться въ лаврѣ для пользы училища: но любовь его къ отечественному краю отвлекала его въ Малороссію. Онъ возвратился паки въ Переяславль, оставя по себѣ въ лаврѣ имя ученаго и дружбу Кирилла.

Духъ его отдалялъ его отъ всякихъ привязанностей и дѣлая его пришельцомъ, присельникомъ, странникомъ, выдѣлывалъ въ немъ сердце гражданина всемірнаго, который, не имѣя родства,

стяжаній, угла, гдѣ главу преклонити, сторицею больше вкушаетъ удовольствій природы простыхъ, невинныхъ, беззаботныхъ, истинныхъ, почерпаемыхъ умомъ чистымъ и духомъ несмущеннымъ въ сокровищахъ Вѣчнаго.

Не успѣлъ пріѣхать онъ въ Переяславль, какъ разумный Тамара поручилъ знакомымъ своимъ уговаривать его, что-бъ паки къ сыну опредѣлился онъ учителемъ. Сковорода не соглашался, зная предразсудки его, а паче домашнихъ его, но пріятель его, будучи упрошенъ отъ Тамары, обманомъ привезъ его въ деревню къ нему ночью спящаго.

Старикъ Тамара не былъ уже тотъ гербовой вельможа, но ласковый дворянинъ, который хотѣлъ цѣнить людей по внутреннему достоинству ихъ. Онъ обласкалъ его дружески, просилъ быть сыну его другомъ и руководствовать его въ наукахъ. Любовь и откровенное его обхожденіе сильнѣе всего дѣйствовали веегда надъ Сковородою. Онъ остался у Тамары, съ сердечнымъ желаніемъ быть полезнымъ, безъ договора, безъ условій.

Уединеніе руководствуетъ къ размышленіямъ. Сковорода, поселясь въ деревнѣ, подчиня доуку нуждъ необходимыхъ попеченію любимаго и возлюбившаго его господина, обезпечая себя искренностію его, предался любомудрію, т. е. исканію истины. Часто въ свободные часы отъ должности своей удалялся въ поля, роши, сады, для размышленія. Рано поутру заря спутница ему бывала въ прогулкахъ его и дубравы собесѣдники глумленій его. Лѣта, дарованія душевныя, склонности природныя, житейскія звали его попеременно къ принятію какого либо состоянія жизни. Суетность и многозаботливость свѣтская представлялась ему моремъ, обуреваемымъ безпрестанно волнами житейскими и никогда пловущаго къ пристани душевнаго спокойствія не представляющимъ. Въ монашествѣ, удалявшемся отъ начала своего, видѣлъ онъ мрачное гнѣздо спершихся страстей, за неимѣніемъ исхода себѣ, задушающихъ бытіе смертоносно и жалостно. Брачное состояніе, сколько ни одобрительно природою, но не пріятствовало безпечному его нраву.

Не рѣша себя ни на какое состояніе, положилъ онъ твердо на сердцѣ своемъ снабдить свою жизнь воздержаніемъ, малодовольствомъ, цѣломудріемъ, смиреніемъ, трудолюбіемъ, терпѣніемъ, благодушествомъ, простотою нравовъ, чистосердечіемъ, оставить всѣ искательства суетныя, всѣ попеченія любостяжанія, всѣ труд-

располагалъ имъ, яко орудіемъ своимъ, а може хоцетъ и якоже хоцетъ.

Когда человѣкъ исходитъ изъ круга самомнѣнія, самопроизволенія, самолюбія своего, почитая все то землю пустою, непроходною и безводною, тогда чистый Духъ святой занимаетъ всѣ чувства его и возстановляетъ царствіе истины, т. е. возжигаетъ въ немъ способности внутренняго чувства огнемъ любви своея. Тогда высокое познаніе и разумѣніе, по мѣрѣ расположенія внутренняго и внѣшняго, возникаетъ изъ средоточія всѣхъ вещей, аки тончайшій, проницательнѣйшій огонь, съ неизъяснымъ удовольствіемъ, поглощаясь бездною свѣта. Въ такомъ состояніи чувствіе человѣка взираетъ на духъ Вседержителя съ радостию и поклоненіемъ и симъ-то образомъ смиренное самоотверженіе человѣческое можетъ созерцать то, что есть въ вѣчности и во времени, ибо все, близь его, все, окрестъ его, все въ немъ есть.

Григорій, исполняясь чувствами истинъ, изображалъ то перомъ въ сочиненіяхъ простыхъ, но сильныхъ. Между прочими написалъ онъ стихи: ¹⁾ „Оставь, о духъ мой вскорѣ!“... Старикъ Тамара, прочтя оныя и узнавъ отъ него, что то была забава его, сказалъ ему: „другъ мой!—Богъ благословилъ тебя дарованіемъ духа и слова“.

Все время бытности его у Тамары проходило въ обученіи сына его словеснымъ наукамъ и языку, а себя благочестію и самоодвольству.

Наконецъ молодому воспитаннику его надлежало поступить въ другой курсъ упражненій, пристойныхъ по свѣту и по роду, а Сковородѣ судьба предъуготовила званіе изъ-далѣче.

Въ Бѣлгородъ прибылъ на епископскій престолъ Іоасафъ Миктевичъ, мужъ исполненный благосердія, добродѣтелей, ученія; сему архіерею былъ извѣстенъ по законоискусству и по старой пріязни игумень Гервасій Якубовичъ, находившійся тогда въ Переяславлѣ. Іоасафъ пригласилъ Гервасія раздѣлить съ нимъ епархіальные труды и дружественную жизнь. Гервасій пріѣхалъ въ Бѣлгородъ и, видя ревность Іоасафа къ наукамъ, представилъ ему о Сковородѣ одобрительнѣйше. Епископъ вызвалъ его къ себѣ чрезъ Гервасія. Сковорода немедленно прибылъ и по волѣ Іоасафа принялъ должность учителя поэзіи въ харьковскомъ училищѣ 1759 года.

Отличный образъ его мыслей, ученія, жизни, скоро обратилъ къ нему вниманіе всего общества тамошняго. Онъ одѣвался при-

¹⁾ Сии стихи и многіе другіе находятся у друга его.

стойно, но просто; пищу имѣлъ состоящую изъ зелій, плодовъ и молочныхъ приправъ, употреблялъ оную въ вечеру по захожденіи солнца; мяса и рыбы не вкушалъ не по суевѣрію, но по внутреннему своему расположенію; для сна отдѣлялъ отъ времени своего не болѣе четырехъ часовъ въ сутки; вставалъ до зари и, когда позволяла погода, всегда ходилъ нѣшкомъ за городъ прогуливаться на чистый воздухъ и въ сады; всегда веселъ, бодръ, легокъ, подвиженъ, воздержанъ, цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодушествующъ, униженъ предъ всѣми, словоохотѣнъ, гдѣ не пренужденъ говорить, изъ всего выводящій нравоученіе, почтителенъ ко всякому состоянію людей, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ неимущими, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набожество безъ суевѣрія, ученость безъ киченія, обхожденіе безъ лести.

Годъ протекъ и онъ, оконча срочное время, пріѣхалъ къ Іоасафу для препровожденія обыкновеннаго въ училищахъ времени и отдохновенія. Епископъ, желая удержать его болѣе при училищѣ, поручилъ Гервасію, какъ пріятелю его, уговаривать его, чтобы принялъ онъ монашеское состояніе, обѣщавая довести его скоро до сана высокаго духовенства. Гервасій началъ совѣтывать Сковородѣ, предлагая желаніе архіерея, благовидность пользы его, предстоящую ему въ семъ поприщѣ честь, славу, изобиліе всего, почтеніе и, по его мнѣнію, счастливую жизнь.

Не таковы долженствовали быть предложены побужденія для сердца Сковороды. Онъ, выслушавъ сіе, возревновалъ по истинѣ и сказалъ Гервасію: „развѣ вы хотите, чтобы и я умножилъ число фарисеевъ? ѣште жирно, пейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте! а Сковорода полагаетъ монашество въ жизни нестяжательной, малоудовольствѣ, воздержности, въ лишеніи всего ненужнаго, дабы пріобрѣсть всенужнѣйшее, въ отверженіи всѣхъ прихотей, дабы сохранить себя самага въ цѣлости, въ обузданіи самолюбія, дабы удобнѣе выполнить заповѣдь любви къ ближнему, въ исканіи славы Божіей, а не славы человѣческой“. Гервасій, убѣждалъ его милостію архіерея, дружбою своею, пользою церкви, но Сковорода твердъ духомъ и правилами, возразилъ ему въ отвѣтъ: „благодарствую за милость, за дружбу, за похвалу; я не заслуживаю ничего сего за непослушаніе мое къ вамъ при семъ случаѣ“. Гервасій, зная недостатки его и думая, что онъ, нуждаясь содержаніемъ и знакомствомъ въ чужой сторонѣ, долженъ будетъ согласиться на предложеніе его, оказалъ ему остуду. Гри-

горій примѣтя сіе, рѣшился скоро. На третій же день, дождавшись въ передней выхода его, подошелъ сказать ему всемирнѣйше: „прошу вашего высокопреподобія на путь мнѣ благословенія“. Гервасій, не глядя на него, благословилъ его съ досадою; а Сковорода съ миромъ отошелъ и тотчасъ отправился къ новому пріятелю своему въ деревню Старицу, въ окрестности Бѣлгорода.

Старица было мѣсто изобильное лѣсами, водотечами, удолями благопріятствующими глубокому уединенію. Сковорода, поселясь тамо, паче всего прилежалъ къ познанію себя и упражнялся въ сочиненіяхъ относительныхъ къ сему. Въ лишеніяхъ своихъ призывая въ помощь вѣру, не полагалъ оной въ наружныхъ обрядахъ однихъ; но во умерщвленіи само-произволенія духа, т. е. побужденій отъ себя, происходящихъ, въ заключеніи всѣхъ желаній своихъ въ волю всеблагаго и всемогущаго Творца по всѣмъ предпріятіямъ, намѣреніямъ и дѣламъ.

Онъ единственно занимался повелѣвать чувству своему и поучать сердце свое не дерзая господствовать надъ порядкомъ промысла Божія, но повинуваться оному во всей смиренности.

Отець Гервасій донесъ епископу объ отзывѣ Сковороды на предложенія его и объ отбытіи его. Добродушный Юасафъ не подосадовалъ, но только пожалѣлъ объ немъ. Между тѣмъ Григорій продолжалъ пустынножительство въ Старицѣ.

Нигдѣ столько не обозрѣваетъ себя человѣкъ, какъ въ уединеніи; и не напрасно сказано древнимъ мудрецомъ¹⁾: уединенный долженъ быть или царь, или звѣрь. Преобороть скуку, проклятое изчадіе недовольства, занять умъ и сердце упражненіями достаточными, ублажить ихъ, есть дѣло не инако, какъ мудраго, обладающаго собою, царя уединеннаго, священника Божія, понимающаго вездѣ сущее и все исполненіе Духа Господня и поклоняющагося ему духомъ.

Сковорода, провождая тамо дни свои въ бодрости духа, веселости, безпечалии, благонадежности, часто говаривалъ при посѣщающихъ его: «о свобода, о наука»!

Слухъ о необыкновенной жизни его и назидательномъ собесѣдованіи привлекъ многихъ искателей знакомства его. Онъ, по-

1) Надобно имѣть великое основаніе разума, или совсѣмъ онаго лишена быти, чтобъ содержать себя долгое время въ уединенной жизни, снести себя, ужиться самому съ собою, смотрѣть на себя спокойными глазами, быть довольну сердцемъ своимъ; не искать себя внѣ себя—есть ключъ истиннаго блаженства.

сѣщая нѣкоторыхъ по деревнямъ, вздумалъ навѣститъ Харьковъ. Нѣкто изъ познакомившихся съ нимъ и сдѣлавшись пріятелемъ его, просилъ, что-бъ, будучи въ Харьковѣ, познакомился онъ съ племянникомъ его, молодымъ человѣкомъ, находившимся тамъ для наукъ, и не оставилъ бы его добрымъ словомъ.

Сковорода пріѣхалъ въ Харьковъ, жилъ у знакомыхъ своихъ нѣсколько уже недѣль. Въ одно время, пришедши посѣтить училище и видя тутъ нѣкоторыхъ незнаемыхъ имъ, спросилъ: не находится ли тутъ такой то племянникъ, NN? Молодой тотъ человѣкъ случился на сіе время быть тамъ, и знакомые Сковородѣ сказали, что онъ самый тотъ есть. Сковорода, посмотря на него, возлюбилъ его и возлюбилъ до самой смерти. Послѣ увидѣлъ сей молодой человѣкъ, что случай таковой былъ устроенъ для него перстомъ Божиимъ издалече.

Добрый пастырь Іоасафъ, не теряя изъ виду Сковороды, желалъ всячески привлечь его паки въ Харьковское училище, извлечь изъ дарованій его пользу, которую онъ чувствовалъ во всей цѣнѣ ея. Зная, что онъ не любитъ принужденности, пригласилъ его дружески и предложилъ ему должность учителя, какую хочетъ. Довольно было убѣдить Сковороду, что-бъ дать только ему на выборъ дѣло, то или другое. Онъ, имѣя въ виду пользу, намѣреваемую для молодаго новаго друга своего, котораго въ сердцѣ почиталъ уже таковымъ, какъ послѣ самъ о семъ изъяснялся, радъ былъ призыву епископа и взялъ предложеніе его всеохотно съ тѣмъ, что-бъ преподавать ему классъ, ниже прежняго, синтактической. Сверхъ того взялся обучать еллинскому языку.

Прибывъ изъ Бѣлгорода въ Харьковъ и вступя въ должность, нашелъ онъ любимаго своего молодаго человѣка, который однако не зналъ и не смѣлъ мыслить, что-бъ могъ быть достойнымъ дружбы его, хотя любилъ и удивлялся философекой жизни его и внутренно почиталъ его.

Григорій часто началъ посѣщать его и, по склонности молодаго человѣка, занимать его музыкою и чтеніемъ книгъ, служившихъ поводомъ къ разговорамъ и нравоученію, открывъ въ молодомъ человѣкѣ сердце, каковаго желалъ, и способности природныя, каковыя любилъ, обратилъ вниманіе свое на удобреніе разума его и духа.

Молодой сей человѣкъ, будучи воспитываемъ до сего полученными школьными учителями, частію монахами, въ рукахъ которыхъ тогда святилища наукъ находились, которые и положи-

ли ему въ голову мнѣнія о вещахъ странныя, часто слыша отъ Сковороды противное тому и не могли согласить въ понятіи своемъ новыхъ правилъ съ старыми, видя же на самомъ дѣлѣ жизнь его добродѣтельную, цѣломудрую, примѣрную, сомнѣвался самъ въ себѣ, сожалѣлъ душевно, что такой добродѣтельный мужъ имѣлъ несогласныя съ учеными мнѣнія и правила, особливо же до нравоученія и духовныхъ знаній относительныя, а по сему и въ заблужденіяхъ находился.

Всѣ книжніе наставники его, да и весь свѣтъ словомъ и дѣломъ внушали ему, что счастье человѣческое состоитъ въ томъ, что-бъ имѣть всего много, много чего ѣсть, много чего пить, много, во что одѣваться и въ утѣхахъ праздно веселиться. Сковорода одинъ началъ говорить ему: что-бъ быть истинно счастливымъ, то все оное не нужно; что ограниченіе желаній, отверженіе излишествъ, обузданіе прихотствующей воли, трудолюбіе, исправленіе должности, въ которую промыслъ Божій поставилъ кого, не за страхъ, но за совѣсть суть пути къ счастью. Сковорода говорилъ сіе и жилъ тако.

Велемудрые учили его, что добродѣтель гражданская одна есть ничто предъ верховнымъ существомъ, что Маркъ Аврелій, Титъ, Сократъ, Платонъ и прочіе, славные въ древности великими дѣлами и сердцемъ люди, должны быть несчастливы, потому что не имѣли историческаго знанія о вещахъ, случившихся послѣ ихъ. Сковорода утверждалъ, что во всѣхъ оныхъ мужахъ дѣйствовалъ духъ вышній; а по сему и недостойны они осужденія, но почтенія и подражанія въ любви къ истинѣ. И есть ли Богъ есть истинно, то они были вѣрные служители его.

Философы, учившіе молодого человѣка, толковали ему, что къ такому, напримѣръ, жизни состоянію больше и особенно привязано благословеніе Божіе, а къ иному меньше, или же и проклятіе, что вѣденіе таинствъ и выполненіе обрядовъ тайноводства есть совершенство и высокость человѣка. Сковорода училъ, что всѣ состоянія суть добры и Богъ, раздѣляя члены общества, никого не обидѣлъ; проклятіе же Онъ налагаетъ точію на сыновъ противленія, которые, не внявъ себѣ и не послѣдуя званію природы, вступаютъ въ состояніе по страстямъ, по обманчивымъ видамъ, по прихотямъ. И нонеже не испытали они въ себѣ склонности врожденной, то и предалъ ихъ верховный Раздаятель дарованій въ неискусень умъ, да творятъ неподобная и будутъ прокляты, т. е. несчастливы. Сковорода училъ, что совершенство человѣка со-

стоитъ въ дѣланіи истинной пользы ближнему и что таинства и обряды тайноводства относительно къ слову, а царствіе Божіе есть въ силѣ, или въ дѣлѣ.

Молодой человѣкъ, напоенъ будучи изъ млада предувѣреніями, слушаая Сковороду, возчувствовалъ въ себѣ возбужденную борьбу мыслей и не зналъ, чѣмъ разрѣшить оную. Прочіе учителя его внушали ему отвращеніе къ Сковородѣ, запрещали имѣть знакомство съ нимъ, слушать разговора его и даже видѣться съ нимъ. Онъ любилъ сердце его, но дичился разума его; почиталъ жизнь, но не вмѣщалъ въ умъ разсужденій его; уважалъ добродѣтели, но устранялся мнѣній его; видѣлъ чистоту нравовъ, но не узнавалъ истины разума его; желалъ бы быть другомъ, но не ученикомъ его. Трудно изгладить первыя впечатлѣнія.

Сковорода продолжалъ преподавать синтаксисъ и еллинскій языкъ общественно; а любимаго своего молодаго человѣка обучалъ особенно греческому языку и чтенію древнихъ книгъ, изъ которыхъ любимѣйшіе имъ были слѣдующіе писатели: Плутархъ, Филонъ іудеянинъ, Цицеронъ, Гораций, Лукіанъ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Ниль, Діонисій Ареопагитскій, Максимъ исповѣдникъ, а изъ новыхъ относительные къ симъ; глава же всѣмъ Библия. Сила, содержаніе и конецъ учебнаго ихъ упражненія было сердце, т. е. основаніе блаженной жизни.

Предпринявъ перевоспитывать его и желая больше и больше дать ему впечатлѣній истины, писывалъ онъ къ нему письма почти ежедневно, дабы, побудя его къ отвѣтствованію хотя кратко на оныя, приучить его мыслить, разсуждать, изъясняться справедливо, точно, прилично.

Предразсудки, возбуждаемые различіемъ мнѣній, не позволяли сумнѣніямъ въ юношѣ изкорениться. Странное происшествіе истребило оныя до основанія, и сіе такъ описано въ поденныхъ запискахъ сего молодаго человѣка.

1763 года, будучи я занятъ размышленіями о правилахъ, внушаемыхъ мнѣ Сковородою и находя въ умѣ моемъ оныя несогласными съ образомъ мыслей прочихъ, желалъ сердечно, чтобъ кто либо просвѣтилъ меня въ истинѣ. Въ такомъ расположеніи находясь и поставя себя въ возможную чистоту сердца, видѣлъ я слѣдующій сонъ ¹⁾.

¹⁾ Зри книгу Филона іудеянина о снахъ отъ духа бываемыхъ въ сочиненіяхъ его о Св. писаніи вѣтхаго завѣта и къ Коринѣ. 2 посланіе Св. Ап. Павла гл. 12-я ст. 1 и Іова, гл. 33, ст. 15, 18 и пр.

Казалось, что на небѣ, отъ одного края до другаго, по всему пространству онаго, были написаны золотыми великими буквами слова. Все небо голубаго цвѣта, и золотыя слова оныя казались не столько снаружи блестящими, но больше внутрь сіяли прозрачно свѣтомъ, и не совокупно написаны по лицу небеснаго пространства, но складами, по слогамъ и содержали слѣдующее и точно такимъ образомъ: па—мять свя—тыхъ му—че—ни—къ А—на—ні—я, А—за—рі—я, Ми—са—и—ла. Изъ сихъ золотыхъ словъ сыпались огненные искры, подобно, какъ въ кузницѣ изъ раздуваемыхъ сильно мѣхами угольевъ, и падали стремительно на Григорія Сковороду. Онъ стоялъ на землѣ, поднявъ вверхъ прямо правую руку и лѣвую ногу, въ видѣ проповѣдывающаго Іоанна Крестителя, котораго живописцы нѣкоторые въ изображеніяхъ представляютъ въ такомъ разположеніи тѣла и каковымъ Сковорода тутъ же мнѣ вообразился. Я стоялъ близъ его, нѣкоторыя искры изъ падающихъ на него, отскакивая, упали на меня и производили во мнѣ нѣкую легкость, развязность, свободу, бодрость, охоту, веселость, ясность, согрѣяніе и неизъясняемое удовольствіе духа. Я въ исполненіи сладчайшаго чувствованія проснулся.

Поутру, вставъ рано, пересказалъ я сіе видѣніе странное почтенному и добродѣтельному старику, троицкому священнику Бор., у котораго я имѣлъ квартиру. Старикъ, подумавши, сказалъ мнѣ съ умиленіемъ: «Ахъ молодой человѣкъ! слушайте вы сего мужа: онъ посланъ вамъ отъ Бога быть ангеломъ руководителемъ и наставникомъ». ¹⁾ Съ того часа молодой сей человѣкъ предался вседушно дружбѣ Григорія, и съ сего времени я въ продолженіи писанія сего буду называть его другомъ по превосходству.

Представившійся въ велелѣпномъ видѣ, написанныя на небеси имена трехъ отроковъ были тѣхъ самыхъ, которыхъ исторія изображена въ томъ любимомъ Сковородою Дамаскиновомъ стихѣ, которѣвалъ онъ при всякомъ случаѣ въ молодости своей, по нѣкому махинальному побужденію, какъ о семъ упомянуто въ началѣ сего. Ни Сковорода о любимомъ семъ стихѣ, ни другъ его о видѣнномъ имъ никогда другъ другу не рассказывали и не знали. По прошествіи тридцати одного года, за два мѣсяца до кончины своей, Сковорода, будучи у друга своего въ деревнѣ и пересказывая ему всю жизнь свою, упомянулъ и о томъ стихѣ Да-

¹⁾ Гдѣ душа наша не обрѣтаетъ ни какого основанія подлинности, тамъ должна она вѣряться мнѣніямъ успокоивающимъ и возвышающимъ бытіе его, ибо сіи мысли ведутъ насъ чрезъ воли жизни сія.

маскиновомъ, что онъ всегда почти имѣлъ въ устахъ его и, самъ не зная по чему, любилъ его паче прочихъ ибнй. Другъ, сіе услыша тогда и привелъ на память видѣнное имъ во снѣ за тридцать одинъ годъ назадъ, въ молчаніи удивлялся гармоніи чудесной, которая въ различныя лѣта, въ разныхъ мѣстахъ, то одному въ уста, что другому послѣ въ воображеніе полагала, въ возбужденіе сердець ихъ къ выполненію и явленію разума и силы исторіи оной на самомъ дѣлѣ, въ жизни ихъ. Впрочемъ другъ его никогда ему о семъ видѣнномъ не говорилъ и послѣ.

Ежели, по духовному разуму исторіи, образъ златый на полѣ Деирѣ служимый, есть міръ сей, поле Деирово—время, печь огненная—плоть наша, разжигаемая желаніями, похотѣніями, суетастрастіями, пламенами жгучими духъ нашъ; если тріе отроцы, не послужившіе твари и небрегшіе поклонитися идолу златому, суть тріе главнѣйшія способности человѣческія: умъ, воля и дѣяніе, не покоряющіяся духу міра сего, во злѣ лежашаго, и не вреждены огнемъ любострастныя плоти, но прохладяясь свыше Духомъ святымъ, ибснословно изображаютъ Дѣву Богоматерь, дѣвственное сердце, непорочность души человѣческой; то огонь, падающій изобильными струями на Григорія Сковороду изъ златовидныхъ именъ, написанныхъ на небеси, трехъ отроковъ израильскихъ, есть тайно-образовательное свидѣтельство почивающаго на немъ Духа Божія.

Другъ его началъ давать мѣсто въ мысляхъ и въ сердцѣ своемъ ибнйямъ и правиламъ его и нечувствительно увидѣлъ себя на пути свѣтломъ чистаго ума и несмущеннаго духа.

Сковорода, хотя возбудить мыслящую силу друга своего поучатися не въ книгахъ одиѣхъ, но паче въ самомъ себѣ, откуда всѣ книги родятся, часто въ собесѣдованіяхъ съ нимъ раздѣлялъ человѣка на двое: на внутренняго и виѣшняго, называя одного вѣчнымъ, а другаго временнымъ, того небеснымъ, сего земнымъ; того духовнымъ, сего душевнымъ, онаго творческимъ, сего тварнымъ. По сему раздѣленію, въ одномъ и томъ же человѣкѣ усматривалъ онъ два ума, двѣ воли, два закона, двѣ жизни. Перваго, по божественному роду его, именовалъ онъ царемъ, господиномъ, началомъ; другаго же, по земному бытію его, рабомъ, орудіемъ, подножіемъ, тварью; и, какъ первому, по преимуществу его, надлежало управлять, начальствовать, господствовать, другой же долженствовалъ повиноваться, служить, послѣдовать волѣ онаго: то въ надлежащее соблюденіе порядка сего святѣйшія при-

роды приучалъ онъ себя во всѣхъ дѣянiяхъ жизни придерживать-ся тайнаго гласа внутренняго, невидимаго и неизъяснимаго мановенiя духа, которое есть гласъ воли Божiей и которое люди, чувствуя въ тайнѣ и послѣдуя движенiю его, ублажаются, не повинуюсь же побудителю сему и не памятуя онаго, окаеваются. Онъ, испытавъ на самомъ дѣлѣ святость тайнаго руководительства сего, возбуждалъ вниманiе въ другѣ своемъ и въ прочихъ къ сему святилищу внутреннiя силы Божiя и часто приглашалъ прислушиваться изреченiямъ сего прорицалища нетлѣннаго духа, котораго гласъ раздается въ сердцахъ непорочныхъ, яко друга, въ развращенныхъ, яко судii, въ непокоривыхъ, яко мстителя. Онъ называлъ его тѣмъ первобытнымъ закономъ человѣковъ, о которомъ говоритъ св. писанiе: *Нетлѣнный духъ твой есть во всѣхъ: тѣмъ же заблуждающихъ по малу обличаеши, и въ нихъ же согрѣшаютъ, воспоминаая, учиши, да, примѣнившись отъ злобы, вѣруютъ въ тя, Господа!* Онъ утверждалъ, что сей былъ тотъ самый ¹⁾ генiй, которому послѣдуя во всемъ добродушный Сократъ, яко наставнику своему, достигъ степени мудраго, т. е. счастливаго.

Онъ говаривалъ съ сильнымъ убѣжденiемъ истины: „посмотри на человѣка и узнай его! Кому подобенъ истинный человѣкъ, Господь сый во плоти? Подобенъ доброму и полному колосу пшеничному. Разсуди же: не стебель съ вѣтвями есть колосъ, не солома его, не плева, не наружная кожица, одѣвающая зерно, и не тѣло зерна: но колосъ есть самая сила, образующая стебель, солому, тѣло зерна и проч., въ которой силѣ все оное заключается невидимо. Она производитъ все то въ явленiе весною, когда вся внѣшность на зернѣ согнила, дабы не причтено было плододѣйство мертвой землѣ, т. е. гнiющей внѣшности, но вся бы слава отдана была невидимому Богу, тайною своею десницею вся дѣйствующему, дабы онъ единъ былъ во всемъ глава, вся же внѣшность прочая—пята. Отъ колоса поступи къ человѣку. Въ колосѣ видѣлъ ты солому, полову, кожицу: но не тамо Богъ. Гдѣ же?—Въ невидимой силѣ растительной: Господь Богъ про-

¹⁾ Древнiе подъ названiемъ генiя разумѣли то, что мы называемъ ангеломъ хранителемъ. Сократъ называлъ сего генiя демономъ. Слово *демонъ* есть еллинское и значитъ разумѣвающий. Генiй и демонъ есть разумная внутренняя сила человѣка. Нѣкоторые чрезъ генiя разумѣютъ изощренное чувствованiе добра и зла, другiе сильное нравственное чувство. Зри о генiи Сократовомъ Плутарха особое сочиненiе.

изростилъ намъ колосъ невидимою силою. Посмотри же на тѣлесность человѣка: не тамо сила Божія! она въ невидимости его закрылась. Подними же отъ земныя плоти мысли твои и уразумѣй человѣка въ себѣ, отъ Бога рожденна, не сотворенна, въ послѣднее житія время! Сила растительная зерна, глава тѣла всего есть тайная дѣйствительность невидимаго Бога: познай въ себѣ силу разумную, глаголь Божій, слово вѣчное, десницу Божію, законъ, власть, царство, невидимость, образъ Отца небеснаго. Раскрой сердце твое для принятія вѣры и для обнятія того человѣка, который Отцу своему небесному вмѣсто силы его и вмѣсто десницы его есть во вѣки вѣковъ. Сіе сѣмя твое, зерно твое, есть пространнѣе небесъ и земныхъ круговъ, видимое сіе небо и земля сія въ немъ сокрываются, и тебя-ли сіе сѣмя сохранить не возможетъ? Ахъ, буди увѣренъ, что и сѣмѣй нечувствительный власъ головы твоея, потерявши наличность свою, въ немъ безъ всякаго вреда закроется, сохранится, ублажится! О сѣмя благословенное, человѣкъ истинный, Божій! Вся видимость есть подножіе его. Самъ онъ въ себѣ носитъ царство, онебеса всякаго просвѣщаемаго имъ и восполня своимъ всеисполненіемъ, возсѣдъ на мѣстѣ десницы (одесную) Отца небеснаго во вѣки.

Симъ немногимъ извѣстнымъ правиломъ водясь, онъ принималъ на себя должности, располагалъ упражненія свои и забавы, перемѣнялъ нечаянно мѣстопробыванія, дѣлалъ знакомства, вступалъ въ пріязни, принималъ въ дружбу свою и не прежде рѣшался дѣлать что либо зависящее отъ единственнаго выбора воли его, какъ посоветуя со внутреннимъ духомъ, котораго онъ называлъ иногда Минервою. Ибо, какъ Минерва, по баснословію, рождена изъ мозга Юпитерова, такъ духъ нашъ происходитъ отъ Бога.

Какъ Богъ даетъ дарованія духа не въ одну мѣру, но различно, по различію отраслей всецѣлаго, то людей, вступающихъ въ состояніе жизни не по врожденной способности, называлъ Скворода людьми безъ Минервы. Такъ часто, видя робкаго военачальника, грабителя судью, хвастуна богослова, роскошнаго монаха и проч., съ досадою говорилъ: вотъ люди безъ Минервы! Взглянувъ на изображеніе царствующей въ вѣкѣ его Екатерины, находившееся у друга его въ гостинномъ покоѣ, сказалъ онъ съ движеніемъ: вотъ голова съ Минервою!

Онъ мыслилъ, что счастье человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ узнавъ собственную въ себѣ способность, по оной употребить

себя въ жизни. Такъ многіе богословы были бы, можетъ быть, лучшими стряпчими по дѣламъ, многіе ученые—разнощиками, многіе судьи—пахарями, военачальники—пастухами, монахи—цѣловальниками и проч.

Отсюда, заключаеь онъ, происходитъ, что одно и тоже самое состояніе жизни одного ублажаетъ, а другого окаянствуетъ; одного воинскій санъ прославляетъ, а другаго посрамляетъ; одного царскій вѣнецъ преукрашаетъ благословеніемъ, славою, безсмертіемъ, а другаго низвергаетъ во тьму кромѣшную съ проклятіемъ имени его; одного богословіе дѣлаеь свѣтильникомъ міра, обладателемъ надъ сердцами, славнымъ безъ славы, почетнымъ безъ почестей, а другаго обманщикомъ, лицомъромъ, лжецомъ, хвастуномъ, высокоумдрствующимъ; одного ученіе возвысило до небесъ, а другаго низвело до ада; одному судеиство доставило имя благодѣтеля, а другому разбойника; одному начальство въ похвалу и честь, а другому въ хулу и поношеніе; одного монашество осватило, а другаго очернило и погубило во вѣки.

Такое правдивое, но для многихъ колкое изъясненіе скоро навлекло ему брань. Ложь и порокъ вооружили на него орудія свои въ лицахъ многихъ. Но рука Господня была съ нимъ, и онъ превозмогалъ ея всѣ навѣты глупыхъ и злыхъ челоуѣковъ.

Занимаясь много другомъ своимъ, возводя умъ выше обыкновенныхъ познаній, навѣдывался онъ искоренить въ немъ предубѣжденія, напечатлѣнныя отъ невѣждъ и бабихъ басней. Примѣтя, что страхъ смерти и боязнь мертвыхъ обладали мучительно воображеніемъ его, предлагалъ онъ ему важныя чтенія, разрушающія сіе ужасное мнѣніе; бесѣдовалъ часто о началѣ и разношеніи существъ каждаго въ свое основаніе, говоря, что вѣицу подобенъ вѣкъ: начало и конецъ въ единой точкѣ заключаются. Отъ зерна колось въ зерно возвращается, отъ сѣмени въ сѣмя яблоньъ закрываеься¹⁾, земля въ путь земли идуеь и духъ къ духу. Какое, такъ разсуждалъ онъ, еьть основаніе первоначальное тварей? — Ничто. Воля вѣчная, возжелавъ облещи совершенства свои въ явленіе видимости, изъ ничего произвела все то, что существуетъ мысленно и тѣлесно. Сіи желанія воли

1) Стихъ, наполненный превысокаго понятія «Святыи Боже, Святыи крѣпкій, Святыи безсмертныи», утверждаеь сию истину.—Первая точка: Святыи Боже,—знаменуеь начало предваряющее всю тварь; вторая: Святыи крѣпкій, знаменуеь начало создавшее плоть и вселшееся въ ней; 3-я: Святыи безсмертныи, знаменуеь начало, пребывающее исчезнувшей плоти; зри о семъ сочиненіе его «Потоць Змінъ», гл. 4.

вѣчной одѣлись въ мысленности, мысленности въ виды, виды въ вещественные образы ¹⁾). Назначено поприще или кругъ каждому существу, по образу вѣчнаго, явить силы свои, т. е. изліяніе невидимаго во временной видимости и паки вступить въ свое начало, т. е. въ свое ничто. Край первый и край послѣдній есть едино, и сіе едино есть Богъ. Всѣ твари, вся природа суть пріятелище, риза, орудіе: все сіе обветшаетъ, свѣтается, измѣнится; единъ духъ Божій, исполняющій вселенную, пребываетъ во вѣки. Бого-человѣкъ нашъ, говорилъ онъ, есть вѣнецъ нашъ: не умираемъ, но измѣняемся отъ смерти въ животъ, отъ тлѣнія въ нетлѣніе. Умираютъ и умерли уже, имъ же Богъ чрево ихъ и слава ихъ въ студѣ ихъ. Грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и слышавше оживутъ. Аще убо и нынѣ часъ есть; то почто на утріе, на тысящу лѣтъ, на нѣсколько вѣковъ и кругообращеній планетъ откладываемъ жизнь, смерть, воскресеніе судъ, гласъ сына Божія? Нося уже въ себѣ огонь неугасаемый мучительныхъ желаній и чувствій и червь неусыпаемый угрызеній совѣсти, можемъ ли сказать, что мы еще не осуждены, что гласъ Сына Божія не слышится въ насъ еще, что труба Божія не низвела еще къ намъ судію страшнаго, праведнаго, судящаго, якоже слышитъ онъ сердце наше?

Не довольствуясь бесѣдою о семъ, приглашалъ онъ друга своего въ лѣтнее время прогуливаться поздно вечеромъ за городъ и нечувствительно доводилъ его до кладбища городского. Тутъ, ходя въ полночь между могилъ и видимыхъ на песчаномъ мѣстѣ отъ вѣтра разрытыхъ гробовъ, разговаривалъ о безразсудной страшливости людской, возбуждаемой въ воображеніи ихъ отъ усопшихъ тѣлъ. Иногда пѣлъ тамъ что либо приличное благодушеству, иногда же, удалясь въ близъ лежащую рощу, игралъ на флейтраверѣ, оставя друга молодаго между гробовъ одного, яко бы для того, чтобъ издали ему пріятнѣе было слушать музыку. Сей, непримѣтно освобождаясь отъ пустыхъ впечатлѣній, мечтательныхъ страховъ, въ спокойствіи сердечномъ внутренно возсылалъ благодареніе Промыслу Божию за ниспосланіе ему мудраго друга и наставника.

Въ 1764 году другъ его вознамѣрился поѣхать въ Кіевъ для любопытства. Скворода рѣшился сопутствовать ему, куда и отправились они въ августъ мѣсяцѣ.

¹⁾ Читай о семъ книгу, «De l'origine, usages et abus de la raison et de la foi», 328 page.

По приїздѣ туда, при обозрѣваніи древностей тамошнихъ, Сковорода былъ ему истолкователемъ исторіи мѣста, нравовъ и древнихъ обычаевъ и побудителемъ къ подражанію духовнаго благочестія почивающихъ тамо усопшихъ святыхъ, но не жизни живаго монашества.

Многіе изъ соучениковъ его бывшихъ, изъ знакомыхъ, изъ родственниковъ, будучи тогда монахами въ печерской лаврѣ, напали на него неотступно, говоря: полно бродить по свѣту! пора пристать къ гавани: намъ извѣстны твои таланты, святая лавра приметъ тя, аки свое чадо, ты будешь столбъ церкви и украшеніе обители.—Ахъ, преподобные! возразилъ онъ въ горячности: я столботворенія умножать собою не хочу, довольно и васъ столбовъ неотесанныхъ во храмѣ Божіемъ.

За симъ привѣтствіемъ старцы замолчали, а Сковорода, смотря на нихъ, продолжалъ: риза! риза! коль не многихъ ты преподобила! коль многихъ окаянствовала! Міръ ловить людей разными сѣтями, накрывая оныя богатствами, честями, славою, друзьями, знакомствами, покровительствомъ, выгодами, утѣхами и святынею: но всѣхъ несчастнѣе сѣть послѣдняя. Блаженъ, кто святость сердца, т. е. счастье свое не сокрылъ въ ризѣ, но въ волѣ Господней!

Монахи перемѣнялись въ лицѣ, слушая сіе; но звонъ позвалъ ихъ, и они поспѣшили на молитву. Одинъ изъ нихъ просилъ Сковороду съ другомъ его на завтра прогуляться за монастырь. Согласясь, пошли всѣ трое и сѣли на горѣ надъ Днѣпромъ. Отецъ Калистратъ (такъ назывался онъ), обнявъ тутъ Сковороду, сказалъ: о мудрый мужъ! я и самъ такъ мыслю, какъ ты вчера говорилъ предъ нашею братією; но не смѣлъ никогда слѣдовать мыслямъ моимъ. Я чувствую, что я не рожденъ къ сему черному наряду и введенъ въ оной однимъ видомъ благочестія, и мучу жизнь мою: могу ли я?.. Сковорода отвѣтствовалъ: отъ чело-вѣкъ не возможно, отъ Бога же вся возможна суть.

По прошествіи нѣсколькихъ дней надлежало другу его возвращаться во свояси. Сковорода, будучи упрошенъ родственникомъ своимъ, соборнымъ печерскимъ типографомъ Іустиномъ, остался въ Кіевѣ.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ приѣхалъ изъ Кіева паки въ Харьковъ. Украину предпочиталъ онъ Малороссіи за воздухъ и воды. Рѣки почти всѣ цвѣтутъ въ Малороссіи, отъ чего и воздухъ имѣетъ гнилость. Онъ обыкновенно называлъ Мало-

россію матерью потому, что родился тамъ, а Украину теткою по жительству его въ оной и по любви его къ ней.

Въ Харьковѣ былъ губернаторомъ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, человекъ не имѣвшій учебнаго воспитанія, но одаренъ природнымъ здравымъ разумомъ, любитель наукъ, талантовъ, музыки, въ которой и самъ онъ былъ весьма искусенъ и знающъ. Наслышась о Сковородѣ, призвалъ его къ себѣ и, поговоря съ нимъ, сказалъ ему:

— Честной человекъ! для чего не возьмешь ты себѣ никакого извѣстнаго состоянія?

— Милостивый государь! отвѣтствовалъ Сковорода: свѣтъ подобенъ театру: чтобъ представить на театрѣ игру съ успѣхомъ и похвалою, то берутъ роли по способностямъ. Дѣйствующее лицо на театрѣ не по знатности роли, но за удачность игры вообще похваляется. Я долго разсуждалъ о семъ и по многомъ испытаніи себя увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ низкаго, простаго, безпечнаго, уединеннаго: я сію ролю выбралъ, взялъ и доволенъ.

Губернаторъ, посмотря на него съ удовольствіемъ, полюбилъ его и сказалъ предстоящимъ:

— Вотъ умный человекъ! онъ прямо счастливъ; было меньше бы на свѣтѣ дурачествъ и неудовольствій, ежели бы люди такъ мыслили.

— Но, другъ мой! продолжалъ Щербининъ, отведя его особенно изъ круга, можетъ быть, ты имѣешь способности къ другимъ состояніямъ въ общежитіи полезнымъ, да привычка, мнѣнія, предувѣреніе...

— Если бы я почувствовалъ сего дня, прервалъ Сковорода, что могу безъ робости рубить турковъ, то съ сего же дня привязалъ бы я гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско. Трудъ при врожденной склонности есть удовольствіе. Песъ бережетъ стадо день и ночь по врожденной любви и терзаетъ волка по врожденной склонности, не смотря на то, что и самъ подвергается опасности быть растерзанъ отъ хищниковъ. Ни конь, ни свинья не сдѣлаютъ сего, понеже не имѣютъ природы къ тому. Склонность, охота, удовольствіе, природа, сила Божія, Богъ есть тоже. Есть склонности, есть природы злыя и сіи суть явленіе гнѣва Божія. Человекъ есть орудіе, свободно и вольно подчиняющее себя дѣйствию или любви Божіей, т. е. живота, или гнѣва Божія, т. е. суда, добра или зла, свѣта или тьмы. Сіе на-

печатлѣно ошутительно на кругообращеніи дня и ночи, лѣта и зими, жизни и смерти, вѣчности и времени. Богъ есть Богъ живота или любви и Богъ суда или гнѣва¹⁾. Всѣ твари суть грубые служебные органы свойствъ сихъ верховнаго существа: одинъ человекъ есть благороднѣйшее орудіе Его, имѣющее преимущество свободы и полную волю избранія, а потому и цѣну и отчетъ за употребленіе права сего въ себѣ держащее. Отсюда естественно происходитъ понятіе о правосудіи, милосердіи и благодати въ Творцѣ, а когда въ Творцѣ, то и въ тваряхъ, найпаче же приближенныхъ къ нему даромъ разума. Отсюда власти, правительства, державы, семейства, общества, состоянія, отсюда родители, цари, начальники, воины, судіи, господіе, рабы; но единъ Богъ во всѣхъ и вся въ немъ.

Щербининъ въ сладость послушалъ его и убѣждалъ его ходить къ нему чаще. Сковорода, держась приличія того лица, которое избралъ онъ представлять на театрѣ жизни, всегда удалялся знатныхъ особъ, великихъ обществъ и чиновныхъ знакомствъ, любилъ быть въ маломъ кругѣ непринужденнаго обращенія съ людьми откровенными, предпочиталъ чистосердечное обхожденіе паче всякихъ ласкательныхъ приемовъ, въ собраніяхъ занималъ всегда послѣднее мѣсто, ниже всѣхъ и неохотно входилъ въ бесѣду съ незнакомыми, кромѣ простолюдиновъ.

Любимое, но не главное упражненіе его была музыка, которою онъ занимался для забавы и препровождалъ праздное время. Онъ сочинилъ духовные концерты, положи нѣкоторыя псалмы на музыку, такъ же и стихи, пѣваемые во время литургіи, которыхъ музыка преисполнена гармоніи простой, но важной, проникающей, плѣняющей, умиляющей. Онъ имѣлъ особую склонность и вкусъ къ акроматическому роду музыки. Сверхъ церковной, онъ сочинилъ многія пѣсни въ стихахъ и самъ игралъ на скрипкѣ, флейтраверѣ, бандорѣ и гусяхъ пріятно и со вкусомъ.

Въ 1766 году, по повелѣнію благополучно царствующей Екатерины II, къ харьковскимъ училищамъ, по предстательству Щербинина, прибавлены нѣкоторыя науки подъ названіемъ прибавочныхъ классовъ. Между прочими назначено было преподавать благородному юношеству правила благонравія. Начальство при-

¹⁾ Міръ сей и человекъ суть изъявленіе чудесъ, которыя Духъ Бога невидимаго производитъ вещественно. Сей духъ чудесъ свидѣтельствуесть въ явленіи своемъ о внутреннемъ состояніи бытій въ любви или во гнѣвѣ, въ добрѣ или во злѣ.

знало способнѣйшимъ къ сему Сковороду и пригласило его. Онъ охотнѣе принялъ сіе предложеніе и не захотѣлъ брать опредѣленнаго за классъ сей по окладу жалованья, почитая, что удовольствіе, которое находитъ онъ быть въ семъ случаѣ полезнымъ по склонности своей, замѣняетъ ему всякую мзду. По сему поводу написалъ онъ въ то время сочиненіе, извѣстное подъ симъ именемъ: «Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодаго шляхетства Харьковской губерніи».

Сочиненіе сіе содержало въ себѣ простыя истины, краткія коренныя познанія должностей, относительныхъ до общежитія. Всѣ просвѣщенные люди признавали въ ономъ чистыя понятія, справедливыя мысли, основательныя разсужденія, чувствительныя побужденія, благородныя правила, движущія сердце къ подобному себѣ концу высокому; но какъ все то основывалось на познаніи Бога и достойномъ почтеніи онаго, то епископъ бѣлградскій, бывшій тогда епархіальнымъ, почитая такое расужденіе въ устахъ свѣтскаго человѣка за похищеніе власти и преимуществъ своихъ, вознегодовалъ на него съ гоненіемъ; требовалъ книжицу на разсмотрѣніе; нашель нѣкоторыя неясности для него и сомнѣнія въ рѣчахъ, и образъ ученія несоотвѣтствующій обыкновенному правилу; почему и препоручилъ своимъ спросить Сковороду, для чего онъ преподавалъ наставленіе христіанскаго благонравія различнымъ образомъ отъ обыкновеннаго. Сковорода отвѣтствовалъ: дворянство различествуетъ знаніемъ и одѣяніемъ отъ черни народной и монаховъ: для чего же не имѣтъ оному и понятій различныхъ о томъ, что нужно знать ему въ жизни? Такъ ли, продолжалъ онъ въ отвѣтъ, государя разумѣтъ и почитаетъ пастухъ и земледѣлецъ, какъ министръ его, военначальникъ, градоначальникъ? Подобно и дворянству такія ли прилично мысли имѣтъ о верховномъ существѣ, какія въ монастырскихъ уставахъ и школьныхъ урокахъ?—По семъ отвѣтѣ все замолчало.

Сковорода, побуждаясь духомъ, удалился въ глубокое уединеніе. Близъ Харькова есть мѣсто, называемое Гужвинское, принадлежащее помѣщикамъ Земборскимъ, которыхъ любилъ онъ за добродушіе ихъ. Оное покрыто угрюмымъ лѣсомъ, въ срединѣ котораго находился пчельникъ съ одною хижиною. Тутъ поселился Григорій, укрываясь отъ молвы житейской и злословія духовенства.

Предавшись на свободѣ размышленіямъ и ограды спокойствіе духа безмолвіемъ, безстрастіемъ, безсуетностью, написалъ онъ

остановясь, почувствовалъ онъ обоняніемъ такой сильный запахъ мертвыхъ труповъ, что перенести не могъ и тотчасъ поворотился домой¹⁾. Духъ убѣдительно погналъ его изъ города, и онъ съ неудовольствіемъ отца Іустина, но съ благоволеніемъ духа отправился въ путь на другой же день.

Пріѣхавъ чрезъ двѣ недѣли въ Ахтырку городъ, остановился онъ въ монастырѣ у пріятелиа своего архимандрита Венедикта. Прекрасное мѣстоположеніе и пріязнь добродушнаго монаха сего успокоили его. Тутъ вдругъ получили извѣстіе, что въ Кіевѣ оказалась моровая язва, о которой въ бытность его и не слышно было, и что городъ запертъ уже.

Сердце его дотолѣ почитало Бога, аки рабъ; оттолѣ возлюбило его, аки другъ. И о семъ онъ рассказывалъ другу своему тако:

Имѣя разжженные мысли и чувствіе души моей благоговѣніемъ и благодарностію къ Богу, вставъ рано, пошелъ я въ садъ прогуливаться. Первое ощущеніе, которое осязалъ я сердцемъ моимъ, была нѣкая развязаность, свобода, бодрость, надежда съ исполненіемъ. Введя въ сіе расположеніе духа всю волю и всѣ желанія мои, почувствовалъ я внутри себя чрезвычайное движеніе, которое преисполняло меня силы непонятной. Мгновенно изліяніе нѣкое сладчайшее наполнило душу мою, отъ котораго вся внутренняя моя возгорѣлась огнемъ, и, казалось, что въ жилахъ моихъ пламенное теченіе кругообращалось. Я началъ не ходить, а бѣгать, аки бы носимъ нѣкіимъ восхищеніемъ, нечувствуя въ себѣ ни рукъ, ни ногъ, но будто-бы весь я состоялъ изъ огненнаго состава, носимаго въ пространствѣ кругобытія. Весь міръ исчезъ предо мною; одно чувствіе любви, благонадежности, спокойствія, вѣчности оживляло существованіе мое. Слезы полились изъ очей моихъ ручьями и разлили нѣкую умиленную гармонию во весь составъ мой. Я проникъ въ себя, ощутилъ аки сыновнее любви увѣреніе, и съ того часа посвятилъ себя на сыновнее повиновеніе духу Божію.

¹⁾ Ксенофонтъ и Платонъ описываютъ различныя происшествія, гдѣ Сократовъ духъ, такъ называемый Геній, предсказывалъ такія вещи, которыхъ не можно истолковать изъ обыкновенныхъ извѣстныхъ естественныхъ силъ души; когда его осудили на смерть и друзья его совѣтывали, чтобы онъ написалъ оправдательную рѣчь, «я нѣсколько разъ принимался писать оную, сказали Сократъ, но Геній всегда мнѣ въ томъ препятствовалъ. Можетъ быть, угодно Богу, чтобы я умеръ нынѣ легкою смертію, пока не прійду въ старость многоболѣзненную и немощную уже».

По прошествіи двадцати четырехъ лѣтъ пресказывалъ онъ сіе другу своему съ особеннымъ чувствованіемъ, давая знать, коль близь насъ есть Богъ, колико промышляетъ о насъ, хранитъ насъ, якоже кокошъ птенцы своя подъ крылѣ своя собравъ, аще мы точію не удаляемся отъ него во мрачныя желанія воли нашей разтлѣнной.

Поживя нѣсколько у отца Венедикта, отправился онъ паки въ Гусинку къ Сошальскимъ, гдѣ и занялся упражненіями сочиненій.

Въ 1772 году въ февралѣ мѣсяцѣ другъ его поѣхалъ въ чужіе края и, бывъ во Франціи въ разныхъ городахъ, прибылъ въ 1773 г. въ Швейцарію, въ городъ Лозанъ.

Между многими умными и учеными людьми, каковыхъ въ Лозанѣ нашелъ онъ, находился тамъ нѣкто Даніиль Мейнгардъ, человекъ отмѣннаго разума природнаго, имѣвшій даръ слова, ученость рѣдкую, обширныя познанія, благонравіе философское. Онъ столь похожъ былъ чертами лица, обращеніемъ, образомъ мыслей, даромъ слова на Сковороду, что можно было бы почесть его ближайшимъ родственникомъ его. Другъ Сковороды познакомился съ нимъ, и они другъ друга столько полюбили, что Мейнгардъ, имѣя у себя подлѣ Лозаны прекрасный загородный домъ, садъ и величайшую библіотеку, просилъ его располагать онымъ всѣмъ въ свое удовольствіе, и сей пользовался всегда, какъ и многими свѣдѣніями отъ него.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ и увидясь съ Сковородою въ 1775 г., рассказалъ ему другъ его ту удивительную встрѣчу, по которой онъ нашелъ въ Лозанѣ похожаго человека на него чертами лица, свойствами, образомъ мыслей и дружбою къ нему. Сковорода возлюбилъ его заочно, и съ того времени началъ подписывать на письмахъ и сочиненіяхъ своихъ имя свое тако: Григорій варъ (евр.: сынъ) Сава Сковорода, Даніиль Мейнгардъ.

И добрая и худая слава распространилася о немъ во всей Украинѣ, Малороссіи и далѣе. Многіе хулили его, нѣкоторые хвалили, всѣ хотѣли видѣть его, можетъ быть, за одну странность и необыкновенный образъ жизни его, немногіе знали его таковымъ, каковъ онъ въ самой точности былъ внутренно.

По разнымъ обстоятельствамъ живалъ онъ у многихъ: иногда мѣстоположеніе по вкусу его, иногда же люди по Минервѣ его привлекали его проживать нѣкоторое время; непремѣннаго же жилища не имѣлъ онъ нигдѣ, почитая себя пришельцомъ на земли во всемъ разумѣ слова сего.

Полюбя Тевяшова, воронежскаго помѣщика, жилъ у него въ деревнѣ и написалъ тутъ сочиненіе «Икона Алкивіадская», которое и приписалъ ему въ память признательности своей къ дому сему. Потомъ имѣлъ пребываніе въ Бурлукахъ у Захаржевскаго, ради пріятныхъ положеній природы, жительствовавъ у Щербинина въ Бабаяхъ, въ Ивановкѣ у Ковалевскаго, у друга своего въ Хотетовѣ, въ монастыряхъ старо-харьковскомъ, харьковскомъ училищномъ, ахтырскомъ, сумскомъ, святогорскомъ, сеннянскомъ и пр. по нѣскольку времени. Иногда жилъ у кого либо изъ сихъ и у другихъ, совершенно не любя ихъ пороковъ, но для того только, дабы чрезъ продолженіе времени, обращаясь съ ними, бесѣдуя, разсуждая, нечувствительно привлечь ихъ въ познаніе себя, въ любовь къ истинѣ, въ отвращеніе отъ зла и примѣромъ жизни заставить любить добродѣтель.

Впрочемъ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ онъ, избиралъ всегда уединенный уголь, жилъ просто, одинъ безъ услуги.

Харьковъ любилъ онъ и часто посѣщалъ его; новый тамошній начальникъ, услыша объ немъ, желалъ видѣть его. Сковорода пришелъ къ нему по приглашенію его. Губернаторъ, увидя его въ первой разъ и посмотря на него пристально, спросилъ его: г. Сковорода! о чемъ учитъ Библія?—О человѣческомъ сердцѣ, отвѣтствовалъ онъ; поваренныя ваши книги учатъ, какъ удовольствовать желудокъ, псовыя, какъ звѣрей давить, модныя, какъ наряжаться; Библія учитъ, какъ облагородствовать человѣческое сердце.

Нѣкто изъ ученыхъ спросилъ его тутъ же: что есть философія?—Главная цѣль жизни человѣческой, отвѣчахъ Сковорода; глава дѣлъ человѣческихъ есть духъ его, мысли, сердце. Всякъ имѣетъ цѣль въ жизни; но не всякъ главную цѣль, т. е. не всякъ занимается главою жизни. Иной занимается чревомъ жизни, т. е. всѣ дѣла свои направляетъ, чтобы дать жизнь чреву; иной очамъ, иной волосамъ, иной ногамъ и другимъ членамъ тѣла, иной же одеждамъ и прочимъ бездушнымъ вещамъ; философія или любомудріе устремляетъ весь кругъ дѣлъ своихъ на тотъ конецъ, чтобъ дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всего. Когда духъ въ человѣкѣ веселъ, мысли спокойны, сердце мирно,—то все свѣтло, счастливо, блаженно. Сіе есть философія.

Изъ Харькова паки отправился онъ въ Гусинку, любимое свое пустынножительство.

Любомудріє, поселясь въ сердцѣ Сковороды, доставляло ему благосостояніє, возможное земнородному. Свободенъ отъ узъ всякаго принужденія, суетности, искательствъ, попеченія, находилъ онъ всѣ свои желанія исполненными ¹⁾ въ ничтожествѣ оныхъ. Занимаясь о сокращеніи нуждъ естественныхъ, а не о распространеніи, вкушалъ онъ удовольствія, несравненная ни съ какими счастливыми.

Когда солнце, возжегши безчисленныя свѣщи на смарагдо-тканной плащаницѣ, предлагало щедрою рукою чувствамъ его трапезу; тогда онъ, принимая чашу забавъ, не растворенныхъ никакими печальми житейскими, никакими воздыханіями страстными, никакими разсѣянностями суетными, и вкушая радованія высокимъ умомъ, въ полномъ упокоеніи благодушества говаривалъ: благодареніє всеблаженному Богу, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ!

Когда усталость въ размышленіяхъ заставляла его переменить упражненія свои; тогда онъ приходилъ къ престарѣлому пчелинцу, недалеко жительствовавшему въ пчельникѣ, бралъ съ собою въ сотоварищество любимаго пса своего, и трое, составя общество, раздѣляли между собою вечерю.

Ночь была ему мѣстомъ упокоенія отъ напряженій мысленныхъ, нечувствительно изнуряющихъ силы тѣлесныя; а легкой и тихій сонъ для воображенія его былъ зрѣлищемъ позорищъ, гармонією природы представляемыхъ.

Полунощное время имѣлъ онъ обычай всегда посвящать на молитву, которая въ тишинѣ глубокаго молчанія чувствъ и природы сопровождалась богомысліемъ ²⁾. Тогда онъ, собравъ всѣ чувства и помышленія въ одинъ кругъ внутрь себя и обозрѣвъ окомъ суда мрачное жилище своего перстнаго челоука, такъ возывалъ оныя къ началу Божію: возстаните лѣнiviи и всегда низу поникшии ума моего помыслы! возмитесь и возвыситесь на гору вѣчности. Тутъ мгновенно брань открывалась и сердце его дѣлалось полемъ рати: самолюбіє вооружалось съ міродержателемъ вѣка, свѣтскимъ разумомъ, собственными брэнности челоуческой слабостями и всѣми тварями, нападало сильнѣйше на волю его, дабы плѣнить ее, возсѣсть на престолѣ свободы ея

¹⁾ Между всѣми упражненіями есть найхудшее желать; оно есть противность премудрости. Юнгъ, Ночь, 4.

²⁾ Достойнѣйшее молитвоприношеніє Богу есть исканіє истины чистымъ сердцемъ; въ семъ состоитъ богомысліє.

и быть подобнымъ Вышнему. Богомыслие вопреки приглашало волю его къ вѣчному, единому, истинному благу Его, вездѣущему, вся исполняющему, и заставляло его облещись во вся оружія Божія, дабы возмоги ему стати противу кознемъ лжемудрїя. Какое бореніе! Колико подвиговъ! Возшумѣша и смятошася: надлежало бодрствовать, стоять, мужаться. Небо и адъ борются въ сердцѣ мудраго, и можетъ ли онъ быть празденъ, безъ дѣла, безъ подвига, безъ пользы человѣчеству? Тако за полунощныя часы провождалъ онъ въ бранномъ ополченіи противу силъ мрачнаго міра. Возсіявающее утро облекало его въ свѣтъ побѣды и въ торжествѣ духа выходилъ онъ въ поле раздѣлять славословіе свое со всею природою.

Сей былъ образъ жизни его! Не орю убо, не сѣю, ни куплю дѣю, ни воинствую, такъ писалъ онъ другу своему изъ пустыни; отвергаю же всякую житейскую печаль. Что убо дѣю? Се что, всегда благословяще Господа, поемъ воскресеніе его. Учуся, другъ мой, благодарности: се мое дѣло! учуся быть довольнымъ о всемъ томъ, что отъ промысла Божія въ жизни мнѣ дано. Неблагодарная воля есть ключъ адскихъ мученій, благодарное же сердце есть рай сладостей. Ахъ, другъ мой! поучайся въ благодарности, сидя въ дому, идяи путемъ, засыпая и просыпаясь; прїемли и обращай все во благо доволенъ сущими; о всемъ приключаемся тебѣ не воздавай безумія Богу; всегда радуешься, о всемъ благодаряще, молися.

Можно было жизнь Сковороды назвать жизнію. Не таково было тогда состояніе друга его.

Обращеніе въ великомъ свѣтѣ, удаля его мало по малу отъ его самого, заведя въ лестныя внѣшности, усыпя въ немъ довѣрїе ко внутреннему гласу духа, пробудя жаръ истиннаго любомудрїя, возжгло въ немъ разумъ свѣтскій и возбудило свойства, собственныя сему кругу бытія.

Свѣтъ облагопрїятствовалъ его своими дарами: наложя на него усиленіе, далъ ему жену, друзей, прїятелей, благодѣтелей, преданныхъ, знакомыхъ, свойственниковъ, житейскія связи и выгоды. Но дары сіи напоены были сокомъ корня ихъ и свойствами начала ихъ. Онъ увидѣлъ въ счастїи превращеніе, въ друзьяхъ измѣну, въ надеждахъ обманъ, въ успѣхахъ пустоту, въ союзахъ самовидность, въ ближнихъ остуду, въ своихъ лицепрїятіе.

Таковы были послѣдствїя свѣтскаго круга, въ которой попалъ онъ, оставя самъ себя.

Удрученъ, изможденъ, истощенъ волненіями свѣта, обратился онъ въ себя самого, собралъ разсѣянные по свѣту мысли въ малый кругъ желаній и, заключа оныя въ природное свое добродушіе, прибылъ изъ столицы въ деревню, надѣясь тамо найти брегъ и пристань житейскому своему обуреванію.

Свѣтъ и тамо искажилъ все. Въ глубокомъ уединеніи остался онъ одинъ, безъ семейства, безъ друзей, безъ знакомыхъ, въ болѣзни, въ печаляхъ, въ безпокойствахъ, безъ всякаго участія, свѣта, помощи, соболѣзнованія. Тогда онъ, возведя очи свои на позорище свѣта, на кругъ обстоятельствъ своихъ, на заблужденія свои, которыхъ онъ сдѣлался жертвою, и видя, что не на камени основанъ былъ храмъ житейскаго счастья его, въ сердечномъ чувствіи сожалѣнія, ободрясь добродушіемъ своимъ, воспѣлъ оную преисполненную истины пѣснь:

О Иерихонъ проклятый, какъ ты меня обманулъ! и проч.

Промысль Божій возрѣлъ на него въ развалинахъ бытія его, воздвигнулъ духъ мудраго, сердце друга, и Сковорода семидесятитрехлѣтній, по девятнадцатилѣтнемъ несвиданіи, одержимъ болѣзнями старости, не смотря на дальность пути, на чрезвычайно ненастливую погоду и на всегдашнее отвращеніе къ краю сему, пріѣхалъ въ деревню къ другу своему, село Хотетово, въ двадцати пяти верстахъ отъ Орла, одинъ раздѣлить съ нимъ ничтожество его.

Бодрость духа, веселость нрава, мудрая бесѣда, сердце свободное отъ всякаго рабства свѣту, суетности, пристрастіямъ, торжество благодушія, утвержденное на семидесятилѣтнихъ столбахъ жизни и увѣнчаемое при исходищахъ вѣка спокойствіемъ вѣчности, возбудили въ другъ его усыпленные силы разума, восперили чувствія его, возвысили желанія, устроили волю къ волѣ Вседержителя.

Сковорода привезъ къ нему сочиненія свои, изъ которыхъ многія приписалъ ему; читывалъ оныя самъ съ нимъ ежедневно и между чтеніемъ занималъ его разсужденіями, правилами, понятіями, каковыхъ ожидать должно отъ человѣка, искавшаго истины во всю жизнь не умствованіемъ, но дѣломъ, и возлюбившаго добродѣтель ради собственной красоты ея.

Рѣчь доходила тутъ до разныхъ толковъ или сектъ. Всякая секта, говорилъ онъ, пахнетъ собственностію, а гдѣ собственномудріе, тутъ нѣтъ главной цѣли или главной мудрости.

Я не знаю мартинистовъ, продолжалъ онъ, ни разума, ни ученія ихъ; ежели они особничаютъ въ правилахъ и обрядахъ,

чтобы казаться мудрыми (читай о семъ сочиненіе его «Потопъ Зміинъ», гл. 3-я въ концѣ), то я не хочу знать ихъ; если же они мудрствуютъ въ простотѣ сердца, чтобъ быть полезными гражданами обществу, то я почитаю ихъ; но ради сего не для чего бы имъ особничествовать. Любовь къ ближнему не имѣетъ никакой секты: на ней весь законъ и пророки висятъ. Законъ природы, яко самонужнѣйшій для блага человѣческаго, есть всеобщій и напечатлѣнъ на сердцѣ каждаго, данъ всякому существу, даже послѣдней песчинкѣ. Благодареніе всеблаженному Богу, что трудное сдѣлалъ ненужнымъ, а нужное нетруднымъ!

Исканіе философскаго камня, или превращеніе всѣхъ вещей въ золото и содѣланіе состава изъ онаго, дабы продлить человѣческую жизнь до нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, есть остатокъ египетскаго плотолюбія, которое, не могши продлить жизни тѣлесной, при всѣхъ мудрованіяхъ своихъ, нашло способъ продолжать существованіе труповъ человѣческихъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ мумій. Сія секта, говорилъ онъ, мѣряя жизнь аршиномъ лѣтъ, а не дѣлъ, несообразна тѣмъ правиламъ мудраго, о которомъ пишется: поживѣ въ малѣ, исполни лѣта долга. Сверхъ того она ласкательствуетъ соблазнительно суетности человѣческой, похотоугодіямъ, гордости, зависти, любостыжанію; даетъ въ мысляхъ перевѣсъ тлѣнности, въ сердцѣ поводъ къ садукейству.

Другъ его доводилъ бесѣду до исторіи св. писанія ¹⁾. Многіе, сказалъ Сковорода, не разумѣя меня или не хотя разумѣть, клеветуютъ, яко бы я отвергаю исторію ветхаго и новаго завѣта, потому что признаю и исповѣдаю въ оной духовной разумъ, чувствую Богописанный законъ и усматриваю Сушаго сквозь буквальный смыслъ. Я пополняю симъ исторію, а не разоряю: ибо, какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и св. писаніе безъ вѣры; вѣра же есть невидимыхъ извѣщеніе. Когда я хвалю доблесть воина, неустрашимость, мужество, храбрость его, то самъ не уничтожаю нарядовъ его, ни оружія его. Нарядъ, убранство, оружіе воина есть исторія, а разумъ и слава сей исторіи есть духъ воина, дѣла его. Когда я, смотря на прекрасный храмъ, превозношу похвалами симметрію, пропорцію, великолѣпіе, то, относя сіе къ искусству здателя, къ красотѣ цѣлаго, отвергаю ли, исключая ли кирпичъ, известь, желѣзо, песокъ, воду, каменьщиковъ, ваятелей и проч., какъ будто бы ничего того не бывало? Я удивляюсь разуму храма, но тѣмъ не отмещу наружности онаго.

¹⁾ Читай о семъ сочиненіе его «Жена Лотова», прим. 4-е.

Читая св. писаніє въ намѣреніи научитися въ немъ богопочитанію, богобоязливости, любви ближняго, повиновенію начальству, покорности ко властямъ придержащимъ, усовершенію сердца во всѣхъ отношеніяхъ его, когда я найду, на примѣръ, исторію, что Ааронъ первосвященникъ золотого тельца жидовскаго, сдѣланнаго ими въ небытность его и поклоняемаго отъ нихъ, бросилъ въ огонь и растопилъ, то я не останавливаюсь тутъ на химической работѣ, помня всегда, что Библія не есть наука химіи, но книга священная, поучающая святости нравовъ человѣка, способнаго внимати ученію ея. Я научаюсь отъ сея исторіи, что сердце человѣческое не можетъ быть безъ упражненія и что, когда удаляется отъ онаго мысль священная, понятіе истины, духъ разума, то оное мгновенно повергается въ занятія подлыя, неприличныя высокому роду его, и чтитъ, величаетъ, боготворитъ презрѣнное, ничтожное, суетное. Сей разумъ исторіи назидаетъ меня много больше и споспѣшествуетъ внутреннему моему усовершенію, нежели, какъ есть ли бы я, узнавши, какъ золото пердѣлывать мгновенно изъ всего и все претворять въ оное, занялся хотѣніемъ или упражненіемъ богатитися или химичесествовать.

Я вѣрю и знаю, что все то, что существуетъ въ великомъ мірѣ, существуетъ и въ маломъ, и что возможно въ маломъ мірѣ, то возможно и въ великомъ, по соотвѣтствованію оныхъ и по единству всеисполненія исполняющаго духа. Но для сего не добиваюсь я знать, какъ и когда Моисей раздѣлилъ море жезломъ въ великомъ семъ мірѣ, въ исторіи, а поучаюсь, какъ бы мнѣ въ маломъ моемъ мірѣ, въ сердцѣ, раздѣлить смѣсь склонностей, природы непорочныя и растлѣнныя, и провести волю мою непотопленно по пути житейскаго бытія, дабы доставить себѣ во свое время свободу мыслей, т. е. веселіе духа или такъ называемое счастье въ жизни.

Не туда ли воззываютъ насъ оныя слова, часто провозглашаемая въ храмахъ нашихъ: *премудрость прости*? Что бо есть простое, аще не духъ? Что сложное, что смѣсь, составъ, сотканіе, аще не плоть, исторія, обрядъ, наружность? Сими словами высокими побуждаемся къ возвышенію мыслей нашихъ выше видимаго обряда служенія, выше буквального смысла, выше историческаго богопочитанія. Распространи разумѣніе словъ сихъ по всему кругу вселенной, по всему лицу бытія твоего, и увидишь невидимаго, силу Божию, духъ Господень, воскресеніе. Что бо есть воскресеніе, аще не простота, очищенная отъ тлѣннаго состава, отъ множественности, отъ раздѣлимостей?

Но сіи историческіе христіане, обрядные мудрецы, буквальные богословы, человекѣ духа не имуще, хулятъ то, чего не разумѣютъ.

Иногда разговоръ его съ другомъ касался смерти. Страхъ смерти, говорилъ онъ, нападаетъ на человекѣ всего сильнѣе въ старости его. Потребно благовременно заготовить себя вооруженіемъ противу врага сего, не умствованіями,—онѣ суть недѣйствительны, но мирнымъ расположеніемъ воли своей къ волѣ Творца. Такой душевной миръ приуготовляется издали, тихо въ тайнѣ сердца растеть и усиливается чувствіемъ сдѣланнаго добра, по способностямъ и отношеніямъ бытія нашего, къ кругу занимаемому нами. Сіе чувствіе есть вѣнецъ жизни и дверь безсмертія; впрочемъ, преходитъ образъ міра сего и, яко соніе востающаго, уничтожается.

Имѣлъ ли ты когда, продолжалъ онъ, пріятныя или страшныя сновидѣнія? Чувствованія сихъ мечтательныхъ удовольствій или страха не продолжались ли только до проснутія твоего? Со сномъ все кончилось. Проснутіе уничтожало всѣ радости и страхи сонной грезы. Тако всякъ человекъ по смерти. Жизнь временная есть ¹⁾ сонъ мыслящей силы нашей. Въ продолженіи сна сего радости и печали, надежды и страхи касаются въ мечтаніи чувствія нашего. Придетъ часъ, сонъ кончится, мыслящая сила пробудится и всѣ временныя радости, удовольствія, печали и страхи временности сей исчезнутъ. Въ иной кругъ бытія поступитъ духъ нашъ, и все временное, яко соніе востающаго, уничтожится. Жена егда родитъ, младенецъ вступаетъ въ новый порядокъ вещей, новое поприще бытія, новую связь существъ, вмѣсто той, въ каковой находился онъ въ бытность свою во чревѣ матернемъ. И какое тутъ различіе? ²⁾ Чрево матери и великій міръ сей: по вступленіи младенца изъ того въ сей, все предшедшее, тѣснота, мракъ, нечистоты отрѣшаются отъ бытія его и уничтожаются.

Знаю, что многихъ умы ищутъ равновѣсія въ награжденіяхъ и наказаніяхъ, полагая на свои вѣсы, мѣру и число дѣла человекѣскаго и судъ Божій. Другъ мой! величайшее наказаніе за зло есть сдѣлать зло, какъ и величайшее воздаяніе за добро есть

¹⁾ Для сего св. Павелъ разбуживаетъ, говоря: возстани спяй и воскресни отъ мертвыхъ и убуждшеся видиша Славу Его.

²⁾ Если бы младенецъ могъ мыслить во утробѣ матери своей, то можно ли бы увѣрить его, что онъ, отдѣлившись отъ корня своего, на вольномъ воздухѣ, пріятнѣйшимъ свѣтомъ солнца наслаждаться будетъ? Не могъ ли бы онъ тогда думать напротивъ и изъ настоящихъ обстоятельствъ его доказать невозможность такого состоянія? Столько же кажется невозможной жизнь по смерти заключеннымъ въ жизнь времени сего.

дѣлать добро. Любовь добродѣтели подобна свѣту огня; зажги огонь, тотчасъ свѣтъ осіяетъ глаза твои; возлюби, возчувствуй охоту къ добродѣтели, тотчасъ сердце твое освѣтится веселіемъ. Исполни, произведи въ дѣло добродѣтели любовь, то корень сердца твоего напоишь тукомъ блаженства. И какихъ благословенныхъ плодовъ можешь ожидать отъ сего! Любовь къ порокамъ подобна потушенному огню: погаси огонь, тотчасъ тьма покрыла очи твои; не знаешь, куда идешь, нѣтъ тебѣ различія вещей, міръ не существуетъ для тебя лучшею и величайшею частію: се наказаніе уже постигло тебя съ самимъ дѣйствомъ. Да не соблазняютъ тебя казистыя удовольствія развратныхъ! Заглянь внутрь ихъ; тутъ¹⁾ огонь мученій не угасаетъ. Если Богъ вездѣ, то можетъ ли беззаконникъ быть безъ него?—Нѣтъ! Ахъ нѣтъ! Богъ есть въ немъ, судія его, мститель, терніе его, огонь и жупель, духъ бурень, часть чаши ихъ. Духъ и вѣчность есть тоже. Посему разумѣй животь вѣчный и муку вѣчную.

Говорили иногда о превратностяхъ свѣта. Онѣ суть то, чѣмъ быть должны, сказалъ онъ тутъ: весна, лѣто, осень, зима суть свойства неотдѣляемыя отъ круга свѣта, подобно, какъ утро и вечеръ отъ круга дневнаго. Все во времени содержимое должно быть коловратно, конечно, переменнo: не разумень, несчастливъ, кто ищетъ, кто требуетъ постоянства и вѣчности въ немъ! когда же нѣсть постоянія въ немъ, то и любовь къ нему должна имѣть конецъ; отсюда печали, воздыханія, слезы, отчаянія.

Не говори мнѣ о высокихъ чувствительныхъ душахъ! Слезы ихъ суть изліяніе природы, а не пристрастій²⁾, и есть нѣкое утѣшеніе плакать въ свой часъ.

Вѣчность ихъ! Вѣчность едина есть безпечаліе, постоянство, надежда. Положимъ сердца наши въ силу ея и удѣлимъ себѣ отъ сокровищъ ея въ брэнной сей временности тѣлеснаго бытія³⁾. Вѣчность и время единъ составъ суть, но не едино: одно свѣтъ, другое тьма; одно добро, другое зло; одно глава, другое хвостъ.

Услыша въ окрестности мѣста о прибытіи Сковороды къ другу своему, многіе желали видѣть его и для того нѣкоторые пріѣхали туда въ с. Хотѣтово.

Изъ начальства правленія орловскаго молодой человекъ подо-

¹⁾ Уризенія совѣсти суть духи черные, мученія и уязвляющія змѣи, молніи проникающія ясныя истины, суть адъ; сія истина ввѣрена на сохраненіе послѣдному часу человека (Юнгъ, Ночь, 4).

²⁾ Est quaedam flere voluptas.

³⁾ Двѣ сіи половины составляютъ едино: голодь и сытость—пищу, зима и лѣто—плоды, тьма и свѣтъ—день, смерть и животь—всякую тварь. (Потопъ Змінъ, гл. 5).

шедъ къ нему, привѣтственно сказалъ: Г. С.! прошу полюбить меня.—Могу-ли полюбить васъ, отвѣчалъ Сковорода, я еще не знаю.

Другой изъ числа таковыхъ же, желая свести съ нимъ знакомство, говорилъ ему: я давно знаю васъ по сочиненіямъ вашимъ; прошу доставить мнѣ и личное знакомство ваше. Сковорода спросилъ его: какъ зовутъ васъ?—Я называюсь такъ, именемъ и прозваніемъ N. N., отвѣчалъ сей. Сковорода, остановясь и подумавъ, сказалъ ему: имя ваше не скоро ложится на мое сердце.

Простота жизни, высокость познаній, величайшій и долготнѣйшій подвигъ Сковороды въ любомудріи опытномъ раздиралъ ризу лицемѣрія высокоумдрствующимъ и обнажалъ простоту ихъ. Они, покрывая зависть свою и наготу сердца листвіемъ сожалѣнія, говорили другимъ: „жалъ, что Сковорода ходитъ около истины и не находитъ ее“, и въ то время, когда сей увѣнчиваемъ уже былъ знаменами истины, а они, обвѣщаны знаменьями соблазновъ, гордо и безстыдно являлись въ личинѣ истины.

Старость, осеннее время, непрерывная мокрая погода умножили разстройку въ здоровьѣ его, усилили кашель и расслабленіе. Онъ, проживя у друга своего около трехъ недѣль, просилъ отпустить его въ любимую имъ Украину, гдѣ онъ жилъ до того и желалъ умереть, что и сбылось.

Другъ его упрашивалъ остаться у него, зиму провести и вѣкъ свой окончать со временемъ у него въ домѣ. Онъ сказалъ, что духъ его велитъ ему ѣхать, и другъ отправилъ его немедленно.

Напутствуя его всѣмъ потребнымъ, давъ ему полную волю, по нраву его, выбрать, какъ хочетъ онъ, куда, съ кѣмъ, въ чемъ ѣхать ему, представилъ ему для дороги, въ случаѣ надобности, нужный запасъ, говоря:

— Возмите сіе; можетъ быть въ пути болѣзнь усилится и заставитъ гдѣ остановиться, то нужно будетъ заплатить....

— Ахъ другъ мой! сказалъ онъ: неужели я не прибрѣлъ еще довѣрія къ Богу, что промыслъ его вѣрно печется о насъ и дасть все потребное во благовременность?

Другъ его замолчалъ съ приношеніемъ своимъ.

1794 года августа 26 числа отправился онъ въ путь изъ Хотетова села въ Украину. При разставаніи, обнимая друга, сказалъ:

— Можетъ быть, больше я уже не увижу тебя! Прости! Помни всегда во всѣхъ приключеніяхъ твоихъ въ жизни то, что мы часто говорили: свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время. Духъ мой призналъ тебя способнѣйшимъ принять истину и любить ее.

Пріѣхавъ въ Курскъ, присталъ онъ къ тамошнему архимандриту Амвросію, мужу благочестивому. Проживя нѣскольکو тутъ ради непрерывныхъ дождей и улуча ведро, отправился онъ далѣе; но не туда, куда намѣревалъ.—Въ концѣ пути своего почувствовалъ онъ побужденіе ѣхать въ тоже мѣсто, откуда поѣхалъ къ другу, хотя совершенно не расположенъ былъ. Слобода Ивановка помѣщика Ковалевскаго было то мѣстопребываніе, гдѣ нѣскольکو времени жилъ онъ прежде и куда прибылъ скончать теченіе свое.

Болѣзни старостію, погодою, усталостію отъ пути приближили его къ концу его. Проживя тутъ больше мѣсяца, всегда почти на ногахъ еще, часто говаривалъ съ благодушіемъ: духъ бодръ, но тѣло немощно. Помѣщикъ, видя изнеможеніе его крайнее, предложилъ ему нѣкоторые обряды для приуготовленія къ смерти. Онъ, какъ Павелъ апостоль (посланіе къ Римл., гл. 3-я, ст. 28), почитая обряды обрѣзанія ненужными для истинно вѣрующихъ, отвѣтствовалъ, подобно какъ Павелъ же іудеямъ обрядствующимъ. Но, представя себѣ совѣсть слабыхъ, немощь вѣрующихъ и любовь христіанскую, исполнилъ все по уставу обрядному и скончался октября 29 числа, поутру, наразсвѣтѣ, 1794 года. Передъ кончиною завѣщалъ предать его погребенію на возвышенномъ мѣстѣ близъ роши и гумна и слѣдующую сдѣланную имъ себѣ надпись написать:

Міръ ловилъ меня, но не поймалъ. ¹⁾

Имѣются многія сочиненія его, изъ которыхъ лучшія доставилъ онъ, писанныя всѣ рукою своею, другу своему и о всѣхъ приложилъ списокъ своеручный, при письмѣ къ другу, слѣдующаго содержанія:

Число твореній моихъ:

1) Наркизь, узнай себя. 2) Симфонія: рѣхъ, сохранию пути моя. 3) Симфонія: аще не увѣси. 4) Неграмотный Марко. 5) Алфавитъ міра, о природѣ. 6) Разговоръ кольцо. 7) Древній міръ.

¹⁾ Высокомудрствующіе не оставили преслѣдовать его злословіемъ даже и во гробъ, проповѣдая въ сонмищахъ и вездѣ, что Сковорода оставилъ надпись сію по себѣ изъ гордости и киченія. Много потребно имѣть дерзости, чтобы осмѣлиться увѣрять о семъ! Чтобы болѣе оказать къ нему и ввести его въ презрѣніе и возвышеніе себя, то они стараются важно утверждать и изыскиваютъ способы увѣрять, что Сковорода былъ способенъ къ порокамъ. Дабы предъ очами людей замѣнить добродѣтельную жизнь мнимо высокими своими знаніями таинствъ и правилъ, то они разгласили, якобы Сковорода, при кончинѣ, увидѣлъ заблужденія свои, состоявшія въ непослѣдованіи толку ихъ,

8) Жена Лотова. 9) Брань архангела Михаила съ сатаною. 10) Икона Алкивиадская. 11) Бесѣда I. Сіонь. 12) Бесѣда II. Сіонь. 13) Бесѣда III. Двое. 14) Діалогъ: душа и нетлѣнный духъ. 15) Благодарный Еродій. 16) О христіанскомъ добронравіи или Катихизисѣ. 17) Асхань, о познаніи себя.

Переводы: (Плутарховы сочиненія).

1) О старости Цицероновой. 2) О Божіи правосудіи. 3) О смерти. 4) О храненіи отъ долговъ. 5) О спокойствіи душевномъ. 6) О возжелѣніи богатствъ. 7) О уединеніи . . . Сидронія.

Кромѣ сочиненій и переводовъ сихъ, многія на руссійскомъ, латинскомъ, еллинскомъ языкѣ, находятся письма его весьма поучительныя, писанныя къ другу и прочимъ; многія стихословія и другія сочиненія, которыхъ собраніе частію хранится у друга его.

Какъ онъ писалъ для своей стороны, то и употреблялъ иногда малороссійскія нарѣчія и правописаніе, употребляемое въ произношеніи малороссійскомъ: онъ любилъ всегда природный языкъ свой и рѣдко принуждалъ себя изъясняться на иностранномъ; еллинской предпочиталъ всѣмъ иностраннымъ.

Другъ его написалъ сіе въ память добродѣтелей его, въ благодарность сердцу его, въ честь отечества, въ славу Бога. 1795 г. февраля 9, въ селѣ Хотетовѣ.

Надгробная надпись Григорію Савичу Сковородѣ, въ Бозѣ скончавшемуся 1794 г., октября 29 дня:

Ревнитель истины, духовный богочтець,
И словомъ, и умомъ, и жизнію мудрецъ;
Любитель простоты и отъ суеты свободы,
Безъ лести другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда,
Достигъ на верхъ наукъ, познавши духъ природы,
Достойный для сердець примѣръ, Сковорода.

Сочиненіе друга его М. К.

признавая оныя, просилъ прошенія черезъ одного изъ братства ихъ и раскаивался; но какъ извѣстная святость жизни Сковороды и честныя правила его, имѣющія цѣлью любовь истины и добродѣтели, а концомъ красоту и совершенство духа были, такъ сказать, спицею въ околицѣмъ симъ, то и неудивительно, что они пуцаютъ всякаго рода ядовитыя стрѣлы въ память его; однако симъ самимъ въ чувствіяхъ простыхъ и правдолюбивыхъ сердець душа его приобрѣтаетъ вящую красоту страждущей невинности и, сквозь мракъ смерти и клевету злобныхъ душъ сія внутреннимъ спокойствіемъ, представляется въ умахъ богорожденныхъ достигающимъ совершенства мудраго мужа.

О Ч Е Р К Ъ

ОТНОШЕНІЙ ОБЫЧНАГО ПРАВА КЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАМЪ.

Въ изложеніи науки гражданскаго права и въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ по гражданскому праву ученые, какъ русскіе, такъ и западно-европейскіе, разсматривая право въ его историческомъ развитіи, указываютъ, какъ на органы и силы, воспроизводящія народно-юридическія воззрѣнія и облакающіе ихъ въ опредѣленно-выраженныя жизненныя формы, на два источника—обычай и законъ.

Обычай по времени предшествуетъ закону, наблюдается у всѣхъ народовъ уже на первыхъ ступеняхъ общественной жизни, составляетъ первичную форму, въ которой проявляется народное правовое убѣжденіе и, находясь подъ воздѣйствіемъ много-различныхъ факторовъ физическаго и духовнаго характера—географическаго и климатическаго условій страны, занимаемой народомъ, формы общественной жизни народа, большей или меньшей развитости въ отношеніяхъ промышленно-экономическомъ, научномъ, художественномъ, нравственномъ, религіозномъ, является непосредственнымъ произведеніемъ творческой силы народнаго духа, продуктомъ народнаго склада ума, воли и чувства¹⁾).

Естественно-историческія условія происхожденія обычая, отражая въ немъ со всею полнотою индивидуальныя особенности

¹⁾ Н. Загоскинъ. Методы и средства сравнительнаго изученія древняго обычнаго права Славянъ, стр. 14.

даннаго народа, придають и самому обычному праву строго національный характеръ, который затѣмъ, при дальнѣйшемъ развитіи общественной и государственной жизни народа, отражается и на законодательной дѣятельности государства. Начало національнаго происхожденія обычнаго права признаетъ и великій ученый Савиньи; онъ первый проникъ во внутреннюю природу права и ясно изложилъ свои наблюденія въ великомъ трудѣ: „О призваніи нашего времени въ отношеніи къ законодательству“. Вотъ что онъ говоритъ о природѣ, развитіи и функціи права: „всюду, гдѣ только мы находимъ документальную исторію, тамъ гражданское право уже имѣетъ опредѣленный характеръ, свойственный данному народу, какъ и его языкъ, нравы и учрежденія. Эти явленія не имѣютъ своего обособленнаго бытія: это только отдѣльныя силы и дѣятели, по природѣ своей нераздѣлимо соединенные и только нашему наблюденію являющіеся въ видѣ особыхъ функцій. Ихъ сплачиваетъ въ одно цѣлое общее убѣжденіе народа, одинаковое сознаніе ихъ внутренней необходимости, которое исключаетъ всякую мысль объ ихъ случайномъ и произвольномъ созиданіи“. Нѣсколько ниже онъ продолжаетъ: „эта органическая зависимость права отъ сущности и характера народа постоянно сохраняется. Въ этомъ отношеніи право можно сравнить съ языкомъ. Какъ въ языкѣ, такъ и въ правѣ нѣтъ и минуты безусловнаго застоя, оно подвержено тому же движенію и развитію, какъ и всякая иная дѣятельность народа, и это развитіе подчиняется одному и тому же закону внутренней необходимости... Право такимъ образомъ, вмѣстѣ съ народомъ, растетъ, развивается и умираетъ лишь съ утратою народомъ его личности“¹⁾.

Указавъ въ общемъ на характеръ и происхожденіе обычнаго права, перейдемъ къ обзорѣнню отношеній обычнаго права въ разныхъ государствахъ къ закону и начнемъ наше обзорѣніе съ Римскаго государства, въ виду того, что римское законодательство, по времени своего возникновенія и по своимъ высокимъ достоинствамъ, имѣло громадное вліяніе на законодательства всѣхъ цивилизованныхъ народовъ новаго времени.

¹⁾ Ueber den Beruf unserer Zeit zur Gesetzgebung, стр. 8, 11.

Въ первомъ періодѣ римскаго государства, который принято считать отъ древнѣйшихъ временъ до составленія Двѣнадцати таблицъ, римское право все почти состояло изъ обычаевъ, которые частью проникли во вновь возникшее государство, уже готовые и сложившіеся, изъ различныхъ странъ Италіи, вмѣстѣ съ переселившимися оттуда племенами, а частью возникли на почвѣ самаго Рима. При дальнѣйшемъ развитіи римскаго права совершенно изгладилось первоначальное различіе обычаевъ и всѣ они слились въ одинъ римско-національный юридическій бытъ. Обычное право, какъ совершенно правильно замѣчаетъ Марцоль¹⁾, вообще всегда составляетъ первую основу всякаго положительнаго права. Не подлежитъ сомнѣнію, что и римское обычное право имѣло весьма важное значеніе въ развитіи положительнаго римскаго права. По замѣчанію Мэна, римское право исходитъ изъ небольшого числа арійскихъ обычаевъ, которые были изложены въ письменной формѣ въ V столѣтіи до Р. Х. и сдѣлались извѣстными подъ именемъ законовъ XII таблицъ²⁾. „У Римлянъ, говоритъ Пахманъ, какъ и вездѣ, первоначальною формою права были обычаи (*more majorem*), какъ юридическія правила, возникающія и развивающіяся изъ самой жизни народа“³⁾. Въ законодательныхъ памятникахъ римскаго права объ отношеніи обычнаго права къ закону находимъ такія опредѣленія (фрагментъ Юліана въ Дигестахъ L. 32. D. de leg. I, 3): „въ тѣхъ случаяхъ, когда не примѣняются писанные законы, надлежитъ сохранять то, что введено нравами и обычаями, при отсутствіи которыхъ наблюдается ближе соотвѣтствующее природѣ нравовъ и обычаевъ, а если и это ни къ чему не поведетъ, то примѣняется право, дѣйствующее въ Римѣ. § 1. Не безъ основанія укоренившійся обычай охраняется наравнѣ съ закономъ, ибо установленное нравами имѣетъ значеніе права. Основаніе обязательности для насъ законовъ въ ихъ признаніи народнымъ пониманіемъ; та же причина дѣлаетъ обязательнымъ одобренное народомъ внѣ всякой письменной формы. Какое иное значеніе придать волѣ народа, выраженной въ правилахъ и дѣй-

1) Римское гражданское право. Москва, 1867, стр. 22.

2) Древнѣйшая исторія учреждений, стр. 10.

3) Исторія кодификаціи гражданского права, стр. 4.

кое же національное право, какъ и это чужое право. Вообще въ теченіе всего развитія германскаго права, начиная отъ пріятія римскаго, отечественное право непрестанно обращаетъ на себя вниманіе и получаетъ все большее и большее признаніе. Неоцѣнимое содѣйствіе этому направленію оказала историческая разработка германскаго права, которая пробудилась въ срединѣ XVII столѣтія и все болѣе и болѣе процвѣтаетъ съ начала нынѣшняго столѣтія. Не лишено значенія и то обстоятельство, что въ началѣ XVIII столѣтія стали и вышнимъ образомъ отдѣлять матеріалъ германскаго права отъ римскаго, не только въ университетскихъ лекціяхъ, но и въ сочиненіяхъ. Преподаваніе нѣмецкаго права вошло еще въ прошломъ вѣкѣ въ курсы нѣкоторыхъ университетовъ Германіи, но далеко не какъ предметъ равный римскому праву. Только въ началѣ нынѣшняго столѣтія оно сдѣлалось предметомъ вполне самостоятельнымъ.

Прусское земское уложеніе исключаетъ дѣйствіе обычнаго права, какъ источника права, допуская однако обычаи (*praeter legem* и даже мѣстные провинціальныя обычаи—*contra legem*), если они имѣли при обнародованіи *allg. Landrecht* въ 1794 году обязательную силу. Въ случаѣ неполноты и недостаточности закона, судья, при постановленіи рѣшенія, долженъ обратиться прежде всего къ существующимъ по разсматриваемымъ предметамъ обычаямъ, при недостаточности которыхъ основываетъ рѣшеніе на общихъ началахъ законодательства, принимая во вниманіе изданныя въ подобныхъ случаяхъ повелѣнія. Здѣсь признано широкое значеніе обычнаго права въ смыслѣ *jus dispositivum*, которое далѣе служитъ руководствомъ истолкованія воли лицъ, какъ въ этомъ согласны юристы прусскіе.

Подобно Прусскому земскому уложенію, Австрійское гражданское уложеніе не признаетъ обычнаго права въ значеніи источника права. Но въ Австріи судья долженъ, усмотрѣвъ изъ соглашенія сторонъ желаніе ихъ, явное или подразумеваемое, примѣнить мѣстный обычай, прійти къ заключенію, что они хотѣли въ данномъ случаѣ руководствоваться мѣстнымъ обычаемъ. Здѣсь это одно лишь чисто фактическое отношеніе, недопускающее обычнаго права въ значеніи *jus dispositivum*,

но придающее ему значеніе руководства судьи въ истолкованіи сдѣлокъ сторонъ.

Саксонское гражданское уложеніе уклоняется отъ признанія значенія обычнаго права, какъ *jus dispositivum*, не признавая его вовсе въ значеніи источника права.

Такъ, въ § 28 этого уложенія говорится: „обычаемъ законы не могутъ быть ни отмѣняемы, ни измѣняемы, равно не могутъ быть вводимы новыя постановленія, имѣющія силу закона. Насколько права могутъ быть устанавливаемы волею участвующихъ лицъ, настолько должны быть принимаемы въ соображеніе и обычаи, если слѣдуетъ предположить, что участвующія лица желали соблюсти обычаи, въ подобныхъ случаяхъ соблюдаемый“.¹⁾

Скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи обычнаго права къ законодательству въ Англіи.

Первоначальные обитатели нынѣшней Англіи—Кельты, жили по своимъ народнымъ юридическимъ обычаямъ. Послѣ покоренія ихъ римлянами и туземное право подверглось вліянію римскаго права. По прекращеніи въ Британіи римскаго владычества, туда являються народы германскаго племени—англы и саксы (въ V ст.), которые основываютъ нѣсколько королевствъ, затѣмъ датчане (IX ст.) и, наконецъ, норманы (XI ст.). Каждый изъ этихъ народовъ принесъ съ собою свои юридическіе обычаи, которые, вмѣстѣ съ постановленіями народныхъ собраній, стали собирать въ сборники. Послѣ покоренія Англіи норманами, туземное законодательство не было уничтожено, но оно естественно должно было потерпѣть измѣненіе вслѣдствіе государственнаго устройства Англіи, въ которую норманы принесли феодальную систему. Съ покореніемъ Англіи норманами, она уже не испытываетъ болѣе вторженія чуждыхъ племенъ и съ этого времени англійское право начинаетъ постепенно слагаться въ опредѣленную форму, причемъ право нормановъ одерживаетъ перевѣсъ надъ туземнымъ правомъ. Въ концѣ XII и началѣ XIII столѣтій разнообразныя племенные элементы сплотились въ одно цѣлое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выработалось самостоятельное, извѣстное подъ именемъ общаго закона, обычное право, въ составъ котораго вошли и

¹⁾ Саксонскіе гражд. законы. Изданіе редакціонной Коммиссіи 1885 г.

обычаи англо-саксонскіе и норманскіе, отчасти съ примѣсью римскаго и каноническаго права, которое проникло въ Англію вмѣстѣ съ введеніемъ тамъ Христіанства. Въ XIII ст. появляется новый источникъ англійскаго права—статуты, подѣ которыми разумѣются утвержденныя королемъ постановленія парламента; статуты не вытѣснили обычнаго права, оно не утратило своей силы и постоянно развивалось и пополнялось судебною практикою. Въ настоящее время также въ Англіи рядомъ существуетъ два права: общее, т. е. обычное, и статутное. Отношеніе между статутнымъ и общимъ правомъ таково, что изъ нихъ первое подчиняется послѣднему и не можетъ противорѣчить ни ему, ни magna charta. Какъ изъ статутовъ, такъ равно изъ обычаевъ въ разное время составлялись официальные и частные сборники.¹⁾

Изложивъ краткій очеркъ отношенія обычнаго права къ законодательству у народовъ романо-германскаго происхожденія, перейдемъ къ разсмотрѣнію отношенія обычнаго права къ законодательству славянскихъ народовъ.

Славянскіе народы, по складу ихъ характера, историческимъ судьбамъ, территоріальнымъ, климатическимъ, этнографическимъ, психологическимъ, экономическимъ, соціальнымъ и политическимъ условіямъ жизни и развитія, во многомъ отличаются отъ другихъ европейскихъ народовъ, почему и славянское право имѣетъ свои національныя особенности. Славяне, проявляя свое правосознаніе по преимуществу въ формѣ обычая, дорожили имъ, охраняли его отъ чуждыхъ вліяній и, управляясь весьма долгое время обычнымъ правомъ, развили это право въ такой полнотѣ и опредѣленности, что изученіе его даетъ богатый матеріалъ для науки права вообще и русскаго въ особенности.

Славяне являются въ историческое время осѣдлымъ народомъ, знакомымъ очень рано (уже во время Геродота) съ земледѣліемъ и даже городскимъ бытомъ. Они жили при самыхъ разнообразныхъ мѣстныхъ и бытовыхъ условіяхъ²⁾. Изъ разказа Нестора и другихъ лѣтописцевъ и историковъ видно, что славяне расселились и жили группами, разбросано, смотря по

1) Пахманъ. Исторія кодификаціи, стр. 40—48.

2) Леонтовичъ. Исторія русскаго права, стр. 89.

удобствамъ поселенія — по рѣкамъ, въ лѣсахъ и пр.; отличительною чертою славянскаго племени служитъ разобщенность и внутренняя рознь, хотя общимъ объединяющимъ началомъ было то, что все они жили по обычаямъ предковъ, по правдѣ, закону вѣчно жизненныхъ боговъ. Въ понятіе правды входили безразлично законъ и обычай. По словамъ Прокопія и Константина Порфиророднаго, славяне имѣли свои законы, подъ которыми разумѣлись собственно народные обычаи. Несторъ въ своей лѣтописи сообщаетъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о старыхъ славянскихъ обычаяхъ. По его словамъ славяне „имяху бо обычаи свои и законъ отецъ своихъ, и преданья каждо свой нравъ“. Славяне не дѣлали никакого существеннаго различія между закономъ и обычаемъ, отождествляли ихъ, какъ понятія, имѣвшія одно и тоже значеніе. Южные славяне доселѣ называютъ юридическіе обычаи законами. Наши крестьяне и въ настоящее время не отличаютъ обычая отъ закона и, ссылаясь на обычай, обыкновенно въ судѣ говорятъ: „судите по закону“. У насъ различіе между обычаемъ и закономъ явилось позже, въ эпоху усложненія юридическихъ отношеній, когда обычное право стало оказываться несостоятельнымъ и образовались законодательные органы, создавшіе постепенно систему законовъ въ собственномъ смыслѣ. Почти до Московскаго періода подъ законами разумѣлись тѣ же обычаи, изложенные письменно. Болѣе строгое разграниченіе закона отъ обычая принадлежитъ Московскому законодательству. У славянскихъ народовъ съ особенною рельефностью выясняется то положеніе, что древнѣйшіе памятники законодательства служатъ непосредственнымъ отраженіемъ современнаго имъ и предшествовавшаго имъ обычнаго права.

Чехи въ ряду другихъ славянскихъ племенъ весьма долгое время руководствовались правилами обычнаго права, которыя входили въ опредѣленія и рѣшенія земскаго суда, служившаго органомъ законодательной власти. Почерпнутыя изъ обычнаго права и записанныя на деревѣ законодательныя нормы получили названіе досокъ. Доски эти складывались въ особыя архивы на храненіе и такимъ образомъ накопился богатый матеріалъ, который далъ возможность въ интересахъ практическаго поль-

зованія имъ приступить къ составленію сборниковъ. Эти работы производились частными лицами; до нашего времени дошли слѣдующіе сборники: 1) Право земли Чешской, относящейся по мнѣнію проф. Иванишева къ первой половинѣ XII вѣка, съ содержаніемъ преимущественно процессуальнымъ; 2) Рядъ земскаго права, написанъ при Карлѣ IV на латинскомъ языкѣ, въ XIV ст. передѣланъ и переложень на чешскій языкъ; содержаніе этого сборника составляетъ уголовное судопроизводство; 3) Толкованіе чешскаго права, — составленный въ XIV в. Андреемъ Дубскимъ и содержащій уголовное и гражданское право и процессъ; 4) Девять книгъ о правахъ чешской земли, обширнѣйшій изъ всѣхъ другихъ сборниковъ, составленный Викториномъ Корнелиемъ изъ Вшегордъ въ началѣ XVI вѣка; по заявленію составителя, матеріалъ имъ былъ выбранъ изъ старыхъ сгнившихъ земскихъ досокъ¹⁾. Въ XV вѣкѣ возникла мысль о составленіи официальнаго законодательнаго сборника для всей земли. Для осуществленія этого собраны были изъ законодательныхъ актовъ, хранящихся въ архивахъ, и законодательныхъ досокъ матеріалы, на основаніи которыхъ коммисією изъ депутатовъ приступлено было къ кодификаціонной работѣ, и такимъ путемъ въ 1500 году, при королѣ Владиславѣ Ягеллончикѣ, былъ изданъ официальный статутъ чешскаго права, явившійся живымъ отраженіемъ древняго обычнаго права чешской земли. Иванишевъ, серьезно изучившій исторію чешскаго права, находитъ, что въ законахъ древнихъ чеховъ славянское право сохранилось въ большей полнотѣ, нежели въ законодательствахъ другихъ славянскихъ народовъ²⁾. Подобно чешскому статуту 1500 года, и Моравскіе статуты, впервые составленные въ концѣ XI вѣка, въ правленіе князя Конрада, образовались изъ старинныхъ обычныхъ правъ Моравской земли, въ соединеніи съ привилегіями этого государя³⁾.

По присоединеніи къ чешскому королевству княжествъ Опольскаго и Ратиборскаго, государственные чины послѣднихъ, въ

¹⁾ Иванишевъ Древнее право Чеховъ, стр. 107, 111.

²⁾ Тамъ-же, стр. 105.

³⁾ Н. Загоскинъ. Методы и средства сравнительнаго изученія древняго обычнаго права Славянъ, стр. 38.

соединеніи съ представителями княжествъ Глоговскаго, Стрже-невскаго, Словатинскаго, Козельскаго и другихъ, уложили для нихъ въ 1562 г. особыя статуты, положивъ въ основу ихъ давніе обычаи и свѣчи. Таково происхожденіе Слуцкихъ статутовъ, которые, какъ и Моравскіе статуты, твердо стоятъ на почвѣ древняго славянскаго обычнаго права.

Древніе поляки, какъ это свидѣтельствуется польскій историкъ-юристъ В. Мацѣевскій, жили безъ письменныхъ памятниковъ законодательства, руководствовались нормами обычнаго права, которыя съ крайнею неохотою облакали въ форму писаннаго слова, чѣмъ объясняется то обстоятельство, что долгое время не было полнаго собранія обычнаго права. Впервые въ 1260 г. Малая Польша, собравъ обычныя права свои, составила себѣ изъ нихъ Малопольскій статутъ, который не дошелъ до нашего времени въ непосредственномъ видѣ. Великая Польша также, основываясь на старинныхъ обычныхъ правахъ своихъ, составила Великопольскій статутъ. Затѣмъ въ 1347 году, при королѣ Казимірѣ Великомъ, изданъ былъ общій для обѣихъ частей Польскаго королевства Вислицкій статутъ, объединившій и дополнившій предшествовавшее законодательство. Приведенные законодательные памятники не обнимали всѣхъ нормъ обычнаго права польскаго народа,—какъ не въ состояніи сдѣлать это ни одинъ законодательный сборникъ; поэтому обычное право продолжало имѣть обширное примѣненіе и значительную жизненную силу и въ слѣдующія эпохи жизни польскаго народа. Такъ еще въ 1493 году король Альбрехтъ предписывалъ судьямъ сообразоваться въ юрисдикціи своей съ древними обычаями польской земли ¹⁾.

Въ древнемъ Сербскомъ королевствѣ законодательная дѣятельность обуславливалась началами обычнаго права, имѣвшими обширное жизненное примѣненіе, не только во внутреннемъ быту Сербскаго народа, но и въ юридическихъ отношеніяхъ ихъ къ иностранцамъ. Обычное право сербскаго народа получило сначала письменную формулировку въ грамотахъ, жаловавшихся королями церквамъ, монастырямъ, городамъ и общи-

¹⁾ Н. Загоскинъ. Методъ и средства сравнительнаго изученія древняго обычнаго права Славянъ, стр. 38 и 39.

намъ, а затѣмъ оно вошло въ законникъ короля Стефана Душана. Этотъ первый общій законодательный сборникъ изданъ въ 1349 году и дополненъ въ 1854 году. Источниками Законника Стефана Душана послужили нормы Сербскаго неписаннаго права, торговые договоры съ иностранцами, хрисовулы (грамоты) предшествовавшихъ государей, имѣвшіе въ основаніи своемъ также обычное право и, наконецъ, указы самого короля Душана. Ученые Мацѣевскій, Шафарикъ, Майковъ, Зигель и Леонтовичъ признаютъ Законникъ 1349 г. законодательнымъ памятникомъ, отразившимъ въ себѣ обычное право Сербской земли, а чрезъ посредство послѣдняго и коренныя начала древнѣйшаго общеславянскаго права. По присоединеніи къ Сербіи въ половинѣ XIV вѣка царства Болгарскаго и банства Боснійскаго, дѣйствіе Законника Стефана Душана было распространено и на эти земли. Тѣмъ не менѣе въ обѣихъ этихъ странахъ въ эпоху самостоятельнаго существованія ихъ было собственное болѣе или менѣе развитое законодательство, въ основаніи котораго опять-таки лежало мѣстное обычное право¹⁾.

Долѣе всѣхъ остальныхъ народовъ славянскаго племени обходились безъ письменныхъ законовъ Черногорцы, нормировавшіе всѣ отношенія юридическаго быта исключительно обычнымъ правомъ. Такъ продолжалось до самого конца XVIII вѣка и, только въ 1796 году, въ правленіе владыки Петра 1-го, составленъ былъ для Черногоріи первый сборникъ писанныхъ законовъ. Въ 1855 году появился въ Черногоріи новый уставъ князя Данила, извѣстный подъ именемъ Законника Данила 1-го, князя и господара Черногорскаго и Бардцкаго, уже болѣе обширный, чѣмъ уставъ владыки Петра 1-го²⁾. Въ семидесятыхъ годахъ въ Черногоріи приступлено было къ составленію гражданскаго уложенія. Работа поручена была знаменитому славянскому ученому В. Богишичу, профессору Императорскаго Новороссійскаго университета. Въ настоящее время гражданское уложеніе, вполне отразившее въ себѣ начала древняго обычнаго славянскаго права, дѣйствуетъ уже въ Черногоріи и, по своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ достоинствамъ, составляетъ одинъ

¹⁾ Н. Загоскинъ. Методъ и средство изуч. др. обыч. права, стр. 40, 41.

²⁾ Пахманъ. Исторія кодификаціи гражд. законовъ, стр. 185.

изъ замѣчательныхъ законодательныхъ памятниковъ нашего времени.

Что же касается, наконецъ, исторіи возникновенія Хорватско-Далматскаго законодательства, которымъ регулировалась юридическая жизнь отдѣльныхъ славянскихъ общинъ, расселенныхъ по восточному и сѣверо-восточному берегамъ Адриатическаго моря, то, хотя по свидѣтельству проф. Леонтовича, ¹⁾ Хорватскіе славяне уже въ X в. имѣли свои старинные письменные законы и статуты, тѣмъ не менѣе, какъ до изданія письменныхъ памятниковъ законодательства отношенія юридическаго быта Хорватовъ регулировались нормами обычнаго права, такъ и послѣ возникновенія у нихъ писаннаго законодательства, обычаи предковъ продолжали служить основнымъ источникомъ послѣдняго. Это положеніе вполне раскроется при изложеніи исторіи происхожденія трехъ важнѣйшихъ памятниковъ Хорватско-Далматскаго законодательства, именно: Винодольскаго закона, Полицкаго статута и законовъ города Загреба. Исторія происхожденія Винодольскаго закона слѣдующая ²⁾. Жители Винодольской общины, желая сохранить на будущее время старинные законы свои, которые, не будучи до того времени формулированы письменно, жили еще въ памяти старыхъ людей, — собрались въ 1280 году на купъ (вѣче) въ Новомъ городѣ (нынѣ Нови) и здѣсь, избравъ старѣйшихъ мужей отъ всѣхъ городовъ земли своей, поручили имъ записать и свести боедино всѣ тѣ законы, память о которыхъ перешла къ нимъ отъ отцовъ и дѣдовъ ихъ, такъ какъ законы эти, какъ говорится во вступленіи къ Винодольскому сборнику: „отъ теперешняго времени и напередъ могли быть оставлены вслѣдствіе забвенія“. Такимъ образомъ Винодольскій законъ есть ничто иное, какъ сборникъ древнѣйшихъ нормъ Хорватскаго обычнаго права. Законодательный сборникъ Полицкой общины, извѣстный подъ названіемъ Полицкаго статута, является полнѣйшимъ отраженіемъ мѣстнаго обычнаго права. Этотъ законодательный памятникъ не дошелъ до насъ въ первоначальной редак-

¹⁾ Древне-Хорватско-Далматское законодательство, стр. 4.

²⁾ Н. Загоскинъ. Методъ и средство срав. изуч. др. обыч. права Славянъ, стр. 43, 44.

ціи, а извѣстенъ въ настоящее время по позднѣйшимъ спискамъ и притомъ подвергнувшись переработкѣ. Неизвѣстенъ далѣе и самый годъ его составленія. По предположенію проф. Леонтовича ¹⁾, Полицкій статутъ первоначальной редакціи возникъ почти современно съ нашею „Русскою правдою“. Полицкій статутъ, по словамъ того же ученаго, построенъ всецѣло на нормахъ древняго устнаго обычнаго права и служитъ замѣчательнѣйшимъ памятникомъ древнѣйшаго славянскаго быта и права, объясняющимъ весьма много темныхъ сторонъ древне-славянскаго права. Будучи самымъ живымъ отраженіемъ народнаго обычнаго права, Полицкій статутъ указываетъ, что имъ предусмотрены далеко не всѣ отношенія юридической жизни, а потому рекомендуетъ судьямъ руководствоваться въ практической дѣятельности своей старыми обычаями.

Третій памятникъ Хорватско-Далматскаго законодательства это—законы города Загреба, состоящіеся изъ трехъ отдѣльныхъ статутовъ, изъ которыхъ первый относится къ 1242 году, послѣдній къ первой четверти XV в. Изъ этихъ статутовъ имѣетъ весьма важное значеніе для славянскаго права Загребскій статутъ 1242 г., такъ какъ онъ черпалъ свое содержаніе преимущественно изъ стариннаго обычнаго права ²⁾.

На первыхъ ступеняхъ развитія русскихъ Славянъ юридическій обычай также является единственною формою проявленія идеи права, и всѣ отношенія ихъ регулируются исключительно обычнымъ правомъ. Юридическіе обычай, существовавшіе въ каждой общинѣ, не были чѣмъ-то случайнымъ, но держались на преданіи, отличались строго консервативнымъ характеромъ. Они переходили изстари изъ поколѣній къ поколѣнію, являлись „какъ законъ отецъ своихъ и преданія“ (Несторъ). Старые обычай хранились въ устахъ народныхъ въ видѣ „пошлины“, незапамятной старины; сложившись въ теченіи вѣковъ, пошлина считалась ненарушимымъ закономъ, которымъ Славяне дорожили, какъ святынею. Общее господство обычнаго права начало ограничиваться со времени образованія у насъ общей княжеской власти, когда явились особые органы законодательства. Сфера

¹⁾ Леонтовичъ. Древнее Хорватско-Далматское законодательство, стр. 62.

²⁾ Н. Загоскинъ. Методъ и средства сравнительнаго изученія обычнаго права Славянъ, стр. 44, 45.

дѣйствія обычнаго права впрочемъ ограничивалась очень медленно: обычай постепенно уступалъ мѣсто закону, но удерживалъ за собою въ теченіи всей древней исторіи значеніе вспомогательнаго источника права. Первые наши уставы и законы—Русская правда, Псковская судная грамота и проч., по мнѣнію проф. Леонтовича ¹⁾, представляютъ не больше, какъ тѣ же народные обычаи, только санкціонированные письменнымъ изложеніемъ ихъ въ уставахъ и грамотахъ. Въ современномъ русскомъ законодательствѣ обычаи въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣютъ самостоятельную силу, на сколько дѣйствія ихъ не устраняются закономъ, такъ что они какъ-бы равноправны съ самымъ закономъ, въ другихъ—восполняютъ пробѣлы законодательства. Въ смыслѣ дополненія закона въ ст. 130 Уст. Гражд. Суд. говорится, что мировой судья имѣетъ право примѣнять обычай „въ случаяхъ, положительно неразрѣшенныхъ закономъ“. Таково общее правило о восполненіи закона. Независимо отъ этого общаго начала, въ сферѣ общихъ гражданскихъ постановленій есть указаніе на возможность восполненія законовъ обычаями. Такъ, въ 1539 ст. X т. ч. I, гдѣ изложены правила о толкованіи договоровъ, сказано: „когда выраженія, въ договорѣ помѣщенныя, не опредѣляютъ предмета во всѣхъ его частяхъ съ точностью, тогда принадлежности онаго изъясняются обычаемъ, если впрочемъ не опредѣлены онѣ закономъ“. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ дозволяется руководствоваться обычаями, хотя въ послѣднемъ случаѣ, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ проф. Цитовичъ, обычай имѣетъ скорѣе знаніе обыкновенія.

Гораздо болѣе случаевъ указано въ законодательствѣ относительно примѣненія обычаевъ въ смыслѣ замѣны закона. Такъ уже въ общемъ правилѣ для мировыхъ судей, въ ст. 130 Уст. Гражд. Суд., указаны случаи замѣны закона обычаемъ при ссылкѣ одной изъ тяжущихся сторонъ. Затѣмъ допускается подобная замѣна въ торговомъ быту, напр., въ ряду законовъ о поклажѣ постановлено, что совершеніе поклажи не связывается письменною формою, когда поклажа производится по купеческому обычаю (ст. 2112 X т., 1 ч.). Точно также говорится о

¹⁾ Исторія русскаго права, стр. 105.

подрядахъ: „заготовленіе или покупки разныхъ потребностей въ мѣстахъ заграничныхъ, равно отправленіе съ иностранными шкиперами всякихъ вещей и припасовъ за границу производить на общемъ коммерческомъ основаніи, сообразно мѣстнымъ торговымъ обычаямъ“ (ст. 1836 X т., 1 ч.). Относительно примѣненія торговыхъ обычаевъ къ торговымъ дѣламъ проф. Цитовичъ даетъ слѣдующія указанія: 1) обычай вообще примѣняется къ судебнo-торговымъ дѣламъ, а не только обычай мѣстный, какъ въ ст. 130 Уст. Гражд. Суд.; 2) примѣненіе его не зависитъ отъ ссылки сторонъ, и 3) примѣненіе обычая имѣетъ мѣсто лишь при недостаточности положительныхъ законовъ¹⁾.

Болѣе широкое примѣненіе въ смыслѣ самостоятельной юридической нормы имѣетъ обычай въ крестьянскомъ быту. Относительно крестьянскихъ обычаевъ есть болѣе или менѣе общія правила, высказанныя въ Положеніи о крестьянахъ 1861 года. Сюда относятся главнымъ образомъ прим. къ ст. 21 Общ. Пол. о крестьянахъ, по которому въ дѣлахъ по опеку крестьяне руководствуются мѣстными общими обычаями, точно также по ст. 38 относительно порядка наслѣдованія. По нашему праву порядокъ наслѣдованія опредѣляется близостью родства; между тѣмъ въ крестьянскомъ быту, кромѣ этого и степенью труда: кто больше накопилъ, тотъ больше и получаетъ. Примѣненіе обычая допущено по ст. 107 Общ. Полож. о кр., по которой волостнымъ судамъ предоставляется разбирать дѣла на основаніи мѣстныхъ обычаевъ. Наконецъ въ 25 ст. Врем. Правиль о волост. судѣ опредѣляется: „при рѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами, въ особенности же о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства, судъ руководствуется мѣстными обычаями“. Далѣе нашъ законъ относительно инородцевъ устанавливаетъ слѣдующее: инородцы управляются по своимъ обычаямъ, и судамъ предоставляется рѣшать дѣла по ихъ обычаямъ относительно пользованія собственностью.

Изъ краткаго историческаго очерка отношенія обычнаго права къ законодательствамъ выясняется уже съ достаточною полнотою то обстоятельство, что законодательство каждаго народа вырабатывается изъ нормъ обычнаго права и обуславливается

¹⁾ Цитовичъ. Лекціи по торговому праву, стр. 88.

естественно-историческими условіями жизни и развитія даннаго народа, что заимствованіе въ сферѣ развитія правовой жизни готовыхъ формъ одного народа у другого, хотя и возможно, въ виду существованія извѣстной степени однообразія въ прогрессивномъ развитіи народовъ, но оно не должно подавляющимъ образомъ дѣйствовать на національный юридическій бытъ народа и его право. Исторія указываетъ намъ много примѣровъ того, на сколько вредно отражается исключительное господство иноземнаго права. Римское право, перенесенное въ Германію ревностными нѣмецкими учеными возникшей въ XII в. глоссаторской школы въ Болоньѣ, получило въ Германіи такое господство и исключительное значеніе, что нѣмецкія легисты, по замѣчанію проф. Богишича, ¹⁾ считали варварскимъ, недостойнымъ вниманія науки, всякій нѣмецкій правовой институтъ, который не подходилъ подъ начала римскаго права. Мѣстные установленія отдѣльныхъ земель были въ ихъ глазахъ лишь уклоненія и неправильности. Благодаря такому направленію, римское право въ началѣ XVI в. одержало полную побѣду надъ національнымъ правомъ, но „съ этою побѣдою, говоритъ Блончли, наука права потеряла очень много своей жизненной силы, мертвѣла все болѣе и болѣе и низошла до безсмысленнаго, но практически удобнаго, примѣненія мертвыхъ и абстрактныхъ началъ. Невыносимый формализмъ, педантство, безвкусіе, рабское подчиненіе римскому праву—вотъ характеристическія черты римской юриспруденціи послѣднихъ вѣковъ въ Германіи“.

Законодательство, которое не обращаетъ вниманія на общественное положеніе народа, становится часто въ противорѣчіе съ народною жизнью. Проф. Богишичъ приводитъ два примѣра такого положенія вещей ²⁾. Въ Далмаціи, говоритъ онъ, шестьдесятъ лѣтъ, а въ Хорватіи двадцать лѣтъ тому назадъ былъ введенъ общій австрійскій сводъ, дѣйствующій до сихъ поръ, но въ Далмаціи, особенно по вопросу юридическихъ отношеній семьи и наследства между крестьянами, составляющими громадное большинство населенія, онъ никогда не вступалъ и не могъ вступить въ жизнь: его должны были игнорировать и народъ,

¹⁾ Богишичъ. О научной разработкѣ Славянскаго права. С.-Пет. 1870 г., стр. 4.

²⁾ Тамъ-же, стр. 14 и 15.

и судьи. Въ Хорватіи и Славоніи само министерство вынуждено было административнымъ порядкомъ пріостановить дѣйствіе тѣхъ частей, которыя находились въ коренномъ противорѣчій съ обычнымъ правомъ крестьянскаго народонаселенія. Нѣчто подобное случилось съ Сербамъ въ княжествѣ при изданіи свода гражданскихъ законовъ. Это изданіе лучше всего характеризуютъ слова одного изъ лучшихъ сербскихъ юристовъ Кристича: „мы страшно погрѣшили, говорилъ онъ, тѣмъ, что усвоили себѣ законъ извнѣ, безъ всякаго вниманія къ народнымъ понятіямъ, обычаямъ и нуждамъ. Законы, взятые извнѣ безъ достаточной ихъ оцѣнки, сдѣлали то, что во многихъ случаяхъ, имѣя законъ, остаемся безъ закона, и народъ, а часто и сами власти не разумѣютъ закона. Отсюда выходитъ, что дѣлаются противузаконія въ то время и тамъ, когда и гдѣ никто не желалъ поступить противозаконно“.

Только путемъ глубокаго и всесторонняго изученія юридическаго быта своего народа можно избѣгнуть печальнаго явленія—созданія законовъ несоотвѣтствующихъ правамъ и обычаямъ народа. Русская юриспруденція весьма мало сдѣлала для изученія правовъ и обычаевъ своего народа и ограничивается только изученіемъ писаннаго права. Въ чемъ кроется причина такого направленія нашей юридической науки, мы не будемъ касаться, такъ какъ это не входитъ въ планъ нашей работы, но считаемъ полезнымъ ознакомить читателя со взглядомъ, высказаннымъ по этому предмету проф. Д. К. Мейеромъ: „наука гражданского права, говоритъ онъ, не можетъ ограничиться изученіемъ положительныхъ гражданскихъ законовъ. Должно сознаться, однако, что возрѣніе на юриспруденцію, какъ на науку положительныхъ законовъ, у насъ господствующее. И вотъ обстоятельства, поддерживающія это возрѣніе: изученіе положительныхъ законовъ легче, чѣмъ изученіе закона дѣйствительнаго. Изученіе закона дѣйствительнаго требуетъ постояннаго наблюденія надъ явленіями дѣйствительности, обширнаго знакомства съ жизнью, разоблаченія многихъ юридическихъ отношеній, тайныхъ для постороннихъ лицъ: все это дѣло нелегкое. Поэтому, если существуетъ возрѣніе, что юриспруденція состоитъ въ изученіи положительныхъ законовъ, очень легко поддаться

ему: человекъ очень склоненъ успокаивать совѣсть свою какими-бы то ни было средствами и, видя трудность въ изученіи законовъ дѣйствительности, охотно хватается за мнѣніе, что знаніе положительныхъ законовъ составляетъ науку правовѣдѣнія¹⁾).

Судебно-крестьянскою реформою, введенною по закону 12 Юля 1889 года, должностныя лица и цѣлыя учрежденія поставлены въ прямое, непосредственное отношеніе къ крестьянскимъ судамъ и получили полную возможность всесторонне изучать народное право. Поэтому весьма желательно, чтобы Уѣздныя Съѣзды собирали матеріалы по обычному праву и стремились къ составленію мѣстныхъ сборниковъ по обычному праву, которые должны имѣть весьма важное значеніе въ дѣлѣ отправленія правосудія въ крестьянскихъ судахъ и затѣмъ при составленіи гражданскаго уложенія Имперіи. Судебно-крестьянскою реформою послѣдняго времени ставится на очередь двѣ великія задачи: правильное устройство суда для многомиліоннаго крестьянскаго населенія и нормированіе правовой жизни крестьянскаго населенія на основаніи, не только писаннаго права, но и самобытныхъ началъ обычнаго права русскаго народа, выработавшихся подъ дѣйствіемъ особыхъ естественно-историческихъ условій жизни и развитія народа и отражающихъ индивидуальныя особенности русскаго народнаго духа и генія. Такія задачи могутъ быть достигнуты только при содѣйствіи науки, а поэтому весьма желательно, чтобы въ нашихъ университетахъ въ кругъ юридическихъ наукъ вошелъ-бы и курсъ русскаго обычнаго права. Матеріалы, собранныя правительственными комиссіями, научныя изслѣдованія этихъ матеріаловъ учеными и изслѣдованія по исторіи русскаго права, не смотря на то, что дѣло изученія явленій народно-правовой жизни находится у насъ еще въ зародышѣ, открываютъ уже возможность съ университетскихъ кафедръ знакомить студентовъ съ началами русскаго обычнаго права и съ методами изученія явленій народно-правовой жизни и такимъ образомъ готовить дѣятелей, обогащенныхъ научными знаніями и способныхъ, путемъ научнаго наблюденія надъ явленіями правовой жизни народа, оказать помощь развитію русскаго законодательства.

Многомилліонное крестьянское населеніе и въ настоящее вре-

1) Мейеръ. Русское гражданское право, стр. 10.

мя еще руководится въ сферѣ частныхъ гражданскихъ отношеній не писанными законами, а правилами, слагавшимися путемъ обычаевъ, во многомъ несогласными съ началами законодательства и ни въ какіе сборники занесенными. Русскому государству предстоитъ великая задача собрать разрозненные нормы неписаннаго права и создать для многомилліоннаго крестьянскаго населенія кодексъ гражданскихъ законовъ. Осуществленію правительствомъ этой задачи можетъ помочь научная дѣятельность юристовъ, которые, путемъ изученія исторіи права, современнаго состоянія обычнаго права и сравнительнаго изученія русскаго обычнаго права съ обычнымъ правомъ другихъ славянскихъ племенъ, должны раскрыть національные принципы русскаго права, какъ основы, какъ краеугольнаго камня всего дальнѣйшаго хода развитія правового быта и законодательства. Поэтому и русская юридическая наука должна стать самостоятельною наукою и обратиться ко всестороннему изученію правовой жизни и юридическаго быта русскаго народа.

Мысль о необходимости для блага и развитія страны своей самостоятельной науки съ такою силою и глубиною изображена нашимъ извѣстнымъ ученымъ И. И. Срезневскимъ, что я и закончу свой очеркъ словами этого ученаго: „она есть, эта русская наука. На нее, какъ на частную долю науки общечеловѣческой, имѣетъ Русскій народъ право столь же исключительное, какъ и каждый другой народъ, сочувствующій успѣхамъ науки, на свою собственную долю. Чѣмъ сильнѣе народъ духомъ, своебытностью, любовію къ знаніямъ, образованностью, тѣмъ его доля въ наукѣ болѣе; но у каждаго народа, не чуждаго свѣта просвѣщенія, есть своя доля, есть своя народная наука. Народъ, отказывающійся отъ нея, съ тѣмъ вмѣстѣ отказывается и отъ своей самобытности—на столько же, какъ и отказываясь отъ своей доли въ литературѣ и искусствѣ, въ промышленности и гражданственности... Главный долгъ народной науки—изслѣдовать свой народъ, его народность, его прошедшее и настоящее, его силы физическія и нравственныя, его значеніе и назначеніе. Народная наука въ этомъ смыслѣ есть исповѣдь разума народа передъ самимъ собою и передъ цѣлымъ свѣтомъ“¹⁾.

Н. С. Илларионовъ.

¹⁾ И. И. Срезневскій. Мысли объ исторіи русскаго языка, стр. 1.

Семейство 52-ое. Ягодниковыя, Vacciniaceae.

Это семейство маленькихъ ягодныхъ кустарниковъ съ кожистыми вѣчно-зелеными листьями имѣеть у насъ представителемъ только одинъ видъ—*клюкву*, *Vaccinium Oxycoccus*, L., встрѣчающуюся въ торфянистыхъ котловинахъ по водораздѣлу рѣки Удѣ, между прочимъ около д. Гавриловки къ юго-востоку отъ Харькова. Клюква представляетъ кустарничекъ съ тонкими, ползучими стеблями и малыми, продолговатыми, вѣчно-зелеными листьями съ завитыми внизъ краями. Цвѣтки у нея на длинныхъ ножкахъ, по 1—4, въ зонтикахъ; вѣнчикъ розовый колесовидный, 4 — раздѣльный, ягода темно-красная. Цвѣтетъ вначалѣ лѣта, но въ упомянутыхъ мѣстностяхъ встрѣчается въ такомъ небольшомъ количествѣ, что о пользованіи ягодами ея для продажи не можетъ быть рѣчи. Всѣ запасы клюквы, продающіеся у насъ въ фруктовыхъ лавкахъ, происходятъ изъ сѣвера. Ни *брусника*, *Vaccinium Vitis idaea*, L., ни *черника*, *V. Myrtillus*, L., изрѣдка встрѣчающаяся въ Полтавской и Курской губерніяхъ, въ Харьковской мѣ не попадались.

Семейство 53-е. Грушанковыя, Ruginaceae.

Маленькія, многолѣтнія, вѣчно-зеленыя травы, съ ползучимъ корневищемъ и острограннымъ стеблемъ; листья кожистые, сѣтчато-нервные, цвѣтки поникшіе. Чашечка 5-раздѣльная, вѣнчикъ 5-лепестный, тычинокъ 10; коробочка шаровидная, 5-створчатая, раскрывающаяся по срединѣ 5-трещинками. У насъ два рода, коихъ представители встрѣчаются только въ лѣсахъ и рощахъ.

Грушанка, *Ruginia*. Всѣ ниже указанные виды этого рода произрастаютъ у насъ только въ сосновыхъ рощахъ и борахъ. Къ довольно обыкновеннымъ принадлежатъ: *Г. однорядная*, *R. secunda*, L., легко узнается по приподнимающимся, олиствленнымъ стеблямъ, до $\frac{1}{2}$ ф. высоты, — айцевиднымъ, заостреннымъ, пальчатымъ листьямъ и зеленоватымъ цвѣткамъ въ одностороннемъ гроздѣ.—*Г. зонтичная*, *R. umbellata*, L. (*Chimophila umbellata*, Nutt.) имѣеть листья клиновидно-ланцетные на короткихъ черешкахъ, снизу цѣльнокрайніе, кверху остро-пальчатые; цвѣтки въ оконечныхъ зонтикахъ на длинныхъ цвѣтоножкахъ, колокольчатые, красноватые, столбикъ короткій. Оба вида цвѣтутъ вначалѣ лѣта.—Гораздо рѣже встрѣчаются у насъ: *Г. круглолистная*, *R. rotundifolia*, L., съ округленными прикорневыми листьями на длинныхъ черешкахъ и бѣлыми цвѣтками въ рѣдкомъ гроздѣ. Стебель 4-гранный до $\frac{3}{4}$ ф. высоты. Растетъ на влажныхъ мѣстахъ. *Г. зеленая*, *R. chlorantha*, Sw. меньше ея ростомъ, съ 3-граннымъ красноватымъ цвѣтоноснымъ стеблемъ и 5—7 зеленоватыми, полушаровидными цвѣтками въ гроздѣ.—*Г. средняя*, *R. media*, Sw., болѣе сходна съ круглолистной, отличается отъ нея шаровиднымъ полураскрытымъ вѣнчикомъ и косымъ кверху постепенно утолщающимся столбикомъ.—*Г. малая*, *R. minor*, L., едва достигаетъ $\frac{1}{2}$ ф. высоты, имѣеть цвѣтки шаровидные, мало-раскрытые, розовые или бѣлые, въ которыхъ столбикъ короче вѣнчика, съ широкимъ рыльцемъ. Последняя въ окрестностяхъ Харьковскаго округа встрѣчается въ окрестностяхъ д. Гавриловки и д. Мухоморова.

стностяхъ Харькова около Мерёфы перѣдка. — Къ очень рѣдкимъ у насъ принадлежатъ: *I. одноцвѣтковая*, *P. uniflora*, *L.* (*Moneses grandiflora*, *Salisb.*), легко узнаваемая по одиночнымъ цвѣткамъ съ довольно большимъ бѣлымъ, растопыреннымъ вѣнчикомъ. Грушанки содержатъ довольно много дубильныхъ веществъ и употребляются кое-гдѣ для дубленія нѣжныхъ сортовъ кожи, а также для окраски ихъ въ черный цвѣтъ. Нѣкоторые виды, примѣнявшіеся прежде въ медицину, въ настоящее время вышли изъ употребленія.

Подхвойникъ, *Monotropa*. Безхлорофильное, бѣлое или желтоватое растеніе съ гроздовиднымъ соцвѣтіемъ и верхушечнымъ цвѣткомъ. *II. обыкновенный*. Стебель мясистый, простой, отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ ф. высоты, вмѣсто листьевъ усаженъ прижатыми чешуйками; цвѣтки желтоватые, на короткихъ ножкахъ, въ пазухахъ прицвѣтниковъ, собраны колосовиднымъ гроздомъ; чашечка 5-раздѣльная, вѣнчикъ 5-лепестный, тычинокъ 10, раскрывающихся поперечною щелью. — Встрѣчается изрѣдка въ хвойныхъ лѣсахъ, по одиночкѣ или кустиками въ нѣсколько стеблей у основанія сосновыхъ стволовъ, поэтому считаютъ это растеніе корневымъ паразитомъ сосны. Новѣйшія наблюденія доказали однакожь, что подземная корневища этого растенія покрыты гифами грибка, который живетъ съ нимъ въ симбіозѣ и, независимо отъ сосны, доставляетъ необходимую для него органическую пищу.

Подклассъ III. Вѣнчицоцвѣтныя. *Corolliflorae*.

Вѣнчикъ сростнолепестный, нижній, тычинки прикрѣплены къ вѣнчику.

Семейство 54-е. Пузырчатковыя. *Utriculariaceae*.

Изъ этого семейства въ нашей флорѣ находится одинъ только родъ:

Пузырчатка. *Utricularia*. Водяныя растенія, безъ корней, съ листьями погруженными, многократно - перисто-разсѣченными на тонкія, нитевидныя дольки и снабженными притомъ своеобразными, воздухоносными пузырьками. По новѣйшимъ наблюденіямъ пузырьки эти имѣютъ клапанъ, открывающійся внутрь и приспособленный, посредствомъ особыхъ рѣсничекъ, къ ловлѣ мелкихъ водяныхъ животныхъ (дафниды) и вѣроятно инфузорій. Животныя, попавшія внутрь пузырька, не могутъ уже изъ него освободиться и служатъ органическою пищею для этихъ растеній, причисляемыхъ поэтому къ группѣ такъ называемыхъ „плотоядныхъ“ растеній. Цвѣтки пузырчатокъ съ 2-листной чашечкою, двугубымъ, масковиднымъ вѣнчикомъ и 2 тычинками, расположены гроздомъ на безлистномъ цвѣтоносномъ стебелькѣ, во время цвѣтенія торчащемъ надъ водою. Три вида этихъ растеній, произрастающихъ обыкновенно въ стоячихъ водахъ, озерахъ, прудахъ и болотныхъ лужахъ, встрѣчаются у насъ довольно рѣдко. Чаше другихъ попадаетъ *II. обыкновенная*, *U. vulgaris*, *L.* У нея листья очередные, всѣ снабжены пузырьками; цвѣтки довольно крупныя, по 4—8 въ гроздѣ; вѣнчикъ желтый, 2-губый, съ довольно длиннымъ шпорцемъ, нижняя губа съ выпуклою, заслоняющею зѣвъ, и намѣченною оранжевыми

полосками. Цвѣтеть, какъ и остальные виды, лѣтомъ.—*II. меньшая*, *U. minor*, L.; вдвое меньше предыдущей, имѣеть листья очередные, но пузырьки только на нѣкоторыхъ изъ нихъ; цвѣтоносецъ съ 4 блѣдно-желтыми цвѣтками; нижнюю губу съ выемчатымъ и отвороченнымъ внизъ краемъ; выпуклину съ бурыми полосками и едва замѣтный шпорецъ.—*III. средняя*, *U. intermedia*, L., отличается отъ предыдущихъ двурядно расположенными листьями, кои всѣ снабжены пузырьками, и блѣдно-желтыми цвѣтками съ красноватою верхнею губою и красными полосками на выпуклинѣ; шпорецъ небольшой. Всѣ упомянутые виды многолѣтны.

Семейство 55-ое. Первоцвѣтныя, Primulaceae.

Травы средняго или малаго роста; за исключеніемъ водяныхъ, съ цѣльными листьями и цвѣтками въ пазухахъ листьевъ, въ гроздахъ или зонтикахъ. Чашечка 5—(рѣже 4—7) раздѣльная или зубчатая. Вѣничикъ правильный, б. или м. глубоко раздѣльный на столько частей сколько долей чашечки, или же его вовсе нѣтъ. Тычинокъ столько, сколько частей вѣничика, прикрѣпленныхъ къ нимъ посрединѣ каждой части. Завязь одна, одногнѣздная, многосѣмянная, съ центральнымъ сѣмяносецемъ. Столбикъ одинъ. Плодъ коробочка.

Турча, *Hottonia*. Водяныя растенія съ погруженными въ воду вѣтками и листьями и оконечнымъ гроздомъ цвѣтковъ на выдающемся изъ воды безлистномъ стеблѣ.—*T. болотная*, *H. palustris*, L. Корневище многолѣтнее, ползучее на илистомъ днѣ. Листья на вѣтвяхъ его околышами, гребенчато-перисто-раздѣльные. Цвѣтоносный стебель отъ $\frac{1}{2}$ до 1 ф. высоты надъ водою. Цвѣтки довольно крупныя, по 3—6 околышами на верхушкахъ его, бѣлыя или блѣдно-розовыя. Чашечка глубоко-5-раздѣльная, вѣничикъ съ короткою трубкою и 5 лопастымъ отгибомъ. На болотахъ, по берегамъ прудовъ, не рѣдко. Цвѣтеть въ маѣ и іюнѣ.

Первоцвѣтъ, *Primula*. Травы съ розетою прикорневыхъ листьевъ и зонтикомъ желтыхъ цвѣтковъ на верху безлистнаго цвѣтоноснаго стебля.—У насъ одинъ только видъ: *P. врачебный*, *P. officinalis*, Jacq. Прикорневые листья яйцевидные или продолговатыя, суживающіеся въ окрыленный черешокъ, на нижней сторонѣ нѣжно-бархатистыя. Цвѣтоносный стебель $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ ф. высоты. Цвѣтки въ простомъ зонтикѣ; чашечка колокольчатая, съ желтоватыми гранями, столь же длинная, какъ трубка вѣничика; вѣничикъ блѣдно-желтый съ оранжевымъ зѣвомъ. Въ лѣсахъ и кустарникахъ, по опушкамъ и окраинамъ тропинокъ, обыкновенный. Цвѣтеть въ концѣ апрѣля и въ маѣ. Цвѣтки слегка душистыя, употреблялись прежде въ медицинѣ въ видѣ грудного чая.

Къ этому же роду принадлежатъ многочисленныя, красивыя разновидности садовыхъ и горшечныхъ растеній съ розовыми, лиловыми, бѣлыми и пестрыми цвѣтками, называемыя обыкновенно „авриколами“. Породы эти происходятъ частью отъ альпійскихъ растеній *P. Auricula*, L. и *P. farinosa* и др., большею же частью отъ *P. sinensis*, Lindl., привезенной въ 1824 г. изъ Китая, гдѣ культура ея доставила много красивыхъ формъ съ розовыми и лиловыми цвѣтками.

Проломникъ, *Andròsace*. Маленькія изящныя растеніица съ розе-

тою прикорневыхъ листьевъ и бѣлыми цвѣтками въ зонтикахъ. У нихъ чашечка колокольчатая; вѣнчикъ съ раздутою, кверху суженною, трубкою и 5-разщепнымъ отгибомъ, тычинокъ 5 на короткихъ нитяхъ; коробочка 5-створчатая.—*П. удлиненный*, *A. elongata*, L. Листья яйцевидно-ланцетные, зубчатые. Цвѣточные стебли короткіе, отъ 1 до 2 дюймовъ высоты; цвѣтоножки почти равны имъ или немного короче; прицвѣтники у основанія зонтика ланцетные; чашечка длиннѣе молочно-бѣлаго, съ желтоватымъ зѣвомъ, вѣнчика. На склонахъ, по прогалинамъ, на пастбищахъ и лугахъ довольно-обыкновенный. Цвѣтетъ весною.—*II северный*, *A. septentrionalis*, L. Листья узко-ланцетные, зубчатые, покрыты короткими волокнами. Цвѣточные стебли до 4 д. высоты; цвѣтоножки въ 3 раза короче ихъ; прицвѣтники зонтика очень короткіе, линейные; чашечка короче вѣнчика. На супескахъ, въ борахъ и на низменныхъ поляхъ дов. обыкновенный. Цвѣтетъ весною до іюня. Оба вида наши двулѣтніе.

Вербейникъ. *Lysimachia*. Многолѣтнія травы съ супротивными или околышевыми листьями, средней высоты. Чашечка 5-раздѣльная; вѣнчикъ 5-раздѣльный съ колесовиднымъ или немного вогнутымъ отгибомъ. Тычинокъ 10 (внѣшнія безплодныя) или 5; коробочка 5-створчатая. У насъ 3 вида этихъ растений.—*В. обыкновенный*, *L. vulgaris*, L. Корневище съ отпрысками. Стебель прямостоячій отъ 2 до 3 ф. высоты. Листья на короткихъ черешкахъ, супротивные или по 3—4 околышами, яйцевидно-ланцетные, усѣянные темно-красными точками. Цвѣтки въ гроздахъ на верхушкѣ стебля и въ пазухахъ верхнихъ листьевъ образуютъ окончное метельчатое соцвѣтіе. Цвѣтки средней величины, золотисто-желтые. На влажныхъ мѣстахъ, по берегамъ водъ и на низменныхъ поляхъ обыкновенный. Цвѣтетъ лѣтомъ до сентября. Траву употреблялась прежде въ медицинѣ и при соответственномъ приготовленіи даетъ желтую краску.—*В. гроздоцвѣтный*, *L. thyrsoflora*, L., легко отличается отъ предъидущаго восходящимъ густо-облиственнымъ стеблемъ съ длинными отпрысками при основаніи, узко-ланцетными, сидячими, полуобъемлющими листьями и малыми блѣдно-желтыми цвѣтками, собранными въ грозды, находящіяся въ пазухахъ листьевъ; грозды на ножкахъ, но короче листьевъ. Растетъ по иловатымъ берегамъ прудовъ и на болотахъ, но встрѣчается рѣдко. Цвѣтетъ лѣтомъ.—*В. ползучій*, *L. Nummularia*, L. Стебель лежачій, вкореняющійся. Листья супротивные, округленные или яйцевидные, на короткихъ черешкахъ. Цвѣтки крупныя, по одному или по два въ пазухахъ листьевъ, на короткихъ цвѣтоножкахъ, лимонно-желтые. На влажныхъ мѣстахъ въ кустарникахъ и рощахъ самый обыкновенный. Цвѣтетъ съ іюня до осени.

Меньшакъ, *Centunculus*. Маленькія растеньица, съ цѣльнокрайними листьями и одиночными пазушными цвѣтками. Чашечка и вѣнчикъ 4-раздѣльные; тычинокъ 4; коробочка, раскрывающаяся поперечною щелью.—*М. луговой*, *C. minimus*, L., встрѣчается у насъ рѣдко на влажныхъ лугахъ, по окраинамъ канавъ. Имѣетъ стебель приподнимающійся, отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ дюйма высоты; листья попеременные, сидячіе, округло-яйцевидные; цвѣтки сидячіе, вѣнчикъ бѣлый или блѣдно-розовый. Растеніе однолѣтнее, цвѣтетъ лѣтомъ.

Млечникъ. Glaux. алыя, немного мясистыя травки, съ супротивными цѣльнокрайними листьями. Чашечка окрашенная, вѣничковидная, колокольчатая; вѣника нѣтъ вовсе; тычинокъ 5; коробочка 5-створчатая.—*M. морской*, *G. maritima*, L. Стебелекъ прилегающій, густо-облиственный, 3—4 д. длины. Листья почти сидячіе, ланцетные или эллиптическіе. Цвѣтки въ пазухахъ листьевъ маленькіе, собраны въ облиственный колосъ. Чашечка блѣдно-розовая, рѣдко бѣлая. На влажныхъ, солончаковыхъ мѣстахъ въ Кулянскомъ у. изрѣдка, около г. Славянска вблизи соленыхъ озеръ—верѣдко и всегда общественно.

Семейство 56-е. Масличныя. Oleaceae.

Къ этому семейству принадлежатъ деревья и кустарники съ супротивными листьями и обоюполовыми или разнородными цвѣтами. Цвѣтки или вовсе безъ околоцвѣтника, какъ у ясеня, или чашечка о 4 зубчикахъ, вѣничекъ ворончатый съ 4-раздѣльнымъ отгибомъ; тычинокъ 2, прикрѣпленныхъ въ трубчкѣ вѣника; завязь верхняя съ 1 столбикомъ. Плодъ—крылатка, коробочка или ягода.

Ясень, Fraxinus. Деревья съ непарно-перистыми листьями и сухими плодами въ видѣ продолговатой крылатки.—*Я. обыкновенный*, *F. excelsior*, L. Красивое дерево, достигающее 60—70 фут. высоты. Листья супротивные, перистые, съ 7—11 ланцетными, пильчатыми, почти сидячими листочками. Цвѣтки развиваются до появленія листьевъ изъ особыхъ почекъ на прошлогоднихъ побѣгахъ и представляются сначала въ видѣ пучка тычинокъ, окруженныхъ при основаніи маленькими мохнатыми чешуйками. Въ дальнѣйшемъ развитіи цвѣтки оказываются или мужскими, изъ двухъ краснобурыхъ тычинокъ, или обоюполовыми, состоящими изъ двухъ тычинокъ и одного плодника посрединѣ. Продолговатыя крылатки до 2 дюймовъ длины содержатъ при основаніи два сѣмячка.—Ясень встрѣчается у насъ еще довольно часто въ рощахъ и лиственныхъ лѣсахъ, преимущественно на сырыхъ мѣстахъ, въ ложбинахъ, но изъ году на годъ высокія деревья попадаются рѣже, такъ какъ хорошія качества древесины побуждаютъ къ вырубкѣ лучшихъ особей. Только кое-гдѣ въ садахъ и паркахъ ясень достигаетъ настоящихъ размѣровъ. Онъ зацвѣтаетъ въ концѣ апрѣля до развитія на немъ листьевъ.—Молодая древесина ясени бѣлая, прочная но чень упругая; старая—буровато-желтая съ узкими блестящими сердцевинными лучами и широкими годичными кольцами, коихъ внутренній край пронизанъ, какъ у дуба, крупными порами. Послѣдняя въ твердости хотя и уступаетъ дубу, но легче его, притомъ прочна и упруга, поэтому предпочитается столярами для выдѣлки мебели и особенно на постройку земледѣльческихъ машинъ. Молодые деревья ясени доставляютъ хорошія матеріалы для обручей и мелкихъ столярныхъ издѣлій. Листья съ молодыми вѣтками, срѣзанные весною, связанные вѣничками и высушенные въ тѣни на открытомъ воздухѣ могутъ служить хорошимъ подспорьемъ поздней весною для корма овецъ и даже рогатаго скота. Кора употребляется для дубленія кожъ, по содержанію въ ней горькихъ веществъ имѣетъ слабое дѣйствіе хинной

корки, но чаще всего употребляется для окраски сафьяна въ бурый и синій цвѣтъ. Ясень питаетъ многихъ насѣкомыхъ, изъ коихъ жучекъ «шпанка» (*Lytta vesicatoria*) появляется на немъ въ иные годы въ значительномъ количествѣ и можетъ быть собираемъ для медицинскаго употребленія. Въ Молдавіи и Валахіи въ благоприятные годы собираютъ его десятками и сотнями четвертей, такъ что онъ служитъ тамъ предметомъ вывозной торговли.

Вирючина, Ligustrum. Кустарники съ супротивными кожистыми листьями и маленькими бѣлыми цвѣтками. *В. обыкновенная*, *L. vulgare*, *L.* Кустарникъ въ 7 — 10 ф. высоты, съ длинными прутьевидными вѣтками; листья почти вѣчно-зеленые, ланцетные, цѣльнокрайніе, на короткихъ черешкахъ. Цвѣтки въ густыхъ гроздахъ на концахъ вѣтокъ. Ягоды круглыя, черныя, цвѣтеть въ концѣ іюня и іюль. *В.* встрѣчается у насъ очень рѣдко въ рощахъ. Я находилъ ее въ Кулянскомъ и Волчанскомъ уѣздахъ и въ Полтавской губерніи—чаще. Даже въ садахъ ее какъ-то неохотно разводятъ, хотя по долго зеленѣющимъ листьямъ она довольно красива. За границею очень часто пользуются ею для живыхъ изгородей, такъ какъ бирючина вкореняется сильно и очень вынослива. Древесина бирючины плотная, упругая, очень пригодна для токарныхъ издѣлій; вѣтки въ хозяйствѣ могутъ служить вмѣсто лозы для заплетанія заборовъ. Ягоды содержатъ красно-бурый сокъ, употребляемый нерѣдко для подкрашиванія винъ.

Сирень, Syringa. Весьма обыкновенные и любимые кустарники, разводимые повсюду въ садахъ и паркахъ, съ супротивными, простыми листьями и душистыми цвѣтками. Чашечка 4-зубчатая. Вѣничекъ съ длинною трубкою и 4-лопастнымъ отгибомъ. Плодъ—двугнѣздная, двустворчатая коробочка.—*С. обыкновенная*, *S. vulgaris*, *L.* Кустарникъ отъ 6 до 10 ф. высоты. Листья супротивные, на короткихъ черешкахъ, сердцевидные, заостренные, цѣльнокрайніе. Цвѣтки въ окончныхъ густыхъ, пирамидальныхъ соцветіяхъ, лиловые, фіолетовые или бѣлые, душистые. Цвѣтеть въ маѣ и началѣ іюня. Отечество Персія, откуда въ 1560 г., въ царствованіе Фердинанда I, посланникомъ Бусбекомъ впервые привезена въ Вѣну. Съ тѣхъ поръ распространилась по всей Европѣ, а въ Венгріи и Трансильваніи встрѣчается и въ одичаломъ состояніи. Горькій экстрактъ незрѣлыхъ плодовъ считаютъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ лихорадки. Желтоватая, довольно плотная, древесина старыхъ стволовъ красиво свилевата, хорошо полируется и царскою водою легко окрашивается въ красный цвѣтъ, поэтому охотно употребляется для токарныхъ издѣлій.—Кромѣ обыкновенной сирени, нерѣдко разводятся у насъ *Китайская* сирень, *S. chinensis*, Willd, съ яйцевидно-ланцетными заостренными листьями и розово-лиловыми цвѣтками и *Персидская* с., *S. persica*, *L.*, съ ланцетными листьями и лиловыми цвѣтками.

Семейство 57-ое. Барвинковыя, Аросупеае.

Изъ этого обширнаго семейства, содержащаго 6 ч. тропическія и важныя для медицины растенія, въ нашей флорѣ находится одинъ

только родъ *Барвинокъ*, *Vinca*, съ 2 видами. Это стелющіеся вѣчно-зеленые кустарники съ кожистыми цѣльнокрайними листьями и одиночными довольно крупными цвѣтками. У послѣднихъ чашечка свободная, глубоко 5-раздѣльная, вѣнчикъ съ трубочкою и широкимъ отгибомъ изъ 5 косыхъ лопастей; тычинокъ 5, прикрѣпленныхъ внутри трубки вѣнчика; плодниковъ 2, соединенныхъ наверху въ одинъ столбикъ. Плодь состоитъ изъ 2 продолговатыхъ коробочекъ со многими голыми сѣменами. *Б. малый*, *V. minor*, L. Стебель деревянистый, стелющійся, вкореняющійся, до 1 ф. длины; цвѣтоносныя вѣтки восходящія. Всѣ листья супротивные, продолговато-ланцетные, голые, сверху блестящіе. Цвѣтки одиночные въ пазухахъ верхнихъ листьевъ, голубовато-лиловые. — *Б. травянистый*, *V. herbassa*, Wk., имѣетъ стебель травянистый, стелющійся, но не вкореняющійся; цвѣтоносныя вѣтки тоже лежащія. Нижніе листья яйцевидные, верхніе ланцетные, сверху шероховатые, по краямъ немного рѣсничатые, цвѣтки голубые или блѣдно-лиловые. Оба вида встрѣчаются у насъ изрѣдка въ кустарникахъ и рощахъ; первый однакожь попадался мнѣ чаще, нежели послѣдній. Цвѣтутъ весною уже въ концѣ апрѣля и въ маѣ. Въ садоводствѣ употребляютъ преимущественно *б. малый*, который хорошо держится на рабаткахъ въ тѣнистыхъ мѣстахъ.

Семейство 58-ое. Ласточниковыя, *Asclepiadeae*.

Многолѣтнія травы средняго или высокаго роста, съ супротивными, цѣльными листьями и небольшими цвѣтками въ окончныхъ или пазушныхъ, гроздовидныхъ щиткахъ.

Ласточникъ. *Vincetoxicum*. Чашечка 5—раздѣльная; вѣнчикъ колесовидный съ 5 притупленными лопастями отгиба; тычинокъ 5, сросшихся нитями въ трубочку, окружающую короткій столбикъ съ плоскимъ 5—угольнымъ рыльцемъ. Плодь—изъ двухъ удлиненныхъ заостренныхъ листовокъ, раскрывающихся по брюшному шву и наполненныхъ сѣменами. Сѣмена съ густымъ пучкомъ волосковъ на верхушкѣ. *Л. обыкновенный*, *V. officinale*, Moench. (*Asclepias Vincetoxicum*, L. *Cynanchum Vinc.* R. Br.) изъ многолѣтнаго корневища выпускаетъ прямые стебли отъ 2 до 3 ф. высоты, листья супротивные, сердцевидные или продолговато-яйцевидные, на короткихъ черешкахъ; верхніе яйцевидно-ланцетные. Цвѣтки желтовато-бѣлые въ щиткахъ, которые короче листьевъ. Въ лѣсахъ по опушкамъ и въ кустарникахъ обыкновенное, ядовитое растеніе, корень котораго (*Radix Vincetoxici*) употреблялся прежде въ медицинѣ. Цвѣтетъ отъ мая до августа. — *Л. средний*, *V. medium*, DC., выше ростомъ съ тонкими стеблями, верхушки котораго немного завиваются, и пурпуровыми цвѣтками въ гроздахъ, превышающихъ листья,—и близко сходный съ нимъ *Л. черный*, *V. nigrum*, Moench., съ гроздами короче листьевъ и цвѣтками темно-красными, вѣроятно кое-гдѣ встрѣчаются въ нашей флорѣ, но мнѣ никогда не попадались, даже въ гербаріѣ проф. Черняева ихъ не было.

Къ этому же семейству принадлежатъ: *Ваточникъ*, *Asclepias Cornuti*, DC. (*Asilepias syriaca*, L.), растеніе, болѣе ста лѣтъ тому назадъ приве-

зенное изъ Америки, и часто разводимое въ садахъ, какъ украшающее. Ваточникъ, снабженный обильнымъ млечнымъ сокомъ, имѣеть стебли высокіе, отъ 4 до 5 футовъ; листья округленно-яйцевидные, цвѣтки душистые, пурпуровые, въ зонтикахъ. Сѣмена снабженныя на верхушкѣ пучкомъ длинныхъ блестящихъ волосковъ, изъ коихъ, какъ полагали, можно сучить нити, подобно, какъ изъ волосковъ настоящаго Ваточника (*gossypium*). Въ концѣ 50-хъ годовъ Ваточникъ усердно рекомендовали для разведенія въ южной Россіи на поляхъ въ большихъ размѣрахъ, какъ прядильное растеніе. Составилось даже особое общество для распространенія этой будто-бы очень выгодной культуры. Но опыты приготовленія ткани изъ этого матеріала показали совершенную его непригодность.—*Фарфоровый цвѣтокъ*, *Noya carnosa*, R. Br., часто разводимое въ горшкахъ комнатное растеніе, принадлежитъ къ этому же семейству.

Семейство 59-е. Горечавковыя, *Gentianaceae*.

Горькія, голыя травы, съ супротивными, цѣльными листьями, безъ прилистниковъ. Цвѣтки въ оконечныхъ вильчато-развѣтленныхъ соцвѣтіяхъ. Чашечка у нашихъ представителей 4—5 раздѣльная; вѣнчикъ съ прямою трубкою и 4—5-лопастнымъ отгибомъ, въ почкѣ скрученный. Тычинокъ столько же, сколько донастей вѣнчика, перемежающихся съ ними. Многосѣмянная коробочка раскрывается 2-мя створками. Семейство это имѣеть у насъ представителей, принадлежащихъ къ 3 родамъ.

Золототысячникъ, *Erythraea*. Горькія травы съ 4-граннымъ стеблемъ и простыми цѣльнокрайними листьями.—*З. обыкновенный*, *E. Centaurium*, Pers. Стебель тонкій, прямой, отъ 1 до 2 ф., кверху развѣтвленный, съ розетою широко-яйцевидныхъ прикорневыхъ листьевъ при основаніи. Стеблевые листья расположены попарно въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, яйцевидные до узко-ланцетныхъ. Цвѣтки розовые, многочисленныя, расположены оконечнымъ вилообразно-раздѣльнымъ гроздомъ или метелкою. Чашелистикомъ узкихъ, линейныхъ 5. Вѣнчикъ съ узкою трубкою и расширеннымъ 5-лопастнымъ отгибомъ. Обыкновенное растеніе на поляхъ и степяхъ, цвѣтеетъ въ концѣ лѣта. Отличаютъ нѣсколько видоизмѣненій его, принимаемыхъ нѣкоторыми авторами за отдѣльные виды. Изъ нихъ въ нашей флорѣ встрѣчается *З. красивый*, *E. pulchella*, Fries. со стеблемъ развѣтвленнымъ почти отъ основанія и безъ розеты прикорневыхъ листьевъ. Листья яйцевидные, 5-нервные; цвѣтки въ развилинахъ стебля и на концахъ вѣтокъ на различныхъ высотахъ. Встрѣчается изрѣдка на сырыхъ лугахъ.—*З. узколистный*, *E. linariifolia*, Pers.,—съ невѣтвистымъ стеблемъ и линейными, 3-нервными листьями. Произрастаетъ на соланчаковыхъ мѣстахъ, но мнѣ не попадался.—Золототысячникъ употребляется въ медицинѣ. (*Herba et summitates Centaurii minoris*). Онъ содержитъ горькія вещества и алколондъ „центауринъ“ и служить, въ видѣ настоя или порошка, какъ укрѣпляющее желудочное, потогонное и противолихорадочное средство. Придаютъ его и къ хмелю при вареніи пива. Скотъ не ѣстъ вовсе этой травы по причинѣ ея горечи.

Горечавка, Gentiana. Небольшія, очень горькія травы, съ супротивными, цѣльнокрайними листьями и довольно крупными, красивыми цвѣтками. Этотъ обширный родъ альпійскихъ растений имѣеть у насъ только нѣсколько представителей.—*G. луговая*, *G. Pneumonanthe*, L., имѣеть стебель прямой, невѣтвистый, отъ $1\frac{1}{2}$ до 1 ф. высоты. Нижніе листья чешуйчатые, верхніе ланцетно-линейные, тупые съ однимъ нервомъ, толстоватые. Цвѣтки голубовато-лиловые, почти сидячіе, одиночные или по нѣсколько, собранные на верхушкѣ стебля рыхлымъ одностороннимъ гроздомъ. Чашечка трубчатая съ 5-линейными зубцами. Вѣнчикъ ворончатый до 1 д. длины, съ 5-лопастнымъ отгибомъ, лопасти короткія, широкія, внутри темно-голубыя, съ 5 зеленоватыми полосками. Встрѣчается на влажныхъ лугахъ и въ кустарникахъ нерѣдко. Цвѣтеть въ концѣ лѣта.—*G. крестоцвѣтная*, *G. cruciata*, L., немного выше ростомъ. Листья ланцетные, 3-нервные, при основаніи сросшіеся во влагалищѣ. Цвѣтки околышами, расположенными тѣсно, верхніе скучены въ головку. Чашечка колокольчатая. Вѣнчикъ съ 4 лопастнымъ отгибомъ, внутри голубой, снаружи зеленовато-голубой. Встрѣчается изрѣдка по обрывамъ лѣсныхъ овраговъ, цвѣтеть въ іюль.—*G. многоцвѣтная*, *G. Amarella*, L. Однолѣтнее небольшое растеніе. Листья яйцевидные до ланцетныхъ, заостренные; нижніе черешчатые, верхніе сидячіе. Цвѣтки многочисленныя, блѣдно-лиловые, собраны продолговатымъ облиственнымъ гроздомъ на верхушкѣ стебля. Чашечка длинная 5-зубчатая. Вѣнчикъ съ 5-лопастнымъ отгибомъ и бахромкою въ горлышкѣ. Растетъ на лугахъ и въ кустарникахъ, но встрѣчается рѣдко.—Все горечавки содержатъ въ своихъ органахъ, особенно въ корняхъ, горькое вещество „генціанинъ“, употребляемый въ медицинѣ (*Radix Gentianae luteae*) въ видѣ различныхъ препаратовъ, отъ лихорадки, желудочныхъ страданій и т. и. Въ пивовареніи небольшая примѣсь генціанина къ хмелю придастъ пиву пріятную горечь. Пигментъ, заключающійся въ голубыхъ и лиловыхъ цвѣтахъ, непроченъ. Многія генціаны съ успѣхомъ разводятся въ садоводствѣ, какъ альпійскія украшающія растенія.

Вахта, Menyanthes. Болотныя растенія съ тройчатыми листьями и блѣдно-розовыми цвѣтками въ гроздовидномъ соцвѣтіи.—*B. трилистная*, *M. trifoliata*, L., съ поззучимъ корневищемъ и волокнистыми корешками. Листья на длинныхъ черешкахъ, тройчатые; листочки обратно-яйцевидные до $1\frac{1}{2}$ д. длины. Цвѣтки бѣлые, снаружи блѣдно-розовые, расположены гроздомъ на цвѣтосномъ безлистномъ стеблѣ. Чашечка короткая съ 5 широкими лопастями. Вѣнчикъ колокольчатый, глубоко 5-раздѣльный, на внутренней сторонѣ бархатистый. Встрѣчается рѣдко, преимущественно на торфянистыхъ болотахъ. Цвѣтеть въ маѣ и іюнѣ. Листья вахты (трифоля), по содержанію горькихъ веществъ, служатъ хорошимъ средствомъ противъ лихорадки, расстройства пищеваренія и вообще страданій желудка и давно употребляются для этой цѣли, какъ въ медицинѣ (*Herba trifolii fibrini*), такъ и въ народѣ.

Семейство 60-е. Красотковые, Polemoniaceae.

Единственный европейскій видъ.—*Красотка голубая*, *Polemonium coelestem*, L. встрѣчается и у насъ довольно часто по опушкамъ лѣснымъ и въ кустарникахъ. Ее легко отличить по прекраснымъ, голубымъ цвѣткамъ, расположеннымъ щитовиднымъ гроздомъ на верхушкѣ стебля. Чашечка у нихъ 5-раздѣльная, вѣнчикъ ярко-голубой съ короткою трубкою и широкимъ 5-лопастнымъ отгибомъ; тычинокъ 5 въ трубкѣ вѣнчика; завязь трехгнѣздная съ 1 столбикомъ и трехраздѣльнымъ рыльцемъ. Стебель у этого растенія отъ 1 до 2 ф. высоты, при основаніи снабженъ пучкомъ длинныхъ перистыхъ листьевъ съ 11—21 ланцетными, цѣльнокрайними листочками; немногіе стебельныя листья значительно короче корневыхъ. Растеніе многолѣтнее, цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Прежде употреблялось, какъ лекарственное средство (*Herba valerianaе graecae*), а теперь нерѣдко разводится въ садахъ, какъ декоративное.

Къ этому семейству относятся нѣсколько видовъ *Пламенца*, *Phlox*, сѣверо-американскихъ растеній, разводимыхъ какъ декоративныя. Изъ нихъ единственный однолѣтній *П. друмондовъ*, *Ph. drumondii*, съ разнообразными оттѣнками красокъ, служитъ любимымъ украшеніемъ нашихъ цвѣтниковъ. Изъ многолѣтнихъ видовъ этого рода чаще другихъ разводятъ небольшого роста *Phlox divaricata* и высокій *Ph. paniculata*, L.

Семейство 61-ое. Вьюнковые, Convolvulaceae.

Изъ этихъ ползучихъ или вьющихся растеній мы имѣемъ два совершенно различныхъ по наружности рода:

Вьюнокъ, *Convolvulus*. Вьющіяся или ползучія растенія съ попеременными листьями и крупными цвѣтками. Чашечка 5-листная. Вѣнчикъ воронковидный, кверху расширенный, въ почкѣ скрученный. Тычинокъ 5, столбикъ одинъ съ двумя линейными рыльцами.—*В. полевой*, *C. arvensis*, L., съ ползучими и завивающимися стеблями отъ 1 до 2 ф. длины и стрѣловидными, черешчатыми листьями. Цвѣтки средней величины бѣлые или блѣдно-розовые, одиночные или по два, на длинныхъ ножкахъ, снабженныхъ маленькими, удаленными отъ цвѣтковъ прицвѣтниками. Самое обыкновенное растеніе на поляхъ по окраинамъ дорогъ и на сорныхъ мѣстахъ. На поляхъ *В. п.* представляетъ довольно тягостное сорное растеніе, по причинѣ глубоколежащихъ извилистыхъ корневищъ, которыя при мелкой вспашкѣ трудно истребить. Свины впрочемъ охотно ихъ поѣдаютъ. Цвѣтки имѣютъ пріятный миндальный запахъ и на глинистыхъ почвахъ бываютъ совершенно розовые.—*В. заборный*, *C. sepium*, L. (*Calystegia sepium*, R. Br.), тоже принадлежитъ у насъ къ обыкновеннымъ растеніямъ, преимущественно на влажныхъ, тѣнистыхъ мѣстахъ, возлѣ заборовъ и по берегамъ. Вьющіяся стебли его достигаютъ 5—10 ф. длины, цѣпляясь за вѣтви кустарниковъ или высокихъ травъ. Цвѣтки имѣютъ одиночные, крупныя, бѣлыя, на ножкахъ, снабженныхъ двумя широкими, объемлющими чашечку прицвѣтниками. Цвѣтетъ лѣтомъ. Корень этого растенія содер-

жить слизистое слабительное вещество и подобно корню „яланы“ употреблялся прежде для леченія. Въ народѣ однакожь кое-гдѣ употребляютъ его и до сихъ поръ для этой цѣли.—*B. узколистный*, *C. lineatus*, L., съ ползучимъ, но невьющимся, съдымъ отъ прилегающихъ волосковъ стеблемъ, узко-ланцетными до линейныхъ листьями и розовыми цвѣтками, встрѣчается изрѣдка по мергельныхъ обрывамъ и на склонахъ мѣловыхъ горъ.—Изъ садовыхъ растений къ этому роду принадлежитъ *Бельдюжуръ*, *C. tricolor*, L., однолѣтнее красивое растеніе изъ южной Европы. Оно имѣетъ стебли приподнимающіеся, невьющіеся, листья сидячіе, продолговатые и цвѣтки крупныя. Вѣнчикъ темносиній съ желтымъ зѣвомъ и бѣлою трубкою раскрывается только днемъ въ ясную погоду, къ вечеру же скручивается.

Ипомея, *J. trochaea*. Красивыя вьющіяся растенія изъ Сѣвер. Америки, близко сходныя по строенію цвѣтка съ вьюнкомъ и называемыя у насъ въ простонародіи „кручеными панычами“. Найчаще разводима я у насъ *И. пурпуровая*, *J. purpurea*, L., имѣетъ стебель отъ 7 до 10 ф. длины, листья широко-сердцевидные на длинныхъ черешкахъ, цвѣтки большіе, красивые отъ темно-фіолетовыхъ до лиловыхъ, розовыхъ и бѣлыхъ.—Нѣсколько рѣже разводится и другой видъ, *И. цыпкая*, *J. scandens*, съ розовыми и лиловыми цвѣтками. Корень этихъ растений содержитъ слизистыя, разрѣшающія вещества, сходныя съ продуктами „яланы“ (*Radix jalapae*), но гораздо слабѣе послѣдней.

Повилика, *Cuscuta*. Вьющіяся, желтоватыя или блѣдно-пурпуровыя безхлорофильныя растенія съ нитевиднымъ стеблемъ, снабженнымъ только чешуйчатыми листьями и маленькими цвѣтками въ скученныхъ головкахъ. Растенія эти паразитируютъ на другихъ, обвиваясь вокругъ стеблей и посредствомъ особыхъ присосковъ высасываютъ изъ нихъ соки, которыми питаются. Отличаютъ: *П. обыкновенную*, *C. europaea*, L., встрѣчающуюся часто на крапивѣ, хмелѣ, нѣкоторыхъ зонтичныхъ и другихъ растеніяхъ. У нея стебель вѣтвистый, красноватый, чашечка и вѣнчикъ 4-разщепленные. Цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ.—*П. чебрецовую*, *C. Epithymum*, L., съ очень тонкимъ, желтоватымъ, рѣже блѣдно-пурпуровымъ стеблемъ и цвѣтками, у коихъ чашечка и вѣнчикъ 5-разщепленные. Паразитируетъ на чебрецѣ, клеверѣ, люцернѣ и другихъ бобовыхъ. Весьма опасный и быстро размножающійся паразитъ, за границею въ сухіе годы уничтожающій цѣлыя посѣвы клевера и люцерны, поэтому при появленіи его на поляхъ немедленно выжигаютъ эти мѣста соломой.—*П. льняная*, *C. Epilinum*, L., съ невѣтвистымъ желтоватымъ стеблемъ и цвѣтками, коихъ бѣловатый вѣнчикъ имѣетъ трубочку вдвое длиннѣе 5-лопастнаго отгиба. Паразитируетъ на льнѣ и вицѣ, не причиняя однакожь большаго вреда.—*П. хмелевидная*, *C. monogyna*, Vahl, съ вѣтвистымъ, болѣе толстымъ, нежели у предъидущихъ, стеблемъ и розовыми цвѣтками въ короткихъ гроздахъ. Паразитируетъ на кустарникахъ и деревьяхъ, вербахъ, калинѣ, на другихъ же многолѣтнихъ растеніяхъ попадаетъ рѣдко. Всѣ упомянутыя выше виды однолѣтны, размножаются сѣменами, имѣющими спиральный зародышъ безъ сѣмядолей. При проростаніи, лишь только стебелекъ присосался къ дру-

тому растенію (хозяину), корень снабженный только волосками, но безъ чехлика, отмираетъ и растеніе питается уже вполне только на счетъ хозяина.

Семейство 62-ое. Бурачниковыя, Boraginaceae.

Къ этому семейству принадлежатъ травы, покрытыя обыкновенно короткими, жесткими волосками, съ попережными, простыми, б. ч. цѣльнокрайними листьями. Цвѣтки у нихъ въ одностороннихъ колосьяхъ или гроздахъ, до цвѣтенія спирально завитыхъ и часто виллообразно раздѣленныхъ. Чашечка 5-разщепная. Вѣнчикъ б. ч. правильный, рѣдко немного косою, внизу трубчатый, кверху съ 5-лопастнымъ отгибомъ и чешуйками въ горлышкѣ или безъ нихъ. Тычинокъ 5, прикрепленныхъ въ трубкѣ вѣнчика. Завязь глубоко — 4-раздѣльная, рѣдко 2-раздѣльная, съ однимъ столбикомъ въ срединѣ ея. Плодъ раздѣляется на 4 малые, односѣмянные орѣшка, имѣющіе видъ сѣмечекъ, сидящихъ на днѣ остающейся чашечки.

Богатое видами семейство это, разселенное преимущественно въ умеренномъ поясѣ сѣвернаго полушарія, отличается содержаніемъ въ своихъ частяхъ слизистыхъ веществъ. Одни изъ этихъ растений служатъ для леченія, другія пригодны для приготовленія салата или супа, у нѣкоторыхъ же въ корняхъ содержатся красящія пигменты. По жесткости своей бурачниковыя б. ч. непригодны для корма домашнихъ животныхъ, но большинство ихъ безвредны и только немногіе содержатъ небольшое количество ядовитыхъ веществъ. Большинство этихъ растений оплодотворяется при участіи насѣкомыхъ, къ чему способствуетъ устройство цвѣтовъ и нѣкоторыя въ нихъ приспособленія.

Ежевикъ, *Echium*. Жесткія, щетинистыя травы съ голубыми или красными цвѣтками. Чашечка глубоко — 5-раздѣльная, вѣнчикъ воронковидный съ косымъ, почти 2-губнымъ, 5-лопастнымъ отгибомъ и открытымъ (безъ чешуекъ) горлышкомъ. Тычинокъ 5, неравномерныхъ. — *E. синій*, *E. vulgare*, L., называемый обыкновенно „Синякомъ“ имѣетъ стебель жесткій, вѣтвистый, отъ 2 до 3 ф. высоты; листья ланцетные, нижніе съ черешками, верхніе сидячіе. Цвѣтки крупные, сначала розовые, впоследствии голубые, образуютъ длинный, окончный гроздь. Трубка вѣнчика короче чашечки. Двудѣтное растеніе очень обыкновенное на поляхъ, межахъ, по окраинамъ дорогъ и на сорныхъ мѣстахъ. Цвѣтетъ, начиная съ іюня, все лѣто и даетъ пчеламъ отличный взяткъ. На свѣжихъ перелогахъ появляется иногда массами, и насѣчники цѣнятъ его высоко. — *E. красный*, *E. gibbum*, L., встрѣчается рѣже, чѣмъ предыдущій, меньше его ростомъ, отъ 1 до 1½ ф. высоты, маловѣтвистый, съ небольшимъ числомъ кроваво-красныхъ цвѣтковъ, у коихъ трубка вдвое длиннѣе чашечки. Растетъ преимущественно на степяхъ, разсѣянно, охотно посѣщается пчелами.

Легочница, *Pulmonaria*. Многолѣтнія травы съ многоголовчатымъ корневищемъ и небольшими голубыми или розовыми цвѣтками. Чашечка колокольчато-ворончатая съ 5 зубцами, вѣнчикъ съ прямою трубкою, открытымъ горлышкомъ и распростертымъ 5-лопастнымъ отгибомъ. Ты-

чинокъ 5, прикрѣпленныхъ въ срединѣ трубки или въ горлышкѣ; столбикъ короче или длиннѣе трубки (Дихогамія).—*L. лекарственная, P. officinalis, L.* Кустики въ нѣсколько стеблей, нецвѣтушіе побѣги жестко-волосистые, какъ и листья; послѣдніе на нецвѣтущихъ побѣгахъ сердцевидные или широко-яйцевидные, съ окрыленными черешками; стебельныя листья яйцевидные, эллиптическіе до верхнихъ ланцетныхъ, сидячихъ. Цвѣтки небольшіе, вѣнчикъ съ плоскимъ отгибомъ, сначала розовый, послѣ лиловый. Въ рощахъ и лѣсахъ самое обыкновенное весеннее растеніе, цвѣтетъ въ мартѣ и апрѣлѣ. Употреблялось прежде въ медицинѣ, какъ лекарство отъ грудныхъ болѣзней. Въ Англіи воздѣлывается и до сихъ поръ въ огородахъ, какъ кухонное растеніе.—*L. узколистная, P. angustifolia, L.* (*P. azurea, Besser.*), сходна по наружности съ предъидущей, но листья нецвѣтущихъ побѣговъ ланцетные, постепенно суживающіеся въ окрыленный черешокъ, стебельныя же узко-ланцетные, длинно-заостренные, полуобъемлющіе; вѣнчикъ шире, чѣмъ у предъидущей, съ болѣе вогнутымъ отгибомъ, сначала лилово-голубоватый, впослѣдствіе голубой. Встрѣчается не столь часто, въ рощахъ на болѣе сухихъ, возвышенныхъ мѣстахъ. Обѣ даютъ хорошій взяткъ пчеламъ и оплодотворяются при содѣйствіи насѣкомыхъ.

Воробейникъ, Lithospermum. Довольно жесткія, тонкія, развѣтвленные травы, средняго роста, съ облиствленнымъ стеблемъ и небольшими цвѣтками, расположенными щиткомъ. Чашечка глубоко 5-раздѣльная. Вѣнчикъ съ прямою трубкою и отвороченнымъ 5-разщепленнымъ отгибомъ; горлышко открытое, тычинокъ 5, скрытыхъ въ трубкѣ вѣнчика. Орѣшки съ очень твердою кожурою.—*V. лекарственный, L. officinale, L.*, имѣетъ стебель сильно-развѣтвленный, въ 1—1½ ф.; листья ланцетные, очень жесткіе; вѣнчикъ зеленовато-бѣлый; орѣшки фарфоровидные, бѣлые, блестящіе. Растеніе многолѣтнее, обыкновенное между кустарниками и въ рощахъ. Употреблялось прежде въ медицинѣ, противъ „каменной“ болѣзни (*Semina molii solis*), а въ Германіи въ народѣ и до сихъ поръ употребляется съ тою же цѣлью въ видѣ чая (*Porzellanthe*).—*V. пурпурно-голубой; L. purpureo-coeruleum, L.*, какъ указываетъ названіе его, отличается отъ предъидущаго окраскою цвѣтковъ, расположенныхъ въ три завитка на оконечности простого стебля; нецвѣтушіе побѣги ползучіе. Встрѣчается рѣдко въ кустарникахъ по опушкамъ лѣсныхъ Цвѣтетъ въ маѣ.—*V. полевой, L. argense, L.* Однолѣтнее растеніе, стебель къ верху развѣтвленный, отъ ½ до 1½ ф. высоты; листья линейно-ланцетные, вѣнчикъ бѣлый, орѣшки буроватые, бугорчатые, безъ блеска. Обыкновенное растеніе на поляхъ, степяхъ, сорныхъ мѣстахъ. Цвѣтетъ въ апрѣлѣ и маѣ. Въ корняхъ содержитъ безвредное красное красящее вещество, употребляемое иногда для окрашиванія водокъ и воска.

Незабудка, Myosotis. Малаго или средняго роста травки съ продолговатыми или линейными стеблевыми листьями и болѣе широкими черешчатыми прикорневыми. Цвѣтки маленькіе, б. ч. голубые, въ одностороннихъ простыхъ или вильчато-раздѣльныхъ гроздахъ, до цвѣтенія часто спирально завитыхъ. Чашечка 5-раздѣльная или—зубчатая.

Вѣнчикъ съ короткою трубкою, 5 чешуйками въ горлышкѣ и распростертымъ плоскимъ или вогнутымъ отгибомъ. Плодики гладкіе, блестящіе.—*H. болотная*, *M. palustris*, With. Корневище немного ползучее, стебли приподнимающіеся, отъ $\frac{1}{2}$ до 1 ф. высоты, иногда внизу гранястые. Цвѣтки относительно крупныя, съ арко-голубымъ вѣнчикомъ и желтымъ пятнышкомъ по срединѣ. Чашечка съ прижатыми волосками, при плодахъ открытая. На болотахъ, въ канавахъ, по берегамъ, обыкновенная. Цвѣтетъ отъ весны до осени и представляется въ нѣсколькихъ видоизмѣненіяхъ, разнящихся, какъ относительно роста, формы листьевъ, такъ и относительно величины цвѣтковъ. Къ этому виду, самому красивому изъ всѣхъ нашихъ, приурочены всѣ поэтическія сравненія и легенды.—На глинистыхъ, сырыхъ лугахъ нерѣдко встрѣчается еще *H. травянистая*, *M. caespitosa*, Schultz. Двухлѣтнее травянистое растеніе съ нисходящимъ мочковатымъ корнемъ и маленькими голубыми цвѣтками въ гроздахъ, снизу облиственныхъ.—*H. лѣсная*, *M. sylvestris*, Hoffm., болѣе жесткая и косматая, чѣмъ *H. болотная*, снабжена при основаніи розетою лопатчатыхъ листьевъ; чашечка глубоко—5-раздѣльная, съ оттопыренными крючковатымъ волокнами и линейными долями, смыкается при созрѣваніи плодовъ. Встрѣчается у насъ изрѣдка, б. ч. по опушкамъ лѣснымъ и даже на открытыхъ поляхъ.—Чаще встрѣчается слѣдующіе 2 вида: *H. полевая*, *M. intermedia*, Link., съ продолговатыми, ланцетными, сѣровато-зелеными листьями и темно-голубыми цвѣтками на ножкахъ, которые вдвое длиннѣе чашечки; чашечка при плодахъ сомкнутая. Двухлѣтнее растеніе, произрастающее на легкихъ супесчаныхъ почвахъ и по опушкамъ лѣснымъ. Цвѣтетъ все лѣто.—*H. малоцвѣтная*, *M. sparsiflora*, Mikan., обыкновенная въ тѣнистыхъ влажныхъ рощахъ, имѣетъ грозды удлиненныя съ небольшимъ числомъ блѣдно-голубыхъ цвѣтковъ на ножкахъ, которые въ нѣсколько разъ длиннѣе чашечки. Цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ.—На супесчаныхъ прогалинахъ луговъ и на поляхъ, въ промойныхъ ложбинкахъ. Часто встрѣчается *H. песчаная*, *M. stricta*, Link. (*M. aegaria*, Schrad.), маленькая, косматая, недостигающая $\frac{1}{2}$ ф. высоты, со многими маленькими голубыми цвѣтками, расположенными въ гроздахъ, до цвѣтенія завитыхъ спирально. Она однолѣтняя, растетъ б. ч. общественно и зацвѣтаетъ рано въ апрѣлѣ.—Къ рѣдкимъ у насъ принадлежитъ *H. шестиниственная*, *M. hispida*, Schlecht., до 1 ф. высоты, съ очень маленькими темно-голубыми цвѣтками на короткихъ ножкахъ. Стебель и листья ея покрыты длинными жесткими волосками.—Съ нею близко сходна *H. украинская*, *M. ucrainica*, Czern., у которой однакожь чашечка съ прижатыми, но неоттопыренными крючковатыми волосками, какъ у предыдущей.

Рясть, *Anchusa*. Крупныя, жесткія травы, съ довольно крупными цвѣтками въ одностороннихъ колосьяхъ, съ прицвѣтникомъ при каждомъ цвѣткѣ. Чашечка 5-раздѣльная. Вѣнчикъ съ прямою или изогнутою трубкою, 5-лопастнымъ отгибомъ и косматыми чешуйками въ горлышкѣ. Орѣшки крупныя, угловатые, морщинистые.—*R. лекарственный*, *A. officinalis*, L. Сѣроватое, многолѣтнее, жесткое растеніе отъ 2 до 3 ф.

(Extractum, tinctura et oleum hyosciami) противъ судоргъ, кашля и др болѣзней. Онъ имѣетъ непріятный одуряющій запахъ и принятое внутрь причиняетъ головокруженіе, головную боль, припадки бѣшенства, могущіе окончиться смертію. Не даромъ говоритъ пословица „обѣлся бѣлены“, т. е. одурѣлъ.

Табакъ, Nicotiana. Культурныя однолѣтнія растенія, покрытыя желѣзистыми волосками, съ широкими цѣльнокрайними листьями и цвѣтками, собранными на верхушкѣ стебля въ гроздовидную метелку. Табакъ воздѣлывается въ нашей и сосѣднихъ губерніяхъ въ огородахъ и на поляхъ, относительно въ небольшихъ размѣрахъ, и только въ прежніе годы культура его доставляла плантаторамъ доходъ. Всѣ воздѣлываемыя многочисленныя сорта табака ботаники относятъ къ тремъ видамъ: *T. турецкій*, *N. rustica*, L., или „Тютюнь“ имѣетъ стебель отъ 1¹/₂ до 3 ф. высоты, листья черешчатые, яйцевидные, тупые, вѣнчикъ желтовато-зеленый, съ короткою цилиндрическою трубкою, отгибъ съ округленными тупыми зубцами. Низшіе сорта его „бакунъ“ воздѣлываются крестьянами въ огородахъ для домашняго употребленія. *T. виргинскій*, *N. Tabacum*, L., отъ 4 до 5 ф. высоты. Листья у него продолговато-ланцетные, длинно-заостренныя, сидячіе, нижніе низбѣгающіе; вѣнчикъ розовый съ длинною трубкою, разширеннымъ горлышкомъ, отгибъ съ 5 заостренными лопастями. — *Амерфодскій т.*, *N. macrophylla*, Spr., въ простонародіи „махорка“ отличается отъ предъидущаго листьями широко-яйцевидными, сидячими, объемлющими стебель, у коихъ побочныя нервы почти перпендикулярны къ главному; цвѣтки блѣдно-розовые съ длинною трубкою. Послѣдніи два вида воздѣлываются на поляхъ, какъ фабричныя растенія.

Отечество табака—Средняя Америка. Въ 1520 г. испанцы нашли его дикорастущимъ на Юкатанѣ, гдѣ туземцы употребляли его уже для куренія. Въ 1560 г. французскій пославникъ въ Лисабонѣ Жанъ Никотъ, впервые развелъ его въ своемъ саду, какъ лечебное растеніе (*Herba Nicotiana*) и убѣдившись въ цѣлебномъ дѣйствіи его противъ рака, разослалъ сѣмена его своимъ знакомымъ въ Италиі и Испаніи. Съ тѣхъ поръ табакъ началъ распространяться, но не какъ лечебное растеніе, а какъ наркотическое, пригодное для куренія и нюханья. Наркотическими свойствами своими табакъ обязанъ присутствію въ немъ летучаго алколоида „никотина“, причиняющаго головокруженіе и рвоту. Въ чистомъ видѣ никотинъ представляетъ сильнѣйшій ядъ, мало уступающій въ дѣйствіи своемъ синильной кислотѣ. Въ зеленомъ растеніи онъ находится въ весьма незначительномъ количествѣ, но при высушиваніи листьевъ концентрируется, и въ различныхъ сортахъ табака, правильно приготовленнаго, никотина находится отъ 2 до 8⁰/₀. По наркотическому его дѣйствію куреніе табака считалось весьма вреднымъ для человѣческаго организма, поэтому правительства и духовенство старались всѣми мѣрами воспрепятствовать распространенію табака. Съ тою цѣлью въ нѣкоторыхъ странахъ, а также и у насъ въ Россіи, были изданы особыя законы и постановленія („А паганата татарскаго зелья въ ноздри не ихать и не курить“). Указъ ц. Алексѣя Ми-

хайловича 1634 года) и продажа табака была обременена большими государственными налогами. Но ни эдикты императора и королей, ни папскія буллы, ни проповѣди духовенства не могли пріостановить распространенія табака. Культура его переходила довольно быстро изъ страны въ страну и въ настоящее время достигла громаднѣйшихъ размѣровъ. Нынѣ табакъ воздѣлывается во всѣхъ частяхъ свѣта, во всѣхъ странахъ, гдѣ климатическія условія дозволяютъ это. Ежегодное производство табака на всемъ земномъ шарѣ достигаетъ, какъ полагаютъ по приблизительному расчету, до 100 милліоновъ пудовъ. Табакъ сдѣлался предметомъ всемірной торговли, драгоцѣннымъ источникомъ богатства для многихъ странъ. Культура и приготовленіе его занимаетъ сотни тысячъ людей и для большинства изъ нихъ служатъ единственнымъ средствомъ пропитанія. Многіе плантаторы и фабриканты нажили большія богатства, а правительства отъ налога на табакъ получаютъ миліонные доходы.—Ни одно культурное растеніе, за исключеніемъ винограда, въ качествѣ и свойствъ своихъ продуктовъ не зависятъ столько отъ климатическихъ и почвенныхъ условій, отъ культуры и приготовленія, какъ табакъ. Самые высокіе сорта табака происходятъ всетаки изъ мѣстъ первоначальной его родины, т. е. изъ Антильскихъ острововъ: Кубы (гаванскій табакъ), Ямайки, Порто-рико и др. Отличныя сорта табака доставляетъ Левантъ (Азіатская Турція). Изъ Европейскихъ Венгерскій табакъ считается лучшимъ, за нимъ идетъ южно-русскій. Въ Харьковской губерніи засѣвается табакомъ около 400 десятинъ, считая огородную и полевую культуру, въ Полтавской въ 4 раза больше, но въ послѣдніе годы производство табака у насъ сократилось вслѣдствіе экономическихъ причинъ.—Никотинъ рѣдко употребляется въ медицинѣ и то въ незначительныхъ дозахъ; отваръ простыхъ сортовъ табаку бакуна и махорки съ пользою употребляется въ садоводствѣ въ видѣ пульверизаціи для истребленія вредныхъ личинокъ и насѣкомыхъ на декоративныхъ кустарникахъ. Съ пользою употребляютъ отваръ табаку и для леченія чесотки (дѣлѣ) у овецъ.

Пѣтунія, *Petunia*. Одвольтнее, близкосходное по строенію цвѣтка и листьевъ съ табакомъ, растеніе, разводится у насъ на цвѣтникахъ, какъ любимое декоративное. Пѣтунія происходитъ изъ Южной Америки, откуда въ 1824 г. впервые привезена въ Европу. Многочисленныя разновидности пѣтуній, отличающіеся различными оттѣнками красокъ, отъ бѣлыхъ, розовыхъ до темно-фіолетовыхъ и пестрыхъ, происходятъ отъ 2 коренныхъ видовъ: *Petunia nyctagyniflora* juft., съ бѣлыми цвѣтками, и *P. violacea*, Lindl., съ фіолетовыми цвѣтками. Всѣ разновидности пѣтуній легко размножаются сѣменами, но для поддержанія формы, величины и махровости цвѣтковъ тщательная культура необходима.

Пасленъ, *Solanum*. Травы или полукустарники съ простыми или сложными листьями. Цвѣтки въ пазушныхъ или оконечныхъ, завитковыхъ гроздахъ. Вѣничекъ колесовидный, съ короткою трубкою и 5 продольно-складчатыми лопастями отгиба. Тычинокъ 5; пыльники большіе, почти сидячіе, склеившіеся въ трубку, окружающую столбикъ, разверзаются на верхушкѣ двумя отверстіями. Плодъ—многосѣмянная

ягода. Многие виды паслена обладают острыми, одуряющими и ядовитыми свойствами. Изъ этого обширнаго рода, б. ч. тропическихъ растений, у насъ встрѣчаются только два дикорастущихъ вида: *П. черноягодный*, *S. nigum*, L. Однолѣтнее или двулѣтнее растеніе, до 1 ф. высоты, съ гранястыми вѣтками. Листья черешчатые, ромбическіе или яйцевидные, выемчато-зубчатые или почти цѣльнокрайніе. Цвѣтки малые, бѣлые въ завитковыхъ пазушныхъ гроздахъ. Ягода черная. На сорныхъ мѣстахъ, въ садахъ и огородахъ самое обыкновенное ядовитое растеніе. Цвѣтетъ въ концѣ лѣта. П. ч. содержитъ въ зеленыхъ частяхъ и ягодахъ „солянинъ“, ядовитое одуряющее вещество. Ягоды имѣютъ противный вкусъ, возбуждаютъ головокруженіе и рвоту, а уткамъ и курамъ причиняютъ смерть. Свины отъ нихъ страдаютъ припадками бѣшенства. Видъ этотъ очень измѣнчивъ. Ботаники различаютъ до 40 разновидностей его, описываемыхъ подъ различными названіями. Къ нимъ нужно отнести и *П. мохнатый*, *S. villosum*, Lam., съ мохнатымъ стеблемъ и желтыми ягодами, встрѣчающійся изрѣдка и въ нашей флорѣ. — *П. горькосладкій*, *S. Dulcamara*, L. Полукустарникъ. Стебель при основаніи деревянистый, отъ 3 до 5 ф. высоты, съ цѣпляющимися вѣтвями, которые зимою погибаютъ. Листья черешчатые, сердцевидные или яйцевидно-ланцетные, цѣльнокрайніе, часто при основаніи съ двумя меньшими листочками. Цвѣтки малые, фіолетово-синіе, съ большими желтыми пыльниками, въ пазушныхъ завитковыхъ гроздахъ, которые короче листьевъ. Ягоды малыя, красныя. Въ сырыхъ тѣнистыхъ мѣстахъ, между кустарниками, въ садахъ, обыкновенный. Цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Пасленъ этотъ, кромѣ „дулька-марина“ содержитъ тоже „солянинъ“, особенно въ годичныхъ побѣгахъ, имѣющихъ сначала горькій, а послѣ сладкій вкусъ. Экстрактъ изъ нихъ (*Extractum dulcamarae*) употребляется въ медицинѣ въ грудныхъ и накожныхъ болѣзняхъ и для разрѣшенія упорныхъ варывовъ. Ягоды ядовиты и дѣйствуютъ сильно рвотнымъ и послабляющимъ образомъ. — *Картофель*, *S. tuberosum*, L. Однолѣтнее, культурное растеніе съ травянистымъ, вѣтвистымъ стеблемъ, отъ 2 до 3 ф. высоты. Подземные тонкіе побѣги его несутъ большіе клубни. Листья непарно-перистыя съ перемежающимися большими и малыми листочками. Цвѣтки крупныя въ верхушечныхъ гроздахъ, съ 5-угольнымъ бѣлымъ, розовымъ или лиловымъ вѣнчикомъ. Плодъ въ видѣ зеленой ягоды. Картофель воздѣлывается у насъ повсемѣстно для домашняго употребленія, преимущественно въ огородахъ, а вблизи винокуренныхъ и крахмальныхъ заводовъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ на поляхъ. Цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Уборка его производится осенью, когда ботва начинаетъ вянуть. Въ настоящее время насчитываютъ около 1000 различныхъ породъ картофеля, происшедшихъ отъ культуры. Въ культурѣ выборъ соответствующей породы картофеля имѣетъ рѣшающее значеніе относительно качества и свойствъ продукта.—По Гумбольдту картофель происходитъ изъ Чили, гдѣ и въ настоящее время онъ встрѣчается въ дикомъ состояніи. Въ Америкѣ онъ постепенно распространялся отъ юга къ сѣверу, а на плоскогоріяхъ Перу онъ и до сихъ поръ еще

составляетъ, вмѣстѣ съ кукурузою главную пищу населенія. Въ Европу онъ перевезенъ въ концѣ 16-го вѣка, по всему вѣроятію въ Испанію, перешелъ въ Италію, а оттуда въ Германію и другія страны, на что указываетъ и прежнее его названіе „тартуфли“ (Tartuffli, по итальянски трюфли), съ которыми по клубнямъ онъ имѣетъ нѣкоторое сходство. Въ 1590 году Касперъ Баугинъ впервые описалъ его подъ нынѣшнимъ систематическимъ названіемъ, а знаменитый ботаникъ Клаузиусъ въ началѣ 17-го вѣка произвелъ первые опыты его разведенія въ окрестностяхъ Вѣны. Въ противоположность съ табакомъ культура его распространялась въ Европѣ весьма медленно, вслѣдствіе предубѣжденія къ нему народныхъ массъ. Долгое время считали его вреднымъ и даже ядовитымъ растеніемъ, и дѣйствительно ботва, молодые побѣги, ягоды и даже непокрытая землею зеленые клубни его содержатъ наркотическій алкалоидъ „солянинъ“ дѣйствующій вредно на организмъ человѣка; случались даже отравленія при неумѣломъ его употребленіи. Но мало по малу предубѣжденія эти разсѣялись, когда убѣдились, что зрѣлые клубни его совершенно безвредны и доставляютъ массу питательнаго матеріала, могущаго замѣнить хлѣбъ. Они содержатъ около 2% бѣлковыхъ веществъ, отъ 9 до 18% крахмала, 70—80% воды, немного камеди и минеральныхъ веществъ. Солянины находятся въ нихъ едва слѣды, да и тѣ при вареніи легко растворяются въ водѣ. Какъ видно изъ состава по питательности онъ уступаетъ зернамъ хлѣбовъ, которыя содержатъ гораздо больше бѣлковыхъ веществъ, но за то картофель можетъ быть употребляемъ въ различномъ видѣ, пріятенъ на вкусъ и никогда не приѣдается. Эти свойства даютъ ему преимущество передъ многими культурными растеніями, тѣмъ болѣе, что разведеніе его легко, онъ довольствуется всякою почвою и можетъ произростать даже въ суровыхъ климатахъ. Особенно распространенію картофеля способствовали голодные годы прошлаго вѣка (1770 и 71), когда голодающее населеніе Сѣверной Германіи нашло въ немъ спасительное средство отъ угрожающей смерти. Тогда только сумѣли надлежащимъ образомъ оцѣнить этотъ драгоцѣнный даръ Америки. Въ настоящее время картофель распространенъ почти во всѣхъ странахъ земнаго шара, начиная отъ глубокаго сѣвера до тропическихъ странъ.— Картофель, послѣ колосовыхъ хлѣбовъ, можно считать однимъ изъ полезнѣйшихъ культурныхъ растеній. Онъ доставляетъ мильонамъ людей ежедневную пищу въ формѣ различныхъ яствъ. Домашнимъ и фабричнымъ способомъ изъ картофеля готовится крахмаль, не уступающій въ достоинствѣ пшеничному. Въ свою очередь крахмаль этотъ, по способу Кирхгофа, перерабатывается въ виноградный сахаръ, имѣющій примѣненіе въ кондитерскихъ печеніяхъ и конфектахъ. Картофель доставляетъ громадную массу матеріала для винокуренныхъ заводовъ, гдѣ его перерабатываютъ въ спиртъ и водку. Изъ сивушныхъ маселъ, получаемыхъ при винокурении, въ настоящее время научились готовить „фруктовыя эссенціи“, имѣющихъ вкусъ и запахъ различныхъ плодовъ. Онѣ идутъ тоже для приготовленія конфектъ, а въ парфюмерномъ искусствѣ для духовъ. Клубни картофеля въ вареномъ и оца-

ренномъ видѣ составляютъ отличный кормъ для откармливанія свиней. Картофельную ботву въ зеленомъ видѣ скотъ ѣстъ неохотно, но для свиней, при надлежащемъ подготовленіи, она составляетъ хорошій кормъ. Не слѣдуетъ однакожь срѣзывать ее для этой цѣли, такъ какъ чрезъ это значительно уменьшается урожай клубней. Въ послѣднее время изъ ягодъ и ботвы картофеля добываютъ химическимъ путемъ вещество, сходное по дѣйствию съ опиумомъ и употребляемое въ медицинѣ.

Къ сожалѣнію, несмотря на все достоинства картофеля, онъ неоднократно уже въ Европѣ подвергался эпидемическимъ болѣзнямъ. Изъ нихъ самую губельною оказалась „картофельная чума“ или „мокрая гниль“, отъ которой клубни гниютъ и разрушаются. По изслѣдованіямъ де Бари мокрую гниль причиняетъ паразитный грибокъ, *Phytophthora infestans* de B. Болѣзнь обнаруживается появленіемъ на листьяхъ темныхъ пятнышекъ съ бѣлою плесневою обводкою. Вскорѣ послѣ того споры грибка переносятся дождевою водою въ почву и тамъ поражаютъ клубни, которые начинаютъ гнить, вслѣдствіе разрастанія въ нихъ гифовъ упомянутаго грибка. Такъ какъ мицелій грибка перезимовываетъ въ клубняхъ, то для прекращенія болѣзни слѣдуетъ употреблять для слѣдующаго посѣва только совершенно здоровые клубни, притомъ, такъ какъ влага очевидно способствуетъ размноженію грибка, то не слѣдуетъ разводить картофель на низменныхъ влажныхъ мѣстахъ, гдѣ онъ чаще всего поражается этою болѣзнію. Столь же, а можетъ быть и болѣе губельнымъ, оказался для картофеля въ послѣднее время жучекъ „Колорадо“ (*Doryphora decemlineata*), причинившій въ Сѣверной Америкѣ огромныя опустошенія на картофельныхъ плантаціяхъ. Къ счастью, при двукратномъ появленіи его въ Европѣ, онъ былъ немедленно уничтоженъ, такъ что не успѣлъ распространиться.

Пузырьчатникъ, *Physalis*. Травянистое растеніе съ цѣльными листьями. Чашечка остающаяся, при созрѣваніи плода увеличивается, раздувается въ пузырь и окружаетъ ягоду. *II. обыкновенный, Ph. Alkekengi, L.*, до 2 ф. высоты. Стебель отъ основанія вѣтвистый. Листья обыкновенно по 2 рядомъ, на длинныхъ ножкахъ, яйцевидные. Цвѣтки пазушные, одиночные, съ грязно-бѣлымъ колесовиднымъ вѣнчикомъ. Чашечка при созрѣваніи шаровидно-раздутая, ярко-красная или желтая, съ заключенною въ ней красною ягодою. Растеніе это встрѣчалось мнѣ только въ „Святыхъ горахъ“ по лѣсистымъ мѣловымъ краямъ.—Трава пузырьчатника слабо-наркотическая. Кисловатые ягоды могутъ быть сырыми.”

О правѣ наслѣдованія законныхъ, незаконнорожденныхъ и сводныхъ дѣтей.

(Сл. *Ольшана*).

1. Сестры при братьяхъ не наслѣдницы въ отцовскомъ имуществѣ, а также не наслѣдницы и въ материнскомъ недвижимомъ и движимомъ, хотя въ большинствѣ случаевъ и даже всегда мать при жизни „росписываетъ“ свое имущество и согласно этой записи дѣти производятъ раздѣлъ; братья и въ этомъ второмъ случаѣ обязаны только выдать сестеръ замужъ, сообразно состоянію.

2. Сестры, невышедшія замужъ, какъ и калѣки, должны жить при братьяхъ, которые обязаны кормить ихъ и одѣвать, причемъ отцовская хата и усадьба, если братья не хотятъ кормить незамужнихъ сестеръ и калѣкъ переходятъ къ этимъ послѣднимъ, а братья должны выйти изъ отцовской хаты и усадьбы, а затѣмъ отцовская хата и усадьба остается за тѣмъ, кто условился докормить до смерти незамужнюю или калѣку и это обязательство выполнилъ.

3. Незамужнія сестры при братьяхъ и калѣки при братьяхъ не имѣютъ права на полевые надѣлы, которые всецѣло переходятъ къ братьямъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ находятся люди, которые за усадьбу и хату соглашаются докормить до смерти незамужнихъ и калѣкъ.

4. Сводные братья (если вдовецъ съ сыномъ женится на вдовѣ съ сыномъ) наслѣдуютъ каждый въ своей отцовщинѣ, точно также и сводныя сестры; сводный братъ обязанъ выдать замужъ сводную сестру изъ отцовской хаты и снарядить прилично состоянію, какъ-бы родную сестру; если у умершаго мужа осталась дочь, а у умершей жены сынъ, то наслѣдницею полною является дочь, а сводный ея братъ уходитъ искать своей батьковщины.

5. Приписанные къ семьѣ наслѣдуютъ вполнѣ, если нѣтъ законныхъ дѣтей. Въ большинствѣ случаевъ и даже всегда приписываютъ только тѣ, у кого нѣтъ законныхъ дѣтей.

6. Пріймакъ наслѣдуетъ только въ томъ случаѣ, если общество дастъ согласіе на передачу имущества пріймаку и совершенъ документъ въ волостномъ правленіи.

7. Незаконнорожденные числятся за матерью и принадлежатъ къ тому обществу, къ которому мать,—даже если-бы мать вышла замужъ въ другое общество; мать обыкновенно передаетъ свое имущество незаконнорожденному по документу, если же имущество, т. е. земля, не находилось въ пользованіи матери, то незаконнорожденные не имѣютъ права требовать отъ общества земли, но если земля была въ пользованіи матери, то послѣдняя можетъ передать по документу землю незаконнорожденному. Въ большинствѣ случаевъ мать по документу распределяетъ свое имущество между своими законными дѣтьми и незаконными.

8. Сводные признаются близкими родственниками и бракъ между ними можетъ быть только въ 3 колѣнѣ.

9. Единоутробныя дѣти наследуютъ каждый въ своей батьковщинѣ.

10. Единокровныя дѣти признаются равными наследниками въ отцовщинѣ.

О наследованіи между супругами и нисходящими движимаго и недвижимаго имущества и о „прыймакѣ“.

(Сл. *Непокрытая* и *Веселое*).

Въ каждой крестьянской семьѣ есть извѣстный составъ домашняго имущества, часть котораго считается какъ бы достояніемъ матери и носитъ названіе „материзны“, а другая часть—достояніемъ отца и носитъ названіе „батькивщны“. Кроме того, каждая семья располагаетъ однимъ или нѣсколькими душевыми надѣлами, которые, вмѣстѣ съ остальнымъ имуществомъ, и даютъ извѣстную экономическую устойчивость семьѣ. Пока семья живетъ нераздѣльно, какъ говорятъ, „у купи“, все имущество считается общимъ: каждый членъ семьи вноситъ въ общее хозяйство свой трудъ, общими усиліями приобрѣтается все необходимое для жизни и хозяйства, и нѣтъ разграниченія, что то принадлежитъ одному, а то другому, хотя между имуществомъ матери—„материзною“, и имуществомъ отца—„батькивщною“ и въ этомъ случаѣ устанавливается извѣстная раздѣляющая ихъ черта, которая обозначается довольно рѣзко при раздѣленіи семьи на части, и въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда каждому изъ ея членовъ, въ силу тѣхъ или иныхъ

семейныхъ или экономическихъ условій, приходится отстаивать то, что перешло ему по наслѣдству или пріобрѣтено личнымъ трудомъ. Дѣвушка, выданная замужъ и получившая въ приданое „скрыню“ съ необходимой женской одеждой, а отъ отца корову или телушку,—что чаще всего бываетъ, считаетъ это своимъ достояніемъ, и вмѣшательство мужа въ это имущество извѣстнымъ образомъ ограничивается; онъ, напр., не имѣетъ право ничего изъ этого имущества продать, не получивши предварительно на то согласія жены. Имѣя у себя полученную въ приданое отъ отца корову, она можетъ заниматься продажей такихъ продуктовъ, какъ молоко, сыръ и пр., считая же вырученныя такимъ образомъ деньги своими—дѣлать маленькія сбереженія и на нихъ пріобрѣтать что-либо, относящееся къ будущему приданому дочери, и никому до этихъ тратъ и пріобрѣтеній нѣтъ дѣла; въ этомъ видна ея забота о дочеряхъ; отецъ же тѣмъ временемъ заботится о сыновьяхъ и объ ихъ обезпеченіи.

По смерти отца, если семья остается нераздѣльной, имущество также точно считается пока общимъ; но отецъ передъ смертію обыкновенно дѣлаетъ распоряженіе относительно всѣхъ членовъ семьи, въ томъ числѣ и жены, опредѣляя ей что-нибудь изъ общаго хозяйства, напр., назначаетъ ей часть хлѣба, что-нибудь изъ скота и пр. При раздѣлѣ все это *вдова* и получаетъ, независимо отъ того, что внесено ею въ хозяйство, какъ приданое, что вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежитъ ей безъ всякаго участія въ долѣ этого имущества со стороны другихъ членовъ семьи. Если при матери—*вдовѣ* остается, напр., два сына, то при раздѣлѣ между ними отцовскаго имущества пополамъ, мать получаетъ по равной части отъ одного и другого, что составляетъ обыкновенно одну треть. Такъ какъ одинъ изъ сыновей въ такихъ случаяхъ идетъ на отдѣлъ, а другой остается при матери, то ея доля и остается при этомъ сынѣ, который на случай ея смерти и наслѣдуетъ эту долю.

Послѣ смерти мужа, неоставившаго потомства, жена-вдова наслѣдуетъ всѣмъ имуществомъ, въ томъ числѣ и надѣломъ, если она его оплачиваетъ. Но это только въ томъ случаѣ, если она остается вдовой и живетъ на усадьбѣ мужа. По смерти та-

кой бездѣтной вдовы, если есть наслѣдники, какъ со стороны ея, такъ и со стороны покойнаго мужа, все имущество переходитъ въ родъ этого послѣдняго. Но при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, по духовному завѣщанію она можетъ передать все имущество и въ свой родъ, или даже совершенно постороннему или вообще тому, кто досмотритъ ее до смерти; въ этомъ случаѣ она можетъ, минуя родъ мужа, передать ему даже усадьбу и надѣль. Такимъ обыкновенно является „прыймакъ“ или усыновленный.

Вдова бездѣтная, вышедшая замужъ въ другую семью, имѣетъ право продать всё, что осталось послѣ мужа въ хозяйствѣ, не исключая и хаты; усадьба-же и надѣль переходитъ или въ распоряженіе свекра, или его сыновей, или, если этихъ родственниковъ не оказывается—въ распоряженіе общества, которое и передаетъ ихъ кому-либо изъ своихъ членовъ. Впрочемъ, если мужъ пожилъ съ женой недолго — годъ, два, три, и жена, похоронивши его, вскорѣ выходитъ замужъ въ другую семью, то въ этомъ случаѣ ей дается только часть движимости, заключающаяся въ хлѣбѣ, скотѣ и пр., всё же остальное, а также усадьба съ хатой остается за свекромъ или вообще за родственниками мужа. Положеніе вдовы въ имущественномъ отношеніи можетъ различнымъ образомъ видоизмѣняться. Изъ всего имущества она вообще наслѣдуетъ движимымъ и въ иныхъ случаяхъ недвижимымъ имуществомъ, усадьба-же переходитъ или обществу, или родственникамъ мужа.

Если въ новой семьѣ крестьянка, вышедшая замужъ, пожила недолго — годъ, два, три, и умерла, не оставивши дѣтей, то приданое ея возвращается назадъ къ ея отцу или матери. Къ приданому этому относится „скрыня“, одежда, подушки и т. п., а если она получила отъ отца или отъ родственниковъ что-либо изъ скота или овецъ (во время „весилля“ зажиточные родственники обѣщаютъ—кто телушку, кто овцу и это носить названіе „дарить“), то и это отбирается назадъ. Бываютъ случаи, что жена при отсутствіи наслѣдниковъ проживетъ съ мужемъ и дольше, напр., лѣтъ до 10-ти; то и по прошествіи такого значительнаго періода времени приданое ея отбирается, хотя, конечно, не всегда въ такомъ видѣ или составѣ, въ ка-

комъ первоначально вносилось въ хозяйство мужа. По прошествіи-же 10-ти лѣтъ обыкновенно родные умершей ничего не получаютъ. Если-же послѣ умершей остается наслѣдникъ (безразлично—мальчикъ или дѣвочка), то мужъ-вдовецъ все приданое оставляетъ себѣ и родные ея ничего назадъ не берутъ.

По смерти родителей или при жизни ихъ между членами семьи обыкновенно происходитъ дѣленіе, что обусловливается достиженіемъ совершеннолѣтія, т. е. женитьбой сыновей и выходомъ дочерей замужъ. Если въ семьѣ, положимъ, есть сынъ и дочь, то дочь выдаютъ замужъ и снабжаютъ ее приданымъ и она, начавши самостоятельную жизнь въ новой семьѣ, считается уже выдѣленной, получивши такимъ образомъ что-либо изъ отцовщины и „материзны“; сынъ-же остается на хозяйствѣ отца. По смерти родителей, обязанность пристроить дочь лежитъ на братьяхъ, причемъ изъ общей части они выдѣляютъ ей все то, что она должна бы была получить и отъ родителей; а если братья дѣлятся и она уходитъ къ тому брату, который заводитъсь новымъ хозяйствомъ, то беретъ туда и то, что ей выдѣлено при раздѣлѣ, и въ такомъ случаѣ обязанность выдать ее замужъ лежитъ уже на этомъ братѣ. Послѣ смерти матери „материзна“ остается въ пользу дочери. Послѣ смерти отца, отдѣленный сынъ, если только не было особаго духовнаго завѣщанія, изъ имущества отца ничего не получаетъ: имущество это переходитъ къ остававшемуся при немъ сыну, на обязанности котораго лежало досмотрѣть его въ старости и похоронить. Одинъ изъ братьевъ, при жизни-ли отца или послѣ его смерти, ходатайствуетъ передъ обществомъ о надѣленіи его усадьбой. Покупки тутъ, конечно, никакой не бываетъ, а все ограничивается тѣмъ, что наиболѣе вліятельнымъ членамъ общества ставится „могорычъ“. Это обыкновенно бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда усадьба, на которой живетъ семья слишкомъ тѣсна и на ней не можетъ умѣститься хозяйство двухъ раздѣляющихся семействъ. Вообще забота о приобрѣтеніи усадьбы для сына при жизни отца лежитъ на этомъ послѣднемъ, причемъ, если онъ имѣетъ средства, какъ говорятъ „заможный“, то усадьбу такую онъ можетъ приобрѣсть покупкой заблаговременно и на ней ставить прежде всего хату, которая стоитъ

иногда годъ, два и больше, пока дождется новаго своего жильца, а потомъ, по мѣрѣ возможности, строятся и другія постройки, причеиъ капиталъ, затраченный на пріобрѣтеніе усадьбы, постройку хаты и пр.—что отдѣлившійся сынъ на новомъ мѣстѣ будетъ имѣть, приблизительно уравнивается съ той долей всего этого, которая досталась сыну, оставшемуся при отцѣ. Имуществоиъ отца, доставшимся на его долю, наследуетъ сынъ, досмотрѣвшій его до старости и похоронившій его, а если отецъ умеръ, пока братья жили въ общей семьѣ, то все имущество отца они дѣлятъ пополамъ.

Если родители имѣютъ двухъ дочерей, то къ одной изъ нихъ они обыкновенно принимаютъ зятя, такъ называемаго „пріймака“, а другую выдаютъ замужъ въ чужую семью. Если дочери при жизни отца и матери оказались неспристроенными, то, въ случаѣ малолѣтства ихъ, какъ къ нимъ, такъ и къ имуществу назначается опека, а по достиженіи ими совершеннолѣтія, имущество это, заключающееся въ скарбѣ, хлѣбѣ, надворныхъ постройкахъ и пр., дѣлится между ними поровну. Если одна изъ дочерей была выдана замужъ при жизни отца и матери, а другая была малолѣтняя, имущества-же оставшагося послѣ смерти ихъ оказалось значительно больше того, сколько получила старшая сестра въ видѣ приданаго, то, за выдѣломъ того, что получила на свою долю эта послѣдняя, меньшей сестрѣ,—все остальное имущество дѣлится между сестрами поровну. Вообще-же, чаще бываетъ, что старшая сестра изъ отцовскаго имущества получаетъ меньшую долю, и это потому, что она шла отъ родителей и не испытывала того сиротства, которое выпало на долю меньшей ея сестры. Усадьба и надѣль, оставшіеся послѣ смерти отца, если въ семьѣ не было „пріймака“, дочерямъ не переходятъ, а остаются въ распоряженіи дядей и другихъ родственниковъ, а если такихъ не оказывается, то поступаютъ въ пользу общества. Но такъ бываетъ, впрочемъ, рѣдко: напротивъ, можно считать общимъ правилоиъ, что, при отсутствіи сыновей, дочь, или одна изъ нихъ, принимаетъ къ себѣ на отцовщину (мужа—зятя), который и распоряжается, какъ усадьбой, такъ и надѣломъ.

Послѣ смерти сына, оставшаго вдову и дѣтей, отецъ и

мать ничѣмъ не наслѣдуютъ, такъ какъ все имущество его остается въ распоряженіи вдовы, на которой лежитъ забота воспитать дѣтей и пристроить ихъ. Если вдова бездѣтная, то, живя отдѣльной усадьбой, она принимаетъ обыкновенно на эту усадьбу „прыймака“; слѣдов., и въ этомъ случаѣ отецъ покойнаго мужа ничего назадъ не отбираетъ. Но если вдова, проживши на усадьбѣ, выходитъ замужъ въ другую семью, то она имѣетъ право продать изъ имущества все, что найдетъ нужнымъ, а остальное забираетъ съ собой; усадьба же остается въ пользу отца или поступаетъ въ его родъ. Если невѣстка—вдова жила въ семьѣ свекра и, оставшись бездѣтной, вышла замужъ, то она беретъ съ собой только приданое,—если пожила годъ, два, три; а если больше, то, кромѣ этого, еще что-нибудь хлѣбомъ, скотомъ и пр., смотря по тому, какъ она поставила себя въ семьѣ, какою была работницей, сколько проработала въ общемъ хозяйствѣ и т. д., а все остальное родители оставляютъ себѣ.

Мать, послѣ смерти дочери, прожившей съ мужемъ недолго и не оставившей дѣтей, забираетъ назадъ все приданое; по истеченіи же 10—15 лѣтъ при тѣхъ же условіяхъ не получаетъ ничего, что бываетъ и въ томъ случаѣ, если послѣ дочери остался какой-нибудь наслѣдникъ—безразлично—сынъ или дочь.

„*Прыймакъ*“ берется или въ ту семью, гдѣ есть дочери, а нѣтъ сыновей, или хотя и есть сыновья, но еще несовершеннолѣтніе, а между тѣмъ у отца такое хозяйство, что требуетъ постоянной помощи; или же, наконецъ, при отсутствіи, какъ сыновей, такъ и дочерей, отецъ и мать, желая имѣть опору подъ старость, и, чтобы то имущество, которое ими приобрѣталось въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, было кому передать, не пошло, какъ говорятъ, „марно“,—принимаютъ къ себѣ готовую уже семью, т. е. человѣка уже семейнаго. Во всѣхъ этихъ случаяхъ между „прыймакомъ“ и представителемъ семьи, въ которую онъ вступаетъ, происходитъ временное соглашеніе, выражающееся въ особенности въ послѣднее время извѣстной письменной сдѣлкой, по которой „прыймакъ“ обязывается за передаваемое ему имущество тестя докормить его до смерти и похоронить, а при жизни относиться къ нему съ уваженіемъ. Въ домашній этотъ актъ вносятся и другія обязательства, обу-

словливающія взаимныя отношенія сторонъ. Нарушенія этихъ обязательствъ съ той или другой стороны порождаютъ часто несогласіе и раздоры въ семьѣ, оканчивающіеся подчасъ вмѣшательствомъ волостного суда. Такимъ образомъ, „пріймакъ“, вступая въ ту семью, гдѣ нѣтъ сыновей, а есть дочь, на которой онъ женился, при взаимномъ согласіи, пріобрѣтаетъ права родного сына и, похоронивши стариковъ, наследуетъ все имущество ихъ и надѣломъ. Такія права „пріймакъ“ пріобрѣтаетъ и въ томъ случаѣ, если онъ, какъ раньше было замѣчено, вступаетъ въ семью человекомъ уже семейнымъ. Бываютъ случаи, что „пріймакъ“ черезъ женитьбу вступаетъ въ родство съ такой семьей, гдѣ, кромѣ того, есть и малолѣтній сынъ. Если такой затѣмъ оказывается прилежнымъ въ работѣ, хорошимъ семьяниномъ, если онъ съ уваженіемъ относится къ старикамъ, то онъ и при этомъ условіи пріобрѣтаетъ положеніе, ничѣмъ не отличающееся отъ положенія родного сына. Отецъ, по достиженіи сыномъ совершеннолѣтія, дѣлитъ между ними имущество поровну; разница тутъ только въ томъ, что при раздѣлѣ сынъ остается обыкновенно на усадьбѣ отца, а „пріймаку“ строятъ хату, или на той же усадьбѣ, если она обширная, или усадьба пріобрѣтается отъ кого-либо покупкой, или же, наконецъ, усадьбу даетъ общество изъ свободной выгонной земли, причемъ, конечно, не обходится безъ „могорыча“. Но не всегда бываетъ такъ, не всегда взаимныя условія, заключенныя между „пріймакомъ“ и принявшей его семьей, выполняются точно. Если „пріймакъ“ въ такой семьѣ прожилъ недолго и самъ неуживчивостью своего характера подаетъ поводъ къ семейнымъ неурядицамъ, то тесть, удаливши его со двора, можетъ совершенно отстранить его и отъ имущества, причемъ „пріймакъ“ беретъ съ собой только то, что было имъ принесено къ тестю, а жена его свое приданое. „Пріймакъ“, прожившій у тестя дольше, лѣтъ 10—15, беретъ съ собой то, что выпадаетъ на долю его личнаго труда. Если поводомъ къ несогласію и неурядицамъ является неуживчивость тестя, и этотъ послѣдній удаляетъ „пріймака“ изъ усадьбы, на которой тотъ прожилъ годъ, два, то и въ этомъ случаѣ ничего ему не дается. Но если они пожили вмѣстѣ долго, и „пріймакъ“ успѣлъ за это время кое-что пріобрѣсти своими трудами, то, удаляя его изъ усадьбы, тесть дол-

женъ поставить ему хату, дать необходимое въ хозяйствѣ, какъ-то: хлѣба, часть скота и прочей хозяйственной движимости; на мѣсто же его можетъ принять другого, которому и передаетъ все, оставшееся у него имущество.

О правѣ наслѣдованія вдовы и братьевъ наслѣдодателя въ недвижимомъ и движимомъ имуществѣ, оставшемся послѣ его смерти.

(X. *Сотницькій—Козачекъ*, Одноробовской вол.).

Пока семья живетъ вмѣстѣ—при жизни ли отца, или послѣ его смерти, все имущество считается общимъ, затѣмъ, когда въ семьѣ начинается разладъ или является иная какая либо причина, мѣшающая семьѣ жить вмѣстѣ, между братьями происходитъ дѣлежъ: дѣлается опись всему имуществу, приглашаются отъ 8 и до 10 и 12 человекъ сосѣдей, пользующихся уваженіемъ, дѣлятъ имущество поровну на извѣстныя части и бросаютъ жребій,—кому какая часть выпадетъ, тотъ то и забираетъ. Отъ воли отца (если онъ живъ) зависитъ оставить того или иного изъ сыновей при себѣ, а остальные выдѣляются. Каждый, получившій свою часть, является отъ того времени полнымъ ея распорядителемъ. Затѣмъ, если онъ, поживъ отдѣльнымъ, самостоятельнымъ хозяиномъ, померъ, то все его имущество переходитъ вдовѣ, и она уже является наслѣдницей этого имущества, и притомъ полной, независимо отъ того, оставить ли покойный мужъ ея наслѣдниковъ, или нѣтъ. Затѣмъ, если она выходитъ замужъ, но при этомъ бросаетъ свой дворъ (чему въ хуторѣ не бывало примѣра) и переходитъ во дворъ второго своего мужа, то свекоръ или его сыновья даютъ ей часть изъ хозяйства: корову, хлѣбомъ и т. п., а остальное остается въ распоряженіи той семьи, изъ которой вышла покойный ея мужъ. Если она остается вдовой и не оставляетъ своего двора, кромѣ того что она является полной хозяйкой въ имуществѣ, она можетъ оставить за собой и надѣль покойнаго мужа, при томъ условіи, конечно, если будетъ исправно уплачивать причитающіеся платежи. На надѣль этотъ и вообще въ хозяйство свое она можетъ принять кого ей угодно, даже крестьянина изъ другой губерніи; и родъ покойнаго мужа не вправѣ вмѣшиваться въ ея имущество и предъявлять какія либо права на ту или другую часть его.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ИЗУЧЕНІЯ
КАРЬКОВСКОГО ГУБЕРНІИ.

ОТДѢЛЪ II-Й.

I.—Ол. Свѣто-Дмитріевск.

СТАТЬИ ПО ЭТНОГРАФІИ КРАЯ.

Ол. Свѣто-Дмитріевск (Бриггантон) Ново-Английскаго округа
расположенъ по среднему теченію р. Велусъ. Заселенъ Свѣ-
то-Дмитріевскъ началъ около 1700 г. въ Петрѣ-Великомъ
наказаніемъ въ 1700 г. и принадлежалъ сначала къ той же
провинціи, — а именно къ Дорсетъ-графству въ 1700 г. Въ
1716 г. онъ былъ объявленъ частью графствъ Вилтширъ и
Дорсетъ, митрополита Роттердамскаго. Дорсетъ, митрополитъ
Вилтширскій, епископъ въ 1716 г. отъ тинтерингтъна, въ 1716 г.
1804 г. Построенъ онъ былъ послѣднимъ Дорсетъ-графствомъ.
Въ скорости послѣдствіемъ широкаго графствъ Свѣто-Дмитріевск
было включено въ Губернію въ 1716 г. въ 1716 г. въ
каждъ изъ нихъ имѣли свои управленія, въ 1716 г.
имъ управленія, что еще въ 1716 г. было одно управленіе
въ 1716 г. на которомъ была одна часть графствъ Свѣто-Дмитріевск
и на которомъ была одна часть графствъ Свѣто-Дмитріевск
и на которомъ была одна часть графствъ Свѣто-Дмитріевск

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ИЗУЧЕНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Гл. I.

СТАРОВѢЛЬСКІЙ УѢЗДЪ.

1.—Сл. Свято-Дмитріевка.

Изъ прошлаго. — Жилище, одежда и пища. — Народная медицина. — Заговоры. — Молитвы. — Религіозность и нравственность. — Свадебные обряды и пѣсни (рушники, оглядины, сватанье, вареники, шишки, подвесилокъ, свадьба). — Обряды и обычаи. — Игры. — Повѣрья. — Пѣсни. — Сказки.

Сл. Свято-Дмитріевка (Капитанова) Ново-Айдарской волости расположена по среднему теченію р. Евсугъ. Заселяться Свято-Дмитріевка начала почти разомъ съ сл. Петро-Павловой, находящейся въ 18 вер. и принадлежавшей одному и тому же помѣщику, — выходцами съ Дона приблизительно въ 1640 г. Въ 1766 г. въ ней былъ освященъ первый храмъ въ память св. Димитрія, митрополита Ростовскаго. Храмъ этотъ находился въ нѣсколькихъ саженьяхъ на югъ отъ теперешняго, освященнаго въ 1864 г. Построенъ онъ былъ помѣщикомъ Петромъ Трубецкимъ. Въ скорости послѣ освященія перваго храма, Свято-Димитріевка была возвращена кн. Трубецкимъ въ казенное вѣдомство. Никакихъ остатковъ отъ пещеръ или укрѣпленій нѣтъ; хотя крестьяне рассказываютъ, что еще не такъ давно часто находили въ ярахъ, на которыхъ прежде росли большіе дѣса, ямы, наполненныя зерномъ, преимущественно просомъ, уже погнившимъ и негоднымъ къ употребленію. Въ вершинѣ яра, называемаго

„страшнымъ“, находилась громадная пещера, служившая нѣкоторое время убѣжищемъ для шайки разбойниковъ, грабившихъ чумаковъ и проѣзжавшихъ мимо крестьянъ. Входъ въ эту пещеру существовалъ, говорятъ, еще лѣтъ за пять до „чернаго года“, но потомъ мужики, обѣоравши, направили туда стокъ дождевой и весенней воды, и пещеру занесло камнями и пескомъ. Говорятъ, вода шла туда лѣтъ пять. Рассказываютъ, будто находился смѣльчакъ, который, взявъ въ горшокъ углей (огонь въ пещерѣ тухъ), ходилъ въ эту пещеру и потомъ сообщалъ, что находилъ тамъ множество стойлъ и яслей для скота. Крестьяне думаютъ, что разбойники въ лѣсу возлѣ этой пещеры прятали награбленные деньги, и теперь между ними находятся иногда охотники поискать тамъ клада, но вырывать никогда ничего не удавалось.

Сл. Дмитріевка называется такъ по имени церкви, посвященной памяти Святителя и чудотворца Димитрія, митрополита Ростовскаго, называютъ ее въ простонародіи и Капитанова ¹⁾. Кладбищъ въ сл. Свято-Дмитріевкѣ три. Они находятся при выгонѣ слободы, обнесены приличными рвами; два изъ нихъ существовали еще со времени постройки церкви въ этомъ приходѣ (1766 г.), а третье устроено позже. Есть одно упраздненное кладбище, находящееся на лѣвой сторонѣ рѣки Евсуга.

Въ оградѣ при старой церкви погребено замѣчательное доброю жизнью и милосердіемъ къ ближнимъ лицо, — свящ. Василій Пантелеймоновъ (+1861 г. 30 нояб.). Не излишне будетъ сказать нѣсколько словъ о фамиліи Пантелеймоновыхъ, преемственно священствовавшихъ здѣсь около столѣтія, потому что фамилія эта имѣетъ нѣкоторую связь съ исторіей образованія здѣшняго прихода. Вотъ что говоритъ объ этомъ преданіе: около 1750 года проѣзжалъ малороссіянинъ Пантелеймонъ Майборода ²⁾, изъ сл. Бѣло-Куракиной въ Луганскую станицу (Ек. губ.) на ярмарку, лѣвою стороною рѣки Евсугъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь большой мостъ, а тогда былъ бродъ, остано-

¹⁾ По преданію извѣстно, что Дмитріевка была господскою слободою, и что владѣтель ея кн. Трубецкой былъ въ чинѣ капитана.

²⁾ Фамилія Майбородъ и теперь существуетъ въ сл. Бѣло-Куракиной въ званіи вольныхъ хлѣбопашцевъ.

вился кормить лошадь. Онъ былъ съ сыномъ, десятилѣтнимъ Константиномъ (отецъ покойнаго Василя Пантелеймонова). На правой сторонѣ рѣки, въ этомъ мѣстѣ былъ отличнѣйшій лугъ, еще не скошенный въ послѣднихъ числахъ августа мѣсяца; подъ горою стояли три жилыхъ хаты, а прочія мѣста представляли собою дикую степь. Майборода бродомъ перешелъ рѣку и, въ веселомъ расположеніи духа, махая кнутомъ въ травѣ по поясъ, говорилъ: „у, сынку! тутъ-то гѣрна слобода бѣде!“ и какъ-бы пророчески прибавилъ: „ще ты бѣдешъ тутъ попомъ“. И дѣйствительно, чрезъ 22 года этотъ десятилѣтній сынъ Константинъ, по фамиліи Пантелеймоновъ¹⁾, поступилъ уже на второй штатъ священникомъ.

Слобода находится въ 50 вер. отъ уѣзднаго города и въ 45—отъ Луганскаго литейнаго завода; такъ какъ Луганскій заводъ—пунктъ болѣе оживленный, то мѣстные крестьяне всѣ свои продукты, состоящіе преимущественно изъ хлѣба, картофеля и капусты, возятъ для продажи въ послѣдній. Сл. Свято-Дмитріевка расположена по среднему теченію р. Евсуга, у подошвы обрывистаго холма изъ отвердѣлаго мѣла и носящаго мѣстное названіе „Кицай горы“.

Прежде, говорятъ, окрестности Свято-Дмитріевки были покрыты густыми лѣсами, а берега р. Евсуга, прежде глубокой,—прекрасными лугами; теперь-же отъ лѣсовъ остались одни названія, да иногда попадаются пни, а, вслѣдствіе обмеленія рѣки, луга обратились сперва въ степь, а потомъ были распаханы подъ хлѣбъ.

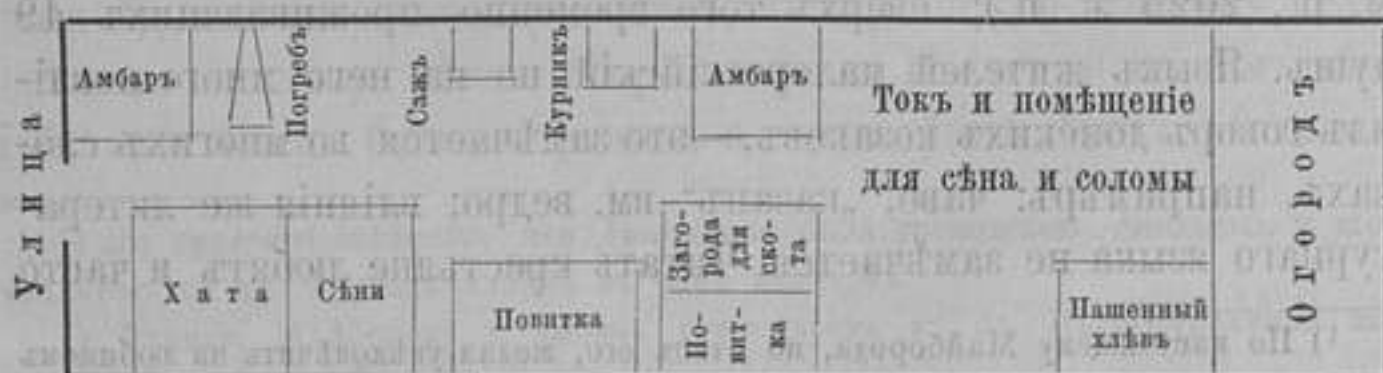
Жители слободы—малороссы; между ними есть нѣсколько семействъ и великороссовъ. Цвѣтъ волосъ жители имѣютъ темно-русый, ростъ средній, глаза сѣраго цвѣта, носъ прямой, умѣренный. Число жителей простирается до 4119 человекъ (2094 м. п., 2025 ж. п.); сверхъ того временно проживающихъ 49 душъ. Языкъ жителей малороссійскій, но на него много повліялъ говоръ донскихъ козаковъ,—это замѣчается во многихъ словахъ, напримѣръ: чаво, „казанъ“ вм. ведро; вліянія же литературнаго языка не замѣчается. Читатъ крестьяне любятъ и часто

¹⁾ По настоящему Майборода, но отецъ его, желая увѣковѣчить на любимомъ сынѣ свое имя, просилъ—именоваться ему Пантелеймоновымъ, на что и получилъ разрѣшеніе.

обращаются съ просьбою дать имъ какую нибудь книгу для чтенія, но удовлетворить ихъ нѣтъ возможности, такъ какъ при училищѣ книгъ для чтенія не имѣется. Крестьяне приобрѣтаютъ себѣ книги на ярмаркахъ и у офеней преимущественно духовнаго содержанія, какъ-то: житія святыхъ, Евангеліе, Псалтырь и путеводители по святымъ мѣстамъ. Занятіе крестьянъ—земледѣліе. Прежде, когда луга были не распаханы, и кругомъ росли лѣса, нѣкоторые занимались пчеловодствомъ; въ настоящее время пчеловодства, садоводства и кустарныхъ промысловъ не существуетъ.

Жилище крестьянъ состоитъ изъ большой свѣтлой „хаты“, преимущественно о четырехъ окнахъ (два на улицу и два во дворъ) и большихъ сѣней, которыя часто замѣняютъ собою „коморю“ (амбарь). Убранство крестьянской хаты состоитъ изъ иконъ, занимающихъ иногда почти двѣ стѣны, идущія отъ передняго угла,—и лубочныхъ картинъ. Вдоль стѣнъ, идущихъ отъ передняго угла,—расположены широкія лавки, а въ самомъ углу находится большой столъ, за который сажаютъ почетныхъ гостей. Возлѣ порога помѣщается печь, а рядомъ съ нею по глухой стѣнѣ—„поль“ (помость), предназначенный для ночнаго отдыха всей семьи. Дворъ крестьянина продолговатъ и окруженъ со всѣхъ сторонъ постройками: возлѣ хаты „повитки“, служащія крестьянамъ вмѣсто подъѣздныхъ сараевъ, рядомъ съ ними „загороды“ для скота, а по другую сторону амбары и погребъ. За постройками вдоль усадьбы расположены токъ и наконецъ огородъ. Въ концѣ тока обыкновенно стоитъ нашенный хлѣвъ, куда крестьянинъ прячетъ отъ непогоды полову и лучшей кормъ. Клуны (ригъ) въ Свято-Дмитріевкѣ, по недостатку лѣса, крестьяне не дѣлаютъ.

Представляемъ планъ двора средняго хозяина.

Мойсѣй! Здравствуйте, дивѣци-трясѣци! Вынимаѣтъ Моисѣй свий мечъ; хѣчетъ ихъ быть и рубѣть. „Стой, Мойсѣй, не рубѣ, не наказывай“. Кто эту „молытву“ будетъ знать, того лихорадка не будетъ ни трусить, ни знобить.

Отъ вывиха: „Не десь и не здесь, а на сынѣму мѣрю лежѣтъ каминь бѣлый. На камини хтось сидѣть, высыжжѣе изъ жѣвтой кѣсты цвѣли (гниль), выкликаѣе: „жѣвтая кость, львовъ духъ! Якъ у льву духъ не дѣржыцца, то щобъ такъ у жѣвтой кѣсты (имя) звыхъ не держався. Николаю угѣдныку, мѣсяцю ясный, князю прекрасный, стань минѣ у пѣмощи въ пѣрвый разъ, у дрѣгый разъ, у трѣтій разъ. Аминь“.

Отъ бѣшенства: „Аронъ, Аронъ, Аронъ! Ампаціонъ, Ампаціонъ, Ампаціонъ! Дивхлинъ, Дивхлинъ, Дивхлинъ! Избѣви, Гѣсподы (имя)“. Эти слова 27 разъ написать на хлѣбѣ и дать съѣсть.

Отъ пули: „Гѣбыть Илья пророкъ на колесницѣ громъ со великымъ дождѣмъ. Туча надъ тѣчей взойдѣтъ, мѣлонья сияѣтъ, —громъ грянетъ, дождь пойдѣтъ—порохъ залѣтъ. Пѣна изыде и языкъ косянъ. Кая раба, рабыца мечѣцца, отъ младенца не разришаѣцца, такъ бы у нѣго бѣлись и томѣлись пули ружейныя и орудѣйныя. Какъ отъ кочета нѣтъ яйца, такъ отъ ружья нѣтъ стрѣлянья. Ключъ въ небѣ, замокъ въ мѣри. Аминь“.

Отъ червей: „Святѣй ѣтче Никѣла, велѣкый пѣмѣшникъ, Самъ Господъ Саводѣъ и прѣчѣста Бѣжа Мѣты, пѣможѣтъ отъ чѣрвы шѣптѣты. Булѣ чѣрвы 12 братѣвъ. Изъ 12 стѣло 11-тъ, изъ 11-ти 10-тъ, изъ 10-ты 9-тъ, изъ 9-ты 8-мъ, изъ 8-мы 7-мъ, изъ 7-мы 6-тъ, изъ 6-ты 5-тъ, изъ 5-ты 4-ри, изъ 4-хъ 3, изъ 3-хъ 2, изъ 2-хъ одѣнъ, изъ 1-го ни ѣдного у бычкѣ (такой то) шѣрсты“.

Отъ бессонницы у дѣтей: Несутъ „пидъ кѣри“ и говорятъ: „дѣбрый вѣчеръ, дѣбрычкы—чорнѣнькѣи, бѣлѣнькѣи й рябѣнькѣи кѣрѣчкы. Возмѣтъ у насъ крыклѣвыци, а намъ дѣйте сонлѣвыци. Кѣры чѣрнии, кѣры бѣлии, кѣры рябии, мы до васъ прѣйшлѣ на вѣчорницѣ, возмѣтъ изъ нѣшого нарѣждѣного, молытвѣного, крѣщѣного (имя) плаксѣвыци, крыклѣвыци—наслани, подѣумани, погѣдани, вѣтромъ повѣяни, а намъ поплѣтъ сонъ со всѣхъ чѣтырѣхъ сторѣнъ“. Послѣ этого сплевывается три раза.

Отъ пліснявки: „Чередà йде до до́му, а пліснявка па́да до до́лу съ ро́жденного, мо́лывеного, крещеного (имя)“.

Молитвы. Часто крестьяне сами слагають молитвы, избѣгая молитвъ на церковно-славянскомъ языкѣ, не вполне для нихъ понятныхъ. Напримѣръ:

Молитва на сонъ грядущій: „Крестъ въ головахъ, крестъ у ногахъ, ангелы по бокахъ. Ангелы хранители, храните мою дѹшу зъ вѣчера до півночи, съ півночи до ўтра, а отъ ўтра до скончаныя вѣка. Амѣнь“.

Молитва на ночь для охраны имущества: „Сшелъ Іисусъ Христосъ съ небесъ, снесъ свой животворящій крестъ. Огради насъ, Господи, Святымъ Твоимъ Животворящимъ крестомъ. Покрый насъ, Господи, святымы Твоими облаками. Замыкай насъ Господи, своими семидесяти седми замками. Огради насъ, Господи, святымъ Твоимъ честнымъ градомъ. Сохрани насъ, Господи, святыми Твоими Архангелами, Ангелами и Пресвятою Дѣвою Богородицею отъ змія, отъ звіря, отъ воривъ и розбійныкивъ и отъ всякаго лыходія“.

Религіозность крестьянъ сл. Свято-Дмитріевки видна изъ усерднаго посѣщенія ими храма Божія, заботъ объ его украшеніи, а также и изъ желанія грамотныхъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ поступать въ монашество, и, если это поступленіе по чѣму нибудь невозможно, то „чернычатъ“ дома, т. е. носятъ темнаго цвѣта одежду, читають по умершимъ псалтырь, занимаются чтеніемъ книгъ и распѣвають молитвы и пѣсни. Пѣсни эти большею частью молоканскія, хотя у насъ ни молоканъ, ни раскольниковъ по близости нѣтъ.

Народъ мало развитъ; замѣчаются плутовскія наклонности; ко всему новому относятся враждебно и недовѣрчиво; при старикахъ и даже дѣтяхъ говорятъ, не стѣсняясь, всякія сальности и ругаются площадною бранью. Женщины какъ въ семьѣ, такъ и въ обществѣ, не ставятся наравнѣ съ мужчинами. Работая на семью, онѣ должны сами себя одѣвать, такъ какъ мужчины на наряды имъ денегъ изъ хозяйства не даютъ, а потому женщины воруютъ сами у себя различные продукты и продають ихъ тайно отъ семьи; проституція и пьянство развиты сильно, пьютъ даже дѣти лѣтъ 14-ти. Въ слободѣ 6 кабаковъ.

„Вечерницы“ начинаются осенью и продолжаются до начала весенних полевых работ. Состоятъ онѣ въ томъ, что дѣвушки собираются въ опредѣленную хату „на прѣхи“. Нерѣдко туда приходятъ парни, и тогда, кромѣ работы, бываетъ пѣніе различныхъ пѣсень и игры.

Свадьба.— „Старосты“ (обыкновенно два) берутъ хлѣбъ и идутъ въ извѣстный домъ подъ окно, съ вечера. Старосты здороваются. Хозяйка имъ отвѣчаютъ. „Здоровъ, хазяинъ, пустить, пожалуйста, обигрицьця“. — „А Богъ васъ знае, що вы такѣ за людѣ“. „Та мы охотныкы, ходылы лысыць слидыть, тай збылысь зъ доробы. Пустить обогрицьця“, — „А коли добри людѣ, — йдите“. Войдя въ хату, начинаютъ сватовство, но всѣ переговоры ведутся индифферентно. Хлѣбъ принимается не съ перваго раза, а стараются сватовъ заставить прійти разъ пять. Принятіе хлѣба означаетъ, что родители согласны отдать свою дочь за предлагаемаго жениха. Послѣ этого старосты уходятъ къ жениху и возвращаются съ женихомъ и его родителями къ невѣстѣ. Войдя въ хату, женихъ садится у порога подъ „мѣсникомъ“ и сидитъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не войдетъ невѣста. Входитъ невѣста; женихъ встаетъ и становится рядомъ съ нею; подходитъ мать невѣсты и спрашиваетъ у нихъ: „Якъ, сыночокъ, чы ты мою дочку зъ охотою берешъ? чы, мѣже, тебе невѣлять? Якъ невѣлять, такъ шукай другу собѣ, сыночокъ“. Женихъ: „Якъ бы я не зъ охотою вашу дочку бравъ, ябъ и старостивъ не прысылавъ“. Старосты: „Ну, а ваша-жь дочка якъ?“ Мать: „Якъ ты, дочко?“ Невѣста: „Якъ бѣтько та маты, такъ и я. (Хотя и не согласна)“. Распросивши молодыхъ, зажигаютъ свѣчи, и всѣ молятся Богу. Помолвившись, женихъ и невѣста кланяются въ ноги по три раза, сперва родителямъ невѣсты, потомъ родителямъ жениха и наконецъ старостамъ. Послѣ поклоновъ родители договариваются о „подмѣжномъ“ со стороны жениха отцу невѣсты, которое состоитъ въ хлѣбѣ, или деньгами руб. 5—10. Женихъ удаляется, а невѣста даетъ „рушныкы“.

„**Рушныкы**“. Невѣста вноситъ на деревянной тарелкѣ два рушника и подаетъ ихъ старостамъ, которые и перевязываются ими. Рушники, все равно—въ богатомъ или бѣдномъ домѣ, грубые, полотняные и до того короткіе, что ихъ нужно дотачивать ве-

ревками. Повязавшись, старосты благодарят невесту, говоря: „спасиби тобі, дочко, що рано вставала, та рушники намъ пріяла“. Въ то время, какъ невеста даетъ рушники, молодыя дѣвушки поютъ:

„Шо ты думала, Шо ты гадала, Марьичка молодая?“ — „Те и думала, Те и гадала,	Шо не дасть Мене батенько. А мий батенько, Сивъ-голубъ, Все мною	Молодою Старостамъ ручку Тай по рушничку, А Семенкови хусточку“.
--	--	---

Получивши рушники, старосты вынимаютъ изъ кармана бутылку водки и обносятъ всѣхъ присутствующихъ, а отецъ жениха приглашаетъ къ себѣ на „оглядины“, почему всѣ немедленно поднимаются и идутъ къ нему.

„Оглядины“. На оглядинахъ, гдѣ все раньше готово, родителей и родныхъ невесты сажаютъ за столъ и угощаютъ. На другой день отецъ жениха приходитъ къ отцу невесты и условливается о днѣ сватанья.

„Сватанья“. Сватанье происходитъ въ домѣ невесты такъ: собираются всѣ родные, входитъ невеста, и, поклонившись отцу и матери жениха въ ноги, здоровается съ остальными, цѣлуясь, а съ женихомъ раскланивается такъ, чтобы поклоны ихъ вышли мимо одинъ другого. Мать вноситъ платки и подаетъ ихъ невестѣ, которая повязываетъ ими родныхъ и крестныхъ родителей жениха и старшаго боярина. Платокъ, предназначенный для жениха, старшій бояринъ беретъ у невесты и затыкаетъ ему за поясъ. Перевязавши, невеста подноситъ всѣмъ водки, причемъ ее дарятъ деньгами. Подается обѣдъ, послѣ котораго всѣ идутъ къ жениху, гдѣ и угощаютъ ихъ, стараясь задержать какъ можно дольше, чтобы дать молодежи время наварить въ домѣ невесты варениковъ. На сватаньи поются слѣдующія пѣсни:

„Та даетъ мене, Та мий батенько И самъ бачыть, Шо не разъ, не два Та за мною Тай заплачеть. Якъ по весни Та садочы	Та цвистынуть, Якъ дивочки Та виночки Та плестынуть, Мымо твоихъ Вориточекъ Тай нестынуть,— Та не будуть	Та до хаты Тай привертаты, Та не будуть Кватирочки одсуваты, Та не будуть Дивы—Марьички Выкликаты“.
---	---	---

* * *		
„Дашь мене,	Ой, уставай же,	И ранними
Мий батенько,	Мий батенько,	И вечерными
Тай оть себе;	Та равенько,	Зирочками
Остаецця	Тай поlyingвай	И своими
Рута мьята	Руту-мьяту	Дрибненькими
Уся въ тебе.	Тай частенько—	Слязочками“.

Если невѣста сирота, то поють слѣдующую пѣсню:

„Ой, великий дворъ,	Посылай, Марьичко,
Та маленький збиръ.	Соловья зъ саду
Чомъ не вся родынонька?“	До батенька на пораду,
„Ой, тымъ не вся	Сыву зозуленьку
Та родынонька,	На Вкраицоньку,
Шо немає батенька.	На ридну родыноньку“.
Батенька немає,	Ни соловья зъ гаю,
А чужий не знае,	Ни батенька зъ раю,
Тай порядку немає.	Ни родыны зъ Украины“.

„Варѣньки“. Въ то время, какъ родителей невѣсты угощаютъ въ домѣ жениха, въ домѣ невѣсты невѣста угощаетъ жениха сѣменами подсолнуха; молодежь варить вареники, которые лѣпятся съ сыромъ, мукою, сѣменами, сухимъ горохомъ и даже перцемъ; этими варениками дѣвушки угощаютъ молодыхъ парубковъ—бояръ, подсовывая имъ для смѣха вареники съ мукою, золою или перцемъ. На другой день отцы уговариваются о днѣ свадьбы.

Вѣнчанье обыкновенно бываетъ въ пятницу. Къ вѣнцу идутъ отъ невѣсты, куда раньше приходитъ женихъ. Послѣ вѣнчанія всѣ обѣдаютъ у жениха; пообѣдавши, невѣста уходитъ обратно къ своему отцу, остается тамъ до дня свадьбы и одѣвается такъ, какъ дѣвушка, украшая свою голову вѣнкомъ. Когда возвращаются изъ церкви, поють пѣсню:

„Схылылася верба до кориния.	Прыбрайся, матинко, прыбрайся,
Винчалася (ими) съ ранку до полудни.	Та до себе дружечокъ сподивайся.

„Шышки“. Послѣ вѣнчанья одна изъ родственницъ ходитъ и приглашаетъ знакомыхъ на шишки. Въ пятницу собираются дѣвушки и лѣпятъ изъ тѣста шишки (родъ хлѣбцевъ), а въ субботу собираются для этого исключительно женщины. Лѣпятъ, кромѣ шишекъ, „коровай“ и „лѣжень“, а также убираютъ

тѣстомъ „стѣрожа“ (вѣтки вишни или сосны, убранныя разноцвѣтною бумагою). Въ обоихъ случаяхъ поютъ пѣсню:

„Егорова ненька по улицы ходе	Та калачикивъ дбаты,
Та сусилочокъ просе:	Та порядки даваты;
Сусидоньки, мой голубоньки!	Бо я ий перву отдаю,
Приходить вы до мене,	Тай порядку не знаю,
Не до мене, до мого дятты	Тай до столу не прыступаю“.

„Пидвесилокѣ“. На столъ кладутъ коровай, лежень и хлѣбъ, въ который втыкаются три вишни, съ зажженными свѣчами. Вечеромъ собираются гости; въ сѣни входитъ съ дружкойми невѣста; подружій, пришедшій съ нею, говоритъ старостамъ: „стѣроста, пѣне пидстѣроста, благословѣть отцю, нѣньци въ нѣгы вѣасты“— „Богъ благословѣть и мы благословляемъ“. И въ другій разъ и въ третій разъ— „Богъ благословѣть усѣ три разы“. Послѣ этого „пидружій“ беретъ платокъ, даетъ одинъ конецъ невѣстѣ, а за другой держится самъ и заводитъ ее за столъ. Дружки садятся кругомъ молодой. Входитъ отецъ и начинаетъ угощать молодую и дружекъ водкою. Невѣста предлагаемую ей водку отсылаетъ своимъ роднымъ. Черезъ нѣсколько времени входятъ старосты со стороны жениха и садятся у „мѣсника“, потомъ встаютъ и начинаютъ требовать, чтобы имъ дали умыть руки, говоря: „давайте намъ воды рѣкы мѣты: мы здалѣко йшли, падалы, та рѣкы замазаны. Та ще прийшли загадѣть, щобъ на зѣвтра у васъ бувъ намъ постоялый дворъ, щобъ було сѣно и овѣсъ“. Подаютъ воду. Старосты моютъ руки, а мать даетъ имъ по рушныку. Дружки въ это время поютъ:

„Мылы старости ручки,	Наши рушнычки
Глянули на калочки,	Шойковы торочки,
Чы не висѣть рушнычки.	Шовкомъ мережени,
	А съ торгу привезени“.

Когда старосты, помывши руки, сядутъ въ ожиданіи закуски,—поютъ:

„Чого, старосты, сидыте?	Та вже, старосты,
Чомъ до домольку не йдете?	Темна ничъ,
А щезъ Марычка	Стуцайте соби
Ваша—не ваша,	Хоть на всю ничъ.
Хоть заручена,	Пора, старосты, до дому,
Та не винчана, *)	Пойлы кони солому;
Вы ий не возьмете.	А якъ будете тутъ ночуваты,
	То будете й купуваты“.

*) Прежде это происходило до вѣнчанія.

Закусивши, старосты уходятъ домой.

Готовится для всѣхъ ужинъ, во время котораго дружки поютъ:

„Ой, на хати зильля, А въ хати весильля:	Марьяна челядь Сила вечерять“.
---	-----------------------------------

Послѣ ужина молодыхъ ведутъ спать въ отдѣльное помеще-
ніе. Дружки поютъ:

„Ой, у субботу, пидь недилю; Пишла Марьичка въ шивляю; А хто мене найде въ ций шивлийци, Тому я достанусь. Пишла матинька,—не нашла, Вырвала квиточку, тай пишла. Квиточка сле, серденько вьяне,— Нема нашои (имя).	Пишовъ батенько,—не найшовъ, Вырвавъ квиточку, тай пишовъ. Квиточка сле, серденько вьяне: Нема нашои (имя). Пишовъ (имя жениха), тай найшовъ, Взявъ за рученьку, тай пишовъ. Марьичка моя зарученая, Мини-жь ты досталася“.
--	--

Положивши молодыхъ спать, всѣ расходятся по домамъ.

„Свадьба“. Въ воскресенье гости собираются къ молодому
„выряжать поѣздъ“. Въ хатѣ „боярамъ и свитѣлкамъ“ пришива-
ютъ „квитки“. Дружки поютъ:

„Та звый соби Симъ сотъ квитокъ Щей чотыри,	Усемъ боярамъ Но квитоцьци, А (имя)	Квитки неѣмае: (Имя) квитка— Марьичка дивка“.
---	---	---

Выходятъ всѣ изъ хаты и садятся на повозки. Мать, на-
бравши въ заполь хмѣлю, орѣховъ и старыхъ денегъ, обыска-
етъ поѣзжанъ, беретъ лошадь за поводъ и выводитъ за ворота.
Поѣздъ ѣздитъ цѣлый день, предварительно заѣхавъ въ церковь,
гдѣ женихъ на паперти кладетъ три земныхъ поклона. Выѣз-
жая, поѣзжане поютъ:

„До церкви, сынку, До церкви;	Помолывшись Богу, —До дивки“.
----------------------------------	----------------------------------

Вечеромъ поѣздъ подѣзжаетъ къ двору невесты, тамъ ихъ
не пускаютъ нѣсколько разъ. Наконецъ, взявши окупъ, состо-
ящій изъ бутылки водки, пускаютъ поѣздъ во дворъ. Нерѣдко
поѣздъ въ воротахъ невесты проѣзжаетъ чрезъ разложенный
огонь. Всѣхъ поѣзжанъ и жениха ставятъ возлѣ порога, уго-
щаютъ водкою и дарятъ платками или лентами. Бояринъ бе-
ретъ жениха за платокъ и заводитъ за столъ. Въ это время
поютъ:

„Дружечкы-паняночки, Посуньтесъ изъ лавочки,	Нехай цей панъ сяде Била ции паняночки“.
---	---

Отецъ угощаетъ присутствующихъ водкою, а женихъ и невѣста, выражая и свою просьбу выпить, кланяются. Рѣжется, привезенный женихомъ, хлѣбъ и раздается присутствующимъ. Въ это время дружки поютъ:

„Дружко пелехатый Бига коло хаты: „Дежъ мни статы, Коровая краиты,— Чы въ руты, чы въ мѣти,	Чы въ рублений хаты?“ Дружечко коровой крае И семеро дитей мае Та вси съ кошелюми; Увесь коровой забрали“.
---	--

Въ то время, какъ дружко рѣжетъ коровой, бояры крадутъ куски коровой, а дружки поютъ:

„Чы не бачишь, дружко, Що бояры коровой крадутъ,	А за насъ захиляюцца, — Короваемъ запыхаюцца“.
---	---

Послѣ этого двѣ свахи, одна со стороны жениха, а другая, со стороны невѣсты, надѣваютъ на голову—одна жениху шапку а другая невѣстѣ вѣнокъ, становятся по сторонамъ невѣсты и начинаютъ расплетать ей косу, снимать съ нея цвѣты и надѣвать на нее „очипокъ“, который невѣста срываетъ съ головы и бросается къ порогу. Надѣвши очипокъ, „покрывають“ невѣсту „серпанкомъ“, а если у ея отца есть пчелы, то накрываютъ платкомъ. Дружки поютъ:

„Покрыванка плаче, Покрывацьця хоче,	Не такъ покрывацьця, Якъ поцилувацьця“.
---	--

Свашки, покрывающія невѣсту, мѣняются головными уборами и цѣлуются. Когда покрываютъ молодую, поютъ:

„Брала Марычка лень, лень, ъ Выгоняла дружечокъ вонъ, вонъ.	На шо було браты, Якъ насъ выгоняты“.
--	--

Дружки выходятъ, а остальные берутъ „дизу“, ставятъ возлѣ порога, накрываютъ рушникомъ и обводятъ вокругъ нея три раза молодыхъ; при чемъ поютъ:

„Старый оселедько Не стое за редьку:	Не вспивъ оженицьця, Стала жинка быцьця“.
---	--

Имущество невѣсты складывается на возы и вмѣстѣ съ невѣстою увозится къ свекру, при чемъ поютъ для матери и невѣсты.

Для матери: „Загрибай, мате, жаръ, жаръ, Колн тоби дочкы жаль, жаль; Кыдай у пичь дрова, Та оставайся здорова“.	Для невѣсты: „Сидай, Марычка, на возы, Та кыдай норовы. Перви норовы—улиця, Други норовы—вычиринци, Третья норовы—куды йшла Батькову худобу занесла“.
---	---

Какъ только молодыхъ подвезутъ ко двору свекра, находящіеся въ поѣздѣ, поютъ:

„Выйди, матинко, огляди,
Шо тоби бояры привезлы.

Привезлы скрыню й перину
И молодую княгыню“.

Въ понедѣльникъ гости собираются дарить молодыхъ. Дарятъ хлѣбомъ, овцами и деньгами; всё подарки дружка записываетъ на стѣнѣ рогачемъ, такъ что послѣ этого всегда приходится вновь обмазывать хату. Подаривши, родичи и сосѣди приглаютъ всѣхъ къ себѣ. Эти приглашенія и переходы для гулянья продолжаются иногда недѣли двѣ и называются „перезвами“ или „бесідами“¹⁾.

Расходы на свадьбу простираются отъ 40 до 150 р., смотря по зажиточности, и состоятъ почти исключительно въ покупкѣ водки; водки выходитъ иногда ведеръ 20-ть.

Обряды и обычаи. Существуетъ обычай „размыванія рукъ“ на второй или третій день послѣ рожденія ребенка; состоитъ онъ въ слѣдующемъ: бабка варитъ въ горшкѣ васильки и хмѣль, наливаетъ этотъ отваръ въ тарелку и ставитъ на стулъ; возлѣ стула раскладываетъ васильки, въ видѣ креста, и придавливаетъ ихъ топоромъ. Приготовивши все, она ставитъ роженицу на топоръ и льетъ ей на ладони отваръ такъ, чтобы отваръ сбѣгалъ на локоть, съ локтя бабка подхватываетъ своею ладонью и даетъ пить роженицѣ. Это продѣлывается по три раза съ каждою рукою. Послѣ этого бабка и роженица испрашиваютъ другъ у друга прощенія въ нанесенныхъ другъ другу оскорбленіяхъ. Роженица даетъ бабкѣ мыло, холста на рубаху, подъ видомъ утиранія рукъ, и деньги. Крестьяне вѣрятъ, что, послѣ размыванія рукъ, больной становится легче, и она скорѣе поправляется.

На Рождественскіе праздники дѣвушки „водятъ козла“ т. е. становятся въ кругъ, берутся за руки и перекручиваются чрезъ руки, причемъ поютъ:

¹⁾ Если невѣста окажется потерявшей свою дѣвственность, то ее во время свадьбы заставляютъ носить воду дырявымъ рядомъ, а на ея родителей надѣваютъ хомуты и даютъ имъ водки изъ дырявыхъ рюмокъ.

„Выйды, выйды Пала-
женько
Та визнай свого Иванка.
Твий Иванъ молодець:
На правый руци обидець,

А на ливый килечко,—
До Палажки сердечко.
До Ивана, душенько:
Якъ заспивае,—
Лысты чытае,

Якъ заговоре,—
У звинь звоне,
Якъ засмиецца,—
Серце вьецца“.

* *

„Ой, Дунаю, Дунаю!
Не далеко отъ краю
Чабанъ вици кармае
У дудочку награе,
На молодивъ моргае.
„Ой, выхлопцы-молодци
Накажить вы дивонци,
Що въ зеленій плахотци,
Нехай вона мене не жде
Нехай замижъ иде“.
А дивчына почувла,
Тай зъ улыця майнула.
Добигае до двора—
Заболгла голова,

Добигае до ворить—
Ухватила за живить,
Добигае до тыну—
Заболгла спина,
Добигае до хаты—
Стаза плакаты, рыдаты.
„Ой матусю, матусенько,
Шо мы будемо робыты,—
Неставъ чабанъ любыты“.
—„Бижы донько до млына,
Накопаемъ кореня
Съ пидь билого камня“.
Полоскала на ритьци,
Та настояла въ горильци;

Полоскала на леду,
Та настояла въ меду.
Поставыла на жару,
Сама сила бли жалю.
А ще корень не вкшиивъ,
А вже чабанъ прылытивъ.
„Ой шожъ тебе прынесло,
Чы човнычекъ, чы весло?“
„Привисъ мене сирый
квнъ
До дивчыны прямо въ
двирь“.
А дивчына не знала—
И постеленькы не слаза.“

Подъ новый годъ, въ день св. Меланьи, утромъ дѣти „меланкують“.

Мальчики:

„Чы дома, дома
Пань-господарь.
А я знаю, знаю,
Шо винь дома.
Сыдыть винь
Квици стола,
А ва ёму

Шуба любя,
На шубочци
Калыточка,
А въ калыточци
Симъ шележечкивъ.
А намъ братци
По пирижечку,
А старымъ бабамъ
По палиныци,

Шобъ родылись
Быкы й телыци
И чорни згыныци.
(Если въ домъ есть дѣвушка,
то припѣваютъ:)
Отъ столу до порога,
Шобъ була дивка чорно-
брова.“

* *

Дѣвочки:

„Меланочка ходыла,
Васылечка просыла:
„Васылю, мий батю,
Пусть мене въ хату;
Я жыта нажала,

Чесный крестъ держала,
Золоту кадильнычку,
Срибну тарыльнычку“.
Радуйтеся, люды:
До васъ Христось буде,
Богу свичку ставте,
А намъ пиригъ дайте,

Хоть маменький,
Та циленький.
Безъ рукъ безъ нигъ,
Шобъ не втикъ у снигъ;
Зъ руками й зъ ногами,
Шобъ бигъ за нами“.

Хозяева даютъ меланкующимъ по прянику или по пампушкѣ.

Вечеромъ взрослые дѣвушки ходятъ *щедровать*, причемъ поютъ:

„Прылытила ластивочка,
Сила, пала на виконечко.
Щедрый вечеръ,

Добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ
На здоровье.

Щей свитлонька та не метена,
Дивка Оксана та не чесана.

(Припѣвъ).

Разгнивалась та на батенька,
Не разгнивалась, та подумала.

(Припѣвъ).

Краялы свитку, та вкорстылы,

Шылы черевычки, та вмазлы.

(Припѣвъ).

Обризочки—та на квіточки,

А краечки—та на полсочки.

(Припѣвъ).

Дай, Боже, вечерь добрый

Хоть маленьку, та циленьку“.

„Сивъ Сусъ Христось та вечеряты,

Прышла къ ёму Божая Маты:

„Ой дай сынку золоты ключи.

Одимкнуты рай и пекло,

Выпустыты гришни души,

Лышь одну та не выпустыты

Шо батька-матирь та налаала,

Не налаала, та подумала“ *).

„Ой, на ричци на Ёрдани

Тамъ Марія рызы прала,

Прала, прала та не вымахала,

Повисыла на камни,

На червоний на малыни.

Де взялся янголята,

Взялы рызы на крылята,

Повеслы рызы по пидь небесамы“ *).

Игры. Дѣти играютъ весною въ игры: въ мячъ, въ чижика и пыжа, состоящихъ въ отбиваніи палочекъ; лѣтомъ—въ креймахы, т. е. въ хватаніе пяти камней по два, по три и врозь; зимою—въ свинки, отбиваніи другъ у друга палками, преимущественно на льду, круглаго чугунаго или деревяннаго мяча. Юноши и взрослые никакихъ игръ не устраиваютъ, хотя иногда присутствуютъ при игрѣ въ мячъ. Танцуютъ преимущественно казачка и метелицу. Музыкальные инструменты: сопила, скрипка, віолончель и барабанъ.

Повѣрья. Народъ вѣритъ въ вѣдьмъ и домовыхъ. Чтобы вѣдьма не дѣлала вреда коровѣ, у коровы проверчиваютъ рогъ, насыпаютъ туда маку и забиваютъ осиновымъ колышкомъ. Чтобы злой духъ не испортилъ скота, то, выгоняя скотъ первый разъ въ поле, перегоняютъ его чрезъ протянутый въ воротахъ поясъ и остро наточенную косу. Народъ вѣритъ, что пожаръ прекращается, если вокругъ него обойдетъ человекъ, читая молитву, которая ему приснилась во снѣ, даже, если молитва эта не похожа на каноническую молитву и въ молитвенникахъ не существуетъ. Когда кругомъ слободы росли лѣса, то иногда залетала птичка ремезъ, которая вьетъ себѣ висячее гнѣздо изъ ваты лозы. Ремезы вьютъ гнѣздо или съ однимъ отверстіемъ, или съ двумя. Существуетъ по этому поводу повѣрье, что, если пара живетъ не въ ладу,

*) Припѣвъ повторяется за каждой строчкой.

Та взяла наварыла.
Та одирвала
Русои косы,
Взяла накурыла,
Та взяла накурыла.
Иде возакъ
Та по улыци
Якъ рыбонька вьецця,
Та якъ рыбонька вьецця.

А изъ го
Молодого
Вся челядь смиецця,
Та вся челядь смиецця.
Та не такъ челядь,
Не такъ челядь,
Якъ тая дивчына,
Та якъ тая дивчына,
Шо любылися,

Та кохалыся
Якъ голубивъ пара,
Та якъ голубивъ пара.
А теперыча
Розійшыся
Якъ чорная хмара,
Та якъ чорная хмара“.

* *
*

„Пыйты, люды, горилочку,
А вы, гуси, воду;
Тяжко жыты сиротини
Безъ ридного роду.
Въ кого батько, въ кого
маты—

Е зъ кымъ розмовляты,
Въ кого браты, въ кого
сестры—
Е зъ кымъ погуляты.
Браты мои, браты дорогие
Чомъ до мене не ходете,
Що я убогая?

— Хоть ты убогая,
Такъ ты не гордал,
Хлиба, соли розгадаешъ,
Тай насъ привитаешъ,
Горилочки роздобудешъ,
Тай насъ почастуешъ“.

* *
*

„А за гаемъ гаемъ
Тры садочки рядомъ,
Та вси зелененьки
Зацвѣлы биленько.
У первимъ садочку—
Зозуля ковала,
У другимъ садочку—
Соловейко щebetавъ,
Въ третимъ садочку—
Маты зъ сыномъ стояла,

Сына правды пытала:
„Скажи мни, мій сыночку,
Хто на свити вирнень-
кай,—
Чы жинка, чы теща,
Чы ненька ридненька?“
„— Теща для привита,
Жинка для совита,
А ненька ридненька
Вся правда вирненька“.

„Якъ я тобой сыну ходыла
Тай свитомъ нудыла;
Якъ порожала,—
Смертеньки бажала;
А якъ породыла—
Тай Бога просыла:
Ой дай, Боже, долю
Моему сыночку
И въ поли, и въ доми,
И въ добромъ здоровьи“.

* *
*

„Галочка мой, галочка чорненька,
Скажи, галочка, де моя мыленька?
А моя мыла въ лузи надъ водою
Умываецця холодною водою,
А втыраецця шитою хустыною,
Малые бровы синею ожною.
Помалювавши, та лягла оддыхаты.
Прийшла свекруха невихну пробу-
жаты:

„Устань, невихно, устань, неробитнице,
Поди коровы, шо отъ батька нагнала,
Вяжыны вивци, шо мате дарувала“.

„Ой, годи, маты, цымъ очи выбиваты,
Я твого сыночка не неволыла браты.
У мене вивци—въ скрынъци у комирци,
А мой волы та коровы—
Биле лычко та чорни бровы“.

* *
*

Весняни.

1) „Та пора тоби вирбыця развыцця,
Та пора тоби, Иванко, женицця“.
— „Та ще мни женыться не пора,
Та ще моя дивчына молода,

Та нехай вона литечко погула,
Та нехай вона кисоньку покоха“.
Встань же, Параско, раненько,
Та вмей лычко биленько,
Та заплыты кисоньку дрибненько“.

<p>2) „Иванко паньчъ Первый павьчъ,— Рано, рано Ранесенько. Иванко паньчъ Щей Хведоровьчъ,—</p>	<p>Рано, рано Ранесенько. А ему пара, Параска пава,— Рожа, рожа Червоная</p>	<p>По батюшца Щей Ивановна,— Рожа, рожа Червоная“.</p>
<p>3) „Тай облоги, Та чого вы такъ рано облягли, Тай облягли? Тай обляжылы насъ парубочки, Парубочки. Рубы, рубы, Иванко, комибочки, Комибочки; Та спускай виконца схиць сонця, Схиць сонця. Туды будуть соловейки литаты, Та литаты;</p>	<p>Вони будуть хороше щebetаты, Щebetаты; Та дивку Наталку пробужаты, Пробужаты. Та вставай, Наталко, раненько, Та раненько; Тай умывай личыко биденько, Та биденько; Тай заплыты кисочку дрибненько“</p>	
* * *		
<p>„Ой, мате мой, Малыновий цвять, На шо отдала,— Завязала свить,— За такого Нехорошого.</p>	<p>Очи плачуть, А я смюсь, Своёму горю Тай не подаюсь. Ой, горе, горе Шо я молода,</p>	<p>Шо я молода Якъ рыба вяла. Якъ рыба въ мори— А я въ гори, Якъ рыба въ пьску— А я въ тоску“.</p>
* * *		
<p>„Слаты минь не хочецьця И сонъ мене не бере; Пишовъ бы я до дивчыны, Та не знаю, де живе. Попросю я товарища, Нехай мене одведе, А товарищъ кращый мене, Винъ дивчыну одибье.</p>	<p>—Свиты, мисяць, свиты, мисяць, Свиты, ясная зоря, Просвѣтыжъ ты дорожень- ку До мылаго до двора. А въ моёго мылого</p>	<p>Кровать нова тесова, Кровать нова тесова, Подушечка пухова, Застелушка шовкова. —Лежыть мыла спочива, Лежыть мыла спочива, Щей дытыночка мала“</p>
* * *		
<p>„Чы я вьляла, чы и вьрыла, Чы мене пидыто, Чы самъ козакъ Не ставъ любыть, Чы ёго отбыто. Ой, одбыла шука-рыба Одь берега рьску; Одобрала дивчыноньва Отъ козака ласку. А я тую дрибну рьску Збыру на запаску,</p>	<p>Табыжъ тому козаченьку Пидйду пидъ ласку. Навидала, кубельчко, Де утка несецьця; Та почула черезъ людь, Вражый сынъ смвецьця Смийся, смийся, вражый сыну, Колы довелосъ; Колы мое биезъ личко Съ твоимъ понялося.</p>	<p>Твое личко, якъ яблочко,— Мое, изъ мамына, Руса коса до пояса, Сама чорнобрыва. Чого жъ зъ мене смиятыся Що тобі зробыла? Хьба того, шо такъ шьро Свиню полюбыла? Смийся, смийся, вражый сыну, Самъ посмьхомъ будешъ;</p>

Якъ дамъ тобѣ зъ тыха дыха, По вѣкъ не забудешъ. Хоть я не дамъ, хоть я не дамъ, Такъ дастъ моя маты; Будешъ же ты, вражній сыну,	Ще мене й прохаты. Смійся, смійся вражній сыну, За смихъ тобѣ буде: Симъ годъ трысяця тру- сытме Тай смерты не буде; На постели лежатымешъ,	Смерты бажатымешъ. Подай минѣ, стара маты, Съ кирця умыващця, Нехай зъ мене перестане Те стерво сміящця“.
--	--	---

* *

* *

„Уси братычки Поженылся, Вси товарищи Подружылся, А я молодой Не женать хожу. Якъ посватавси,— Тай утратився, Якъ оженывся,— Тай закурывся. Якъ узывъ жону Не по любви,— Ни биле лычко, Ни чорни бровы; Ни до батюшки,	Ни до матушки, Ни до мылого Чернобривого. Запрѣгай, лакей, Тройку лошадей. Та якъ сядемо, Тай поиндемо У Кытай городокъ, Та на ярморокъ. Я куплю жони Новый корабель, А за тотъ корабель Полтора ста рублей, Полтора ста рублей Щей съ полтыною.	Посадывъ жону, Самъ зъ дитыною. А корабль плыве— Ажъ вода рыве, А дитя плаче— Ажъ луна иде. —Воротысь мыла, Покормы сына. Не вернусь, муже, Бо побывъ дуже, Якъ побывъ рублемъ Тай вочалкою; Щей зовешъ, подлещъ, Тай коханкою“.
--	--	---

* *

* *

„У поли, въ шырокимъ раздолѣ! Вырослы два дубочка, Схылылся верхы до купочки. Налынулы сыви голубочки, Йили й пылы и врозь политылы. А лятючи, ричи говорылы:	„Голубъ сывый, голубка сывыйша, Батько ридный, а мате ридныйша. Батько й мате та все для порады, А дружна для розмовы. Горько жыты парьню молодому Та щей не женатому“.
--	--

* *

* *

„А вчера тай зъ вечера Тры козаки прыйшло: Одынъ Донскый, Другый Морьскый, Третій Черноморьскый. Тай одывъ сядыть	Кинци столу, У скрипочку грае; Другый сядыть коло ёго, Медъ, вино кружае; Третій сядыть на перыни, Дывчыну пытае:	„Дывчынонька, повна роза, Чы свататы гожа? —Козаченьку, барвыночку, Сватай хоть уведиленьку,— Дывчынонька, повна роза, Свататы не гожа“.
--	--	---

* *

* *

„Ой пидъ вышнею, Пидъ черешнею Сидывъ голубокъ Изъ голубкою, Цылувалыся, мылувалыся Тай крылечкамы обнималыся;	Де не взявся сокиль Изъ врутыхъ горъ, Голуба вбывъ, голубку вловывъ; Сховавъ голуба пидъ калыною, Голубку называвъ вичъ дружиною; Узывъ голубку за билу руку,
---	--

Повивъ голубку въ нову свитловку,
Насыпавъ пшеница по сами грудця,
Налывъ водици—по колиночки.

Голубка куде, пшеница не кледе
Та все пидь калыну плакаты иде“.

Таже пѣсня 40 лѣтъ назадъ:

„Та пидь грушицею,
Пидь кудрявою,
Та пидь кудрявою
Та шей кучерявою
Сидила пара голубивъ.
Цылувались,
Мылувались
Та своему жытью
Дывовались.
Та де не взивси
Стрилецъ-молодець,
Розбивъ—розлучивъ
Пару голубивъ.

Голуба вбивъ,
Голубку вловивъ,
Та взявъ голубку
За билу руку,
Та повивъ голубку
Въ нову свитловку;
Насыпавъ пшеници
Повни свитлицы,
Налывъ водици
Повни склянички.
А голубка гуде,
Йистоньки не йде.
Та гуды не гуды,

Йистоньки йды.
Хоть гуды не гуды,
А вжежь мни
Не первый винецъ;
Хоть гуды не гуды,
Та вжей мни
Другый молодець;
Хоть гуды не гуды,
Та вжей нагудешся,
Якъ уловимъ
Та прибаркаемъ,
Та вжей схамнешся“.

Колыбельныя пѣсни.

1. „Коту, коту, котусю
Займы нашу телусю
Та пожены на пашу,—

Дастъ молока на кашу.
Будемъ кашу варить,
Будемъ (имя) кормить;

А дитыночка маненька—
Вона каша раденька“.

* * *

2. „А котыку, китку,
Та вкравъ котыкъ китку,
Та вонисъ до Гали,
Положивъ на лави.

Стала Галя ката быты,
Стала Галя ката вчты:
„Не вчисъ, коту, красты,
Та вчися робты—
Черевычки шиты

Та не наскив,
Та черкаськии,
Та не дороги
По тры золотыи“.

* * *

3. „Котыку, котку
Не лизь на колодку,
Розибьешъ головку.
Головка буде болять,

Ничимъ буде завертить.
Одна була хустыночка,
Тай ту дивки вкрасы
Та на куклы подрасы.

Куколь наробылы,
Кота попобылы,
(Имя) розбудылы“.

* * *

4. „А люлечки люли,
Налитылы гули,
Та силы на люли.
А люля скринъ, скрынъ,

А (имя) спить, спить.
А люлечки, люлечки
Шовковыи вырвечки,
Малёвани быльця,

Пишлы до Кырмльця;
А Кырмлецъ ны гуля,
Черевычки поправля“.

* * *

5. „А въ дивчыны Гапки
Смолины лавкы:
Якъ сивъ, прикипивъ,
Вечериты не схотивъ.

Пишла маты заганяты;
Пидь пидь пидогнала,
Очкуръ перервала.
Очкуръ зъ бузыны

Матня съ пелены.
Тулу, тулу до дивоць,
Найившыся ягидокъ“.

Шутовская пѣсня.

Ожыився щыголь тай думает,
 Шо женился, утратився тай жинки
 ны мае.
 Сыдыть щыголь на пиньку у лодони
 плеще:
 Напиймося, найижмося, е ще.
 Попылы й пойлы, смиху наробылы.
 А вороны на той часъ коровай зли-
 пылы,
 Сороки—пруданки скачуть поверхъ
 лавкы;
 Видна жъ наша голововька, вымае
 кыбалкы (очипка).
 А чайка кыгичить, на высвляя клычить,

А кулычка съ кулычкомъ на высвля-
 лячко разкомъ,
 А чанелька красна на высвля ласа;
 А пчолы та осы тай покусалы чанлю.
 «Туть буду почуваты, до дому ны
 втраплю».
 А пырыпыльця хату вымытае,
 Сыдыть сова квици стола, скоса по-
 глядае;
 А снчъ на порози сыдыть на сторожи,
 А дурный пугачъ бизъ намьаты лы-
 жить на морози,
 А комарь у лиси гостей зазывае,
 Чмилъ меду додае, зазовивъ ны мае.

Побасенка. „Якъ мы зъ дѣдомъ жылы, ще бѣтька на свѣти
 ны булò; та булò у насъ дви пѣри волѣвъ чужыхъ, а третя ны
 наша. Поѣхалы орѣты мы, люды зъ волѣмы, а мы такъ зъ дѣ-
 домъ. Ну, мы наорѣлы, а чумаки ѣхалы, та нашу оранку на
 колѣса ѣ забрѣлы. А я дѣвчина тодѣ ны вылычка булò, та по-
 бѣгла за чумаками оранку збѣраты; назбѣрѣла иѣй повну пеле-
 нѣ, принесли до дѣда, тай роскыдѣлы мы ту оранку и насѣя-
 лы грѣчки. Пишлѣ у недѣлю, а вона урòдѣла густѣ, а посе-
 рѣдыни пѣстѣ, а по краямъ нымѣ ничòго. Мы зъ дѣдомъ и по-
 жѣлы, наклѣлы на кòмини три екѣрты съ половѣною, а бо щей
 дѣли. А у насъ булò гулевѣ худòба—быкъ—вòша; та якъ по-
 бѣгла кòло стòга, якъ тырнѣцьця обѣ стигъ, тай звалѣла въ по-
 мѣйныцю, а мы зъ дѣдомъ выкыдѣлы, выкыдѣлы снòпыкы, та
 тамъ вчынылы ѣ замисѣлы, а бѣба напеклѣ бѣблыкивъ грычѣ-
 ныхъ. Повызлѣ бѣблыкы въ гòродъ продаваты, хто кѣпе — ны
 кѣпе, а бѣбу по плѣчахъ лѣпе. Попродалѣ бублыкы, узѣлы ѣ
 поѣхалы до дòму. Ѣидемъ до дòму, бѣба барышѣ, щытѣе: „у ко-
 гò барышѣ въ кашпѣцѣ, а въ мѣне—мижъ плѣчѣма“. Прѣѣха-
 лы до дòму, а бѣтько тѣлько шо народѣвся та хòде по хѣти
 ны облызанный. Ну шо жъ туть ѣмѣ робѣть? Трѣба на ѣлыцю
 нысты, забавляты. Полѣзъ дѣдъ на дѣба яѣць дрѣты, бѣтька
 забавляты; вѣдравъ двòе утѣчыхъ, прынѣсь до дòму тай дѣма:
 шо бѣ ѣго посадыты? Прѣѣшлѣ въ двѣрь чужѣ свѣня и завох-
 тѣла. Мы ии посадылы, вона вылупыла двòе утѣтъ на дрѣгый
 день. Мы ихъ выгналы въ чередѣ; у вѣчери прѣхòдять: одна

принесла глэкъ молока, а друга—пидъ крыломъ пятака. На другый день мы надоили повну хату молока и двѣри позачинялы и почалы масло колотыть. Выгналы два ополонка вверхъ масла, а останне масло въ погрибъ. А дали вже, якъ прыйдуть, такъ сыръ и масло самѡ пада въ погрибъ. Кинулысь въ погрибъ до масла,—ажъ вонѡ зацвилѡ; мы давай ключкою тягты, та на тынъ вишаты просушуваты. Просушылы, на визь складлы и рублёмъ утяглы; запряглы чужого кабанѡ и вола и повызлы въ городъ продаваты, а дидъ пишовъ вперѣдъ мѣста одыраты, де зъ масломъ стѡты. Отъ идъ я на мистѡкъ, а кабанъ та виль заспорылы: той туды, а той туды тягне, тай перекынулы масло въ грязь. Въ городѡ во вси дзвѡны по маслови дзвѡнять, а дидъ дума: це ны даромъ така трывога, колыбъ тамъ зъ масломъ чѣгѡ ны случилось. Прыхѡде до масла, а ужѣ масло згасло, пырымишалось съ грязью. Плакалы, плакалы, у лодѡни ляпалы. А дидъ каже: пойдымъ въ Боровѣнку та кумымо бжолу. Прыйхалы въ Боровѣнку, а чоловікъ зъ Варваривкы прывивъ бжолу прывязану до вѡза и пыхтырь, шо носе медъ до шѡи прывязанный. Сторгувалы бжолу и йдымъ до дому. Прыйхалы до дому тай послалы бжолу у Лозоватый за медомъ. Вонѡ набрала повынъ пыхтырь ёгѡ и нысѣ до дому. И напалы ни шарѡю собѡкы и розирвалы, пыхтырь порвалы и медъ пойлы. Якъ пишлы мы на другый день, ажъ лыжить порвана бжолѡ и пыхтырь порѡжній. Такъ мы тодѡ прыйшлы до дому, запалылы хату тай попилъ розвѡялы, шо бъ бѡтковѡ нычѡгѡ ны достѡлось. Ныхай собѡ дба.

Влїяніе литературнаго языка сказывается въ появленіи новыхъ словъ: предьяснить, облокать, опынація, сторія, шланбовъ (предьявить, адвокатъ, аншеляція, исторія, шлагбаумъ).

Хаты жителей преимущественно деревянные, о четырехъ окнахъ: два на улицу и два во дворъ, обѡ одной комнатѡ съ сѣнями, а нѣкоторыя съ чуланами, устроенными въ сѣняхъ. Избы бѣлятся снаружи и внутри бѣлою глиною или мѣломъ. Въ хатѡ около стѣнъ—двѡ лавки и „поль“, замѣняющій кровать; въ переднемъ углу помѣщаются иконы съ висящею передъ ними лампадою, въ томъ же углу передъ лавками находится столъ. Передній уголъ по бокамъ иконъ оклеиваютъ полосками „шпа-

дерь“ или „квичають“, т. е. раскрашиваютъ синькою и суркомъ. „Квичають“ такъ-же нѣкоторые и коминь печки, находящейся съ правой стороны при входѣ въ избу. При каждой печи устраивается лазная печь и лежанка, которыя часто замѣняютъ кровать. Въ лѣвомъ при входѣ углу помѣщается шкафъ для посуды; для той же надобности надъ дверью или вверху на стѣнѣ придѣлываютъ полку. По праздникамъ около иконъ и вообще по стѣнамъ вѣшаютъ рушники, вышитые разными узорами. Передъ хатою бываетъ палисадникъ, гдѣ разводятъ деревья и разные цвѣты.

Дворъ огораживается плетнемъ; постройки во дворѣ большею частию хворостяныя и только у болѣе зажиточныхъ—деревянные амбары для хлѣба; клуни для молотбы хлѣба устраиваются на столбахъ. Во время военного поселенія, хаты строили съ фронтонами, а въ настоящее время безъ фронтоновъ, а съ подташками на столбахъ (родъ балкона). Оконныя ставни и дверныя притулки окрашены красною глиною. Почти въ каждой хатѣ встрѣчаются одинъ или два крестообразно укрѣпленные подъ потолкомъ сволока.

Одежда. Еще недавно мѣстные жители не отличались изысканностью въ платьѣ, одѣвались очень просто: рубаха, запаска или дергà и свита—собственного издѣлія—составляли весь уборъ; въ настоящее время, не говоря уже о парняхъ и дѣвкахъ, которые, другъ передъ другомъ стараются блеснуть своими костюмами и пожилые покупаютъ для своего платья: мужчины на ченарки и шаровары, а женщины на сарафаны (юбки) и на юпки (кофты)—разныя матеріи у торговцевъ изъ лавокъ; дѣвушки почти всѣ дѣтомъ носятъ бѣлые миткалевые съ бахромою по краямъ платки, а по праздникамъ повязываются шелковыми платками, сложивши платокъ навкося въ видѣ полоски шириною въ ладонь, и на боку прикрѣпляютъ цвѣтокъ, а въ косу влетаютъ много лентъ. Женщины въ праздничные дни носятъ на головѣ парчевые „очипки“, которые, впрочемъ, уже выходятъ изъ моды, повязываются шелковыми платками, а по буднямъ носятъ недавно вошедшіе въ моду капоры, стеганные на пеньковыхъ клочьяхъ или на ватѣ. Верхняя одежда мѣстныхъ жителей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, — свиты изъ

бѣлаго сукна, у мужчинъ съ двумя усиками, т. е. сборками; сзади, съ воротникомъ, обшитымъ по краямъ плисомъ, у женщинъ съ тремя усиками и верхнею полою, вышитою черными нитками. Зимною жители носятъ бараньи тулупы, часто домашняго издѣлія; а болѣе зажиточные и молодые носятъ купленные готовыми полушубки. Лѣтомъ мужчины носятъ картузы, причемъ они у парней отличаются бѣльшимъ донышкомъ, чѣмъ у пожилыхъ; зимою носятъ шапки, „капелюхи“, сдѣланныя изъ сукна и искусственнаго барашка. Обувь носятъ какъ мужчины, такъ и женщины щеголеватую, непременно съ высокими подборами и на подковкахъ. У женщинъ лѣтомъ открытыя башмаки. Щеголеватость въ костюмахъ мѣстными жителями занесена изъ донскихъ мѣстъ, куда они на лѣто уходятъ на заработки. Стоимость наряда, какъ мужскаго, такъ и женскаго, простирается приблизительно до 25 р.

У болѣе зажиточныхъ мѣстныхъ жителей въ скоромные дни пищу составляютъ—свиное сало и молоко, а осенью — баранина; у бѣдныхъ пища въ мясоѣды почти ничѣмъ не отличается отъ постной. Постная пища жителей состоитъ изъ хлѣба, картофеля, соленья и капусты. Вообще пища жителей, вслѣдствіе неурожаевъ и скотскихъ падежей, — вмѣстѣ съ оскудѣніемъ матерьяльныхъ средствъ, становится годъ отъ году все однообразнѣе и скуднѣе.

Такъ какъ сл. Ново-Астрахань занимаетъ низменную мѣстность, то изъ болѣзней болѣе всѣхъ здѣсь развита малярія; кромѣ того, вслѣдствіе дурнаго питанія населенія, распространено желудочно-кишечное расстройство. Несмотря на то, что въ послѣднее время мѣстные жители стали гораздо довѣрчивѣе относиться къ медицинскому персоналу и почти всѣ при болѣзняхъ обращаются къ нему за помощью, многіе изъ нихъ прибѣгаютъ къ мѣстнымъ народнымъ средствамъ. Такъ, при боли живота завариваютъ „сояшныци“, „скыдають глѣчики“, шепчуть отъ „завійнои“, пьютъ сокъ полыня и деревея, разведеннаго съ водою и солью, выливаютъ „вблосъ“ при нарывахъ, шепчуть при испугѣ отъ „переполѣху“, а также отъ вывиха и зубной боли, — дѣтямъ отъ бессонницы, отъ укушенія змѣи; шепчуть и отъ кровотеченія и отъ „прозѣру“ (если кого сглазятъ) и проч.

„Завариваніе сояшницѣ“. — Берутъ глиняный кувшинъ, кладутъ въ него немного конопли и зажигаютъ; на животъ больного ставятъ миску съ водою, переворачиваютъ кувшинъ въ миску и ставятъ вверхъ дномъ, туда же въ миску кладутъ ложку, ножъ и веретено; въ то время, какъ вода, клокоча, поднимается въ кувшинъ, бабка беретъ изъ миски поочереди ложку, ножъ и веретено и чертитъ ими крестообразно на днѣ кувшина. Огонь въ кувшинѣ быстро гаснетъ. Бабка снимаетъ кувшинъ, прибавляетъ конопли и, зажегши, опять ставитъ кувшинъ въ миску и повторяетъ крестообразное черченіе ложкой, ножомъ и веретеномъ на его днѣ. Тоже самое дѣлается и въ третій разъ. Затѣмъ даютъ больному пить изъ миски крестообразно воду съ солью и даютъ ему животъ вынутымъ изъ кувшина и обмакнутымъ въ деготь ключемъ. Все это лѣченіе сопровождается словами: „Сояшницы витрянны и глазныи, зѣ сирыхъ глазъ и карыхъ глазъ и прозирни, и водяныи, и простудни. Матери Божій, Мыколая угодныка и всехъ святыхъ просю пособыты, помогты новорожденному, крещеному (имя больного)“.

„Завійна“. — Берутъ качалку, ставятъ на столъ вертикально и закруживаютъ, какъ будто что растирая, при этомъ говорятъ: „Завійна глазна, завійна прозирна, завійна водяна, завійна витряна, завійна полунѣшна. Матери Божій, Царьци небесной и всехъ святыхъ просю и молю пособыты новорожденному, крещеному, старому (имя)“. Послѣ этого бабка обмакиваетъ въ деготь тряпочку и, обсыпавши ее солью, прикладываетъ къ пупу больного.

Взять деревянное ведро, поставить на порогъ вверхъ дномъ, потомъ налить на дно воды, положить „жару“, (раскаленныхъ углей) пшена, соли и говорить: „Ты, завійна, витряна, стріжына, ззидына, прозирна“. Затѣмъ составомъ, находящимся на днѣ ведра, крестообразно напоить больного и, обмакнувъ пальцы въ эту жидкость, провести ими по животу больного.

Отъ боли живота еще пьютъ растертое свяченное пшено или чернушку съ водою и солью. Больныхъ „супротівникомъ“ (конвульсіи) кормятъ „дарникомъ“ (артосъ) и подкуриваютъ херувимскимъ ладаномъ.

Отъ „переполоху“. Прежде всего нужно посерѣзывать съ рукъ и съ ногъ ногти, потомъ постричь крестообразно волосы на лбу, на затылкѣ, съ праваго и лѣваго висковъ; тогда поставить больного у двери къ притолкѣ и въ томъ мѣстѣ, куда доходить голова больного, просверлить дырочку, положить въ нее, закатанные въ воскъ страстной свѣчи, срѣзанные ногти и волосы и забить осиновымъ колышкомъ со словами: „выклькѣю и вызывѣю изъ парожде́ного раба́ Божого (имя)—супостата, дьявола и заклинаю“! Дѣлать это непременно нужно въ субботу, когда выходятъ изъ вечерни.

„Выливаніе „переполоха“ на воскъ“. Бабка идетъ „по-воду“ и, пришедши къ колодцу, говоритъ: „Здравствуй, вода Ульяна и земля Тытяна, я прышла до тебе воды набрать и здоровья попытать“. Набираетъ воды и несетъ домой. За водой бабка идетъ до свѣта, чтобы набрать „непоча́той“ воды. Наливаетъ въ миску воды и, растопивши воскъ, выливаетъ его въ воду со словами: „Выльвайся, переполохъ, на дороги, на очерета, на болота, на густии миста, де люды ны ходять, чоловічий гласъ ны заходе; и батьківський и материнський, денной и ношной, полуношний, дидивський, бабивський, крылящий и трепетящий, до христьянына ны доступыть, и кровы ны побушувать и кости ны зломить, пыщи ны отбыть и христьянского тѣла ны стрывожыть“. Въ началѣ и въ концѣ читается молитва: „Да воскреснетъ Богъ“.

„Выливаніе переполоха на олово“. Растопить олово, вылить въ воду, говоря: „выходы, переполохъ, съ головы, съ кости, съ мозку, съ рѣсыхъ волось, съ бѣлого лица, съ твоего сѣрця, я тебе заклинаю на очеретахъ и на болотахъ, на густыхъ листахъ, де люды не ходять и чоловічий гласъ не заходе“.

„Выливаніе переполоха на яйцо“.—Взять куриное яйцо, покачать имъ по лицу, головѣ и всему тѣлу больного со словами: „Туть тобі не стояты, жовтои кости не ломаты, чырвонои крови не пѣты, щѣраго сѣрця не вѣялыты, бѣлого тѣла не сушыты, крещеного, рожденого раба́ Божого“ (имя). Затѣмъ взять стаканъ съ водою, поставить на голову больного и на порогъ выпустить бѣлокъ яйца въ воду; тогда смотрѣть въ стаканъ: если больной не выздоровѣетъ, то въ стаканѣ покажется изображе-

ніе священника или могилы, а можетъ показаться и тотъ предметъ, который причинилъ испугъ.

Заговоръ при кровотеченіи. „Гѣсподы, поможы отъ крѣви шептаты и молытву чытаты: Отче нашъ“. Прочитавши эту молитву, бабка говоритъ: „Ййхавъ дидъ старъ, пидъ нымъ кинь каръ, а ты чырвѣна кровъ стань. На мѣри два браты сичуцьця, рубяюцьця, сестра прыйшла, кровъ ны пишла“. Эти слова проговорить 3 раза.

Отъ „прозору“ (сглазь). Въ миску налить воды, поставить на столъ и говорить: „Гѣсподы, поможы отъ прозору шептаты и молытву чытаты: Отче нашъ“. Потомъ бабка говоритъ: „Вода бигуча, вода котюча и вода Йорданська берегы потопыла и лугы поломыла, нарожденому, молытвяному, крещеному (имя) уроки отходыла, а уроки водяни, витрянй и прозирни. Во вики викѣвъ. Амѣнь“. Проговоривши эти слова три раза, умываютъ больному крестообразно лицо, руки, грудь, ноги, затылокъ, мочатъ голову и даютъ больному пить крестообразно изъ миски воду. „Прысвятаѣ Богорѣдыця, вылыкая помѣшныця, св. Миколѣй угѣдникъ, скѣрый помѣшныкъ, святыи апѣстола, стѣньте на помѣчи. Кѣивськи, Охтѣрськи, Печѣрськи, Святогорськи, св. Митрофанъ Ворѣнижськый, вѣлыкый помѣшныку, Мѣтеръ Бѣжа двохручна, трехручна, помѣжите, благословите одъ усякои болѣзни, отъ урокивъ. Вы врѣкы, врѣчыща, витрянй, водяни, супротѣвни, спытыни, зыдыни, мужыцьки, хлопьячи й дивчѣчи, тутъ вамъ ны стояты, щѣрого сѣрця ны тошныты, жѣвтои кѣсты ны ломыты, червѣнои крѣви ны пыты. Хрыстамы забываю, молытвамы выкыкаю, вызываю съ твоихъ плычѣй, съ твоихъ рукъ, съ твоихъ нѣгъ, съ твоихъ пѣльцивъ, съ твоихъ семыдесяты сустѣвцивъ, съ твоѣи головы. Идытъ собѣ, врѣкы, врѣчыци, на очерѣта, на болѣта, на гныли колѣды, де й вѣтеръ не захѣде, де й пѣвни не спываюты, де й огни ны горяты, лѣданы не курѣты, хрыстьяньскый гласъ не захѣде. И во вики викѣвъ. Амѣнь“.

Какъ „скидають глѣчки“.—Животъ больному смачиваютъ и натираютъ мыломъ, на то мѣсто, гдѣ должно ставить кувшинъ, кладутъ немного гущи изъ хлѣбного квасу, вырѣзываютъ кружечекъ изъ корки хлѣба, и, укрѣпивши въ мякишѣ по серединѣ небольшую восковую или сальную свѣчку, кладутъ на жи-

вотъ сверхъ гущи, зажигають свѣчку и ставятъ на это мѣсто перевернутый кверху дномъ кувшинъ. При этомъ шепчуть, какъ отъ прозору.

„*Выливаніе волоса*“. Беруть 27 ржаныхъ колосевъ, кладуть на нихъ больной палець, или вообще больную часть тѣла, льютъ сверху теплую воду и говорятъ: „Лійся, волосъ, на колосъ, водяній, витряній, прозірній, подуманій, погаданій, пидстригынній. Тутъ тобі ны стоять и ны бувають, а жовтой кóсты ны ломыть, и бѣлого тѣла ны сушыть, и червóной крòвы ны мутыть, и сустáва ны крутыть“. Эти слова проговорить три раза.

Отъ „*коликò*“. — Взять ножъ, слегка дотрогиваться имъ до больнаго мѣста и говорить: „Коліочка волянá и витрянá, прозірна и подумана и погадана, пидстригына, спыгына, зыдына, отъ лыха и отъ чоловіка, и отъ робòты, и отъ усякой забòты. Во віки виковъ. Амїнь“.

Отъ *нишныць* (бессонницы) у *дѣтей*. — „Гòсподы, поможь отъ нишныць шептáты, мольтву читáты: Отче нашъ“ и т. д. Потомъ бабка говоритъ: „Драствуй, дубе, въ тебѣ сынъ Максѣмко, въ мене дочь (имя ребенка), ныспывка; возьми собі нишныци, ныспывци, шо ны сплять дѣнно и нóшно, я ихъ изсылаю на очеретá и на болотá, де кúры не спивáють и собáки не брѣшуть и дытáчий голосъ не захóде“ (3 раза).

„Чóрнии кúры, били кúры, зозулясти кúры и семенáсти и сидлáсти, возьмите крыкльвця, плаксывця, и подумани, и погадани, и помыслени, наслáни, переслáни, и сонцевѣ, и дощевѣ, витрянѣ, тутъ тобі не стояты, щырого сѣрця не тошныты, жовтой кóсты не ломыты, пиды собі де гылля недылля, де гúсы не ходять, де людскый гласъ не захóде. Кúры, кúрыци, возьмѣть отъ хрещёной, мольтвяной (имя) нишныци“ (3 раза).

Отъ „*бышыхи*“ (рожистаго воспаленія). — „Прыйды, Гòсподы, помогáты, отъ бышыхи шептáты. Бышыха, бышыще, болячка, болячыще, нежыть, нежытыще! — и подумана, и погадана, и помыслина, и наслана, тутъ тобі не стояты, щырого сѣрця не тошныты, чырвóной крòви не пыты, жовтой кóсты, не ломыты, пиды собі, де гылля ныдылля, де людськый гласъ не захóде. Бышыха туркѣня, бышыха нимкѣня, бышыха пруська, бышыха

жыдóвська и нѣхрѣщена и немолитвяна“. Эти слова сказать 9 разъ, а потомъ еще 3 раза.

Отъ *заговора отъ зубной боли*: „Звирь у по́ли, ка́минь у мѡри, а мѣсяць на нѣби,—и пособѣты новорождѣному, крещѣному, старѡму (имя). Колы́ци три братѣ зйдуцьця, тодѣ у новорожде-ного, крещѣного (имя) зѹбы болѣтымуть. Новорождѣному, крещѣ-ному (имя) червѡмъ ротѣ замовляты, шобѣ ны зудѣлы въ зубѡхъ“.

При рожденіи мѣсяца надо выйти на дворъ и на томъ мѣстѣ, гдѣ увидишь луну, остановиться и проговорить 9 разъ слѣдую-щее: „Молоды́че, молоды́че, чы бувъ ты въ старѡго, чы болять зѹбы у мѣртваго? Якъ у мѣртваго ны болять, то такъ и у (имя) не болилы и не щемѣлы, и закамьянилы“.

Отъ *вывиха*. Направлять свихнутую руку или ногу и гово-рить: „ишла корѡва чѣрезъ мисть,—золотѣ рѡгы, золотѣ нѡгы, зо-лотѣ зѹбы, золотѣ гѹбы, золотѣй и хвисть. Исцилы, Гѡсподы, свихнутую, злѡмленную, стревѡженую кисть“ (9 разъ).

Отъ *бѣльма*. „Ййхавъ Юрѣй на конѣ, за нымъ бѣгло три хор-тѣ, одѣнь сѣрый, дрѹтый бѣлый, трѣтій чѡрный. Сѣрый склы-каѣ, бѣлый сзываѣ, а чѡрный злызуе, бѣлый склыкаѣ, чѡрный сзываѣ, а сѣрый злызуе, чѡрный склыкаѣ, сѣрый сзываѣ, а бѣ-лый злызуе“ (9 разъ).

Отъ *„свырбѣчки“* (крапивной лихорадки): „Прысвятѡя Богорѡ-дыце, вѣлы́кая помѡщныце, помѡжь, Гѡсподы, цю свырбѣчку зигнѡты, зислѡты на очерѣтѡ, на болѡтѡ, де огнѣ ны горять, де лѡданы ны курѡть и херувѣмскій ладанъ ны захѡде“ (9 разъ).

Отъ *„простуды“*. Покупають въ лавкахъ декохть, леверъ, кал-ганъ, бѣлый инбиръ, рожки, варять все это въ кувшинѣ, накры-томъ деревяннымъ кружечкомъ и замазанномъ тѣстомъ. Лѣкар-ства этого дають пить въ сутки не менѣе кварта. Курсъ лѣ-ченія 12 дней. Если же больной послѣ перваго курса не вы-здоровливаетъ, то лѣчится до 24-хъ дней и до 30. Раны при этомъ засыпають мѣдянкой, а потомъ и прикладываютъ мазь, состоящую изъ свиного и бараньяго сала, ладану, воску, смо-лы и глицериноваго мыла.

Отъ *укушенія змѣи*. Давить укушенное мѣсто пальцемъ и говорить: „на Есѣанскій горѣ совы́няче гнѣздѡ, а въ тимъ гнѣздѣ царѣця-совы́ця, выймай свои слѹты, выймай свои зѹбы, сѣ-

ри й біли, смугнасти, полосасти, хатни, загатни, лугові, лисові, зымяні и водяні и жовти жовтяныци“ (9 разъ).

Въ чистый четвергъ крестьянки до свѣта прядуть на порогѣ, причемъ веретено крутятъ не въ ту сторону, какъ обыкновенно, а наоборотъ, къ себѣ. Напряденную пряжу сматываютъ на клубокъ и сохраняютъ на случай; если у кого изъ семьи заболитъ рука или нога въ суставѣ, ея перевязываютъ больное мѣсто.

Народное лѣченіе „шептаниемъ“ имѣеть, по всей вѣроятности, нѣкоторое сходство съ лѣченіемъ путемъ внушенія. При немъ также требуется наличность извѣстныхъ, часто субъективныхъ, свойствъ. Шептаніе только тогда приноситъ пользу, „якъ кровь (шептухи) пидь кровь (больного) пидійде, або вѣлосъ пидь вѣлосъ“.

Для лѣченія скота у мѣстныхъ жителей имѣются также свои средства: шепчуть отъ перелоговъ, отъ бѣльма; заговариваютъ кровь, при „чмырѣ“ въ уши больному животному задуваютъ соль и проч.

Отъ „перелогивъ“.—Перевязываютъ больное животное вѣичальнымъ поясомъ и покрываютъ рушникомъ, въ которомъ святятъ пасхи. Обводятъ вокругъ животного мужскою шапкой.

Заговоръ отъ „перелогивъ“: „Гѣсподы, поможы отъ перелогивъ шептаты, мольтву читаты: Отче нашъ и т. д. На мѣри на окіяни, на ѡстрови Буяни тамъ стоявъ дубъ Хвыльщъ, а на тимъ дуби тридевять гнздѣй; де не взялыся тридевять орлѣй, розныздѣлы, розносѣлы; перелѣгы чѣртови въ рѣгы отъ егѣ (названіе масти больнаго животного), отъ червѣной крови, отъ егѣ палцивъ тридевять суставцивъ. (При этомъ надо дунуть и плюнуть, а потомъ продолжать). Водяні, витрянні, подумани, погандани, пидстритынни, во віки викѣвъ. Амѣнь“. Отъ „перелогивъ“ рогатому скоту: „Пидь горою груша стояла, пидь грушою прыстѣль стоявъ, на прыстѣли Сусъ Хрыстѣсъ спочывавъ и перелѣгы топтавъ: стритынни, зидыни, прозирні, витрянні, водяні“ (9 разъ). Отъ перелоговъ лошадямъ: „Поможы минѣ, Гѣсподы, и вси святїи и св. Харламшій. Сыдыть Богъ и Онѣсїй, Богови палка, а Онѣсїеви шапка, а чѣртови перелѣгы“. Отъ бѣльма: „Йїде св. Юрїй чѣрезъ золотый мистъ на білимъ конї, а за нымъ 12 хор-

тивъ, одѣнь бижѣть, бильмò лыжить, другѣй бижѣть—бильмò лыжить“ и т. д., пока не скажутъ 12 бѣжѣть—бильмò лыжить“. Эти слова говорятъ три раза, подошедши къ больному животному.

„Заговариваютъ кровь“ у скота слѣдующими словами: „На Есианьскій горѣ, на зымлѣ на Тѣньскій, тамъ два брата сичуцьця, рубаюцьця, прыйшовъ до нихъ Исусъ Христосъ и Мать Божя: ны сичицьця, братци, ны рубайтѣся, якъ будете сиктыся, рубайтѣся, то такъ Вамъ буде, якъ у ныдѣлю дрова рубагы, а жинци сорочки выкыдаты. Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Амѣнь“.

На Симона Зилота (10-го мая) рвутъ деревей, рѣзакъ, полынь, который употребляютъ отъ лихорадки, филильникъ и при этомъ говорятъ: „Рву деревей, ризакъ и проч. для мѣра хрещена“. Деревей и рѣзакъ сушатъ, варятъ и потомъ, посоливши, пьютъ при боли живота. Лопухъ употребляется при опухоляхъ: имъ парятъ, предварительно сваривши его. Пидбилъ (мать-мачиха) употребляется при опухоляхъ у скота, какъ и лопухъ. Корень рухъ-травы копаютъ въ день св. Руѣни (2 сент.), варятъ и даютъ пить страдающему болью въ животѣ.

Набожность, соблюденіе постовъ и другихъ обрядностей и порядковъ церкви уживается съ довольно усерднымъ посѣщеніемъ общественныхъ мѣстъ винопитій и буйствомъ или драками въ компаніи и особенно въ семействѣ.

Промысловые торговые люди, изъ временно проживающихъ здѣсь, значительно развитѣе кореннаго населенья, занимающагося земледѣліемъ. Часть коренныхъ жителей ежегодно отправляется на заработки на р. Донъ; остающіеся дома занимаются извозомъ хлѣба на желѣзную дорогу въ Екатеринославскую губ., оттуда привозятъ уголь, соль, алебастръ, иногда рыбу и пр.

Вслѣдствіе нужды и погони за большими заработками, которые весьма часто не оправдываются, въ послѣднее время вошло въ обычай съ наступленіемъ весны посылать огуломъ почти всѣхъ молодыхъ парней и дѣвокъ на заработки на все лѣто и вообще на все рабочее время до Покрова Пр. Богородицы и даже нѣсколько далѣе. Этотъ обычай крайне дурно вліяетъ на нравственную сторону молодежи: таскаясь все это время внѣ дома, по разнымъ мѣстамъ, молодежь окончательно портится;

парни возвращаются разнузданными, съ дикими и грубыми привычками и приемами, а дѣвки возвращаются домой почти сплошь развращенными, падшими созданіями. Весьма желательно, чтобы подобная отправка дѣтей, которая едва только поднялась на ноги, и въ особенности дѣвушекъ, въ неопредѣленные мѣста, на произволь судьбы, была приостановлена. Вопросъ этотъ настолько серьезенъ, что, по мнѣнію мѣстнаго священника, правительству надлежало-бы обратить на него самое усиленное вниманіе.

До введенія мировыхъ учрежденій, положеніе женщины въ семьѣ было крайне тяжело и унижительно; женщинъ безпощадно били всѣ, особенно такъ называемыхъ невѣстокъ, не опасаясь никакой отвѣтственности за это. Съ этого же времени семейное положеніе женщины улучшилось до весьма значительныхъ размѣровъ, и ея общественное положеніе возвысилось, не въ смыслѣ вліянія или участія въ дѣлахъ общественнаго управленія, а вообще въ томъ кругѣ дѣятельности, какой женщина занимаетъ среди народонаселенія, какъ добрая совѣтница, помощница и даже, въ иныхъ случаяхъ, распорядительница въ бытовомъ хозяйственномъ положеніи мужчинъ.

Родители со свойственною имъ любовью относятся къ дѣтямъ, заботятся о нихъ, стараются воспитать добрыхъ христіанъ и трудолюбивыхъ и полезныхъ членовъ семьи и общества. Что же касается дѣтей, то частыя отлучки ихъ на заработки, къ сожалѣнію, подрываютъ добрыя отношенія ихъ къ родителямъ. Находясь долгое время внѣ семействъ и вращаясь среди разнаго сброда, они теряютъ страхъ Божій и, забывая обязанности свои къ родителямъ, обнаруживаютъ непочтительность къ нимъ и охлажденіе къ роднымъ; на это приходится весьма часто слышать скорбныя и горькія жалобы родителей.

Перехожу къ народнымъ обрядамъ. Если *родится* неживой ребенокъ, то его „откликаютъ“: если мальчикъ, то кричатъ на ушко ребенку мужскія имена въ семьѣ, если же дѣвочка, то женскія. При завязываніи пуповины у родившагося, повивальная бабка говоритъ: „пупъ завъязую, а умъ розвъязую“. На третій день послѣ рожденія ребенка больная сливаетъ воду на руки бабкѣ, а бабка больной. За водой для этого ходитъ сама

бабка. Пришедши къ колодцу и набирая воду; она говоритъ: „Изъ усыхъ гирь, изъ усыхъ джириль (родниковъ) вода въ колодязи прибавляецця; у новорождёной, молитвенной (имя больной) шобъ такъ покормъ для дятыты прибавлявсь“.

Когда *умретъ* человекъ, то въ томъ домѣ ставятъ на окно въ стаканѣ медь, который стоитъ до 40 дней, затѣмъ дѣлають коливо и поминають покойника. У мѣстныхъ жителей есть обычай „причитать“ надъ покойникомъ. Если, напр., умретъ женщина, оставившая дочь сироту, то послѣдняя, хороня мать, такъ голосить: „Моя нэнъко, моя риднёнъка, моя зозуленька сывёнъка, колы жъ я тебе буду въ гости дожыдаты? (Если время подходитъ къ Свѣтлому Празднику): Стѣжки, дорѣжки водою залыюцця, (а къ Троицѣ:) стѣжки, дорѣжки травѣю заростуть. Та я жъ буду ходыть, та я буду розгортать, своей нёнъки стѣжычку шукать; а соловейка дожду, буде щебытатъ, а моёи жъ нёнъки нымъ, ни съ кымъ минёи буде розмовлять. И зозуленька сыва буде куваты, а менё моя нёнъка не буде пытаты: якъ моя жизнь невесёла, горькая и тѣгосная безъ нёнъки риднёнъкой“.

На первый день Рожд. Хр., вечеромъ парни и дѣвки ходять по хатамъ и *колядуютъ*, причёмъ, подошедши къ хатѣ, говорятъ: „Бѣже, дай вѣчиръ добрый! чи заколядоваты?“ Если изъ хаты отвѣтятъ, чтобъ колядники колядовали, то они поютъ: „Пане, господарю, застылай столы, посвיתי свичи, клады калачи, буде до тебе трѣе гостей: первыи гость у св. Рождество,—радость прынысло, другый гость у св. Васыля,—зъ Новымъ годомъ, трѣтье Рождество—Иванъ Хрыститель воду охрыстывъ. Дайте перигъ довгый, бизъ рукъ, бизъ нигъ, шобъ ны втикъ у снигъ. Бѣже, дай вѣчиръ добрый.“

При этомъ колядникамъ даютъ деньги, пряники, пироги и т. п.—Въ послѣднее время уже немногіе колядуютъ. Подъ Новый годъ дѣти ходять по хатамъ и говорятъ:

Мыланка ходе,	Чесный хрестъ держала.
Васылечка просе:	Радуйтсыя, людъ,
Васылечку татку,	До васъ Хрыстось буде.
Пусть мене въ хатку,	Богу свичку ставте;
Я жыта не жала,	А намъ пиригъ дайте.

„Щидровка“ также выходитъ изъ обычая. На Новый годъ мальчишки ходятъ по хатамъ и посыпаютъ различными хлѣбными зернами со словами: „А въ полі, полі самъ Богъ хѳде, а Бѳжа Мате йісты носыла, Бѳга просыла: уроды, Бѳже, жыто, пше-ныцю, всяку пашныцю. Зѳ колоскѳ жмѳнька, а зѳ сноцѳ мѳрка. Здрѳвствуйте, зѳ прѳздныкомъ, зѳ Велыкымъ Васіліемъ“.

Въ періодъ времени отъ всеядной недѣли до масляной, дѣвки „водятъ козла“: берутся за руки, и крайнія съ одного конца начинаютъ проходить подъ руками двухъ дѣвушекъ, стоящихъ на другомъ концѣ этой дѣни, пока не пройдутъ всѣ, потомъ вывертываются и повторяютъ тоже самое. При этомъ поютъ:

„По улицѳ драбня, драбня,
Тамъ Тытянка ходыла, ходыла,
За собою Павлечка водыла.
«Постой, постой ты Тытянко не
тикай,
Бо я тебе дожыну, дожыну
И жѳ тоби русу косу роспую,
роспую».

«Бодай же ты, Павлечко, не дждавь,
Шобъ ты мѳни русу косу роспускавь,
Бо ты жѳ мѳни ня не кохавъ
И що суботоньки не чысавъ,
Що—недильньки не зряжавъ;
А я косу кохала
И що—суботоньки чесала,
А що недильньки зряжала».

Когда *садытъ капусту*, дѣлаютъ такъ: посадивши на каждую грядку первый стебелекъ разсады, накрываютъ его ведромъ, которое остается тамъ до тѣхъ поръ, пока не засадытъ всей грядки. По народному мнѣнію это значитъ: какъ велико ведро, такой величины долженъ быть каждый качанъ капусты. Въ день пр. Ильи у мѣстныхъ жителей есть обычай до свѣта идти на огородъ и, пригнувши молодые листочки капусты, говорить: „Св. Илья, завывай головья“. При этомъ чмокаютъ въ воздухъ губами.

Существуютъ обычаи *при посѣвѣ и жатвѣ хлѣба*. Въ среду на четвертой недѣлѣ Великаго поста крестьяне пекутъ изъ тѣста кресты и кладутъ ихъ въ закромъ съ пшеницею, гдѣ они сохраняются до времени посѣва. Когда сѣютъ пшеницу, то берутъ съ собою въ поле эти кресты и кладутъ ихъ по угламъ назначенной для посѣва нивы. Въ началѣ работы и по окончаніи ея кладутъ по три земные поклона и говорятъ: „Роды, Бѳже, жыто, пше-ныцю, всяку пашныцю на всякого дѳло“. По окончаніи работы вѣдятъ кресты.

При жатвѣ хлѣба, первый сжатый снощъ кладутъ на возъ и везутъ домой, обмолотятъ и полученныя зерна и солому упо-

требляютъ, какъ лѣкарство, при боли въ груди и горлѣ; зерна варятъ и дѣлаютъ припарки, а наваръ соломы пьютъ. Последній снопъ пшеницы, когда кончаютъ жатву, привозятъ домой, вносятъ въ хату, кладутъ на столъ и говорятъ: „нате вамъ, тѣту, и вамъ, мамо, обжыношный виндкъ“. При этомъ дѣтей благодарятъ и награждаютъ подарками.

Повѣрья. По мнѣнію болѣе пожилыхъ мѣстныхъ жителей, которые еще вѣрятъ въ существованіе вѣдьмъ, ушырей, вовкулакъ, водяныхъ русалокъ и пр., вѣдьма часто является въ видѣ собаки, свиньи, лошади, гуся, кошны, двигающейся по улицѣ, или катящагося клубка, иногда въ видѣ палки, которая бьетъ встрѣтившагося человѣка по ногамъ, катящагося колеса, или наконецъ, женщины съ распущенными волосами.

Коровъ доить вѣдьма ходитъ больше собакою, а доѣнку несетъ въ зубахъ; потомъ становится женщиною, сдаиваетъ корову и спѣшитъ уйти, пока запоютъ пѣтухи: вѣдьма боится, чтобы не поймали ея. Вѣдьма часто перевязываетъ дойки конскимъ волосомъ и такимъ образомъ портитъ коровъ, такъ что у нихъ не стаетъ молока.

Привожу нѣсколько рассказовъ. У одного крестьянина была испорчена корова. Пригласили знахаря, который лечитъ коровъ. Знахарь велѣлъ набрать изъ трехъ колодезей воды въ 1 ч. пополуночи. Утромъ на другой день, когда пришолъ знахарь, то потребовалъ эту воду, обмылъ ею всю корову, сбрызнулъ ее свяченою водою и, вынувъ изъ кармана найденный имъ на дорогѣ сучекъ съ дырочкой, началъ сквозь дырочку сучка доить корову. Знахарь не хотѣлъ указать вѣдьму, испортившую корову, а сказалъ, что она сама прійдетъ, какъ только сдоенное молоко поставить на сковородкѣ въ печь на жаръ и при этомъ непременно ворочать ворота, чтобы въ воротахъ вертѣлась пятка. Такъ и случилось: не успѣло закипеть молоко, а мальчикъ только что началъ ворочать ворота, какъ поденщицѣ, мазавшей на лѣстницѣ домъ снаружи, сдѣлалось дурно; она, еле держась на ногахъ, вошла во флигель и стала кричать и метаться отъ боли во всѣ стороны. Хозяйка дома велѣла вынуть изъ печки молоко и перестать ворочать ворота на загородѣ, а женщинѣ дала выпить лѣкарства, и та стала здоровою и продол-

„Зажурився соколовько,
Бидна его головонька,
Шо винь рано зь Вырря (югъ,
теплый край) вийшовъ.
Ще по горахъ сингы лежать,
А по долинамъ воды стоять,
А по шляхамъ маки цвितуть.
То-жь не маки,
То чумаки зь Крыму идуть.

Зь Крыму идуть и ренське везуть.
Мате сына признавала,
До домоньку завертала:
„Вернись, сынку, до домоньку,
Змыю тобі головоньку“.—
Измый, мате, сама соби,
А миня змые дрибный дощикъ,
А росчешуть густы терны,
А розмають буйни витра“.

Весенняя пѣсня.

„Соловей мой, вольна пташка, перепелка!
Полты жь ты, вольна пташка, во зеленъ садъ“.
Сила, пала, вольна пташка на кусточку, на крайнему листочку.
„Вы запойте, вы заграйте свою пѣсню“.—
„Наша пѣсня не долгая, короткая,
Начиналась наша пѣсня объ Юрью,
А кончалась наша пѣсня у Петровъ день, у Петровку“.

Осенняя пѣсня.

„Ой ты, дубе кучерявый,
Лысть на тобі широкий.
Молоденький козаченько,
Дурный розумъ у тебе.
Ты клявся, ты й божився
Шо „не покину я тебе“,

А теперя покидаешъ,
Соби вичую шукаешъ.
Шукай, козаченько,
А я буду молода (невіста),
Якъ будешъ ты женытсы,
А я йтиму отъ винця,
Покотяцьця дрибни слезы
Зь твого било лица,

Мишається, мишається
Въ лицо кровь;
Скажуть люды и говорить,
Була мжъ нмы любовь.
Разлучила насъ неволя,
Чужа дальня сторона,
Якъ выйду я на гироньку
Не видно мого батенька“.

Историческая пѣсня. „Пишетъ письма воръ Салтанъ турецкій къ билому царю:
„О царь билий! отдай свою землю пидъ собою при славной Москви. Якъ не отдашь, въ розоръ розорю, всю Россіюшку наскрозь пройду и въ каменну Москву стоять зайду, разставлю свое сильное войско по всей каменной Москви. А штабъ-офицери въ разставлю по кунеческимъ домамъ, а самъ стану, воръ Салтанъ, да турецкій, въ Николаевскомъ во славномъ дворци. Стосковался Александра, ходя по Москви, проесть рэчи у сенаторовъ: „посоветуйтесь, братцы, вы со мною: пишть воръ Салтанъ турецкій письма, хочеть землю отобрать при славной Москви“.
Обозвався только графъ Паскевичъ, сидя за столомъ: „Не журися, батюшка Императоръ, ни объ чемъ, Господь да поможетъ, не допустымъ до этого“.

Приказни.

„По огороду ходыла,
Лобидоньку ломыла (полола).
Чы я въ тебе мий мыленький
Зв наймычку робыла?
Колы въ тебе за наймычку,
То ты миня заплаты,
Колы въ тебе за мыленьку,

Черывычки кумы.
Бо ты жито продаешъ,
А мни грошей не даешъ.
Прыйшли жыды по должокъ,
Взялы въ мене симъ ложокъ,
Ще й кочергу й помело,
Мене дома не було.

Ой ты, жиду, кадукъ ма,
 Не на те жь я пыла,
 А я жь пыла на той сыръ,
 Шо мий пивень наносывъ.

Сыдыть пивень на чети,
 Нанисъ лець три копы,
 А я яйца продала,
 Жидамъ должокъ отдала“.

Однажды пришли сватать молодую дѣвку за челоуѣка, который нѣсколькими годами былъ старше ея (у крестьянъ существуетъ обыкновеніе женить сыновей очень молодыми, такъ что почти всегда женихъ и невѣста бываютъ ровесниками), она не согласилась и говоритъ:

„Я бо въ середу родилась,
 То тожъ мни й горе,
 Не пиду бо за старого,

Бородою коле,
 А ажъ пиду за такого,
 Шо не мае й уса,

То винъ кивне й моргне
 на мене,
 А я й засмиюся“.

У-ца М. К. Стороженко.

3.—Сл. Шулика.

Поселеніе.— Одежда.— Пища.— Занятіе.— Свадебные обряды.— Танцы и игры.—
Игры.

Сл. Шулика лежитъ на лѣвой сторонѣ небольшой рѣки Сухого Обитока, на низменномъ мѣстѣ, и примыкаетъ къ луку; въ слободѣ имѣется небольшой холмикъ, на которомъ построены церковь, нѣсколько крестьянскихъ избъ, домъ священника и народное училище. Слобода, получившая свое названіе отъ перваго поселенца Шулики, отстоитъ отъ уѣзднаго города въ 50 вер., а отъ торговой сл. Бѣловодска въ 12 верст.

Разсказываютъ, что въ сл. Шуликиной въ старину обитали шайки разбойниковъ, скрывавшіяся въ оврагахъ („балкахъ“) и стѣнкахъ“, заросшихъ кустами и лѣсами, которые истреблены, были болѣе, чѣмъ 40 лѣтъ тому назадъ. Почва мѣстности глинистая, солонцоватая; по лугамъ и огородамъ растутъ вербы, лоза и сродные имъ талы; садовъ нѣтъ, въ 7 верст. находится небольшой, молодой лѣсокъ („Саивскій“ по народному), принадлежащій казѣ. Отъ с.-з. къ с.-в. тянутся мѣловыя горы (отроги Карпатовъ: „Макортеты“). Жителямъ онѣ приносятъ огромную пользу, такъ какъ даютъ матеріаль для изгороди, построекъ и т. п. Въ весеннее время, какъ только обсеются, нѣкоторые изъ крестьянъ набираютъ мѣлъ цѣлыми возами и отправляютъ его въ Донскія и Приволжскія мѣста; тамъ продаютъ его, или обмѣниваютъ на хлѣбъ (зерно), горохъ, пшено, сало и т. п. Занятіе это служитъ подспорьемъ въ хозяйствѣ, такъ какъ даетъ возможность крестьянину заработать 10—30 р., самому прокормиться и прокормить скотинку.

Въ сл. Шуликиной считается 1,351 д. об. п. Населеніе средняго роста, крѣпкаго сложенія; цвѣтъ кожи свѣтлый и здоровый, встрѣчаются и блѣдныя лица, вслѣдствіе малокровія отъ скудной пищи (среди бѣдныхъ), волосы на головѣ почти у всѣхъ темнорусые, рѣдко свѣлорусые и черные.

Одежда. Въ праздничный день, въ лѣтнее время, крестьянина можно видѣть въ „капотахъ“, т. е. кафтанахъ, которые шьются изъ синяго или чернаго сукна, шерстяной и „шведской“ черной матеріи; иногда же просто въ „жулеткѣ“ (жилетка), сшитой изъ плису, сукна и шерстяной матеріи. Въ будничный день крестьянинъ надѣваетъ „куцыну“ (вродѣ короткаго капота), которая шьется изъ „шведской“ ткани, большею же частью ходитъ въ сорочкѣ, надѣвая сверху еще и жилетку. Зимой крестьяне носятъ „кожухи“, покрытые сукномъ, черкасиномъ и шведской матеріей; „тулуы“ съ большими смушковыми „видлогами“ (воротниками съ кашононами); „свитки“ изъ самодѣланнаго бѣлаго или чернаго сукна, которыя иногда надѣваютъ на кожухи или полушубки, „юбки“ (вродѣ кожуха), сшитыя изъ такого-же сукна, какъ и свитки, и отдѣланныя плисомъ на рукавахъ и воротникахъ. Кожухи, юбки, тулуы и капоты подпоясываютъ широкими, разноцвѣтными, шерстяными поясами. На головѣ носятъ лѣтомъ картузы, а зимою шапки, „капелюхи“ съ большими наушниками, которые заворачиваются наверхъ, а во время холода откачиваются внизъ на уши. Капелюхи отдѣлываютъ смушкомъ или просто барашкомъ („плетенкой“).

Въ праздничный день, крестьянки одѣваются въ разноцвѣтныя шерстяныя, атласныя, бумазейныя и ситцевыя „шарофаны“ (платья), „юбки“ (кофточка), „корсеты“ (родъ юбокъ, только безъ рукавовъ) и „теплушки“, сдѣланныя изъ плису, ситцу, бумазеи и шерстяной матеріи. Въ будничный день крестьянку можно видѣть въ одномъ старомъ шарафанѣ, или дергѣ и въ теплушкѣ. Зимой женщины носятъ кожухи, „байбарáки“, т. е. кожухи, крытые сукномъ или черною шведскою матеріею, съ „комірями“ (стоячими воротниками), пальто изъ самодѣльнаго бѣлаго сукна, синіе или черныя суконныя „халаты“, которыя, по большей части, надѣваются весной, осенью и лѣтомъ. На головѣ носятъ разныхъ цвѣтовъ платки: шелковыя, атласныя, шерстяныя, бѣлыя миткалевые и шалевые, т. е. не просто гладкіе, а съ „разводками“ (цвѣтками). Большинство женщинъ надѣваетъ на голову „очипокъ“ (головной уборъ изъ золотой или серебряной парчи); по очипку завязываются платкомъ такъ, чтобы конецъ („хвостикъ“) платка висѣлъ сзади, а другіе два

конца кладутся по бокамъ такъ, чтобы они тоже висѣли. Дѣвушки также повязываются платками, но только не по очипку, — онѣ складываютъ платокъ въ ленту и обвязываются имъ вокругъ головы; сзади сплетаются волосы въ одну косу въ 20 или больше пасмъ, старааясь заплести пошире; въ косу влетаютъ по нѣсколько красныхъ или голубыхъ „кисеникѣвъ“ (лентъ), а иногда просто покрываются платками. Въ настоящее время вошли въ моду холодныя кофточки изъ разноцвѣтной шерстяной матеріи и ситца, теплыя кофточки изъ бумазей, кофточки и пальто на ватѣ, крытыя атласомъ, шерстяною матеріею и нанбукомъ, ботинки на каблукахъ и бѣлыя чулки. Старинныхъ одеждъ совѣкъ не встрѣчается, хотя сохранились у нѣкоторыхъ „дѣрги“, которыя ткются изъ овечьей шерсти.

Стоимость крестьянской одежды различна: полушубокъ стоитъ 7—15 р., юбка изъ самодѣльнаго сукна 7 р., кожухъ съ воротникомъ 15 р., крытый 20 р., будничная „куцына“ 2 р. и 1 р. 50 к., суконный капотъ 10—12 р., шерстяной 6 и 7 р., капелюхи, отдѣланные смушкомъ, бывають въ 1 р., плетеной въ 70 к., или 60 к., картузы въ 1 р., 50 и 70 к., шапки—1 р. 50 к.—2 руб. Женская „парочка“, т. е. кофточка и „шарафанъ“, стоитъ 2—7 р., платки 3—6 р., а подшальнички (платочки) 1 р.—1 р. 50 к., миткалевые 30—40 к., женскіе смушковые кожухи въ 15 руб., если смушокъ изъ шкурокъ маленькихъ ягнятъ, и 7 р., если изъ старой овцы, байбаряки (кожухъ, крытый сукномъ) 20 р., пальто изъ самодѣланнаго бѣлаго сукна 3 р. 50 к., а пальто на ватѣ, крытое матеріею, 5 и 7 р., халаты—15 р. и 16 р., кофты на ватѣ 2—3 р., очипокъ 70 к., для старухъ 30 к., „кисныкѣ“ (ленты) въ 30, 45 и 50 к. за арш.

Пища. Въ нашей мѣстности крестьяне, какъ бѣдные, такъ и богатые, ѣдятъ почти одинаковую пищу, только богатые варятъ борщъ, юшку (наваръ изъ картофеля), лапшу, кулишъ, галушки съ мясомъ и саломъ, а бѣдные все это ѣдятъ только съ саломъ или безъ него. Кромѣ того, въ скоромные дни варятъ лапшевникъ, (бросаютъ лапшу въ кипящую воду, а затѣмъ запекають ее съ яйцами), жарятъ баранину, голубей, варятъ молодыхъ поросятъ на холодное и ѣдятъ со сметаною. Въ постные дни бывають блинцы, ладики (алады), кисель, узваръ;

варятъ горохъ, фасоль, чечевицу, галушки и „затирку“ (растираютъ муку, смоченную водою, чтобы она превратилась въ мелкія катунки тѣста, и варятъ), квашу (льютъ теплую воду въ муку, ставятъ на печь солодѣть, а вечеромъ бросаютъ кусочекъ печенаго хлѣба, чтобы тѣсто немного окисло; на другой день эту жидкость варятъ вмѣстѣ съ вишнями и сливами), лемишку (кладутъ муку въ чугунокъ, ставятъ на жаръ и держатъ, пока она высохнетъ, затѣмъ вливаютъ въ нее кипяченую воду, мѣшаютъ и ставятъ въ печь; когда она будетъ готова, то мажутъ масломъ). На все это употребляется пшеничная мука. Пища крестьянъ съ нѣкотораго времени ухудшилась, благодаря постояннымъ неурожаямъ. Въ населеніи распространено чаепитіе, причѣмъ богатые покупаютъ чай, а бѣдные вмѣсто него употребляютъ липовый цвѣтъ, сушеную розу, мяту и полынець; воду для чая кипятятъ въ самоварѣ, или же въ чистенькомъ чугункѣ. Хаты свои крестьяне освѣщаютъ керосиновыми лампами, нѣкоторые каганцемъ.

Занятіе. Кромѣ земледѣлія, лѣтъ 10, 12 тому назадъ населеніе занималось еще кустарными промыслами, но теперь эти занятія оставлены. Въ весеннее время, какъ только обсеются, многіе изъ мужиковъ и женщинъ идутъ на покосъ въ Донскія мѣста, ѣдутъ на шахты за углемъ, чтобы на мѣстѣ купить подешевле, а затѣмъ продать его съ прибылью, большею же частью отправляются на сторону съ мѣломъ, горшками и тамъ продаютъ свой товаръ или же мѣняютъ на хлѣбъ, соль, пшено и т. п. Въ осеннее время большинство крестьянъ занимается извозомъ, т. е. берутъ хлѣбъ у купцовъ и доставляютъ его на Кантемирову или Черткову станцію.

Свадьбы у крестьянъ по большей части бывають осенью. Когда крестьянинъ задумаетъ посватать дѣвку, приглашаетъ себѣ въ сваты кого-нибудь изъ знакомыхъ или родичей, и съ палицей (хлѣбомъ) они идутъ къ невѣстѣ. Подойдя къ избѣ, они не входятъ въ хату, а подходятъ къ окну и говорятъ: „Бóже, дай вѣчиръ добрый! Пустить обигрицьця“. Имъ отвѣчаютъ: „милосты прóсымъ, якъ шо вы дóбри люды“. Сваты входятъ; ихъ приглашаютъ садиться. Отецъ невѣсты беретъ хлѣбъ отъ сватовъ, цѣлуетъ его и кладетъ на столъ. Затѣмъ сваты говорятъ:

„Спрашивайте—чогò мы до васъ прийшли; кажутъ, що у васъ дівка є, а у насъ парубокъ“. На что невѣстинъ отецъ отвѣчаетъ: „мòже й наша дівка вáшному парубку не понаравицьця, ну такъ давайте жь свого парубка“. Въ это время въ хату входятъ парень и дѣвка. Невѣстинъ отецъ, обращаясь къ парубку, говоритъ: „дывись на мою дівчину, чи понаравицьця, чи ни“. Онъ смотритъ на дѣвку и, если она ему понравится, говоритъ: „Наравицьця“. Если-же не понравится, то незамѣтно для всѣхъ наступаютъ свату на ногу, давая ему знать, что дѣвка не нравится; сваты берутъ хлѣбъ и отправляются въ другую хату. Также спрашиваютъ у молодой, и, если ей понравится парубокъ, то она говоритъ сватамъ: „тамъ бáтько зна, та мáты“; если же нѣтъ, то убѣгаетъ изъ хаты. Сладивши дѣло, сваты говорятъ: „ну теперъ ходимъ до до́му зъ семействомъ совѣтовацьця, та шòбъ домашни прибырались“. Встаютъ съ лавокъ и отправляются домой, оставляя у невѣсты хлѣбъ. Посовѣтовавшись дома, старосты берутъ хлѣбъ и снова идутъ къ невѣстѣ; подходятъ къ окну, здороваясь, какъ и въ первый разъ; потомъ входятъ въ избу, кладутъ хлѣбъ на столъ и говорятъ: „Ну шо-жь, добри люды, затіялы, такъ давайте-жь, ма́буть, конча́ть“. На что невѣстинъ отецъ отвѣчаетъ: „якъ шо вы согласни, такъ давайте-жь грóшивъ 50 рубливъ, такъ будемо сватами“. *) Тѣ вынимають деньги, кладутъ на столъ и бьютъ другъ друга по рукамъ, какъ купцы во время продажи товаровъ, и говорятъ: „Ну теперъ давайте, ма́буть, хлиба-со́ли пори́жемо, та дитѣй сберемо́; хай дівчина иде́ собирать дружокъ (подругъ)“. Невѣста отправляется по слободѣ собирать дружокъ и уже къ вечеру приходитъ вмѣстѣ съ ними домой. Какъ только станетъ темнѣть, въ хату начинаютъ сходитьсь родичи, сосѣди; зажигають передъ иконами свѣчи, становятъ молодыхъ посреди хаты, приказывая ударить три земныхъ поклона, за ними молятся и всѣ гости. Затѣмъ невѣстинъ отецъ обращается къ свату, т. е. женихову отцу, говоря: „становыцьця, свáту, хай дѣты клáняюцьця“. Молодые кланяются, а онъ благословляетъ ихъ хлѣбомъ. Этою же паляницею молодые благословляются отцомъ и матерью мо-

*) Иногда соглашаются на 25, 30, 35, 40 р.

лодой и всѣми родичами. Помолвившись Богу, молодой вмѣстѣ съ старшимъ бояриномъ (товарищемъ, который во время свадьбы ухаживаетъ за нимъ больше всѣхъ) садится за столъ, за ними садятся всѣ его гости, а гости молодой разсаживаются гдѣ попало. Въ это время дружки поютъ:

„Ой гораздъ тоби, мой ненько,
Мое сватанье лить,
Та не гораздъ гоби, мой ненько,
Мое дило робиты,
Та въ печи тоиты,
Тай воду носиты
И на ричку ходиты,
— Въ печи затоплю
И воды принесу,
А на ричку не пиду,—
Есть у мене периминочка,
Молодая невесточка.
Я й не знала, не видала,

Виткиль свашенька найихала,
Хорошая да списивал.
Да ще къ тому чернобривал.
Зойди, зойди ты, Оляно, ты Ва-
силъениа,
Зъ високого терема,
Приголубь соби хоть ясного сокила,
Ясного сокила залитяго,
Доброго молодця привзжого;
Та й Гаврилку, тай Ивановича“
— Ой, рада-бъ я приголубить ёго,
Живить, сердце не обернецьця,
Розумъ въ головушци мишаецьця“.

Молодая съ старшею дружкой становится около стола, дружка наливаетъ въ рюмку водки, ставитъ ее на тарелку, и не вѣста прежде всего идетъ къ женихову отцу; онъ беретъ рюмку въ руки; молодая перевязываетъ его платкомъ и кланяется въ землю, въ это время онъ пьетъ водку и бросаетъ на тарелку деньги *). Такимъ образомъ молодая обходитъ всѣхъ по-ряду и уже въ послѣдній разъ подходитъ къ молодому и подноситъ ему водку; молодой, взявши въ руки платокъ, беретъ рюмку и выпиваетъ, а молодая въ это время даетъ старшему боярину небольшую „хустку“ (платокъ), тотъ затыкаетъ ее въ жениховъ поясъ. Обойдя всѣхъ, не вѣста выпрашиваетъ у свекра водки, и вся молодежь отправляется на дворъ, гдѣ она начинаетъ угощать ихъ, а гости, оставшіеся въ хатѣ, вечеряютъ. Послѣ „вечери“ всѣ отправляются къ свату, т. е. къ женихову отцу, а молодежь входитъ въ хату, начинаетъ лѣпить и варить вареники и угощать другъ-друга. Молодой, наливая въ рюмку водки, говоритъ: „желаемъ добра!“ Выпиваетъ самъ, потомъ на-

*) Недавно на сватаньѣ повелся новый обычай: когда молодая подойдетъ къ матери жениха и поднесетъ ей рюмку водки, то свекровь, взявъ рюмку, ставитъ ее на столъ; молодая въ это время перевязываетъ мать платкомъ, а она ее; затѣмъ свекровь пьетъ, а молодая кланяется до земли.

ливаеть другую и отсылаеть ее молодой; затѣмъ пьетъ старшій бояринъ и наконецъ всѣ гости. По окончаніи угощенія, молодой встаетъ изъ-за стола, приглашая всѣхъ словами: „ну, теперь милости просимо, на прохолодъ!“ Всѣ встають и выходятъ на дворъ. Прохолодившись, молодежь отправляется по своимъ мѣстамъ, и уже на другой день гости собираются у невестинаго отца, куда и молодой приходитъ похмелять всю „бѣсиду“ (гостей).

Черезъ нѣсколько времени, а именно въ среду, жениховъ отецъ и мать ѣдутъ къ свату съ $\frac{1}{2}$ квартой водки на совѣтъ и тамъ выговариваютъ себѣ съ молодою по платку рубля въ 3, а невестина мать выговариваетъ себѣ со свата „чоботы“ (сапоги). Посовѣтовавшись между собою, въ пятницу у жениха и невесты собираются родичи и знакомые, дѣлятъ „шишки“, „каравай“, „лѣжинь“ и „калѣчь“, а въ субботу молодая беретъ шишки и въ сопровожденіи дружокъ (подругъ) идетъ по слободѣ и заходитъ въ каждую знакомую хату. Войдя, она говоритъ: „прохавъ бѣтько и маты, и я просю на хлибъ, на силь, на пидвисилокъ“. Потомъ три раза кланяется въ землю, цѣлуется, отдаетъ шишку и уходитъ. Если есть родичи и въ другой слободѣ, молодая отправляется и туда. Также ходитъ со своими боярами (товарищами) и молодой. Къ вечеру молодая съ дружками идетъ къ свекру; тамъ, помолясь Богу, заводятъ молодую съ дружками за столъ и угощаютъ. Въ воскресенье, послѣ утрени или послѣ обѣдни, женихъ въ сопровожденіи старостовъ отправляется къ молодой, беретъ ее и везетъ въ церковь. Послѣ вѣнца молодой со сватами ѣдетъ домой, а молодая съ дружками идетъ къ своему отцу и обѣдаютъ тамъ. Затѣмъ молодая должна непременно идти къ сосѣдямъ и быть у нихъ до тѣхъ поръ, пока не пріѣдетъ за нею поѣздъ. Молодой въ это время катаетъ по слободѣ съ боярами, свашками и „свитѣлками“ (дивчатами) и уже къ вечеру пріѣзжаетъ за молодою. Когда онъ ѣдетъ, въ это время молодую гонитъ „дружкѣ“ и „пиддружій“ отъ сосѣдей. Молодая приходитъ къ своему отцу во дворъ, здороваеться со всѣми, идетъ въ хату, молится Богу, и пиддружій заводитъ ее за столъ, говоря: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“ Старосты отвѣчаютъ: „Аминь!“ Пиддружій

обращается къ сватамъ со словами: „Благословить молодѹ за стиль посадыть“. Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословить тричи разомъ“. Затѣмъ дружка (женатый) выходитъ изъ хаты и встрѣчаетъ поѣздъ молодого. Молодой въѣзжаетъ во дворъ, встаетъ съ тарантаса, или повозки, становится въ ряду съ сванками; теща выходитъ на встрѣчу и выноситъ ему хмель; женихъ, взявши рюмку, чрезъ руку выбрасываетъ хмель, а чрезъ лѣвое плечо бояринъ беретъ у него рюмку. Затѣмъ сваха угощаетъ жениха и весь его поѣздъ. Въ это время дружки поютъ:

„Иди синими, иди синими, Иди ореховыми, Ой тамъ тещенько Зитенька витала, Витала, витала,	Та все его питала: „Зитеньку, Гаврилку, Чи любишь-ли Олянку“. — „Якъ бы я не любывъ,	Богъ бы мнѣ ни судывъ, А то я люблю, Богъ мнѣ судывъ (объ- щаль)“.
---	---	---

По окончаніи угощенія, молодой входитъ въ хату, а молодая наклоняется на столъ, старшая дружка кладетъ ей на голову калачъ, и дружки поютъ:

„Глянь-же ты, Оляно, иди калачъ,	„Карыми очима заплачь“!
----------------------------------	-------------------------

Въ это самое время дружка тоже долженъ бы былъ ввести молодого за столъ, но около молодой на лавкѣ въ правомъ углу („на покутяхъ“) стоитъ нѣсколько дѣтей съ „кйками“, (палками, на которыхъ навѣшены пучки житной соломы) и бьютъ дружка по головѣ за то, чтобы онъ даромъ не вводилъ молодого за столъ, а далъ бы имъ по копѣйкѣ и шишкѣ. Дружка, раздавъ дѣтямъ требуемое, гонитъ ихъ, говоря громкимъ голосомъ: „долѣй съ покути“! Молодой тотчасъ заходитъ за столъ; старшая дружка, снявъ съ головы молодой калачъ, подводитъ ее къ молодому, и они цѣлуются. Дружки поютъ:

„А въ саду соловейко защебетавъ,	„А Гаврилко Олянку поцалувавъ“.
----------------------------------	---------------------------------

Затѣмъ тестъ и теща начинаютъ угощать молодыхъ и всѣхъ гостей, а сами въ свою очередь тоже остаются не безъ подарковъ: отъ сванекъ получаютъ по шишкѣ, а отъ молодого теща получаетъ выповоренные чоботы; въ это самое время невеста даетъ боярамъ, сванкамъ и свитилкамъ по кумачевой „стрижки“ (лентѣ), а сестра ее (если только у нея есть она) беретъ шапку молодого, пришиваетъ къ ней вѣнокъ и вмѣстѣ съ подружками поетъ:

„Глянь-же ты, зятеньку, на мене, Краще е свистонька (жена) отъ тебе, На свистци шлячоуь-золпачоуь, Готовъ зятеньку шосточоуь, Якъ не буде шосточка, Пойдешъ отъ тестя безъ шлячка (шапки),	Безъ дротинного виночка, Безъ калыновой квіточки, Безъ ций Олянки дивочки. А зять на мене дивится косо, Що на печи просо, Коли-бъ, Господы, утѣты, Щобъ ни заставили товкты“.
---	---

Пришивши вѣнокъ, она отдаеть шапку дружку, тотъ беретъ шапку, кладеть ее на тарелку; откуда уже старшій бояринъ беретъ ее себѣ и передаетъ жениху, а на эту тарелку кладутся шишки и ставится рюмка съ водкою; затѣмъ все это угощенье подносятъ родичамъ; за что они въ свою очередь кладутъ деньги въ пользу тѣхъ, которыя пришивали къ шапкѣ вѣнокъ. Послѣ этого дружко вноситъ каравай, рѣжетъ его на куски и раздаеть гостямъ, а сподку выноситъ на дворъ и отдаеть дѣтямъ. Когда дружко войдетъ въ хату, свашки „покрывають“ молодую платкомъ. Прежде покрывали не однимъ платкомъ, а на дѣвали на голову очипокъ, который покрывался „серпанкомъ“ (кисеею), и кругомъ головы обвязывали красною лентою, но теперь этого не дѣлають. Покрывши молодую, дружко говоритъ: „Господи Исусе Христе, Сыне Божій; благословыть молодыхъ изъ-за столу вывести“. Старосты отвѣчаютъ: „Богъ благословыть!“ Молодые выходятъ изъ-за стола и идутъ на дворъ. Молодая садится въ тарантасъ, а молодого дружко обводитъ три раза вокругъ тарантаса. Дружки поють:

„Мисляць дорогу освятывъ, Братца сестрицю выпроводивъ; Оце тоби, сестриця, дорога, А иль до свекра здорова,	Ой будь здорова, якъ вода, А будь богата, якъ земля, А будь красна, якъ весна“.
--	---

Затѣмъ онъ садится и весь поѣздъ отправляется къ его родителямъ. Когда молодые вѣдутъ во дворъ, то ихъ на порогѣ встрѣчаютъ отецъ и мать. Въ это время свашки поють:

„Найхала та тетеречка (невѣстка) Не вчора, а теперичка, Ни кишкайте, ни полохайте, Нехай ваша тетеричка Привыкае теперичка“.	„Свекруха невихны (невѣстки) бажала, До купки пирижки складала, До купки пирижки, до купки Для своей невихны, голубки“.
--	--

Свекоръ подходитъ къ невѣсткѣ и беретъ у нея икону; свекруха даеть ей хлѣбъ, а молодому даеть хлѣбъ отецъ; послѣ

этого они всѣ входятъ въ хату и начинаютъ ужинать. По окончаніи ужина, молодые молятся Богу, кланяются родителямъ. Свашки поютъ:

„Та й кланяйся ты, Оляно,
Напередъ Господу-Богу,
Отцю, невѣца въ ноги;

А матыни та низесецько,
А къ серденьку близесецько“.

Молодые уходятъ, а гости остаются гулять всю ночь. Въ понедѣльникъ молодая, перевязавъ дружка платкомъ, ѣдетъ съ мужемъ „снѣдать“ (завтракать) къ своему отцу, а оттуда обратно къ свекру. Здѣсь молодые угощаютъ водкою своего батька, мать, „крѣстныхъ“, т. е. крестнаго отца и мать—молодого и всѣхъ гостей. Затѣмъ молодая одаряетъ платками свекра, свекровь и крестныхъ молодого, а они ее. Послѣ этого, отецъ молодого встаетъ изъ-за стола и перевязываетъ всѣхъ гостей платками; молодая въ это время идетъ угощать водкою женщинъ, а молодой-мужчинъ, за что они „даруютъ ихъ“ (т. е. дарятъ) пшеницею, деньгами, полотномъ, матеріею и т. д. Поподчивавъ своихъ гостей, молодые съ дружкомъ отправляются къ тестю и вмѣстѣ съ нимъ, его родичами и гостями прѣзжаютъ къ свату. Всѣ эти гости также обдариваютъ молодыхъ, какъ и тѣ, но сами никакихъ подарковъ не получаютъ. Во вторникъ-же молодой ѣдетъ съ дружкомъ, зоветъ къ себѣ въ гости родныхъ и знакомыхъ, разрѣзываютъ „лѣжинь“ и подчуютъ всѣхъ гостей. На этомъ и кончается крестьянская свадьба. Расходъ на свадьбу равенъ 100 или 150 руб.

Въ этой мѣстности существуютъ слѣдующіе **танцы**: раскомарскаго, казачка, польки, дудочки, барыньки и чижики; музыка почти та-же самая: польки, раскомарскаго, казачка, барыньки, дудочки, дѣдушки, сѣрые гуси, машина и чижики. Мѣстные музыкальные инструменты: гармонія, скрипица, балабайка, сопилка, или дудочка и „вигрань“.

Игры.—Въ зимнее время взрослые, юноши и дѣти въ праздничный день выходятъ на *кулачный бой* и бьются каждый отдѣльно, т. е. взрослые съ взрослыми, юноши съ юношами, а дѣти съ дѣтьми. У людей средних лѣтъ и постарше, кромѣ этой забавы, нѣтъ никакихъ развлеченій, у молодыхъ парней и дѣтшекъ весною и лѣтомъ бывають слѣдующія игры:

Въ „скраки“: нарѣжутъ 10 „рубончиковъ“ и раскладываютъ на двѣ кучки одна отъ другой, какъ можно подальше; становятся каждый около своей кучки и бьютъ палками по кучкамъ до тѣхъ поръ, пока на томъ мѣстѣ не останется ни одного рубончика.

Въ „шара“: дѣлаютъ круглую, деревянную свинку на подобіе мяча, одинъ мальчикъ подкидываетъ ее, а другой бьетъ „шаромъ“ (такъ называютъ длинную закругленную палку), остальные стоятъ „въ полѣ“, затѣмъ, кто стоялъ въ полѣ, идетъ бить свинку, а кто билъ свинку, идетъ въ поле.

Въ „переборца“: на просторномъ мѣстѣ (на выгонѣ), собираются дѣвки и парни, берутъ другъ-друга за руки и составляютъ кругъ, но такъ, чтобы одна половина круга состояла изъ парней, а другая изъ дѣвокъ. Одна изъ послѣднихъ входитъ въ средину круга; когда онъ начинаетъ пѣть: „Оцѣ буде мій батенько, а це буде мой маинька, а ты, батенько, не гнѣвайся, змѣлуйся, я вчора пьянъ бувъ, промовывся (проговорился), зять дурень, зять нерозумный; я молодець, тихій переборець“. Дѣвка въ это время кланяется кругу по старшинству.

Въ „перепелки“: та самая, которая стоитъ въ кругу называется перепелкой. Когда кругъ начинаетъ пѣть: „у нашей перепелочки, та голѣвка болѣтъ; тутъ була перепелочка, тутъ була бѣля зорюшки,—въ это время „перепелка“ беретъ за голову, затѣмъ за плечи, ноги и руки. Причемъ каждый разъ поется одно и то же, но когда начинаютъ пѣть: „а у нашей перепелочки старъ муженѣкъ“,—она плачетъ. Кругъ поетъ: „а у нашей перепелочки молодой муженѣкъ“,—она танцуетъ въ кругу. Затѣмъ въ послѣдній разъ поютъ: „а у нашей перепелочки крылѣчки рябѣньки“, она поднимаетъ руки, изображая себя летающею, и старается вылетѣть изъ круга; если ее выпустятъ, то игра кончается.

Въ „гусы“ дѣти играютъ такъ: одинъ изъ мальчиковъ бываетъ волкомъ, другой хозяиномъ, третій пастухомъ, а остальные гусями; пастухъ гонитъ своихъ гусей пастись, говоря: „гиль, гиль!“ Волкъ стоитъ въ сторонѣ; когда придетъ время, идти домой, то хозяинъ кличетъ гусей: „гусы, до дому!“ Они отвѣчаютъ: „для чоґо?“—Хозяинъ: „для вѣвка!“ Гуси: „а де

вовкъ?—Хозяинъ: „за горбою сѣру гуску скубѣ, тикайте, а то й васъ поскубѣ“. Гуси бѣгутъ и кричатъ: „га—га! га—га!“ Въ это время волкъ ловить ихъ.

Въ „чайки“ или „мушки“: берутъ палку и втыкаютъ ее въ землю; палку эту называютъ чайкою; съ обѣихъ сторонъ ея становятся одни дѣти (дѣды съ шапками), а другіе бросаютъ палками издали въ чайку и когда ее собьютъ, то всѣ бѣжатъ за палками, хватаютъ ихъ и несутъ на то мѣсто, откуда били.

—Въ „подбѣзья“: одинъ изъ мальчиковъ бросаетъ на землю палку, остальные становятся недалеко отъ нея и бросаютъ подъ нее палки, чтобы подъ лежащую палку подсунуть брошенную.

Въ „цурки“: выкапываютъ небольшую ямку; одинъ изъ мальчиковъ становится съ палкою въ рукахъ и кладетъ на нее цурку, (маленькую палочку), подкидываетъ ее палкой и бьетъ; другіе мальчики стоятъ въ полѣ; если цурка полетитъ туда, то поднявшій ее выходитъ изъ поля и бросаетъ ее къ ямкѣ. Если цурка попадетъ въ ямку, то онъ уже идетъ бить ее.

Въ „креймахы“: садятся въ кружокъ, берутъ 5 креймаховъ (черепяные или каменные кружки); одинъ креймахъ подкидывается, а остальные 4 хватаютъ въ руки, играютъ такъ до тѣхъ поръ, пока не выпустятъ креймахъ изъ руки, или не ухватить всей кучки, или того креймаха, что подкидывалъ.

Крестьяне пользуются для чтенія книгами церкви, гдѣ съ разрѣшенія священника, берутъ: „Житія Святыхъ“, „Прологи“, „Троицкіе листы“, которые присылаются причту, „Поученія Тихона Задонскаго“ и другихъ Св. Угодниковъ Божіихъ и даже „Библию“ въ русскомъ переводѣ. Книги эти иногда берутся домой, большею частью въ воскресные и праздничные дни; между утренею и обѣднею, крестьяне собираются въ караулкѣ (въ церковной сторожкѣ), причемъ одинъ изъ болѣе грамотныхъ читаетъ, а остальные слушаютъ. Крестьяне еще заимствуютъ книги изъ волостнаго правленія, которое собственно для чтенія выписываетъ житія св. и др.

Сообщу одну народную загадку, нѣсколько пословицъ и пѣсень.

Загадка: Я идѹ, а женцы жнутъ; я и здравствуюсь: „Богъ на помичь!“ Они отвѣчаютъ: „Спасибо!“—„Кто косить? Мужъ

съ женюю или братъ съ сестрою“. Женщина, которая косила съ мужикомъ, отвѣчаетъ: „Не мужъ съ женюю и не братъ съ сестрою; а егò мѣтерь моёй мѣтери родная свекруха была. (Она, т. е. эта женщина была родною дочерью жнеца).

Пословицы: По языци ротъ. По Сѣвци свѣта, по старцеви тóрба. Який ййхавъ, таку встривъ. Якъ пыть, такъ и кобылку пропыть. Гуляй, Маша, коли воля наша; якъ зѣмижъ отдадутъ, годи воли не дадутъ. Хоть по шёю у воду, да до ридного роду. Есть нашей свѣсци по ковбѣсци.

Т у м а н ь .

„Туманъ яромъ, туманъ дольною
валегаетъ,
Та помежъ тми туманами
Связь-голубчикъ летаетъ,
Та важко, тяжко буркатаеть,
Та все крылушками блудить.
По—пидь мостомъ травка ростеть,
Водичку покрываеть;
Та помежъ тою травичкою

Шука-рыба трае.

То й не шука и не рыба.
А зъ миленькимъ разлука.
Та разлучила насъ неволя,
Та чужедальняя сторона.
„Умри-жъ ты, мой миленькій, зъ ве-
чера на зори,
А я на свиточку,
Та й поховають насъ у гробочку,
У вишневому садочку“.

* *
*

По—надъ садомъ, садомъ шелковая
травка,
Я й по той травѣ не нахожусь,
Кого вирно люблю, то я й не на-
смотрюсь.
Вотъ я вижу, вижу Таничку свою,
Что ходе, гуляе у зеленомъ саду;
Щинае, ломаетъ спилый виноградъ,
Кидае, бросае Вани на кровать;

„Кушай, кушай, Ваня, спилый виноградъ;
Какъ будешь кушать,
Та й буду ломать“.
Якъ возму я Таничку
За билу ручку
Та й поведу, поведу Таничку
Къ батеньку своёму,
Та й посажу Таничку
За лубовый столъ“.

* *
*

К а л и н а .

„Ты калинушка, ты ма-
линушка
Ни стой на гори крутой,
Та не спускай листа.
По синему морю
Корабель плыветь;

А въ томъ кораблю,
Три полка солдатъ,
Молодыхъ ребятъ.
Охвицеръ-маеръ Богумо-
лицца.
Рядовой солдатъ домой
просицца:

„Охвицеръ-маеръ, отпу-
сти домой,
Къ отцу-матъ родной“.
Не доходить до ворить,
Та й питаецца де мий
ридъ“.

* *
*

С а д ь .

„Ой, ты садъ, ты мий
садъ,

Садъ—зеленькій вино-
градъ,
Почому ты такъ нерано
цвѣтешъ,

Ой цвѣтешъ, не цвѣтешъ,
осыпаешся;
Ской дзече, мий другъ,
убираешся:

Чи у ходъ, чи въ походъ,
Чи на службицу идешь?
Ой, съ чужими людьми
Все прощаешься,
А зо мной молодой

Все ругаешься.
Не ругайсь, не бранись,
Скажи: „милая“, простись!
Та лятала пава
Черезъ три поля,

Та й пронвля пава
Съ крыла перушко,
Та й не жаль мени
пера,
Жаль мени много дружка“.

* *

„Ой, давно, давно я въ
невьки була,
Бесидовала, одвидовала,
Якъ бы въ мене крылечка
Стрепенула-бъ я, поль-
нула-бъ я.
Ой, де летвля,—травка
шумила,
Де спочивала,—риченька
стала.

Якъ сяду, впаду у невь-
ки въ саду
Сивою зозуленкою та й
закую;
А якъ закую,
Весь садъ разовью,
А якъ заплачу,
Неньку побачу.
„Сосидочки, голубочки,
Слушайте сюда

Шось у моему садку
Пташка куе,
Та то-жъ и не пташка,
То-жъ мой дочка
Безсчастночка:
Якъ-же тией пташечци
На былиноньци,
Такъ мой дитыноньци
На дужиноньци“.

* *

Любивъ, та кохавъ.
Соби дивчину мавъ,
Да не довелось взаты,
За лыхими людьми, да за воротами
Довелось покидаты.
„Покидаешь ты мене, серденяточко мое,
Та й на кого урочаешь?“
„Урочаю-жъ я тебе, серденяточко мое,
Та й на Единого Бога;
А самъ я пиду у Крымъ за водой,
За быстрою рикой.

Сподивайся мене, серденяточко-жъ мое,
Та й не скоро въ гости:
Сподивайся къ Пречистий,
А якъ не буде мене и къ первой
Пречистий,
Сподивайся къ Покрови;
А якъ не буде къ Покрови,
Сподивайся къ Миколи;
А якъ не буде къ Миколи,
Такъ не буде николя“.

Р. А. Коробова.

4.—Сл. Мостки.

Поселеніе и его происхожденіе.—Населеніе и языкъ.—Жилище, одежда и пища.—Здоровье.—Занятіе.—Нравственное и умственное состояніе.—Положеніе женщины.—Обряды при крещеніи ребенка.—Вечерница.—Похороны.—Обряды и пѣсни въ праздничные дни.—Игры.—Ярмарки.—Псалмы.—Повѣрья.

Сл. Мостки расположена по обѣимъ сторонамъ рѣки Боровой, берущей начало изъ родниковъ за хуторами круглыми, отстоящими отъ слободы въ 15 вер. Слобода находится отъ г. Старобѣльска въ 28 вер., отъ г. Харькова въ 216 вер. Сообщеніе между Мостками и Харьковомъ ведется по—такъ называемой—большой столбовой дорогѣ, идущей отъ Харькова на сл. Бѣловодскъ Старобѣльскаго же уѣзда. На юго-западѣ отъ Мостковъ находится неглубокая балка, называемая „Большой-Боровикъ“. Балка эта отъ Мостковъ отстоитъ на $12\frac{1}{2}$ верстѣ, и служитъ границею между уѣздами: Старобѣльскимъ и Купянскимъ. Сл. Мостки тянется приблизительно на 8 вер. и расположена почти на ровномъ мѣстѣ, только нѣкоторыя части ея находятся у горъ незначительной величины. Близъ Мостковъ на юго-западѣ лежитъ два небольшихъ лѣска; лѣтъ 12 тому назадъ здѣсь росли солидныя деревья, въ настоящее же время эти лѣски похожи скорѣе на балки, заросшія мелкою порослью. Одинъ лѣсъ, лежащій ближе къ дорогѣ въ сл. Екатеринославъ, называется „Средній“, а другой, который лежитъ южнѣ Средняго,—„Крайній“. Рѣка Боровая имѣетъ маленькій притокъ, который называется Баглай. Та часть слободы, которая лежитъ около этого притока, называется также Баглай; часть, которая расположилась выше рѣки, называется „Верхній планъ“, ниже рѣки „Нижній планъ“; остальные части слободы имѣютъ тоже свои названія: Старобѣльская, по названію дороги, ведущей въ г. Старобѣльскъ, Крейдянка, расположенная около мѣловой горы, Андреевка,—по фамиліи поселянъ, впервые поселившихся на этомъ мѣстѣ. Андреевы, какъ говорятъ, пересе-

которыми первое мѣсто занимаютъ: Житія святыхъ, различные романы, вродѣ: Битва русскихъ съ кабардинцами, Англійскій Милордъ, Гуакъ и проч. Но главное мѣсто занимаютъ слѣдующія книги: Псалтирь, Евангеліе и даже Библія; хотя у нихъ есть повѣрье, что кто прочитаетъ всю Библію, не пропустивши ни одного слова, тотъ сойдетъ съ ума. Книги религіозныя и глубочныя покупаются и вымѣниваются у „щетинниковъ“ или „котолуповъ“, которые, кромѣ книгъ, носятъ и другія мелкія вещи: крестики, кольца и проч., и обмѣниваютъ ихъ на щетину отъ свиней, покупаютъ кошачьи шкурки и проч. Книгами торгуютъ, въ большинствѣ случаевъ на ярмаркахъ, еще Суздальцы, которые, кромѣ книгъ, продаютъ также и корзины. Все эти книги читаютъ только крестьяне „мужики“, мѣщане-же, купцы и богатые крестьяне, все, кому позволяютъ средства, выписываютъ „газеты“: Свѣтъ, Родину и т. п. дешевыя изданія.

Жилище.—Крестьянская небольшая хата имѣетъ въ длину 8 арш., а въ ширину 7 ар., большая—въ длину 10 ар., а въ ширину 8 ар. съ сѣнями въ длину 6 ар., ширину 8 ар. Въ большой хатѣ имѣются черезъ сѣни двѣ комнаты. Входная дверь ведетъ въ большія сѣни безъ потолка, въ сѣняхъ помещается труба отъ печи, въ которую проходитъ дымъ, сама же печь устраивается въ хатѣ. Труба не закрывается, а затыкается тряпкой изъ сѣней; дѣлается труба изъ мелкаго хвороста и обмазывается бѣлою глиною. Если крестьянинъ бѣдно живетъ и не имѣетъ амбаровъ, то въ сѣняхъ дѣлаются закромы, куда ссыпаютъ зерновой хлѣбъ; въ сѣняхъ же ставится деревянная посуда, кадка съ водою, ссыпается тутъ же въ уголокъ песокъ для зимы; около трубы стоитъ лѣстница, которая ведетъ на горище (чердакъ). У нѣкоторыхъ крестьянъ часть сѣней отгораживается и служитъ кладовою, она носитъ названіе „хѣжки“. У богатыхъ сѣни дѣлаютъ тоже большія, но въ нихъ, кромѣ кадки съ водою, да лѣстницы на чердакъ, ничего нѣтъ. Крыша надъ хатою и сѣнями всегда соломенная; весь чердакъ увѣшивается различными сухими цвѣтами, травами, ягодами калины и лѣкарственными растеніями; тамъ же складывается прядиво (пенька), иногда, если нѣтъ амбаровъ, а въ сѣняхъ не оказывается мѣста, на чердакъ же ссыпается зерновой хлѣбъ. Изъ сѣней ведутъ двери

въ хату. Вблизи дверей устраивается печь, которая иногда занимает $\frac{1}{4}$ часть хаты; вдоль и поперекъ стѣны стоятъ ослоны, т. е. лавки, которыя сходятся подъ образами; передъ лавками стоитъ столъ, накрытый бѣлою скатертью хотя изъ толстаго, грубаго холста; на столѣ всегда долженъ лежать хлѣбъ и стоять солонка съ солью. Мѣсто за столомъ подъ образами называется „покутемъ“. Это самое почетное мѣсто, гдѣ сажаютъ жениха съ невестою, кумовьевъ и вообще почетныхъ и желанныхъ гостей. Уголь этотъ и почти вся стѣна противъ дверей бываетъ увѣщана иконами и самыми разнообразными картинами, иногда иконъ бываетъ до 20-ти и болѣе; послѣ иконъ идутъ раскрашенные портреты: Государя Императора, Государыни Императрицы, Великихъ Князей, генераловъ, затѣмъ изображенія воиновъ, тутъ же можно встрѣтить романы и пѣсни въ лицахъ; кромѣ картинъ, стѣны украшаются „шпалерами“, эти шпалеры (обои) прибиваютъ подъ образами, — „коло богивъ“. Иконы украшаютъ рушниками (полотенцами) и цвѣтами: гвоздиками, (самые любимые цвѣты малороссовъ), васильками, калиною и крокосомъ; крокосъ иногда обмачиваютъ въ разведенный мѣлъ, для того, чтобы онъ былъ бѣлый, а не красный. Калина служитъ здѣшнимъ дѣвушкамъ украшеніемъ: ею онѣ убираютъ голову. Вся хата, стѣны и потолокъ вымазаны бѣлою глиною; печь обыкновенно аршина на $1\frac{1}{2}$ отъ земли вымазывается землею или „кизякомъ“; коминъ, т. е. верхняя часть печи, разукрашивается красною и желтою глиною и синькою въ видѣ какихъ то безформенныхъ пятенъ, которыя соединяютъ узенькими полосками, предполагая, что эти кляксы похожи на деревья съ листьями, и называютъ ихъ „сосенками“; крупныя кляксы изображаютъ птицъ. За печью оставляютъ пространство для кровати, „поль“, или „пиль“ (нары), представляющей нѣсколько досокъ, довольно широко намощенныхъ, гдѣ зимою спать. Доски эти не закрываются ничѣмъ, а остаются голыми, на нихъ лежатъ козухи, свитки, подушки, стоитъ „дижа“ (кадушка, въ которой заквашиваютъ хлѣбъ); надъ ними привѣшивается жердь, на которой висятъ клубки, пасмы нитокъ и прочія принадлежности пряжи. Поль („доливка“) въ хатахъ всегда земляной, вымазанный поверхъ земли кизякомъ. Окна въ хатахъ бываютъ

небольшія, трехъ четвертей вышины и двухъ—ширины, они не растворяются, а всегда отодвигаются (отсужаются). Это типъ самой простой хаты; существуетъ еще другой,—болѣе сложный, встрѣчающійся у болѣе зажиточныхъ людей. Подобная хата устраивается такъ:—посрединѣ строенія находятся сѣни безъ потолка, изъ сѣней идутъ двери,—однѣ на право въ „хату“, а другія влево въ „кимнату“ или „хатыну“; въ хатѣ принимаютъ гостей, да обѣдаютъ, но постоянно не живутъ въ ней. На такихъ хатахъ бывается двѣ дымовыя трубы, потому что дѣлаются двѣ отдѣльныя печки. Крыша на хатѣ лежитъ не непосредственно на стѣнахъ,—она отводится отъ стѣнъ на аршинъ или полтора, упирается на вѣнцы, а края поддерживаются нетолстыми колоннами: эта часть называется „поддѣшками“ и имѣетъ видъ галлерей; поддѣшки идутъ вокругъ трехъ стѣнъ: около „причылка“ (лицевой стороны хаты),—противуположной причилку и на стѣнѣ, въ которой сдѣланы двери; четвертая сторона не имѣетъ ни оконъ, ни дверей, ни поддѣшекъ и называется „глухою стѣною“. Хаты большею частію ставятся глухою стѣною на улицу или въ сосѣдній дворъ. („Намъ надо смотрѣть не на улицу, а въ свой дворъ, чтобы видѣть, какъ стоитъ сѣно и другой кормъ, какъ стоитъ скоть и проч.“). Оконъ бываетъ два, а въ послѣднее время и три: на лицевой сторонѣ, гдѣ дверь, дѣлаютъ число окошекъ, смотря по величинѣ хаты, одно или два, иногда дѣлаютъ одно маленькое окно и въ глухой стѣнѣ. Постройки во дворахъ ставятъ безъ особаго плана, но замѣтно, что чистенькія зданія ставятся впереди, напримѣръ амбары ставятся не только впереди, но нерѣдко и на улицѣ противъ дома; остальные постройки: загороды (базы), хлѣвы (сарай) и проч. ставятся сзади: такимъ образомъ скрывается та грязь, которая находится во дворѣ крестьянина; постройками, кромѣ того, защищаютъ зимою скоть отъ холоднаго вѣтра. Улицы въ Мосткахъ обстраиваются большею частью въ одинъ рядъ, а не въ два. Огородъ всегда бываетъ отгороженъ отъ двора; въ огородѣ помѣщается токъ (гумно); на току складывается сѣно и вообще всякій кормъ, приготовленный на зиму для скота. Необходимая принадлежность тока—клуня, или половникъ. Клуня строится двойнымъ образомъ: въ землю вкапываются строила (крѣквы) безъ стѣнъ, къ нимъ прибиваются латы изъ нетолстыхъ жердей, и потомъ

кладется крыша до самой земли. Больше совершенный вид клуни таковъ: закапываются столбы, на которые кладутъ окладины, на окладины — балки, въ балки задѣлываютъ кроквы; между столбами заплетаютъ плетень хворостомъ и замазываютъ глиною; кроютъ клуни камышомъ или соломой.

„Одежа“ мужчинъ состоитъ изъ рубахи (сорочки) грубаго, домашняго приготвленія, холста; обшлага, воротникъ и подоль рубахи обыкновенно вышиваются красными и синими нитками, которыя приобрѣтаются отъ „гончурниковъ“, собирающихъ „ганчирки“ (тряпки), обмѣнивая ихъ на крестики, мѣдныя кольца и заполочь (нити). Въ последнее время встрѣчается много ситцевыхъ рубахъ „зъ маньшками“ у молодежи. Штаны изъ набойки совсѣмъ почти исчезли, изъ холста попадаются тоже рѣдко, только на дѣтяхъ и старикахъ штаны полотняныя, а на молодежи всегда „набирани“, т. е. набранныя въ лавкѣ; цвѣта всегда чернаго или коричневаго. Сапоги огромной величины для того, чтобы можно было надѣть побольше бонучей (портянокъ), обыкновенно нога обворачивается двумя портянками, полотняною и суконною; отъ тяжести на ногахъ, походка бываетъ лѣнивая, развалистая. Сапоги дѣлаются съ очень длинными голенищами; у молодежи сапоги на очень высокихъ каблукахъ съ двумя или тремя подковами, лежащими одна на другой; „эта мода вышла“, какъ здѣсь говорятъ, „зъ Дону“, т. е. тотъ типъ сапоговъ позаимствованъ отъ донскихъ козаковъ, къ которымъ они отправляются каждое лѣто на заработки, или по мѣстному выраженію „на закоски“. Верхняя одежда состоитъ изъ жилета по возможности плисоваго или суконнаго, украшеннаго металлическими пуговицами и расшитаго различныхъ цвѣтовъ нитками; поверхъ жилета надѣвается въ теплое время года „чинарка“, родъ поддѣвки. Чинарка непременно должна быть подпоясана; поясъ носятъ краснаго и зеленаго цвѣтовъ, шириною въ $\frac{1}{2}$ арш., а длиною 3 ар. Головной уборъ — лѣтомъ — картузь съ большими козырькомъ и донышкомъ. Осенью одежда та же, что и лѣтомъ, только поверхъ чинарки надѣвается свитка, у мужчинъ чернаго, у женщинъ бѣлаго цвѣта; зимою надѣваются „кожухъ“, свита съ громаднымъ воротникомъ, подшита холстомъ, „накожни“ — кожанныя рукавицы и „кацелюхи“, — колпакообразная съ

наушниками и надзатыльникомъ, подобная чернымъ или сѣрымъ барашкомъ, шапка; говорятъ, будто кацелюха заимствована у калмыковъ. Мужчины обуваются еще въ „черевьки“, — нѣчто средни женскимъ башмакамъ. Нога обматывается портянкою (дону́ча⁶) до колѣна, потомъ обматывается веревкою (дво́локи⁶) или ремешкомъ, а потомъ уже надѣваются „черевьки“, привязываемые къ ногѣ тоже бичевкою. Эта обувь употребляется во время полевыхъ работъ, у пастуховъ, у бѣдныхъ взрослыхъ крестьянъ; только немногіе изъ подростковъ ходятъ въ сапогахъ, остальные носятъ „черевьки“. Одежда женщинъ въ Мосткахъ неизящна: „спидныця“ (юбка) очень короткая, почти до колѣнъ; „корсетъ“, на подобіе чинарки, только гораздо короче и съ застежкой сбоку на груди; грудь въ корсетѣ расширяется цвѣтными шнурками и кантами, зубцами и пуговицами; назади поперекъ талии довольно густо нашиваются бѣлыя пуговицы. Корсетъ шьютъ съ рукавами и называютъ „юбкою“. Ноги обуваютъ въ грубые неуклюжіе полусапожки; туфель, т. е. башмаковъ, здѣсь уже не носятъ; носятъ толстые чулки изъ простой шерсти. Голову дѣвушки повязываютъ платкомъ такъ, что верхняя часть головы бываетъ совсѣмъ открыта, а бахрома платка опускается на шею и слегка на лобъ; поверхъ платка надѣваютъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ искусственныхъ и узенькихъ лентъ. На шеѣ носятъ множество разноцвѣтныхъ монистъ, между которыми помѣщаются мѣдные, бронзовые и серебряные кресты. Косу заплетаютъ въ „дрибушки“, не въ три пасма, а пасмъ въ двадцать и болѣе, а въ конецъ, косы вилетаютъ множество лентъ — „киёныки“. Какъ только начинается весна и появляются цвѣты, дѣвушки, молодая женщины и дѣвочки подростки ходятъ въ церковь съ букетами въ рукахъ; если нѣтъ цвѣтовъ, то вмѣсто нихъ берутъ траву или зеленую вѣтку; вообще женщины считаютъ неприличнымъ ходить весною въ церковь безъ цвѣтовъ или растительности. Лѣтомъ и осенью у замужнихъ женщинъ головной уборъ бываетъ трехъ родовъ: „очинокъ“ изъ парчи съ небольшими ушками и двумя лунообразными полукругами, отчасти напоминающій собою сѣдло, отчего и называется „сидластымъ“; „каноръ“, въ видѣ шапки Павловскаго гвардейскаго полка, только передній выступъ его вдвое ниже, и „каноръ“, въ видѣ мѣщанской „наколки“;

плотно обхватывающей, съ небольшимъ помѣщеніемъ сзади для волосъ. Замужняя женщина волосъ не заплетаетъ со дня выхода замужъ; вѣря, что если она заплететъ косу, то у ней «заплетется разумъ»; незаплетенныя волосы подбираютъ и укладываютъ на головѣ въ видѣ современной прически у интеллигентныхъ женщинъ; сверху нихъ надѣвается очипокъ. «Плахта», «запаска» и сафьяновые сапоги совсѣмъ вышли изъ употребленія; запаски встрѣчаются теперь очень рѣдко и только у богатыхъ. Очень рѣдко встрѣчается «габова свита», — верхняя одежда изъ синяго сукна, длинная, имѣющая видъ большого халата. Юбки и корсеты шьютъ преимущественно изъ матерій ярко-краснаго цвѣта, рѣже желтаго и зеленаго. — Городъ отчасти оказалъ вліяніе на измѣненіе одеждъ; у женщинъ появляются юбки длиннѣе мѣстныхъ и кофта «баска», такъ что мнѣ приходилось слышать такія заявленія отъ пожилыхъ женщинъ: «теперь у насъ у слободѣ не знаешь де баришня, а де проста дѣвка». **Пища**, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ, разнообразна: у богатыхъ — борщъ, каша или вареный картофель, а въ праздники пироги, блины, орѣшки; у бѣдныхъ — борщъ безъ мяса и сала, картофель, хлѣбъ ячменный или ржаной. При хорошемъ урожаѣ проса, бѣдняки ѣдятъ кашу. Всю зиму дѣти, которые остаются ночевать въ школѣ, ѣдятъ только хлѣбъ и картофель. Мнѣ приходилось слышать въ школѣ, какъ дѣти бѣдныхъ крестьянъ говорили, что во всю зиму они не видали мяса и сала и что ѣдятъ они борщъ съ бураками да картофелемъ. Лѣтомъ у всякаго есть арбузы, дыни и огурцы, потому что каждый сѣетъ бахчу. Только въ годовые праздники бѣдные крестьяне покупаютъ баранину и варятъ съ нею борщъ, а пироги пекутъ съ неочищеннымъ картофелемъ, перемѣшаннымъ со свинымъ саломъ, утверждая, что въ пирогахъ неочищенный картофель настолько вкусенъ, что трудно узнать, что это картофель, а не одно сало. Собственно говоря, это дѣлается изъ экономіи, чтобы меньше выходило картофеля. Чай употребляется у крестьянъ фруктовый и изъ различныхъ травъ, собранныхъ весною и лѣтомъ. Его варятъ въ чугунахъ и въ горшкахъ, за неимѣніемъ самоваровъ.

Благодаря лавкамъ, крестьяне могутъ достать керосиновую дешевую лампу, чай, сахаръ, спички, а съ открытiемъ земскихъ школъ, почти во всякой хатѣ можно найти карандашъ, бумагу, перо и чернило. Раньше здѣсь освѣщались каганцами. Въ обломокъ горшка накладывали бараньяго сала — и помѣщали узкій, длинный кусочекъ полотняной тряпки, одинъ конецъ котораго клали такъ, чтобы онъ висѣлъ изъ черепка и его зажигали, а другой конецъ его оставался въ салѣ. Отъ этого освѣщенiя было страшно много вони, а свѣта слишкомъ мало. Спички замѣнили „кресало“, благодаря тому, что всегда можно достать ихъ въ здѣшнихъ лавкахъ, а въ послѣднее время шведскiя спички начали вытѣснять сѣрныя.

Здоровье.— Жители слободы, въ особенности дѣти, имѣютъ изнуренный видъ: изъ сотни мальчиковъ, посѣщающихъ училище, только три свѣжихъ—румяныхъ; остальные же всегда блѣдные. Это, вѣроятно, происходитъ отъ плохой пици и спертаго воздуха въ ихъ хатахъ. Лѣтъ 6 назадъ въ сл. Мосткахъ появился дифтеритъ, и смертность была такъ велика, что во многихъ семьяхъ, гдѣ было человекъ 8 дѣтей, не оставалось ни одного; съ этого года дифтеритъ въ слободѣ не прекращается. Весною 1893 г., вслѣдствiе неурожая 1892 г., появилась цынга, но скоро была прекращена. Знахарей, лечащихъ травами, въ Мосткахъ нѣтъ; есть только такiе знахари, которые *заговариваютъ* болѣзнь зубовъ, отъ укушенiя змѣи и проч. Около раны, гдѣ гадина впустила жало, — окружаютъ три раза правымъ мизиннымъ пальцемъ и, ведя пальцемъ, шепчутъ: *за моремъ гора, а на той горѣ дубъ стоитъ, а въ тимъ дуби бараново руно, а въ тимъ руни лежитъ змя скорпия, Марья; прощю я выйди змя скорпия, погулай на йнна, на болотѣ, на очеретѣ, на осѣннии покосы, на холѣдныи воды; отзови свой лѣтый гадъ: изъ гнѣбевъ, изъ приспъ, изъ хлибѣвъ, изъ лисѣвъ, изъ чѣрной и бѣлой, и рябой, и половѣй, и сѣрой, и перистой, гнидистой, зузулястой; выйми жало-жалище, а не выймешъ ты жало-жалище, то буду я просить Ангела, Архангела, шобъ тебе избыть громомъ и молнiей. А не послушаешъ цегѣ, то буде тобі то, шо тому чоловіку, шо въ оскрѣсный день дрова рубывъ, а не послушаешъ цегѣ, то буде тобі то,*

по тому члововику, шо въ оскресный день дровá ломáвъ“. Чтобы избавиться отъ лихорадки, нужно рано утромъ выкупаться и то, чѣмъ вытирали тѣло, старую рубаху или „рушныкъ“, выбросить на дорогу; вѣрять, что болѣзнь перейдетъ на того, кто подыметъ эту рубаху или полотенце. Отъ головной боли парятъ голову хрѣномъ, любисткомъ и другими травами. Больные теперь стали рѣже обращаться къ бабкамъ. Раньше они не вѣрили въ докторовъ, а теперь, если лечитъ докторъ и болѣзнь оканчивается смертію, то не говорятъ, что докторъ не сумѣлъ вылечить, а говорятъ, что онъ не захотѣлъ дать дорогого лекарства. Когда въ 1892 г. была здѣсь холера, крестьяне не вѣрили, что ихъ не могутъ вылечить; они увѣряли, что ихъ не хотятъ лечить, а хотятъ уморить, „шобъ не голодály“. Изъ болѣзней скота чаще другихъ бываетъ „ящуръ“, когда, какъ здѣсь говорятъ, „скотина хвора на роты“. Ящуръ лечатъ дегтемъ съ солью: деготь крѣпко солятъ и натираютъ больному животному языкъ, десны и небо. Во время сильныхъ засухъ иногда скотъ начинаетъ хромать; болѣзнь эта лечится тоже дегтемъ, которымъ смазываются копыта и подошвы заболѣвшаго животного. Интересно лечатъ мостовчане скотъ отъ „обдуванья“. Какъ только замѣтитъ хозяинъ, что у него „обдулась“ корова или быкъ, то онъ старается заставить скотину бѣгать, садится на лошадь и гоняетъ больного вола, потомъ даетъ ему слабительное изъ огуречнаго рассода съ тертой солью, который, размѣшавъ его хорошенько, заливаютъ больному изъ бутылки въ ротъ; если это средство не подѣйствуетъ, то нарѣзываютъ стараго, свиного сала небольшими кусочками и вкладываютъ въ ротъ животному, заставляя его ѣсть это сало; если и это не помогаетъ, то берутъ тонкій съ острымъ концемъ ножъ, обворачиваютъ его тряпкой и съ размаху загоняютъ его въ пахъ больнаго. Газы отъ этого выходятъ и животное почти всегда выздоравливаетъ. Во время чумы, даютъ скотинѣ пить деготь, глотать тертую ржавую селедку и заговариваютъ. Заговоры этихъ я не могла узнать потому, что существуетъ примѣта, будто, если передать заговоръ другому, то заговоръ этотъ теряетъ свою цѣлебную силу.

Земледѣліе—главное занятіе жителей Мостковъ. Сѣютъ обыкновенно пшеницу, ячмень и просо, рожь сѣютъ рѣже, а овесъ

совсѣмъ рѣдко. Пчеловодство въ большомъ упадкѣ, такъ что пасѣка въ 20 ульевъ считается большой. Хорошихъ садовъ нѣтъ; очень немногіе имѣютъ садокъ, состоящій изъ вишневыхъ деревьевъ, 5—6 яблонь, 2—3 грушевыхъ дерева. Кустарныхъ промысловъ не было и нѣтъ. Народъ ходитъ на заработки на Кубань, на Донъ и на шахты. Единственный заработокъ крестьянъ зимою—возка хлѣба на вокзалъ ж. д. въ Лисичанскъ за 60 в. На вокзалъ возятъ хлѣбъ, который скупаютъ здѣсь прїѣзжіе кушцы; въ Лисичанскѣ набираютъ каменный уголь для топки печей или для продажи. Года три назадъ, за неимѣніемъ дровъ, вошло въ употребленіе у нашихъ крестьянъ отапливаться углемъ. Печи для угля устраиваютъ такимъ образомъ: берутъ старый разбитый чугунокъ, выбиваютъ изъ него дно и вмазываютъ его глиной около печи на кирпичахъ или камнѣ; отъ дна чугуна проводятъ трубу изъ глины или камней, обмазанныхъ глиною, въ большую вариетную печь.

Нравственность.— Народъ въ Мосткахъ религіозный и набожный; не ходитъ въ церковь считается большимъ грѣхомъ. Не смотри на всю религіозность здѣшняго крестьянина, у насъ существуютъ всѣхъ сортовъ воры; обмануть самаго лучшаго прїятеля тоже ничего не стоитъ. Мостовчане, однако, народъ сострадательный: не дать куска хлѣба нищему считается дѣломъ въ высшей степени нехорошимъ; не похоронить умершаго прохожаго, не помочь погорѣльцамъ, не накормить странника—считается большимъ грѣхомъ; выбрать кума или куму, которые воспринимали ребенка, считается грѣхомъ, хотя украсть у нихъ, напр., лошадь не считаютъ грѣхомъ. Сострадательность мостовчанъ наблюдается въ дѣтяхъ. Многіе изъ учениковъ моихъ остаются почевать въ инколѣ, всю осень, зиму и во время грязи, весною, всякій день остается человекъ до 20-ти. Въ это время я замѣчала, какъ заботятся старшія дѣти о меньшихъ и богатыхъ о бѣдныхъ. Когда вечеромъ и утромъ дѣти богатыхъ родителей варятъ кашу себѣ, они всегда варятъ на долю бѣдняковъ, и, наѣвшись, богатый передаетъ ложку одному изъ бѣдняковъ, уступая ему свое мѣсто; оставшаяся отъ утра каша никогда не оставляется на вечеръ, а всегда отдается бѣднякамъ. Меня всегда удивляло, что мальчикъ, кормившій всю зиму

голодающего, никогда не упрекнетъ своего нахлѣбника кускомъ, какъ будто онъ даже и не замѣчаетъ, что дѣлаетъ благодѣяніе. Отдѣльнаго помѣщенія для ночлега дѣтей—въ школѣ нѣтъ, а потому они ложатся подъ партами на полу; здѣсь оиять видна забота старшаго о младшемъ: тѣ, у которыхъ имѣются большія свиты и шубы, ложась, укладываютъ въ средину маленькихъ и тѣхъ, которымъ нечѣмъ укрыться.

Въ слободѣ встрѣчаются пьяницы среди „миройдовъ“, людей почти всегда довольно зажиточныхъ, а потому въ обществѣ имѣющихъ голосъ. Если выбираютъ старшину, старосту, нанимаютъ сторожей, дѣлать дугъ,—то ставятъ „могоричъ“ т. е. покупаютъ водку и угощаютъ народъ. Эти мироѣды всегда пьютъ могоричъ, а потомъ ужъ сами на свои деньги покупаютъ водку и пьютъ нѣсколько дней. Какъ мужчины, такъ и женщины не отличаются особенно высоконравственными супружескими качествами, но простигудци профессиональной нѣтъ.

Мѣстные крестьяне развитѣе крестьянъ сосѣднихъ деревень, молодежь развитѣе стариковъ. Нѣсколько разъ мнѣ говорили, что рѣка въ Мосткахъ была очень глубокая и по ней ходили барки; теперь же эта рѣка шириной въ полсажени, а глубиной въ $\frac{1}{4}$ ар. Я спрашивала у стариковъ: отчего это рѣка стала такъ мелка? они отвѣчали: „Богъ его зна, чого воно такъ! мабудъ Господь за грихи наши одибравъ у насъ воду“. Тутъ же сидѣлъ парень 25 л.; дослушавъ рассказъ старика, онъ сказалъ: „Шо Богъ, то Богъ, а то таки и люди виноваты. Рѣчка наша стала мѣлкою видтого, що стѣлы орѣты ярѣ, зъ которыхъ иде весною и въ дощи вода, въ слободѣ вербами берега засажують, лугѣ повспахивалы, капустныки до сѣмой воды копають; отъ йийи и позамуловало, а якъ бѣгла вода по твердѣй землѣ, то мулу не було“.

Въ земской школѣ, при двухъ учительницахъ и законоучителѣ, больше ста учениковъ не бываетъ, потому что помѣщеніе мало. Дѣти охотно поступаютъ въ земскую школу; зимою всегда школа биткомъ набита учениками; въ началѣ же весны, даже въ концѣ февраля, родители нанимаютъ своихъ дѣтей въ работу и потому берутъ изъ школы; къ экзамену едва можно набрать 5—8 человекъ и то подъ условіями такого рода: отецъ обѣщаетъ отпускать

сына въ школу только въ праздники и въ дурную погоду, а въ будни и въ хорошую погоду заставляеть работать дома. Почти-всегда, получая извѣщеніе о томъ, когда будетъ экзамень, волостной старшина, по просьбѣ моей, посылаетъ сотскихъ собирать по слободѣ тѣхъ дѣтей, которыя должны держать экзамень. „Хорошо если выдержитъ, а какъ нѣтъ, говорятъ родители: ему и мині стѣдно буде, що учѣвся, учѣвся тай не здержавъ кзамента“. Большихъ усилій стоитъ уговорить ихъ отнукать дѣтей на экзамень; не обходится и безъ расходовъ, особенно если ученикъ разъ уже не выдержалъ экзамена. Дѣвочекъ мало ходитъ въ школу: въ продолженіе 10 лѣтъ моей службы, въ этомъ училищѣ больше восьми дѣвочекъ не было никогда. Въ 189²/₃ г. открыта у насъ церковно-приходская школа, въ которой обучается 15 учениковъ. Родители сами приходятъ ко мнѣ и просятъ, чтобы я позволила ихъ дѣтямъ ночевать въ школѣ; часто бываетъ такъ, что дѣти приходятъ въ школу въ понедѣльникъ, а уходятъ только въ субботу. Учительница и школа пользуются полнымъ довѣріемъ крестьянъ. Приводи ребенка въ школу, они говорятъ: „зділайте мѣлость, не балуйте его, заставляйте учитьца всему. Намъ хорощѣ, якъ винъ читаетъ въ церквѣ и дома, и „артыметыка“ намъ здорово нужна. Самы мы и у церкву прійдемъ, то якъ „Божій быкъ“ стоишь ничего не розбырѣнь, а винъ розкаже, той розбырѣнь що вонѣ и къ чому. Теперь у насъ и старшина свий грамотный, и староста, и писарь, и всякій сотскій грамотный, а прѣжде надо булѣ чужѣго брать. Теперь наши и въ лавки поступають и въ писаря на сторону, и въ фельдерскую школу, а слободѣ польза“. Съ большимъ удовольствіемъ смотрятъ крестьяне, какъ дѣти парами, по возможности стройно, идутъ въ церковь. Ни одного слова грубаго я не слышала отъ крестьянъ во всю бытность мою въ Мосткахъ. Школа содержится не особенно аккуратно, вслѣдствіе неурожаевъ въ послѣдніе годы и большихъ расходовъ, которые были сдѣланы на постройки церквей.

Женщины ставятся ниже мужчинъ. Хозяйка, напр., принимая у себя гостя, не должна садиться; даже обѣдая въ своей семьѣ, она не садится, а вѣсть стоя; если мужа нѣтъ, то она сидитъ за столомъ во время обѣда; совѣта ея не спрашиваютъ

никогда; если, при угощеніи водкой, гости вздумаютъ обратиться къ хозяйкѣ съ приглашеніемъ выпить, то она должна отказываться. Въ церкви мужчины и мальчики стоятъ впереди, а женщины и дѣвочки стоятъ въ притворѣ, или какъ онѣ говорятъ въ „бабийкѣ“. Старая женщина пользуется большимъ почетомъ въ семьѣ, она даетъ совѣты молодежи, учитъ дѣтей молиться Богу; мужъ ея, умирая, все распоряженія по хозяйству даетъ ей; она иногда и немолодаго сына можетъ побить, если находитъ его виноватымъ,—и этотъ человекъ полный силъ и здоровья безпрекословно исполняетъ волю матери или терпитъ побои ея, боясь даже сказать ей какую нибудь дерзость. Родители вообще обращаются строго съ своими дѣтьми; сынъ, пока онъ не женатый, не имѣетъ никакого голоса; онъ дѣлаетъ все то, что прикажутъ ему; какъ только его женили, такъ онъ начинаетъ подавать совѣты и даже высказывать неудовольствіе, хотя отецъ почти никогда не обращаетъ вниманія на его неудовольствія. Когда сынъ его проживетъ женатымъ нѣсколько лѣтъ, тогда начинаютъ совѣтоваться съ нимъ, или же, когда замѣчаютъ, что сынъ хорошій хозяинъ.

Крестины. Какъ только родился ребенокъ, отецъ идетъ приглашать кумовьевъ; новорожденного спѣшатъ скорѣе окрестить; не крестить ребенка нѣсколько дней считается грѣхомъ. За страшный грѣхъ считается произносить при новорожденномъ слова: чертъ, бѣсъ, дьяволъ и проч.; вѣрятъ что до крещенія въ дитя можетъ вселиться нечистый духъ. Когда приходятъ кумъ и кума, то приносятъ съ собою по хлѣбу. Баба повитуха кладетъ на землю шубу, мѣхомъ наверхъ, шуба, непременно должна быть съ чернымъ мѣхомъ, на шубу полагаетъ спеленатаго ребенка и, беря съ кумомъ за противоположные концы шубы, передаютъ его кумъ, а бабка въ это время говоритъ: „отдаю младенца некрещеннаго, немолитвеннаго“. Отецъ отдаетъ куму два хлѣба и деньги за крестины (за дѣвочку 15 к., а мальчика 20 к.) и отправляетъ ихъ къ священнику. Окрещеннаго ребенка бабка такъ-же принимаетъ на тотъ-же разосланный кожухъ; но теперь ужъ кожухъ берутъ кумъ и кума, и, передавая ребенка бабкѣ, кума говоритъ: „у васъ брали некрещена, немолитвена, а вамъ принесли „крещеннаго и молитвеннаго“, при

этомъ говорить имя ребенка. На другой день крестинъ собираются къ родильницѣ замужнія женщины „въ рай“, какъ онѣ называютъ это собраніе гостей. Здѣсь гости садятся за столъ и ихъ угощаютъ: водкой, пирогами, „вареной“, т. е. наваромъ вишенъ, подаваемымъ въ чайныхъ чашкахъ. Во время угощенія баба, повитуха выводитъ къ столу роженицу, ставитъ корыто, кладетъ въ него васьковъ, косу, топоръ; роженица должна стать въ корыто правой ногой, а повитуха сливаетъ ей воду на руки: эту воду, она должна спускать до локтей и подставляя горсть подъ локоть, собирать ее, а изъ горсти пить. Это дѣлаютъ для того, чтобы у роженицы прибавлялось молоко— „пѣкормъ“, такъ выражаются бабы, а ногою становятъ роженицу въ корыто—чтобы ея никто не могъ сглазить.

Дѣвушки начинаютъ засиживать „вечерницы“ съ 8 сентября. Выбирается одна какая-нибудь немолодая вдова, у которой собираются дѣвушки и парни, дѣвушки шьютъ или прядутъ, а парни играютъ въ карты: въ дурака, своего козыря, мельника и фильку. Въ большіе праздники дѣлается складчина, всякая дѣвушка беретъ изъ дому, что можетъ: муку, сало, яйца, украденую курицу; парни же покупаютъ водку, орѣхи, пряники, конфеты. Не принести лакомства на вечерницы считается не приличнымъ, дѣвушки засмѣютъ парня, который прійдетъ съ пустыми руками, а потому парни крадутъ у родителей пшеницу, куръ, гусей, и, вродавъ это, покупаютъ лакомства. Украсть для вечерницъ не считается преступленіемъ. Родители знаютъ, что у нихъ крадутъ, но не бываютъ за это въ претензіи. На вечерницахъ поютъ слѣдующія пѣсни:

„Тамъ дичина по грибы ходила,
Въ зеленому гаю заблудыла;
Приблудылась къ зеленому дубу,
Ой тутъ же я ночуваты буду;
Я думала що дубъ зелененькій,
Ажъ то стоитъ гайдарь молоденькій.

„Ой, гайдаре, молодой гайдаре!

Ой выведи мене съ цего гаю!

Ой далеби дорожки не знаю.“

„Ой, якъ бижъ ты дорожки не знала,

Тобъ ты мене гайдаремъ не звала,

Тобъ ты мене серденькомъ назвала.“

* * *

Якъ выйду я на улыцю гуляю,
гуляю.

Выйде мате въ хату звати,

А я шей выляю.

Поютъ еще: „туманъ яромъ налегзе“ и др.

Похороны.— Когда человекъ сильно боленъ, то сосѣди, родственники и кумовья приходятъ къ больному, прощаются съ нимъ и передаютъ поклонъ своимъ умершимъ роднымъ и знакомымъ. Когда человекъ умираетъ, то кладутъ его на землю; какъ только онъ умретъ, то на окнѣ, которое находится ближе къ покутю, ставится чашка съ водой; чашка должна оставаться на окнѣ до шести недѣль, такъ какъ душа будетъ прилетать и купаться въ этой водѣ, т. е. обмываться въ ней отъ грѣховъ. Только что умершаго человека обмываютъ, одѣваютъ и кладутъ на лавку подъ образа головою. Читальники читаютъ надъ покойникомъ псалтырь; если умершій человекъ зажиточный, то приглашается священникъ и погребеніе совершается священникомъ на кладбищѣ, а если бѣдный, то его везутъ въ церковь и тамъ отправляется погребеніе священникомъ, а на кладбище везутъ безъ священника, только въ сопровожденіи крестовъ, хоругвей и фонаря; кресты перевязываются полотенцами. Существуетъ обычай отвозить покойника на кладбище на коровахъ или на волахъ, но ни въ какомъ случаѣ не на лошади. Если негдѣ занять воловъ или коровъ или дорога очень испорчена, то въ сани запрягаются мужики, а на сани ставятъ „догomyну“ (гробъ) и везутъ покойника на кладбище. Надъ покойникомъ „тужать“ родственники, т. е. поютъ и приговариваютъ. Въ этихъ пѣсняхъ высказывается сожалѣніе о томъ, что онъ покинулъ ихъ сиротами, не распорядился хозяйствомъ, не далъ совѣта, какъ жить; часто бываетъ, что умершій распорядился во всемъ, но родственники все-таки приговариваютъ тоже. Чѣмъ громче и чище у кого голосъ, чѣмъ больше кто приговариваетъ, тѣмъ больше его хвалятъ, говоря: „охъ, гáрно плаче“. Бываетъ иногда, что и мужчины тужать. Передавая мнѣ процессію похоронъ, одинъ крестьянинъ замѣтилъ: „мáбуть и мáте такъ не затужить, якъ я умію тужить“. Покойниковъ опускаютъ въ могилу на полотнѣ; это полотно отдаютъ тѣмъ людямъ, которые копаютъ могилу. Поминовенія бываютъ въ девятый день, сороковой и въ годовщину. На помины приглашаютъ сосѣдей, знакомыхъ, родственниковъ и нищихъ; готовятъ для нихъ обѣдь, за столомъ даютъ водку, но не много.

Праздники и пѣсни. Наканунѣ Рождества Христова бываетъ

„богатый святъ вечеръ“; послѣ ужина хозяинъ идетъ въ загороду, гдѣ находится скоть, и смотритъ, куда корова лежитъ головой; если на востокъ, то это означаетъ, что она приведетъ теленка утромъ, на сѣверъ,—такъ въ полночь, на югъ—въ полдень, на западъ—вечеромъ. Въ этотъ же вечеръ выходятъ воръ, невѣста или женихъ съ пирогомъ слушать за глухой стѣной. Если услышатъ разговоръ, въ которомъ говорятъ „иди“, то тотъ, кто слушаетъ, смѣло можетъ надѣяться на исполненіе задуманнаго: невѣстѣ—выйти замужъ, жениху—жениться, а вору будетъ удача въ воровствѣ. Въ день Рождества Христова поютъ: „коляды“, тропарь Рождеству Христову и кондакъ тому же празднику. Подъ Новый годъ „щедруютъ“, т. е. поютъ пѣсни! На новый годъ поютъ слѣдующія пѣсни:

„На ривѣ на Ордани“, „Миланка ходила, Василька просила“.

„Во поля, поля самъ Богъ ходи, За нимъ ходила Божая Матерь. Иветы носила, Бога просила: Зароды, Боже, жито-пшеницю, Всяку пашницю.	Ходи Илля на Васыли, Косе пашницю жытваную; И сюды махну, и туды махну. Будьте здоровы, съ праздникомъ, Та зъ Васылемъ“.
--	--

„На счастье, на здоровье, роиъ Боже Жито пшеницю, всяку пашницю.	Будьте здоровы, съ новымъ годомъ, Та съ праздникомъ поздравляю“.
---	---

На масляницѣ поютъ такъ:

„Ой за нашимъ садомъ Три мѣсяца рядомъ,— Ладомъ, ладомъ, Три мѣсяца рядомъ. Три мѣсяца добрыхъ, Три молодца красныхъ— Ладомъ, ладомъ, Три молодца красныхъ.	Первый мѣсяцъ (имя пар- ни), Второй (имя) и третій (имя). Ладомъ, ладомъ и т. д. Ой за нашимъ садомъ Три зирочки рядомъ,— Ладомъ, ладомъ,	Три зирочки рядомъ, Первая зирка (имя дѣ- вицы), Вторая и третья (то же имя), Ладомъ, ладомъ (имена дѣвицы), Ой ладомъ, ладомъ Три мѣсяца рядомъ.
--	--	---

При *постѣ* существуетъ единственный *объѣдъ* у жителей Мостковъ; именно, на четвертой недѣлѣ Великаго поста въ среду некутъ крестъ и прячутъ его въ зерновой хлѣбъ; въ закромъ; когда вдутъ первый разъ въ поле сѣять, то мальчикъ долженъ носить подъ рукой крестъ, а взрослый ходить за нимъ и разсѣваетъ зерно. 24 іюня празднуется „Ивана купала“. Въ этотъ день дѣвушки отправляются въ лѣсъ или степь и вьютъ изъ

цвѣтовъ себѣ вѣнки, а вечеромъ вмѣстѣ съ парнями собираются на гору, приносятъ соломы, раскладываютъ костры, зажигаютъ ихъ и прыгаютъ черезъ огонь. Дѣвушки приходятъ въ вѣнкахъ на головѣ, и, прыгая черезъ горящій костёръ, вѣнки разрываютъ и бросаютъ въ огонь.

Игры, танцы и музыка. Проводы мяса празднуются такимъ образомъ: собираются дѣвушки, парни и дѣти, берутся за руки и становятся, изображая фигуру „глаголь“. Первая пара поднимаетъ руки, а остальные, начиная съ послѣдней пары, проходятъ подъ руками первой пары. Когда пройдутъ все, то пара съ поднятыми руками выворачивается, а послѣдняя пара поднимаетъ руки, все же остальные опять идутъ подъ руки, какъ и въ первый разъ; такъ проходятъ они всю слободу. Во время этой игры поютъ пѣсню:

„Скочивъ козель въ огонь, Пойивъ лукъ, чеснокъ; Вышла бабуся, Взяла козла за рожокъ, Повела козла на торжокъ, Продала козла за рубля; Пришла до дому, загула,	Дешево козла продала: Будо-бъ узаты три рубля, Та выораты три поля, Посияты три зела: Черне зело бильмо, дру- ге красило, А трете черныло. — Чего миленька биленька?	— Сударь, мучицю сѣла, Свое личенько убвизла! — Чого миленька красенка? — Сударь, я у пичи топыла, Свое личенько спазыла! — Чого миленька черненька? — Сударь, сажу друсыла, Свои бривоньки черныла“.
---	---	--

Дѣти играютъ въ мячъ, въ цурки, въ „довгон лозы“ (въ чехарду) и въ „гусаря“. Въ гусаря играютъ такъ: отмѣряется на ровной площади квадратъ шаговъ въ 20-ть; по угламъ его становятся четыре человѣка, а на плечи имъ садятся такъ-же четыре человѣка; сидящіе верхомъ бросаютъ другъ другу мячъ; если кто-нибудь изъ сидящихъ верхомъ не поймаетъ мячъ, то тѣ, на которыхъ сидятъ, сбрасываютъ своихъ всадниковъ и стараются поднять мячъ и имъ кого-нибудь ударить изъ всадниковъ. Тогда всадники преобразуются въ лошадей, а лошади въ сѣдоковъ или гусаровъ, какъ ихъ называютъ. Если три раза подрядъ сѣдоки не переменяются, то они начинаютъ развязку игры: каждый проѣзжаетъ нѣсколько разъ верхомъ по четырехугольнику на своемъ конѣ. Самый распространенный танецъ въ Мосткахъ—козачекъ; его танцуютъ дѣти, взрослые и старики, дѣвушки и парни: это ихъ любимый танецъ; его танцуютъ парами и по одиночкѣ. Музыкальные инструменты на свадь-

бахъ: скрипка, басъ; любимый музыкальный инструментъ мостовчанъ „сопѣлка“, родъ дудки или вольнки. Существуютъ артисты, которые дѣйствительно артистически играютъ на сопѣлкѣ, несмотря на свой преклонный возрастъ. На гармоніи играетъ только молодежь.

Ярмарки считаются особеннымъ праздникомъ мостовчанъ; всякій считаетъ чуть-ли не обязанностью своею побывать на ярмаркѣ. Купить-ли что или продать нужно хозяину или хозяйкѣ, они откладываютъ до ярмарки; переменить-ли нужно воловь, лошадь или корову, крестьянинъ ждетъ ярмарки; если онъ долженъ кому-нибудь—отправивается до ярмарки: „переминю, говорить, вѣлѣживъ, продамъ, куплю дешевле и отдамъ долгъ“; мать, уговаривая ребенка, обѣщаетъ ему купить на ярмаркѣ бубликовъ; парень дѣвушкѣ говоритъ: „выходи на ярмарку, канхвѣтивъ куплю“; всякій ярмарки ждетъ съ нетерпѣніемъ, на ярмаркѣ всякій старается чѣмъ-нибудь „заработать“; и въ рѣдкихъ случаяхъ ему не удается заработать, тѣмъ болѣе, что обмануть посторонняго человѣка не считается грѣхомъ. Вотъ разсказъ одного крестьянина, почему обмануть на ярмаркѣ можно: „Апостоль Павелъ (а другіе говорятъ Лука) повелъ на ярмарку продавать быка, быкъ этотъ былъ старый и слѣпой; къ нему подходятъ покупатели и спрашиваютъ: „что за быкъ? нѣтъ-ли пороковъ какихъ?“ Апостоль говоритъ: „старый и слѣпой мой быкъ“; покупатели отходятъ. Наконецъ нашелся покупатель, который взялъ быка за очень дешевую цѣну. Когда апостоль вернулся, Христосъ и спрашиваетъ: „за сколько онъ продалъ быка?“ Апостоль разсказалъ, почему такъ дешево продалъ быка. Спаситель выслушалъ и говоритъ: „глухой ты человѣкъ, нужно было хвалить быка и даже побожиться: вѣдь на то ярмарка, чтобы бѣдный человѣкъ хоть „трѣшки починовся“ (т. е. поправилъ свои дѣла). Откуда взята эта несообразная легенда, я не могла узнать.

Къ пѣніямъ въ Мосткахъ можно причислить такъ называемыя „псалмы“ которые поютъ всѣ: дѣвушки, парни и старики. Кѣмъ составлены эти „псалмы“, неизвѣстно, но содержаніемъ ихъ всегда является какая-нибудь сцена или моментъ изъ библейской жизни. Вотъ „псалмы“, которые мнѣ удалось записать.

Б.—Сл. Танюшевка.

Название слободы.—Свадебные обряды и пѣсни.

Слобода расположена въ долину между невысокихъ горъ, которыя окружаютъ ее съ трехъ сторонъ: сѣверной, западной и южной, а на восточной сторонѣ ея находится дугъ, который отдѣляется отъ слободы рѣкою Айдарь. Название свое слобода Танюшевка получила отъ имени жены кн. Куракина, Татьяны, въ то время, когда князь владѣлъ этою слободою, въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ наст. столѣтія. До князя Куракина Танюшевка называлась Березовой, по имени рѣчки, которая протекала между горъ съ юго-западной стороны и впадала въ Айдарь; въ то время рѣчка эта была довольно глубока, а теперь остался только ручеекъ, да и тотъ во время лѣтней жары высыхаетъ. Въ настоящее время слобода эта пишется Танюшевка, а жители ея, крестьяне, и до сихъ поръ называютъ ее Березовой. Отъ уѣзднаго города она отстоитъ въ 60-ти вер.

Сообщу о томъ, какъ крестьяне сватаются. Какъ сыну исполнится 18 лѣтъ, такъ отецъ начинаетъ думать о его женитьбѣ. Въ началѣ осени крестьяне сватаются, а послѣ Покрова Пресвятыя Богородицы играютъ свадьбы, такъ какъ въ то время они покончатъ всѣ главныя работы, молотьбу и паханье подъ яровое. Обмолотивши хлѣбъ, часть его они продаютъ и запасаются деньгами для свадебныхъ расходовъ. Задумавъ женить сына, отецъ проситъ двухъ родственниковъ или хорошихъ сосѣдей быть сватами за его сына. Эти два лица называются „старостами“. Старосты берутъ хлѣбъ и въ сумеркахъ отправляются къ родителямъ той дѣвушки, которую должны высватать. Подойдя къ хатѣ, они стучатъ въ окно и говорятъ: „добръ вѣчирь, добрый вѣчирь, пустить погрицьця!“ Хозяева отвѣчаютъ изъ хаты: — „Милосты просымъ“. Иногда старосты застаютъ хозяевъ спящими, тогда имъ приходится нѣсколько разъ повторить свое привѣтствіе, чтобы разбудить ихъ. Невѣсты дома не бываетъ,—она или на вечерницахъ, или

у сосѣдки сидить съ работой. Войдя въ хату, старосты осѣнятъ себя крестомъ и говорятъ: „здорови булы, съ поныдѣлкомъ, будьте здоровы!“ Хлѣбъ старосты отдають отцу или матери, тѣ кладутъ хлѣбъ на столъ, а старостовъ просятъ сѣсть за столъ. Сначала разговоръ идетъ посторонній, а потомъ постепенно переходятъ къ дѣлу. Старосты говорятъ за чьего парня они хотятъ сватать дѣвушку. Если родители согласны отдать свою дочь, то сейчасъ посылають за нею, чтобы спросить ее — согласна-ли она. Если-же не согласны отдать, то мать прямо говоритъ: — „идить, добри люды, тай не прыходьте, бо все равно дѣла не бѣде, дочки я не отдамъ“. Иногда въ одно время приходитъ нѣсколько паръ старостовъ, отъ трехъ или четырехъ жениховъ, и за кого изъ нихъ невѣста согласна выйти замужъ, хлѣбъ того оставляетъ, а остальнымъ отдаетъ. Последнїе уходятъ домой, а кому дано согласіе, тѣ остаются пить могорычъ; водку и вино на могорычъ старосты приносятъ съ собой.

На другой день эти старосты приходятъ съ отцомъ и матерью жениха, для окончательнаго рѣшенія дѣла. Въ это время посылають за женихомъ и спрашиваютъ его, согласенъ ли онъ жениться на этой дѣвушкѣ и, когда женихъ скажетъ свое согласіе и невѣста тоже самое объявитъ, что и она согласна, тогда послѣдняя отправляется собирать подругъ или „дружекъ“ и вмѣстѣ съ ними приходитъ домой. Идя по улицѣ, дружки поютъ:

„Та бережися, бережися	Уловить, та молодую Явдошку
Та бизалъ рыба,	Уговорать, та за добраго
Хочуть тебе, та билую рыбку	Молодця Петрушку“.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ обыкновенно приговаривають имя жениха и невѣсты. Съ пѣсней дѣвушки входятъ во дворъ. Войдя въ хату, онѣ находятъ большое собраніе родныхъ, сосѣдей и прїятелей. Всѣ гости сидятъ, а женихъ стоитъ у порога. Когда невѣста съ подругами входитъ въ хату, мать ея зажигаетъ восковую свѣчу и прилѣпляетъ ее къ иконѣ. Женихъ съ невѣстой становятся рядомъ посреди хаты и кладутъ три земныхъ поклона; всѣ присутствующіе тоже молятся, а потомъ опять садятся по своимъ мѣстамъ, а женихъ садится на лавкѣ возлѣ порога. Мать даетъ невѣстѣ два полотенца, а невѣста

кладеть ихъ на тарелку и подносятъ ихъ старостамъ и при этомъ кланяется до земли. Старосты берутъ „рушныки“, перевязываются ими черезъ плечо и говорятъ:—„спасібо, дѣчко, що рано вставала та тонко прѣла“. Послѣ этого мать ставить закуску на столъ, а старосты своею водкою начинаютъ угощать сначала невестиныхъ отца и мать, брата и невестку, если есть, потомъ жениховыхъ отца и мать, за тѣмъ жениха, невесту и дружекъ, послѣ чего молодежь удаляется на вечерницы, а сваты, старосты и гости остаются и у нихъ продолжается угощеніе до позднихъ сумерокъ, а потомъ жениховы отецъ и мать всю эту компанію просятъ къ себѣ.

Сватанье. Въ день назначенный для сватанья, хозяева готовятъ лучшія угощенія, а невеста заботится о чистотѣ и убранствѣ хаты. Къ этому дню стѣны хаты бѣлятся снаружи и внутри, земляной полъ смазывается и усыпается пескомъ, столъ покрывается чистой скатертью на которой лежитъ хлѣбъ-соль, на образахъ и возлѣ оконъ висятъ вышитыя полотенца. Въ этотъ день къ вечеру приглашаютъ родичей, крестныхъ отца и мать невесты и хорошихъ сосѣдей. Всѣ ожидаютъ старостовъ. Прежде всѣхъ приходитъ женихъ и старшій бояринъ, — шаферъ, съ хлѣбомъ-солью; поздоровавшись, женихъ хлѣбъ отдаетъ отцу. Отецъ благодаритъ за хлѣбъ и кладетъ его на столъ, а зять угощаетъ водкою. Поднося рюмку съ водкою говоритъ: „милосты просю, Ивановичъ, откушать“. А зять говоритъ: — „А я вашей милосты просю“.—Отецъ выпиваетъ, а ему наливаетъ другую, онъ такимъ образомъ, какъ и отца, проситъ мать и всѣхъ близкихъ родныхъ невесты, а послѣ всѣхъ выпиваетъ самъ и уходитъ изъ хаты во дворъ къ молодежи, гдѣ между говоромъ и смѣхомъ слышны звуки гармоники, вѣрно исполняющей комаринскую. Въ скорости послѣ жениха приходятъ старосты, перевязанные черезъ плечо полотенцами, и сваты съ женатыми сыновьями и замужними дочками. Поздоровавшись, гостей просятъ сѣсть въ красный уголъ. Потомъ входятъ женихъ, невеста и дѣвушки. Молодыхъ ставятъ рядомъ посреди хаты, зажигаютъ свѣчи у образовъ, снимаютъ икону, благословеніе невесты, и начинаютъ благословлять. Послѣ благословенія, женихъ съ старшимъ бояриномъ са-

дятся за столъ, а невѣста начинаетъ давать подарки свекру, свекрови, жениху и роднымъ со стороны жениха. Потомъ невѣста подчуетъ всѣхъ водкой и виномъ, поднося всякій разъ тарелку съ налитыми рюмками жениху, женихъ молча кланяется и этимъ даетъ знакъ, чтобы она сначала подносила отцу, матери и роднымъ. Последнюю рюмку выпиваетъ женихъ. Каждый, кому подноситъ невѣста рюмку водки или вина, даритъ ее деньгами, а свекровь даритъ ей ситцу на платье. Когда невѣста начинаетъ давать подарки, дѣвушки поютъ:

„Не просватуй, мій батенько,
Свата мнѣ молодой не завязуй.

— Не завяжу, на другу нидиленьку
тай одложу.

— Чи я тобі, мій батенько, надо-
кучила?

— Ны ты мнѣ надокучила,
А твои старостоньки надокучили.

Та за ними здохлячи,

Воритечки зачинаючи,

И выконци затулючи,

И словечко промовляючи“.

Или поютъ:

„Чи зумишь, моя ненько,

Мои змовыгы пыты,

Въ пичи затопить,

Водыци принести,

На кладочку сходять

И свекорку угодать.

Синички мой рубленне,

Теперь, вы не будете метенне,

А въ свекорка хоть заплетени,

Та будуть—що дня метени“.

Послѣ жениха, невѣста угощаетъ своихъ подругъ, а потомъ ее заводятъ за столъ, садится она рядомъ съ женихомъ, а возлѣ нея подруги. Отецъ невѣсты начинаетъ угощать невѣстину родню, послѣ этого подають ужинъ, состоящій изъ борща, лапши, жареной баранины и молошной каши. Ужинають только старосты, сваты и родичи, а женихъ, невѣста и дѣвушки идутъ къ сосѣдкѣ и варятъ у нея вареники, сюда приходятъ паробки, которые приносятъ водки къ ужину. Послѣ ужина жениховъ отецъ всю компанію проситъ къ себѣ, гдѣ гуляютъ всю ночь.

Дружбины (вечерыны).—Они бывають подъ день свадьбы. Въ этотъ день съ утра у жениха и невѣсты пекутъ „шишки“,—маленькіе калачи. Для приготовленія шишекъ приглашають женщинъ, такъ какъ ихъ пекутъ очень много. Невѣста-же идетъ звать къ себѣ подругъ, которыя должны убрать ей косу гарусомъ и лентами. Придя съ подружками домой, невѣста одѣвается въ лучшее платье, садится посреди хаты на скамьѣ, а дѣвушки на лавкахъ и мать начинаетъ чесать ей волосы. Дѣвушки поютъ:

„Ой, тихо, тихо Дунай воду гоне,
А въ ще тихие Ядошка косу чеше;
А вона чеше, зривае, та на Ду-
най пускае.

Ой, пльвы коса, пльвы руса
До свекора въ двирь проста.

Ой, слухай, послухай
Шо свекорко говоре.

А свекорко каже: „добрая годинка,
Иде до мене чужая дитянка,

Ны зобувавъ, ны зодигавъ,
Е кимъ замышлито!“

А батенько каже: „лхая годинка,
Яжъ и зобувавъ, яжъ и зодигавъ,

Та никимъ замышлито!“ —

Во все время этой пѣсни мать и дочь плачутъ. Мать разче-
шетъ и заплететъ косу, а дѣвушки уберутъ ее лентами, голову
повяжутъ лучшимъ платкомъ, а поверхъ платка надѣнутъ вѣ-
нокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ. Потомъ невеста надѣваетъ
„халагъ“, а мать подвязываетъ ее вышитымъ полотенцемъ, при-
чемъ дѣвушки поютъ:

„Матя Ядошку родила
И мисцемъ обгородила,

Рушникомъ видчерезала,
По дружки послала“.

Послѣ этого дѣвушки уходятъ; старшая дружка, „шаферина“,
носитъ шишки, раздаваемая невестою роднымъ и знакомымъ.
Проходя по улицамъ, дѣвушки поютъ разные пѣсни.

1) „Горохъ по дорози, Мий батько въ дорози Винъ того не знае, Шо дочка гадае,	А дочка гадае, Дружечекъ сбывае“.	Девгенькій носокъ кулы- чекъ, Чи далеко чутъ друже- чекъ“.
	2) „Ой скокы, скокы сорокы, Нызьки поклонны,	

Проходя по улицамъ, дѣвушки заходятъ къ роднымъ, знако-
мымъ, а также въ дома мѣстной интеллигенціи, подходя ко двору
дружки поютъ:

„Обмытайте дворы,
Застылайте столы,—

Дружечки идутъ
Молоду ведутъ“.

Невеста съ старшей дружкой входятъ въ домъ или хату, а
остальные дѣвушки остаются за дворомъ. Входя, невеста кре-
стится и кладетъ три земныхъ поклона къ образамъ, потомъ
кланяется хозяину и хозяйкѣ, каждому по три раза, и гово-
рить:— „просывъ батько, просыла маты и я просю на дружбыны!“
Даетъ каждому по шишкѣ и уходитъ. Отходя отъ двора, дѣ-
вушки поютъ:

„Спасибо за дружку,
За лийя послужку,

За пани панечки,
За ваши дружечки“.

Послѣ всѣхъ невеста идетъ къ своей будущей свекрови; под-
ходя къ ея двору, дѣвушки поютъ:

„Ой, матенько ютко, Сонячко лизенько, Сонячко ще пажче,
Ворочайся прутко, Дружечка близенько Дружечка ще бажче“!

Свекровь угощаетъ всѣхъ водкой, даетъ по шишкѣ и затѣмъ дѣвушки уходятъ и поютъ:

„А мы у свекрухи булы, Горилочки ни чарочки ни пылы!

Уже въ сумеркахъ невеста съ дружками идетъ домой. Къ этому времени собираются родные и сосѣди. Невѣсту заводятъ за столъ, а дѣвушки поютъ:

„Та йде Явдошка на посадъ, Съ долею счастливою,
Та зустріча вй Господь Богъ, Съ доброю годиною“!

И садятся возлѣ невесты за столомъ. Отецъ угощаетъ ихъ водкой; первой подноситъ невестѣ, она отказывается; отецъ выпиваетъ самъ, а потомъ вторично подноситъ невестѣ, она выпиваетъ и начинаетъ угощать своихъ подругъ. Такимъ же образомъ и мать подчуетъ невесту, а невеста дружекъ. Дѣвушки поютъ:

„Ой рясна, красна колыновка въ А передь столомъ батенько частуе,
лузи, Счастежь даруе.
Ряснише, краснише Явдошкинъ по- Отгадай донько—чия доля лучшая!
садъ, Чи Божая, чи батенькова?
Явдошкинъ посадъ дружечки кра- Божая доля—доля лучшая,
сать, Чимъ батенькова,
По виконицямъ анголи сидять, Божая счастлива,
На дверичкахъ самъ Господь стоять, Батенькова вродлива“!

Если невеста сирота, то еще поютъ:

„Явдошкына ненька стоить Чи хороше зряжено,
На передь Господа Бога, Чи въ часъ-то посажено.
На вхрестъ ручки держить. Та зряжено, якъ паньнятко,
Та спусти мене, Боже, зъ неба Сыдыть, якъ сиротятко,
на землю, Та зряжено, якъ квіточка
Подывляюсь я на свое дитятко Сыдыть воно, якъ сирвоточка“.

Возлѣ печки на дижѣ, кадкѣ съ крышкой, четыре женщины лѣпятъ „коровай“, „калачъ“ и „лежень“ и, когда дѣвушки окончатъ свои пѣсни, бабы поютъ:

„Хороши коровайниці, Горщикъ масла,
Хорошо коровай лѣпять, Дижка сыра,
Сыромъ накладають, Та все на коровай“!

Когда коровай, калачъ и лежень посадятъ въ печь, тогда коровайницы носятъ дижу и поютъ:

„Стоить пичь на сохахъ, Пече дижа, пече“!

При послѣднемъ словѣ дижу подбрасываютъ вверхъ и цѣлуются. Каравайницъ угощаютъ водкой, ужинаютъ и расходятся. Такія же дружбины бываютъ и у жениха.

Свадьба. Отъ вѣнца молодые, старшій бояринъ, дружка и поручители идутъ къ невѣстѣ обѣдать. Послѣ обѣда расходятся по домамъ, а невѣста съ старшей дружкой идетъ собирать друзей и, собравшись, поютъ:

„Схлылася верба сверху до корня,
Винчалася Явдошка зъ ранку до по-
лудня!

Пинь винчавъ, небогато взявъ,
Пивзолото, коня вороного,
Ще й мало!—

Погулявши, дѣвушки идутъ къ какой-нибудь родственницѣ подалеже отъ своей хаты, чтобы не знали, гдѣ именно онѣ находятся. А женихъ вмѣстѣ съ боярами ѣдетъ кататься верхомъ или на тройкахъ. Верховые ѣдутъ одинъ за другимъ, одѣтые въ черныя чинарки, подпоясаны, красными кушаками; у бояръ на шапкахъ съ лѣвой стороны приколонны розетки изъ красной ленты. Если на тройкахъ, — то сбруя на лошадяхъ убирается красными лентами, дуга обвивается краснымъ поясомъ. На одной тройкѣ садятся женихъ и бояре, а на другой „свитилка“ и „свашка“, кто-нибудь держитъ „гильце“—сосну, убранную цвѣтными лентами, калиной, бумажными цвѣтами. Во время катанья свашки и свитилки поютъ:

„Издзли бояре улицами кисными,
Вырвали квиточку голубую,
Пилманулы Явдошку молодую“.—

Подѣзжая къ церкви, „поѣздъ“ останавливается, женихъ и старшій бояринъ на паперти у западныхъ дверей кладутъ по три земныхъ поклона и по копѣйкѣ денегъ. Поѣздъ катается до захода солнца, а потомъ ѣдетъ ко двору невѣсты, гдѣ его не пускаютъ до тѣхъ поръ, пока бояре не угостятъ водкой, когда поѣздъ вѣдетъ во дворъ, „подружій“,—братъ невѣсты или родственникъ съ ея стороны, идетъ искать невѣсту; узнавъ это, дружки съ невѣстой начинаютъ прятаться, перебѣгая изъ хаты въ хату. Прійдя домой съ невѣстой и дружками, подружій становится на порогѣ хаты и говорятъ:—„Господы Іисусе, сыне Божій, помилуй насъ“; а старосты, сваты и гости, собравшіеся къ этому времени сидятъ въ хатѣ и кто нибудь изъ нихъ отвѣчаетъ:—„аминь“. Подружій продолжаетъ: „староста паны-

пидстароста“, тѣ говорятъ:—„до кого“?—„до вашего здоровья“!—
„А мы ради слухать“! Поддружиі говоритъ: „благословить Богу
и отцу, неньки поклонниця.“ Тѣ отвѣчаютъ:—„Богъ благосло-
вить и мы благословляемъ“.—И въ другой разъ, и въ третій
разъ, старосты отвѣчаютъ: „Богъ благословить и мы благослов-
ляемъ“. Невѣста входитъ въ хату, кланяется къ образамъ три
раза, потомъ отцу, матери и близкимъ роднымъ. Дѣвушки поютъ:

„Кланяйся Явдошка
Напередъ Господу Богу,
Отцу, неньки въ ногу,
Въ нижечки низенько,

Серденько близенько,
Нижечки ще ниже,—
Дружечки ще ближче“.

Когда невѣста поклонится всѣмъ роднымъ, тогда подружіі
возвышаетъ голосъ и говоритъ: „Староста паныпидстароста“!—
„До кого?“—„До вашего здоровья,—благословить молодую княги-
ню за столъ завесты.“ Старосты отвѣчаютъ: „Богъ благосло-
вить и мы благословляемъ.“ Тогда подружіі подаетъ невѣстѣ
конецъ носоваго платка и три хлѣба, а другой конецъ платка
держитъ въ своей рукѣ и ведетъ молодую за столъ, а за нею
дѣвушки, которыя поютъ:

„Та йде Явдошка на посадь“, в т. д.

Невѣста садится подъ образами, хлѣбы кладетъ на столъ, а
дѣвушки садятся съ лѣвой стороны и поютъ:

„На посади систя

| На суженому мисци“.

Заведя невѣсту за столъ, подружіі выходитъ изъ за стола. На
столѣ, накрытомъ скатерью, лежитъ коровай (большой калачъ),
въ которомъ воткнуто гильце, и калачъ (меньше коровай), на
немъ лежитъ двѣ деревянныхъ ложки, связанные лентой. Ка-
лачъ украшаютъ калиной. Когда жениха угостятъ водкой передъ
порогомъ хаты, то дружка, братъ его, или хорошій знакомый
становится на порогъ хаты и говоритъ: „Господи Іисусе и т. д.
благословить молодого князя за столъ завесты“. Старосты от-
вѣчаютъ: „Богъ благословить и мы благословляемъ“. Въ это
время невѣста наклоняетъ голову до самого стола, къ головѣ
ея ставятъ калачъ и покрываютъ платкомъ, а дѣвушки поютъ:

„Глянь ты, Явдошко, кризь калачъ
Карими очима, тай не плачь,—
Ось тий иде, размай русу косу

По червоному полюсу,
По тий часті трахти,
По зеленой запасци“.—

При концѣ пѣсни платокъ снимають, а дѣвушки поютъ:

„Ой у саду соловейко защебывавъ | Петрушка Явдошку поцилувавъ“.

Въ это время женихъ и невѣста цѣлуются. Дѣвушки поютъ:

„Литили галочки у три рядочки,

А зозули попереду,

Вся галочки силы у лужечкахъ,

А зозули на казнии.

Шли дружечки рядочкомъ,

А Явдошка попереду,

Галочки закричали:

А дружечки заспивали,

А Явдошка заплакала;

Дружечки силы по лавочкамъ,

А Явдошка на посади.

На посади сесты

На суженому мисци“.

Я словѣчками влещаю,
 Винъ же бѣжецьця, клянѣцьця,
 Кивнѣ, моргнѣ, засмиѣцьця,
 На другий бикъ обвертае,
 Однѹ дивчѣнку пытае.
 У ёго губы пышиесеньки,
 А бривочки чорнесеньки,
 И словѣчка вирнесеньки“.

13.

„Ишла горѣю, ишла нѣзомъ,
 А въ Сохвѣйки домъ зъ кар-
 нѣзомъ,
 И огѣнь горѣть пидъ нѣзомъ.
 Огѣнь горѣть, свича тѣе,
 А собѣчка у ворѣтъ дѣе;
 Ой, того жъ вона ругѣе,
 Що Сохвѣичка хворѣе.
 —Сохвѣичка, дѹшечка!

Нѣтъ ли въ тебѣ трѣшничка?
 —Ни трѣшничка, ни гроша,
 Тѣлько слава хороша.
 Сонѣорочка, алый цвѣтъ,
 Ни копѣйки денегъ нѣтъ“.

14.

„Я въ лѣси бувавъ,
 Берѣзу рубавъ,
 Берѣзу рубавъ,
 Въ метѣлки вязавъ,
 На возѣчокъ клавъ,
 Сижѣнку впрягавъ,
 Въ Москвѹ отправлѣвъ.
 Тай дѣвку видавъ,—
 Сыдыть надъ викнѣмъ
 Игрѣе цвитѣмъ.
 — Дивчѣнка моя! чи любышь
 менѣ?
 — Люблю я тебѣ, пойду за тебѣ“.

15.

„Якъ пидѹ я на базарѣ,
 Трубку купуваты,—
 За трубочку копѣечку,
 За чувѣчокъ грѣшыкъ“.

Якъ пидѹ жъ я до Мыкѣтки
 Трубочку курѣты,
 Винъ, сѹкынъ сынъ,
 Изнявъ свѣту,
 Тай хотѣвъ ще бѣты.
 Якъ побѣгъ я утикаты
 Та черѣзъ горѣды,
 Уплѣтався въ гарбѹзъ-дѣню,
 Та й нарѣбѣвъ шкѣды.
 Якъ побѣгъ я утикаты
 Черѣзъ перелѣзы,
 Якъ удѣрѣвъ дѣдько цѣпомъ
 Та чѣтыри рѣзы.
 Якъ побѣгъ я утикаты
 Пидъ дѣдьковы ясла,
 Якъ удѣрѣвъ дѣдько цѣпомъ,
 А я й засмиѣвся“.

16.

„Вѣтеръ вѣе, вѣтеръ вѣе,
 Викѣныци шатаѣюцьця,
 Кого люблю, поцилѹю,
 Ажъ губѣчки злыпѣюцьця.
 Ахъ, ты жъ, Ванька Коротчѣн-
 ский,
 Што жъ ты бѣешия, колѣ-
 тишия?“

У ворѣтъ побывѣешия,
 Сирѣтѣю назывѣешия?
 Я й на хвѣбрикахъ бувавъ,
 Рѣзныи сѣтець набывавъ,
 Получавъ денегъ по-мнѣго,
 Сотъ по вѣсемъ рублѣвъ въ годъ.
 Рубъ на цѣрковъ,
 Два въ кабакъ,
 А три рублѣ на табакъ.
 Ой да тѣра, тѣра—ѣра,
 Полюбѣла старѣвѣра,
 А ще къ томѹ тарѣ—ра,
 Полюбѣла москалѣ.
 Москалѣ лѣптями торгѹе,
 Ще й парѣатки продае,
 Калачѣмы дѣвокъ мане,
 Ще й на бѣблѣки дѣе.

Ой, дивчино, дивчино, чия ты?
 Чи вийдешь на улыцю гуляты?
 Ой, хлопчику, хлопчику, а ты
 чий?

Чи вийдешь на улыцю на по-
 чинь?*

17.

„Годуду, годуду,
 Вродылася на биду,
 Горшкѣмъ воду носыла,
 Солѣмою топыла,
 Черезъ грѣблю Мыкытыну
 Ведуть Гапку пидтыкану,
 Крычить Гапа, репетуе,
 Нихто ии не ратуе;
 Треба Гапи уставаты,
 Били ниженьки каляты“.

18.

„Какъ я нѣньче, та надылала
 биды,

Пишла по воду, та побыла
 казаны.

Казаныки мой мидненькии,
 Карамислицы зелененькии.

Посіяла лебеду, лебеду,
 Посіяла лебеду на биду.

Лебедушка росте, стелецьця,
 Одынъ любе, двое сердяцьця.

Одынъ каже: я косочку отрижу,
 Другий каже: я мамани скажу,

Третий каже: за себя замужь
 возьму“.

19.

„Какъ бы мині да хорѣшая жена,
 Такъ я бѣ ии не бывъ, не жу-
 рывъ,

А я бѣ ии во колясочкахъ во-
 зывъ,

А зимою да во писанныхъ са-
 няхъ,

А весною въ каюкѣ на рѣкѣ.
 Вдоль по рѣчушки

Сизъ голубъ плыветь,
 Выше бережка головушку не-
 сетъ.

По бережку сиротыночка идетъ,
 Сиротыночка бабочка.

На бабочкѣ кумачная рубашка,
 А платочокъ на ней бѣленькій.

Онъ бѣленькій, да съ обдѣлочкой.
 Полюбывся парень съ дѣвочкой.

—Кабѣ знала, не любила бѣ я
 тебе,

Моѣ сердце не болело по тоби,
 А теперъ болыть, побалываетъ,

Менѣ маменька побранываетъ.
 Не велыть мині на улыцю хо-

дыть,

Не велыть мені хорѣшого ло-
 быть.

Не ходыла на улыцю, не пийду,
 Не любила хорѣшого, не люблю“.

20.

„Ишовъ козакъ дорѣгою,
 Дорѣгою ширѣкою,
 Могилою высѣкою.

Зийшовъ козакъ на могилоньку,
 Глянувъ козакъ у долиноньку;

А въ долиноньци
 Огни горятъ, турки сыдятъ,

Посередъ турчыны,
 Молодѣ дивчино,

Вона сыдыть, косу чеше,
 Чеше косу грибинкою,

Примочуе горилкою.
 Кому жъ ты, косѣ, досталася?

Ой, досталася горькій пьянѣци;
 Горька пьянѣця наругаецьця“.

21.

„Ишовъ Грицькѣ въ вечернѣци
 Темненькой нѣчи;

Сыдыть гуся на дорѣзи,
 Былупыла бѣчи.

А я кажу: гыля, гыля!

А вона присіла,
Якъ бы въ мене не палычка,
Вона бь мене зъйла“.

22.

„Ой, мамаша, мамаша!
Купы мині жыныха,
Хочь дорого денегъ дай,
Красывого выбрай.
Онъ красывый, онъ хоробый:
Роззуюцьця, прийде бобый.
Щобъ шпору не гарчала,
Щобъ підковки не бринчали,
Щобъ и маты не знала,
Сь кимъ я сю ничь ночувала.
Ночувала одну ничь,
Тай не знала, якъ ричь.
Ходе, ходе по леду, не про-
вальноцьця.“

Чи ты мене вірно любышь,
Чи ты чванышся?

—Вірно люблю, вірно люблю,
Побый мене Боже.
Якъ у саду соловейко,
Тай нащетався;
Соловей щебече,
Зузуля кувала.
Бодай же ты не дождавъ,
Щобъ я роззувала.
Наймы хлопчика,
Хоть манисенького,
Щобъ винь тебе роззувавъ
Молодисенького.
Якъ будешь мий,
А я буду твоя,
Годі буду роззувати,
Якъ невбленька моя“.

23.

„Алі, алі сирі гусы,
Алі до броду,
Доведёцьця мандрувати
Мині самий оть роду.
Алі, алі, сирі гусы,
Алі до воды,
Доведёцьця мандрувати
Мині зь слободы“.

Алі до воды,
Доведёцьця мандрувати
Мині зь слободы“.

24.

„Ходе Іванъ по базарю,
Шукае товару;
Не найшовъ Іванъ товару,
Найшовъ гостру косу.
На що жь, Іванъ,
Гострышь косу,
Бо нема покосу?
Чужу траву Іванъ косе,
А своя сохне, вяне,
Чужихъ Іванъ бабивъ любе,
На свою не гліне.
Текла річка невеличка
Въ саду—вынограду;
Клыкавъ парень дивчиноньку
Къ собі на пораду.
Порядь, порядь, дивчинонька,
Якъ рідная маты“!

25.

„Намъ Прокіпиви не въ моду,
Солонивци ни-по-чомъ,
Мы полюбимъ, мы полюбимъ
Бакаивцивъ молодцовъ.
Бакаивци молодці,
Вони ходять, якъ купци;
Вони ходять шаромъ-баромъ,
Десь ночують підъ заборомъ;
Вони ходять по ночамъ,
Не вважають богачамъ.“

—Продай, батенька, корову,
Выдай денегъ на дорогу,
Продай, батенька, вивцю,
Выдай денегъ молодцю.
Продай батенька, кобылу,
Выдай денегъ на машину,
Продай, батенька, лошю,
Нехай вона не мишю“.

26.

„Выходывъ пастухъ на лужокъ,
Та й загравъ же во рожокъ“.

Выгоняйте, вы, скотыну,
 На широкую долину,
 Гонять бабы, гонять дивки,
 Гонять стары старыкы.
 Мижь этими, мижь дивками
 Одна дівка весела,
 Веселый усихъ була.
 Въ карагодъ пишла плясать,
 Вона пляше, рукой маше“.

27.

„Де Ростовська, де Московська,
 Петербурьская столбовъ?
 А якъ будешъ, мыйый, йихать,
 Зайижжай ко мнѣ на гробъ.
 На гроби чѣрный хрестъ,
 А на хресту подпись есть,
 Кто не знае, прочита,
 Чи мамаша померла.
 Померла наша Манура
 Померла наша любовь.
 Уси люди исказали,
 Що погибшая душа
 Изъ любви померла“.

28.

„Ой, у лузи, лузи,
 Лузи зеленомъ,
 Тамъ хѳде, гуляе
 Завдалый молочикъ.
 Охъ, и лели, лели
 Завдалый молѳдчикъ.
 Винъ хѳде, гуляе,
 Дѳвку выкыкае.
 Выйды, выйды, дѳвко,
 Ко мнѣ за ворѳта.
 Съ тобой, съ тобой дѳвка,
 Съ тобой поговоримъ.
 Дѳвка выходила
 Рѳчи говорила“.

29.

„Ой, на гѳри калына,
 Пидъ горѳю малына.
 Ой, жаль мое, жаль мое, малына“.

Тамъ дивѳнка ходила,
 Калынушку ламала.
 Ой, жаль мое, жаль мое, ламала.
 У пучѳчки вязала,
 На кровѳтку складала“.

30.

„Якъ посию овесь, тай до зер-
 на увесь—

До зерна, до зерна, до зерна
 увесь.

Якъ скося я овесь,
 Та й до зерна увесь. (Пригѳвъ).
 Якъ звьяжy я овесь,
 Та й до зерна увесь. (Пригѳвъ).
 Якъ привезy я овесь,
 Та й до зерна увесь. (Пригѳвъ).
 Якъ смолотю я овесь,
 Та й до зерна увесь. (Пригѳвъ)“.

—

„Ой, грай, колы граешъ,
 Колы чѳрни брѳвы маешъ,
 Колы такы, якъ у мене,
 То и сядь бѳля мене.“

31.

„А я вѳбра три дни
 Дѳма не була,
 Прыйшовъ мыйый,
 А я гѳбы надула:
 Тонкий та высѳкынький,
 Гинкий, худоѳкинький,
 Та безъ вѳрхней гѳбоньки.
 Цилувала его въ зѳбоньки“.

32.

„Сыдыть голубъ, та голубѳчка,
 Цилуюцья, та мылюцья,
 Самы собѳ дывуюцья.
 А въ голуба та сыза голова,
 А въ голубки та пострѳченая.
 А Хвылонько чѳрезъ тынь за—

глядѳ,
 Якъ бы минѳ та Хвѳклочка була;
 Ябъ ии цилувѳвъ, мылувѳвъ,

А до пѣчи куховарку нанявъ,
А до столу прибыральнычку,
А до хаты вымитальнычку,
До колыски колыхальнычку.
Я бѣ самъ по водѣцю ходѣвъ
И бѣрыню за рѣчку водѣвъ,
За рѣчечку за билесеньку,
За Хвѣкльчку молодесеньку“.

33.

„За горбю, за крутбю,
Тамъ стоялъ вокзальный домъ,
Обшалеванный кругомъ.
Обшалеванъ, обмалеванъ
И окбшечка хрустальни,
И завѣсочки висѣть,
По три бѣрышни сидѣть.
Одна Саша, друга Маша,
Третья дѣшенька Наташа.
А въ нашей Наташечки
Золотѣи глѣзочки,
Чѣрни бѣровы по природѣ,
Золотѣи глѣзѣ въ модѣ“.

Бигъ я чѣрезъ рѣчку,
Та й не умывався,
Ой, дывѣся, дивчѣнонько,
Якій я удався“.

34.

„Прогуляла бабѣночка
Не то день, не то два,
Не то дня пивтора.
Тѣмна нѣченька настѣла
Женѣночки нѣжно стѣло.
Сѣредь бѣлого дня
Пишѣвъ жѣночку иськѣть;
Пишѣвъ, жѣночку иськѣть,
Шинкарѣчку пытѣть.
— Шинкарѣчко, жидѣвѣчко,
Ой, дежъ мой жинѣночка?
— Твоѣ женѣ въ кабацѣ
У зелѣномъ калпацѣ,
Держѣть чѣру во рѣцѣ.
Изъ чѣшечки тѣне,
Въ окбшечко глѣне.

Чи не йдѣть ли нѣхтѣ,
Не несѣть ли чѣгѣ?
Идѣть, идѣть, мужѣицѣ,
Тѣне хлуделѣцѣ;
Однѣ суковѣте,
Дрѣге дрямувѣте,
То жѣ на мѣе тѣло бѣле,
Та й ще малѣвѣто.

Зачѣвъ жѣночку прохѣть,
По бѣкамъ иѣ валѣть.
Чѣмъ я тобѣ не жѣнѣ,
Объ чѣмъ не хѣзѣйка?
Три дни дѣма не будѣ,
Три дни хѣты не мелѣ.
Завелѣ я сѣру
Пидъ сѣмыи лѣвки,
Пидъ ясни окбшкы.
Москѣль вѣду пѣвъ,
Хѣту лѣнтѣми збѣвъ“.

35.

„Петрѣвѣчка—малѣ нѣчка,
Не вѣспаласѣ нѣша дѣвѣчка,
Не нагулѣласѣ,
Съ козѣченъкомъ не настѣласѣ
Къ чѣреди гнѣла, тѣй задрѣмѣла
На пѣнъкѣ нѣжки позбѣвѣла“.

36.

„Ой, ты, сѣвая зузѣля,
Не куй рѣно у дѣбрѣви,
Не збѣудѣ менѣ молодѣи;
А я молодѣнька, послушнѣнька.
Я встану ранѣше тѣбе,
Рѣнню рѣсу побывѣть,
Капѣсточку полывѣть.
Петрѣвѣчка мѣнѣецѣця,
Сѣвая зузѣля хѣвѣецѣця“.

37.

„Вѣрбѣ, вѣрбѣця,
Пѣрѣ тобѣ розвѣцѣця.
Пѣрѣ тобѣ, Павлѣко, ожѣнѣцѣця.
Ой минѣ жѣнѣцѣця ще не пѣрѣ,
Ще жѣ мой Лукѣрька молодѣ,
Нехѣй вѣнѣ хотѣ лѣтечко погулѣ“.

38.

„За річкою Лопотою
Живуть люды слободою,
А ти жъ люды—супостаты,
Беруть Ваню у салдаты,
Нікому Ваню оплакаты.
Де не взялася дівка Мάρья,
Оплакала Ваню-парня,
Тільки Ваня за лисокъ,
Дівка Мάρья въ голосокъ“.

39.

„Жила молодà вдова,
Двухъ кунчикивъ любила,
У полони водила,
Двухъ синивъ родила,
Иванушку и Васыля.
У пеленочки звила,
У лавочку стувила,
Китаёчки купила.
И на море носыла,
Кораблыка просыла:
— Ой, ты кораблыкъ-корабелъ,
Заберы мойхъ дитей!
Ой, ты рыба, ты тарань,
Ты дитокъ мойхъ не лай!
Ой, ты рыба, ты сула,
Кормы дитокъ мойхъ сама.
Ой, ты чистая вода,
Промывай дитямъ глаза.
На тридцять седьмому году
Пшла вдова по воду;
Стала воду наберать,
Ставъ кораблыкъ приплывать.
А на томъ кораблѣ
По два молодця сыдять,
Вдови речи говорятъ:
— Ой, ты вдова, ты вдова!
Чи пойдешъ замужъ за меня?
Сойть козакъ на лану,
Тай дывыця на вдову
Ой, ты вдова, ты вдова!
Дурна въ тебе голова
Оце твоихъ два сына!“

40.

„У городи бузына чомъ не стелецця?
Шолудыва парубота чомъ не женыця?
Ой, да тира, тира, тира!
Соловей щобытавъ,
Зузуля кувала,
Бодай же ты не дождала,
Щобъ я тебе роззувала.
Ой, да тира, тира, тира!
На городи бузына,
Пидь горою редька,—
Трехъ копийный кавалеръ,
Сторублева дівка.
Ой, тира, тира, ой, да тирара!
На тарильци канхеты,
Наши хлопци патреты,
Ой, тира, тира, ира!
Висыть рушникъ на килочку,
Въ его бровы на шнурочку.
Ой, тира, тира, тира!
У городи бузына,
Та й не зъ шовкамы,
Шолудыва парубота,
Гербуе дивкамы.
Ой, да тира, тира, тира!
Терла лёнь, терла лёнь,
Та й на терныци,
Та й не давъ мині Богъ
Жить на мельници.
Ой, да тира, тира, тира!
На тарильци мнатына,
Наши хлопци якъ картына.
Ой, тира, тира, тира!
Сирый кинь, сирый кинь,
Сирая кобыла,
Та й не давъ мині Богъ,
Когд я любила.
Ой, тира, тира, тира!
У городи бузына,
Чорне насинья,
Шолудыва парубота
Ходе на весилья.“

Ой, тіра, тіра, тіра!
 Мукою набилюся
 Съ тебе, мѣлый, насмѣюся.
 О, тіра, тіра, тіра!
 У горѣди бузина червоныстая,
 Шолудыва парубѣта наровы-

Ой, тіра, тіра, тіра!
 Бровы сажою намажу,
 Тобѣ, мѣлый другъ, не ввѣжу!
 Ой, вѣнько, моя ты родытылька!
 —А я дѣнька твоя, разорытелька.
 Ой, тіра, тіра, тіра!
 На тарѣльци по хати
 Наши хлопцы зубати.
 Ой, тіра, тіра, тирараръ!

41.

„Сонъ мой мѣлый
 Сонъ щастливый,
 Воротися сонъ назадъ,
 Здѣлай, здѣлай
 Дѣвушку щастливой,
 Хоть у жизни одинокъ разъ,
 Перелѣтны кукѣшечки
 Часто по-нолю лѣтять,
 Дви несчѣстныя подружки
 Подъ окѣшечкомъ сидятъ,
 Со слезами Бѣга просятъ,
 Про мѣленькихъ говорятъ:
 — Десь мой мѣлый другъ далѣко,
 За тысячу двѣсти верстъ,
 Ны письма минѣ не пише,
 Ны поклона минѣ не шлетъ“.

42.

„Туманъ яромъ—долыною на-
 лягае,
 Та по мѣжъ тѣмы туманами
 Сызъ голубчикъ лѣтае.
 Винъ лѣтае, воркутае,
 Та все крылочками блуде;
 Такъ тяжко, такъ вѣжко,
 Кого вѣрно любе,
 Та ще тяжче, та ще вѣжче,

Кого хто покидае.
 Пидъ мѣстомъ щука рыба грае,
 Та то й не рыба щука,
 Тожъ намъ зъ мѣлымъ разлука,
 Розлучае насъ съ тобою
 Чужа дальня сторона“.

43.

„Де мѣй мѣлый орѣ плугомъ,
 Понесу ему йисты,
 Чи не скаже, ди минѣ сѣсты,
 Найвися, напѣвися, на бѣрозну
 похылвися,

—Чого лежишь, чого не орѣшь?
 Чомъ до мене не говоришь?

—А я лежу, думаю.
 Не до мысли жонѣ маю.
 Чужа жѣнка волѣвъ гоняе,
 А своѣй дома не мае.
 —Який тобѣ дѣдько вѣненъ,
 Що вродѣвся чѣрнобривый;
 А я въ русѣ родылася,
 Чорнявому судылася.
 А я въ русѣ приберѣся
 На чорнявыхъ не дѣвлюся,
 А своѣю сажу мажу.
 Чорняву переважу“.

44.

„Туманъ яромъ по долини,
 Шырокий лѣсть на калѣни,
 А ще ширше на дубѣчку,
 Зманѣвъ голубъ та голубѣчку!
 Не такъ своѣю, якъ чужѣю,
 Прѣйды, сѣрце, поцѣлюю,
 На що чужѣ цѣлувати,
 Своѣй жалю завдавати?
 Текла рѣчка рикова,
 Вѣшла дѣвка молодая.
 Не плачь, дѣвка, не журѣся,
 Я й самъ молодець не жинѣвися;
 А якъ буду жинѣтися,
 Прѣйды, сѣрце, дѣвѣтися;
 А якъ буду винѣтися,
 Прѣйды, сѣрце, прощѣтися;

А якъ буду на посади,
 Прийди, сердце, на досади;
 А якъ буду свальбу граты,
 Прийди, сердце, танцоваты“.

45.

„Туманъ по горяхъ,
 Та й ще по долинахъ,
 Сызъ голубчикъ литае.
 Винъ литае, та все воркутае,
 Сызон голубоньки шуктае.

Та й сустрівся сизый голу-
 бонько

Съ буйными витрами:
 — Ой, вы, витры, витры буйни!

Вы скризь побуваы,
 Можеть вы выдалы,
 Або де слыхалы
 Про мою голубку?

— Можеть мы выдалы,
 Можеть мы слыхалы,
 Но не знаемъ якая.

— Моя голубонька,
 Сызза білокрыла,
 Лычкомъ, якъ калына;
 Въ неи руса коса до пояса,
 Въ русий коси лѣнта.

— Мы жъ не выдалы,
 Мы жъ не слыхалы
 Про таку голубку“.

46.

„Не сѣтечкомъ сие
 Видромъ польвае,
 Братъ сестру кохае.
 Сестра, моя рідна!
 Росты ты большая,
 Отдамò тебе замижъ,
 На чужу сторонку,
 У великую семью,
 Та де бьюцьця, деруцьця,
 Топорамы сикучьця“.

47.

„Ой зима моя,
 Зима лютая!

Та не зморозь мене
 Съ походу идучи,
 Коня ведучи, сбрую несучи.
 Ты сброя моя, предорогая,
 Ты дівчина моя, ты молодая“!

48.

„Жыто поспило,
 Та нікому жаты,
 Пытаецця сынъ матери,
 Которую браты?

Ой, чи тую богатую,
 Що маты велила?

Ой, чи тую сыротыну,
 Що сердцемъ болила?

Богатая богатыня
 Все буде спысыцьця,

А вбогая сыротына
 Усімъ покорыцьця.

За яромъ брала дівка лень
 Вона брала, добырала,
 Ще й до дому поспинала.

Та й подуй вѣтеръ
 Зъ глыбокого яру;
 Прыбудь, прылынь,
 Мий мыленький,
 Зъ далѣкого краю“.

49.

„Мальчишечка, бидняжичка,
 Склонивъ свою головушку,
 На правую сторонушку.
 На правую, на лѣвую,
 На грудь мою на бѣлую.

Якъ я лежавъ, увесь дрожавъ,
 На утро вставъ, прощай, ска-
 завъ.

Прощай, прости, красавица,
 Бо твой краса не правицьця
 До инчои жоласцьця.

До инчои, до кращои
 Та й до кращои, до багатчои.
 Якъ я любывъ,

Щастливый бывъ;
 Любыть не ставъ,

Рознещастный ставъ,
 Въ тюрмѣ понавъ.
 Я въ тюрмѣ сыжѣ.
 Въ окно гляжѣ:
 Чи не йдетъ моя любовъ прѣж-
 ная,
 Не несеть она цвѣту алаго?
 — Какъ пойдѣ въ садокъ,
 Да сорвѣ цвѣтокъ,
 Да совью винокъ
 Своемѣ дружкѣ
 На голѣвушкѣ.
 Носи, дружокъ, не скидывай
 Любы миня, не покидывай“.

50.

„Ходывъ чумакъ симъ годъ по
 Дѣну
 Та не случалось емѣ причины
 на вику,
 Та случилась причина
 На прыбитому шляхѣ.
 Похворалысь та сирьи волю,
 А самъ чумакъ благый
 Пидъ вѣзомъ лежить.
 Та нихтѣ въ ёго не спытае,
 Що въ ёго болыть.
 Та болять рѣчки,
 Та болять нѣжки,
 Та болыть въ ёго голова,
 Що рѣду нема.
 Нема рѣду, ни родыны,
 Ни вирной дружыны.
 Товарышу, ридный брате!
 Бери зъ мене сриблѣ, златѣ,
 Тай поховай мене
 У вышнѣвому саду“.

51.

„Якъ прыйхавъ,
 Та мий мыйль съ пѣля,
 Та й привязавъ коня до порога,
 А самъ пийшовъ,
 Чи мила здорова,
 Ой, коню, мий коню,

Кѣню воронѣнкий!
 Чогось мой мила заболѣла.
 Чи я ий по лыченьку вдарывъ?
 Чи я ий здоровьячко змалывъ?
 Ой, умрѣ жъ я, мий мыйль,
 умрѣ,
 Зробѣ минѣ ялынову трунѣ.
 Надѣнь минѣ крамнѣю сорочку,
 Сховай мене у вышнѣвому са-
 дочку.

Будешъ мыйль
 По саду ходыты,
 Малыхъ дѣтокъ
 За рѣчку водыты.
 И тодѣ будешъ
 Мылюю просыты:
 Устань, мила, устань, дорогая!
 Рослакалась дѣтына малая.
 Булѣ-бѣ, мыйль,
 Тодѣ не вѣываты,
 А зо мною вику доживаты“.

52.

„Ой, давнѣ, давнѣ
 Я въ нѣньки булѣ;
 Та вжежъ мой стѣжечка
 Терномъ заросла.
 Та терномъ, терномъ,
 Ще й шипчиною,
 Якъ була я въ нѣньки
 Ще й дивчиною.
 Та де я почувала,
 Крейныця стояла,
 А въ тий крейныченьки
 Холодна вода,
 Ажъ до самаго дна“.

53.

„Чи я брелѣ, чи я плылѣ,
 Чи мене пидлыто,
 Чи самъ козакъ не ставъ хо-
 дыть,
 Чи егѣ одбыто?
 Ой, одбыла щѣка—рыба
 Отъ бѣрега ряску,

Одобрала дивчинонька
 Отъ козакá ласку.
 А я тую дрибну ряску,
 Зберу на запаску,
 Такè жь тóму козаченьку
 Пидойду пидь ласку.
 Та вжежъ ти дивчиноньки
 Не на лыхо пишло,
 Що учóра изъ вéчера
 Три козакá прийшло.
 Одíнь стоить пидь викóнцемъ,
 Дóбрый вéчерь каже,
 Дрúгый сыдыть кинци стóлу,
 Медь выно кружае,
 Трéтий сыдыть съ дивчиною,
 Правдоньки пытае.
 — Ой, дивчино, пóвна рóжа,
 Чи свáтаты гóжа?
 — Козаченьку—барвиноньку,
 Свáтай мене вь недíленьку.
 — Ой, дивчино, пóвна рóжа,
 Вь недíлю не гóже.
 — Бодай же ты, козаченько,
 Тодí оженívся,
 Якъ у млыни, на камени
 Кукиль уродívся.
 — Бодай же ты, дивчинонько,
 Тодí замижъ пишла,
 Якъ у пóли край дорóги
 Рута—мьята зийшла.
 Доци пишлы, мьята зийшла,
 Дívка замижъ пишла;
 А у млыни на камени
 Кукиль не вродívся,
 И той дóси козаченько,
 Та й не оженívся.

54.

„Ой, гóре, гóре,
 Що чужая украина,
 А ще гирше,
 Що не вирна дружина!
 Ой, вона мене изсушила, скру-
 шила;

Ой, вона жь мене
 Зь бiлыхъ нiжокъ звалыла.
 Ой, якъ пиду я,
 Тай до брóду по вóду:
 Чи не ввыжу,
 Свогò мýлого на врóду?
 Ой, ажъ мий мýлий,
 Та по садóчку хóде,
 Винь чужу мýлу
 Та за рúченьку вóде.
 Ой, чужа мýла,
 Та вь голубómъ жупáни,
 Вона жь ему
 Пидийшла пидь пáру.
 Чужа мýла
 Вь червóнимъ намысти:
 Ой, вона жь ему
 Пидийшла пидь мýсли.

55.

„Ой бóду жь я, бóду
 Недíленьки ждáты,
 Та чи не прýйде моя нéнька,
 Менè одвидáты?
 Недíля мынае,
 А нéньки немае,
 Тоскà, печàль на сёрденьку
 Та нихтò не знае.
 Прýйхала нéнька,
 Стоить у порóзи,
 А дочкà стоить кинци стóлу
 Прольвае слéзы.
 Бóде й тоби нéнько,
 Дрибни слéзы лыты,
 Та порáдь мене,
 Моя нéнько,
 Якъ на свiти жýты?
 Ой, чи жýты, жýты,
 Ой, чи горювáты,
 Та чи, обнявши голóвоньку,
 Тай помандрувáты?
 А хочъ же я помандрую,
 Та й назáдь верну́ся,
 Все на себе молодую

Славы наберуся.
 Не такъ славы, а якъ поговору
 Все жъ на тую дивчиноньку,
 Що чорнии бровы“.

56.

„Ой, на горі дощ льюцьця,
 А жъ бульбашки дмуцьця!
 То за мною, сиротою,
 Все родычи бьюцьця.
 Бийся, бийся, мий родонько,
 Бийся, побывайся.
 Якъ пийду я на Украину,
 Та й не сподивайся.
 Де я не ходыла, де я не бродыла,

Не нашла я тиі неньки,
 Що менє вродыла,
 Не нашла я того щастья,
 Що змалу згубыла.
 Тилько нашла чисте поле,
 Та синеє море.
 Жалуй, жалуй, мий родонько,
 Теперъ мині горе!
 Ой, якъ тебє жалуваты?
 Якъ тебє кохаты?
 Що ты въ щастьи родылася,
 А въ роскоши зросла,
 Ледачему досталася
 Гора набралася“.

57.

„Изъ-за горы, изъ-за кручи
 Вылетѣлы гусы
 То жъ не гусы, то сиры,
 Слуги дорогіи.
 Запрягайте тройку коней,
 Коніи вороніи.
 Та й поїдемъ доганяты
 Літа молододіи.
 Якъ нагналы літа мой,
 На дибровимъ мости.
 Ой, верницьця, літа мой,
 Хоть на часъ у гості.
 Не вернемось, не вернемось,

Булó бъ шануваты.
 Якъ вѣрву я квітку зъ рóжи,
 Тай пустию на воду
 Плывы, плывы, квітка зъ рóжи
 Та до мого рóду.
 Плыла, плыла зъ рóжи квітка,
 Та й стала кружицьця;
 Вышла мати воды браты,
 Та й стала журыцьця.
 Отчóго жъ ты, зъ рóжи квітка,
 На воді завьяла?
 Отчóго жъ ты, донько мой,
 Така стара стала?
 Ой, тымъ же я стара стала,
 Що добра не выдала.
 Я жъ думала: въ батька горе,
 Въ свєкра погуляю,
 А у свєкра, гирше пєкла,
 Добра не згадаю“.

58.

„Ишовъ козакъ съ Дону,
 Изъ Дону до дому,
 Та й сивъ надъ водою,
 Проклынає долю,
 Доле мой, доле!
 Доле нещастлива,
 Чомъ ты не такая,
 Якъ доля чужая?
 Що люды не рóблять,
 Та й хорóше ходять,
 Якъ я заробляю,
 Та й въ себє не маю.
 Обизвалася доля
 По тимъ бóци моря.
 Козаче, бурлаче!
 Дурный рóзумъ маешъ,
 За що долю лаешъ?
 Не винна доля,
 А винна свой воля,—
 Все що заробляешъ
 Та й все прощываешъ“.

59.

„Вітеръ повивєе,

75.

„Два кулыка чаечку любылы,
Зеленую ленту кунылы;
Оце жь тоби, чаечка, плата,
Що на тоби голівка чубата,
Оце тоби, чаечко, за тее,
Що на тоби пирьячко рябее“.

76.

„Якъ шийдѹ я въ садъ-выноградъ,
Та й зорвѹ я зь рѹжи квітку
И пустиѹ на воду.
Плывы, плывы, зь рѹжи квітка,
Та до мѹго рѹду;
Де пѹвна крыиыця.
Вышла маты воды брѹты,
Та стала журыця:
Чоґо, чоґо зь рѹжи квітка
На водѹ завьяла?
Ты де жь, мой дытынонька,
Тры годы лежала?
Не лежала, мой маты,
Ны дня, ны годыны,
Та й попалася, мой ненько,
Невѹрний дружыни.
Та винь мене не бье, не лае,
Та винь мене, мой ненько,
Словамы доймае“.

77.

„Сѹколь зь ворономъ злита-
юця,
Сѹколь ворона пытаецця:
Ой, чимъ поле окрашаецця?
Цвитѹчками, васѹлечкамы,
Все цвитѹчкамы билозѹровымы,
Буграмы и долынамы
И высѹкымы могыламы.
Серѹдь поля кустъ ракытовъ,
Подъ тымъ подъ кустѹмъ,
Младъ сѹзой орѹль;
А въ кигтяхъ держить
Чѹрного ворона,
Брѹта рѹдного.
Онъ не бьетъ и не клюѹтъ,

А все распрашиваетъ:
Де жь ты бувъ—пробувавъ?
Ой я бувъ—пробувавъ
У дѹкыхъ степяхъ,
У тѹмныхъ лисахъ.
Ой, я бачивъ,—младець,
Все дыкѹвынку:
Пидъ кустѹмъ лежить
Тѹло бѹлое,
И ниhto жь къ томѹ тѹлу
Не привѹрнеця.
Прылители къ тѹлу,
Та тры ластушки:
Первая ластушка—
Рѹдная матушка,
Другая ластушка—
Сѹстра рѹдная,
Трѹтя ластушка—
Жена молодѹхонька“.

78.

„Ой, ты петухъ, петушокъ,
Ой, ты мѹленькѹй дружѹкъ!
Що ты рано встаѹшь
Мѹлой спать не даѹшь?
Ты тогда мене збуды,
Когда сѹлышко взойдетъ,
Росѹ на зѹмлю падѹтъ“.

79.

„Якъ бы минѹ крылушка,
Голубыни глаза,
Полынула бь я млада туда,
Де драгѹньскѹй славыи
Полкъ стоявъ,
Тамъ мой мѹлый убитый ле-
жавъ.
Я жь еґо кѹсточкы собрала,
Вь сырѹ зѹмлю сховала.
Заростѹ, мѹлой,
Полевой травѹй“.

80.

„Хѹде совѹ по кѹмнати,
У вокѹшечко гяне,

Чи вси жъ, чи вси жъ, див-
 чаточка,
 Чи вси нарумѣни?—
 Одна, одна та Явдошка,
 Одна нарумѣна.
 Вона нарумѣна, вона набилѣна,
 А за нею той Алѣко,
 Винъ за нею хѳде.
 Винъ за нею хѳде
 Кушнѣнь воды нѳсе,
 Брусъ мѣла пидносе.
 Ой, умѣйся, та Явдошка,
 Бѳдешъ помылѣе,
 Бѳдешъ бадѣрнѣе“.

81.

„Ой, мѣла плѣтъя мѣла,
 А я любовѣвся,
 Ой, мѣла вѳду брѣла,
 А я й засмѣвся“.

82.

„Сѣвѣй кинь, сѣвая кобыла,
 Та й не давъ минѣ Богъ
 Когѳ я любила.
 Тѣрла лѣнь, тѣрла лѣнь,
 Та й на терлыци,
 Ой, не давъ минѣ Богъ
 Жыть на мѣльницы.
 Тѣрла лѣнь, тѣрла лѣнь,
 Та й не цокотѣла,
 Та й не давъ минѣ, Богъ
 Когѳ я хотѣла“.

83.

„Ты куда лѣтышь, кукушечка,
 Кукѳ, кукѳ, кукушечка!
 Я тудѣ лѣчѳ, куда схочѳ,
 Кукѳ, кукѳ, кукушечка.
 А вѣ томъ лѣсѳ соловѣй поѳютъ
 Кукѳ, кукѳ, кукушечка“!

84.

„Птѣшки, канарѣйки
 Все жалѳбно поѳютъ,
 И намъ сѣ тобѳй, мой мѣлой,

Разлѳку предаѳютъ.
 Разлѳка, разлѳка,
 Чужѣя сторона!
 Нѣхтѳ насъ не розлѳче,
 Нѣ мѣсяць, нѣ лунѣ,
 Розлѳче насъ одна
 Сырѣ землѣ“.

85.

„Колѣ хѳдышь чѣрезъ двѣрь,
 Не кыдѣй каблѳчку,
 Не свѣтаешъ менѣ,
 Свѣтай мою сѳчку.
 А я свѣтаты не бѳду,
 Та й напѣялю халабѳду;
 А зѣ запѣски зрѳбымъ двѣри,
 Щѳ бѣ ходѣлы ковалѣры,
 А зѣ пѳяса зрѳбымъ ключѣ,
 Любѣ, сѣрце, хочѣ замѳчѣ“.

86.

„Бувѣ собѣ Лѣзарь,
 Попѣдъ тѣню лѣзывѣ.
 Та вылазывѣ свѣтку
 Сѣру сѣресеньку,
 Бѣлу билѣсеньку.
 Дѣвчѣата вкрѣлы,
 На кѳклы порвѣлы,
 Кѳклы порѳбылы
 И Лѣзара вбѣлы“.

87.

„По тѣмъ бѳци Дунѣю,
 Недалѣко отъ краѳю,
 Чабѣнъ вѣвци карнѣе,
 У дѳдѳчку игрѣе,
 На мѳлодѳивѣ моргѣе.
 Ой, вы хлѳпци, молѳдци,
 Накажѣте дѣвѳнѣци,
 Нѣхѣй вона менѣ не жде,
 Нѣхѣй вона зѣмижѣ идѣ,
 Дощѣ идѣ, дощѣ идѣ,
 Стрѣхѳтѣ лѣецѣця,
 Хѳзяина дѳма нѣтъ,
 Хѳзяѣка смѣецѣця“.

88.

„Черезъ лисъ, черезъ поле,
Черезъ синее море,
Тамъ лежала досточка,
Досточка дубовая,
Переходъ сосновенький.
Шовъ-перешовъ той Иванко,
Винъ перевивъ ту Марьечку,
Лукірю Ивановну.
Винъ перевивъ, ще й пытае,
Ще й дүшкою называе.
— Дүшка мой ты, Марьечка,
Серце мое, Ивановна!
Чи ты вмієшь гостей зваты?
Чи умієшь привитаты?
— Я й не вмію гостей зваты,
Я й не вмію привитаты,
Тільки вмію білою вмывацьця,
Та зъ Иваномъ цилувацьця,
Тільки вмію постіль слаты,
Та зъ Иваномъ спать лягаты“.

89.

„И брычка зелена,
Пара коней, ще й Олена;
И на брычки стояла,
Пару коней продавала.
Изъ корытычка умывалась,
Полотенечкомъ утыралась.
Що субботеньки,
Та й чоботеньки,
Що неділеньки—чирвычки“.

90.

„Умерь, умерь нашъ хозяинъ
Изъ походу идучи,
Остаецья хозяйошка,
Зъ маненькими дитымы.
Поховалы хозяина
Во зеленому саду,
Посіяла черемушку
На его гробу.
Росты, росты, черемушка,
Тонка, высокая,
На листь широка“.

91.

„Чомъ гармонька не играешь?
Или въ тебѣ тону нѣтъ?
Чомъ дивчонка не выходишь,
Али тебѣ дома нѣтъ?
Али тебѣ дома нѣтъ,
Залитила на той свѣтъ.
Наташичка, худѣ жизнь,
Потихоничку ложись“.

92.

„Жыто, жыто, не пшеница,
Чомъ дивчину не любыть:
Вона чипурыцьця.
Жыто, мате, жыто, мате,
Жыто не полова,
Чомъ дивчину не любыть:
Вона чернобрѣва?
По тимъ бѣди, по толѣди,
Тамъ дивчатѣ, хлѣнци;
Менѣ мате не пуска,
Що въ чѣрний сѣрочци“.

93.

„Дүмушку я дүмавъ,
Та все тяжелѣ,
Знать, время хорѣе,
Дѣброе прошлѣ.
Что жъ ты за солѣвюшка,
Пѣсни не поѣшь?
Звѣсилъ ты головушку,
Зерна не клюѣшь?
Спивавъ бы я пѣсенку,
Та гѣлосу нѣтъ,
Клѣвавъ бы я зернышко,
Да волюшки нѣтъ.
Зеленая вѣточка
Менѣ веселыть,
Золотѣя клѣточка
Померѣть велыть.
Скѣванъ, скѣванъ
По бѣлыхъ рукахъ,
По бѣлыхъ ногахъ,
Вѣжки желѣзочки
Брызчатъ на ногахъ“.

94.

„Ой, Бóже, Бóже!
 Колы той вѣчьрь бóде?
 Колы про мене
 Наговóряцьця люды?
 Ой, Бóже, Бóже!
 Що не рíдна я мáты,
 Не вычѣрjala, та такъ лягаю
 спáты.“

Не вѣчѣрjala, не бóду й обíдаты,
 Пусты, мылѣнький,
 До рóду отвíдаты,
 А у мене рóду
 Та два брáтики зрóду.
 Въ тýхому брóду
 Бóнивъ напувáють,
 Воны про мене розмовлáють:
 Десь у насъ сестрá,
 Та хорóшого рóду,
 Та впáла вона,
 Якъ рýбонька въ вóду“.

95.

„Ой, тамъ сидíла пáра голубíвъ,
 Цилувáлыся, мылувáлыся,
 Своёму житью дывувáлыся.
 Де не взявся стрилéць—моло-
 дець,
 Гóлуба убíвъ, голубку вловíвъ,
 Прынiсь до дóму,
 Пустíвъ до дóлу,
 Насынавъ пшеници
 Пóвни свитлiци,
 Налiвъ водiци
 Пóвни склянiци.
 А голубка гуде,
 Водiци не пье,
 Зерна не клеє.
 Та чо́гожъ ты гудешъ?
 Водiци не пьешъ,
 Зерна не клеєшь,
 Та все журышся?
 На мойй головi
 Чотыри журбы:“

Пѣрвая журба—гóлуба нема,
 Дрúгая журба—самá молодá,
 Трѣтья журба—дитей капéлля,
 Четвѣрта журба—дiтямъ хлiба
 нема.

Ой, леты жъ ты, голубко,
 Ой, тамъ на дубу
 Сыдыть симьсотъ голубíвъ.
 Постой, полытiю,
 На ихъ посмотрию.
 Не такє крыльчико,
 Не такє пiръячко,
 Не такый носóчокъ,
 Не такый чубóчокъ,
 Не такый голосóчокъ“.

96.

„Ой, ты табáкъ, табачóкъ
 Веселая трáвка!
 Безъ тебá мнѣ, табачóкъ,
 Великая екúка.
 Скóлько разъ я зарикавсья
 По той úлици ходыть,
 По той úлици ходыть
 Одну пóдлюю лобыть,
 Я не могъ ее забыть“.

97.

„Сыдыть дѣвка, сыдыть красна
 Кóло iсного викнá,
 Вона шiла, вышивáла
 Тонкi, бѣлы рукавá,
 Вона ждалá, дожидáла
 Сибѣ дружкá на покой.
 Не могла дружкá дождаться,
 Потушила, спать лягла.
 Стучитъ, грючитъ о пивнóчи,
 Дóбрый мóлодець идеть.
 — Ой, де шлiвся, волочiвся,
 Що й до мене опизнiвся?
 — Въ насъ зъ закóнною жонóю
 Въ насъ побрáннице былó“.

98.

„Охъ, ты жъ, воля, моя воля!
 До чо́го жъ ты довела?“

Довелà воля до гóря,
До позóру, до стыдà.
Шахтёръ пьяный повсегдà,
Шахтёръ пьяный, шахтёръ
пьетъ,
Шахтёръ на бандеръ садится,
Съ гóря писеньку поётъ,
Ажъ у гóру луна идётъ“.

99.

„На пригóрку кабачокъ,
Молодёнкий чумачокъ!
Давай, Ванька, зайдёмъ,
Наборъ водки наберёмъ.
Наборъ водки наберёмъ
Красныхъ дёвокъ напоёмъ.
Красны дёвушки напьются,
Поляжутся усі спать,
А мы зъ Ванею гулять.
Догулялись до зорй,
Спать ложылись на дворй,
Жилёточки въ головй;
Жилёточки въ головахъ,
Гармонии во рукахъ.
А въ гармонии тонкй басъ,
Приходи, мылый, до насъ.
Ты не сватайся ночьюи,
Распроси́ся ты ричьми;
Ты не сватайся у день,
Роспытайся ты людей“.

100.

„Я ишòвъ въ Москвѹ станйцо,
Та й зайшòвъ же въ городòкъ,
Тамъ прекрасная дивчòнка
Продаётъ сладкий медòкъ.
Я спросилъ въ неё напытьца,
Вона, стёрво, не даётъ,
Я спросилъ съ нею пройтытьца,
Вона съ радостью идётъ“.

101.

„Не на что я не вдаряла,
Какъ на этòтъ большòй домъ,
Не по комъ я не страждàла,

Какъ по миломъ по своёмъ.
Милъ у́халъ, меня бросилъ,
Ще й малютку на рукахъ;
Однесу сестрѹ малютку,
Самà вйду на крыльцò,
Простужу своё бѣлое лицò. —
Посмотрю я по улйчкѣ,
Гдѣ милый другъ идётъ.
— Ты жъ не зви меня дру-

жòчкомъ,

Я теперича не твой,
Ожыни́вся на другòй.
Ожыни́вся, переми́нйвся,
Не по собй жену́ взявъ,
Не пидь мýсли, не по сёрцу
своёму“.

102.

„Ты калынушка, ты малынушка,
Ты не стой, не стой
На гори крутой;
Прòтивъ сòнечка,
Прòтивъ яснаго,
Не пускай листьа по синемъ
мòрю.

Корабèль плывётъ,
Ажъ вода реветъ,
А на томъ корабли
Тры полкà солдатъ,
Молодыхъ ребьятъ;
Охвицèрь, маёръ
Бòгу мòлыцьца
Рядовòй солдатъ
Бòгу мòлыцьца,
Домòй прòсыцьца:
Къ маминькѣ роднòй,
Женѣ молодòй,
Къ малымъ дѣточкамъ—
Соловьѣточкамъ!“

103.

„Душà Маша!
Не вздыхай такъ тяжело;
Ну, конечно, дружкà жалко,

Надо его забывать.
 — Ни, тогда дружка забуду,
 Когда смертнымъ сномъ засну.
 Ручки, ножки одоимутся,
 Ротъ завьяне, якъ трава.
 — Наныши, мила, записку
 Своёй правою рукою,
 Прочитай, мила, записку
 Своёй горькою слезой.
 — Я читала, говорила
 Не пойду я въ садъ гулять:
 Въ Александровскомъ садочку
 Шляхъ убытый, столбовой,
 Въ Александровскомъ садочку
 Растётъ бѣленькій лёнокъ“.

104.

„Понапрасну, мальчикъ, ходишь
 Понапрасну ножки бьешь,
 Ничего-жь ты не получишь,
 Дуракомъ домой пойдешь.
 Нанавѣрно про то знаю,
 Що не любе винь меня,
 Онъ не любе, злой мальчишка,
 А мнѣ его больно жаль.
 Наступала сinya хмара,
 Якъ ударе сильный дощъ;
 Ты, дѣвица-красавица,
 А я мальчикъ взрѣлыхъ лѣтъ.

Лучше, лучше соловью на вѣткѣ,
 Чимъ у клѣточки новѣй.
 Лучше, лучше у бѣтька жить
 Чимъ солдаткой молодѣй.
 Ростарайся, канарейка,
 Хоть черныльнаго пера,
 Ростарайся, канарейка,
 Хотя бумажечки клочокъ,
 Ростарайся, канарейка,
 Хоть вороного коня.
 Ростарайся, канарейка,
 Хоть черкѣскаго сидла“.

105.

„Ходыла дѣвушка по базарю,
 Купыла селезня краснаго,
 Та прынысла его до дому;
 Та поставыла до долу,
 Та насыпала пшеници,
 Та поставыла водыци.
 Кўшай, кўшай, селезенько,
 Та чубѣтый, волохѣтый.
 Роспустывь волѣса,
 Зь музументу кѣса.
 Чѣрну кѣсу заплита,
 На дѣвущекъ поглядѣ.
 Що жъ то, мате, за гулянье:
 За ворѣта, та й вертанье“?

А. И. Ткаченко.

9.—Сл. Богдановка.

Поселеніе. — Малороссы и великороссы. — Заговоры.

Сл. Богдановка лежитъ отъ Старобѣльска на юго-востокъ на разстояніи 50 вер. Рѣки въ ней нѣтъ, но почти въ каждомъ дворѣ имѣется колодезь, а подлѣ каждой хаты—садикъ. Въ окрестностяхъ ея есть нѣсколько небольшихъ лѣсовъ, по мѣстному названію „балокъ“. Старики разсказываютъ, что, когда населялась Богдановка, то эти лѣса были настолько велики, что ихъ рубили на постройку хатъ, амбаровъ и т. п. И теперь еще есть амбары, рубленные изъ дубовъ, вывезенныхъ изъ этихъ лѣсовъ. Въ одномъ изъ лѣсовъ были даже медвѣди, отъ чего за одной балкой и теперь осталось названіе „медвѣжьего“ лѣса. Названіе свое Богдановка получила по фамиліи перваго поселившагося малоросса Богдана.

Народонаселеніе Богдановки состоитъ изъ малороссовъ и великороссовъ. Первыми начали селиться малороссы; потомъ уже, когда Богдановка была хуторомъ, хатъ въ тридцать, изъ Московской губ. пришли великороссы. Церковною и поперечною улицею Богдановка раздѣляется на двѣ части; на сѣверъ отъ церкви живутъ малороссы, на югъ—великороссы. Великороссы и малороссы, хотя уже взаимно женятъ и отдаютъ замужъ своихъ дѣтей, все таки не хотятъ вполне сблизиться. Такъ, у нихъ два сельскихъ старосты (малороссъ и великороссъ), общественныя дѣла рѣшаются у нихъ отдѣльно; даже въ церкви они становятся не вмѣстѣ, а какъ расположены ихъ хаты, — на сѣверной сторонѣ церкви становятся малороссы, на южной великороссы.

Въ Богдановкѣ есть земская школа, три мелочныхъ лавочки и двѣ винныхъ. Въ школу дѣтей своихъ они посылаютъ охотно, но, какъ только дѣло коснется траты денегъ на школу, какъ то: на ремонтъ, тошку и т. п., то высказываютъ неудовольствіе. Къ учителю большая часть изъ нихъ относится хорошо.

Мѣстность въ Богдановкѣ здоровая, но жители небрежно относятся къ своему здоровью, часто простуживаются. Лѣчатся они сами, скотъ свой лѣчатъ большею частію у знахарей. Къ врачамъ обращаются рѣдко и то съ недовѣріемъ, при чемъ лѣкарство, данное врачомъ, послѣ одного приема оставляется безъ вниманія, на томъ основаніи, что не помогло отъ одного раза. Въ знахарей же они вѣрятъ; съ уваженіемъ и даже съ нѣкоторымъ страхомъ относятся къ нимъ.

Знахари лѣчатъ заговорами.

Отъ „*бышыхи*“ (рожи): „Первымъ разомъ ййхавъ чоловікъ на пусту ныву, пустымъ конемъ, пусту пшеницю сѣять. Пустый чоловікъ, пуста ныва, пуста пшениця, пустый кінъ,—и породило пусте корыння. Тутъ тобі не стоять, жовтои кѣсты не ломыть, червѣной крѣвы не смоктать (имя больного)“. Это говорятъ три раза и при томъ по больному мѣсту крестообразно давятъ пальцемъ. Потомъ говорятъ: „Инымъ часомъ, четвертымъ разомъ пособи, Матерь Бѣжа. Пойхавъ чоловікъ на бѣлу ныву, бѣлымъ конемъ, бѣлои пшеници сѣяты. Бѣлый чоловікъ, бѣлый кінъ, бѣлый вѣзь, бѣла борона, бѣла ныва, бѣла пшениця (имя больного). Тутъ тобі не стоять, жовтои кѣсты не ломыть, червѣной крѣвы не смоктать! Я тебе высылāju, я тебе вышпую; тутъ тобі не стоять, жовтои кѣсты не ломыть, червѣной крѣвы не смоктать!“ И дуютъ крестообразно на больное мѣсто.

Остановитъ кровь послѣ ушиба или разрѣза: „Гѣсподи Іисусе Хрыстѣ, Бѣже мий, Пресвятая Дѣво, Маты Бѣжая, благослови мині сию кровь замѣвыть. Ййхавъ гѣсть чѣрезъ калынивъ мистъ поганѣнькою кобылкою, кобыла стала и кровь стала, а не станешъ, то бѣде тобі те, що томѣ чоловікови, шо въ пятницю спива, а въ недѣлю нѣгти зрѣзуе изъ жилъ, изъ сустовивъ (имя больного)“.

Отъ зубной боли. 1) „Місяць у нѣби, рыба у мѣри, вѣвкъ у полі. Коли ци браты зойдѣця, тоді у мене зѣбы бѣдутъ болѣть. Ангель мий изъ евангелія съ главы, поможъ мой отъ Ангела“. При этомъ больное мѣсто крестообразно давятъ рукою, дуютъ и плюютъ въ сторону.

2) „Михайлъ Архангелъ, поможь мині грѣшній рабѣ свой,

яко избáви мя отъ трѹса, потóпа, отъ напрасныя смѣрты, отъ всякого зла, отъ врагá льсты́вого, отъ бѹри носѣ́мая, отъ лука́вого избáвы, велькѣ́й Михаѣль Арха́нгель, сидáние Господне, во вѣ́ки вѣ́ковъ, амѣнь“.

Отъ „*вывиха*“. 1) „На мóри—мóри, на окия́ни сыды́ть дѣвка на ка́мени, шóвкомъ шы́е, вышы́вае, кровь разгоняе“. Три раза безъ передышки прочесть.

2) „Ййхавъ Господь на ослáти, а св. Петро́ на лошáти, а Юрыкъ (Георгѣй побѣдоносець) на ко́ныку, на пѹзыку. Ко́ныкъ звыхнѹвся, а звышекъ мынѹвся“. Три раза безъ передышки.

Отъ „*сояшныцы*“. 3) (Спазмы въ желудкѣ). На животъ больнаго ставится миска съ водою, туда кладутся веретено, ножъ и ложка, потомъ говорится слѣдующее: „Сóяшныци нуднѣ, сóяшныци тошнѣ, сóяшныци витровѣ и водяни! Тутъ вамъ не стоять, жóвтой ко́сты не ломѣть, червóной крóвы не вѣялыть. Идѣть въ очеретá, въ болотá, де лю́ды не хóдятъ, куды хрыстыя́ньскѣй гласъ не захóде!“ Послѣ этого на ладонь больнаго ставится веретено и ложкою изъ миски льется на него вода; больной долженъ вышить эту воду съ руки. Тоже самое продѣлывается и съ ножемъ.

„*Съ глазъ*“. Надъ больнымъ говорится слѣдующее: „Пѣрвымъ рáзомъ, Господнимъ чáсомъ, не я пособля́ла, Мáтырь Бóжу на по́мощь призы́вала. Ури́ки—ури́чища, подѹмани, погáдани, наговóрени, витрянѣ, водяни, встрѣ́чни, хто (имя больнаго) врѣ́че, той за собою поволóче“.

Отъ „*икоты*“. Берутъ кружку воды, крестятъ ее и говорятъ: Хы́ковка, хы́ковка, пиды́ до воды, когò нѣбу́дь напады́, хотъ волá, хотъ корóву, хотъ дѣвчы́ну чернобрóву“. Потомъ навкрестъ пьютъ изъ кружки воду.

Если грудной ребенокъ не спитъ, то его несутъ въ тотъ сарай, гдѣ ночуютъ куры и говорятъ: „Добры́ вѣчиръ вамъ, куры! Здрóво! Чы вы спытѣ?—Спымò. Чорни, рябѣ, пошѣльна́сти, бѣли, возми́ть у насъ крыклѣ́вци и плаксѣ́вци, а намъ да́йте сонлѣ́вцивъ, дрымлѣ́вцивъ, новорожденóму, хрещѣ́ному, мольтвьянóму (имя ребенка).“

„*Перелогамы*“ крестьяне называютъ боль въ желудкѣ у лошадей, когда лошади не ѣдятъ корму, падаютъ на землю и ка-

чаютъ. Шепчуть: 1) „На мѣри, окияни, на ѳстрови Буяни, тамъ стойтъ дубъ, на тимъ дуби дванадцять гиль, на кѣжний гильци по дванадцять гнздь, и прылытыть по дванадцять орливъ; вонѣ ци перелѣги роскѣдають и розгрыбуть, по камышамъ, по болотамъ, по нецѣхлямъ. Тутъ вамъ не стойтъ, жѳвтон кѳсты не ломыть, червѳнои крѳвы не пыть изъ жыль, изъ еуставивъ, изъ пожыль (название скотины по шерети)“.

2) „Йшовъ пинъ, за пономъ дьяконъ, за дьякономъ дьяволъ; пинъ найшовъ куныцю, дьяконъ рукавыцю, а дьяволъ перелѣги, тай ветромывъ чѳртови въ рѳгы“.

Отъ „*зкушенія зми*“. 1) „Розлылѳсь сѣнее мѳре. На сѣнимъ мѳри стойтъ дубъ; пидъ тымъ дубомъ лыжыть змиѣ неусыщущая. Загадай ты своимъ панамъ, десѣтныкамъ и звелѣ усѣмъ своимъ ныщымъ, нехай прыйдуть возьмуть зѳбы и стыповымъ, и луговымъ, и кѳцымъ, и сѣмымъ злѳчымъ, нехай прыйдуть, возьмуть зѳбы отъ шереты (название скотины по шерети)“.

А. М. Иннокова.

10.—С. Никольское.

Гл. 1-я.

Поселеніе.—Жители и языкъ.—Что читаетъ народъ.—Жилище и связанныя съ нимъ примѣты и поговорки.—Одежда (бѣлье, верхнее платье и обувь), примѣты и поговорки.—Пища, примѣты и поговорки.—Народная медицина, постоянныя, временныя, весеннія и случайныя болѣзни и ихъ лѣченіе.—Заговоры (молитвы).—Народная ветеринарія.—Поговорки о болѣзняхъ.—Земледѣліе, ичеловодство и др. занятія.—Религіозность, пословицы, народныя молитвы, рассказъ.—Школа и ея исторія, поговорки о грамотѣ.—Нравственное состояніе (положеніе женщины, отношеніе родителей къ дѣтямъ, проституція, преступность прежде и теперь), поговорки.—Беременность, обряды при рожденіи дѣтей и повѣрья.—Вечерицы.—Свадебныя обряды: обрядъ сватовства, обрядъ „пидвисилка“, обрядъ свадьбы; свадебныя расходы; пословицы.—Похоронныя обряды, причитанья и поминки.

—Село расположено по вершинѣ р. Камышной, съ обѣихъ сторонъ ея, и по ярамъ,—съ лѣвой, т. е. восточной стороны,—Лѣсковомъ, Долгомъ и Глиняномъ, а съ правой—по Парневомъ, Нехаевомъ и Липовомъ. На Нехаевомъ яру находится х. Нехаевъ, съ которымъ село въ послѣднее время соединилось своими постройками. Ближайшіе къ селу города: Старобѣльскъ—100 в., Богучарь—70 в. и Павловскъ—120 в.

О происхожденіи вышеупомянутыхъ селеній народъ говоритъ, что х. Нехаевъ старѣе села Никольскаго и что первый его поселенецъ былъ выходецъ изъ Марковки и назывался „Нехай“, отъ котораго и хуторъ получилъ свое названіе. Названіе же села одни изъ жителей объясняютъ какимъ-то „Мыколою“, поселившимся здѣсь раньше другихъ, а другіе—именемъ храма, освященнаго въ честь святителя Николая въ 1782 г. Послѣднее объясненіе гораздо вѣроятнѣе, такъ какъ до построенія церкви селеніе называлось „хуторомъ Великоцкимъ“, по имени первыхъ поселенцевъ Великоцкихъ, съ фамиліей которыхъ и теперь много въ слободѣ. Выселившись отсюда, они же образовали теперешнюю сл. Великоцкую Стрѣльцовой волости.

Вообще, на основаніи мѣстныхъ преданій и нѣкоторыхъ записей, сохранившихся въ церкви, нужно заключить, что заселеніе здѣшняго края началось съ первой половины прошлаго вѣка. Первые поселенцы, состоявшіе изъ казаковъ (въ церковныхъ запискахъ сказано, что первые поселенцы были „черкасы“), бѣглыхъ людей и разныхъ бродягъ, занимались воровствомъ, грабежами и разбоями. Мѣстные старожилы рассказываютъ, что въ здѣшнихъ мѣстахъ было много вольной, первобытной, петропуптой степи, много лѣсовъ, изъ которыхъ нѣкоторые теперь совершенно исчезли; была рѣка, заросшая камышами и никогда не пересыхавшая и множество озеръ, тоже поросшихъ камышами, осокою и другими водяными растеніями. Теперь все измѣнилось: степи распаханы, лѣса уменьшились, рѣка уничтожилась и самое русло ея занесено землей; озеръ и камышей не осталось, и только кое-гдѣ по бывшему теченію рѣки можно видѣть жалкіе остатки единичныхъ камышей.

Число жителей въ слоб. Никольской по провѣркѣ, сдѣланной 1 іюня 1891 г., равнялось 4,957 д. об. п., въ т. ч. 2,531 муж. и 2,426 жен., дворовъ 624. Въ х. Нехаевѣ было 755 жителей,— 382 м. и 373 ж., дворовъ 70. Всѣ коренные жители по происхожденію и по наружности принадлежатъ къ малороссійскому населенію. Ростъ они имѣютъ средній или даже выше средняго, худощавы, глаза по большей части сѣрые и карые, носъ правильный и умѣренный, волосы свѣтлорусые и темнорусые. Въ наружности замѣтнаго вліянія инородческихъ примѣсей не обнаруживается. Всѣ мѣстные жители какъ слободы, такъ и хутора говорятъ на малорусскомъ языкѣ, хотя сравнительно съ другими мѣстами Старобѣльскаго уѣзда, довольно нечисто. Впрочемъ, особенностей мѣстнаго говора въ словообразованіи и въ произношеніи словъ можно найти не мало. Часто народъ выговариваетъ слова съ такими звуками, для изображенія которыхъ въ русской азбукѣ не существуетъ и знаковъ. Вотъ, на примѣръ нѣсколько словъ, въ которыхъ „г“ выговаривается какъ латынское „g“, а „дз и дж“ выговаривается особенными собственными народу звуками „дзвинь“—колоколъ, „дзвидь“—очепъ у колодца, которымъ тянуть воду, „дзыга“—дѣтская игрушка „гызда“—парость на тѣлѣ, „дзеркало“—зеркало, „гудзыкъ“—пуго-

вица; „гыла“—мѣра палкой при игрѣ въ скракли, „гулуй“—однорогій (воль), „герлыга“—палка пастуха („вивчаря“), „гугля“—наростъ на тѣлѣ, „гаджуеть“—бьетъ, „бджолы“—пчелы, „адже“?—такъ ли? „аджеба“—такъ, такъ, да—да. Много у крестьянъ и своихъ мѣстныхъ словъ и выражений, напримѣръ: „нидбо“—неправда, „гожо“—хорошо, „чухно“, „мяло“—лѣнтяй, неподвижный, „жодный“—каждый, „мерщій“—скорѣй, „катрага“—шатерь, балаганъ, „шутый“—безумный, „шуркаты“—когда роги сходятся вмѣсто одинъ къ другому, „лончатый“—когда одинъ рогъ зашелъ за другой (о волахъ), „контуйтесь, прозволяйтесь“—кушайте, ѣшьте, „не вживаю“—не употребляю, „перебаранчаеть“—перебиваетъ, мѣшаетъ, „порадыцця“—посоветоваться, „пробують“—требуютъ, „виковуша“—старая дѣвушка, „байстрючка“—одиночка, женщина безъ мужа, „клымата завжде така“—климатъ всегда такой. Много въ народномъ языкѣ извращенныхъ литературныхъ словъ, напримѣръ: „вермень, вермешка“—армянинъ, „окиндать“—кандидатъ, „облокать“—адвокатъ, „заментъ“—экзамень, „шпехторъ“—инспекторъ, „левизоръ“—ревизоръ, „фитфебельщикъ“—фельдфебель, „пидвальщикъ“—подвальный, „ныкодемія“—академія, „гивназія“—гимназія, „притенденція“—претензія, „кулушубокъ“—полушубокъ, „застелка, застела“—подстилка, „канпузыты“—канфузить, „вчитель“—учитель и др. Привожу нѣсколько поговорокъ: „хрестъ хрестомъ та ше й зашморгомъ“ (такъ нѣкоторые божатся), „мотаецця якъ воръ по ярмарку“, „набравсь малый, якъ май грушъ“ (говорятъ о пьяномъ или отягоченномъ ношею), „де було литомъ,—не зимою, якъ упалы ящыкы зъ неба зъ водою“, „ны Кулына й голосъ ны йийи“, „такъ зумие и чередныкова Хымка“, „брехня колы не стрине, такъ дожене“, „казало лыхо що не буде добра“, „съ чужого возу хочъ середъ калу“ (грязи), „кому, а тоби змелетця“, „выртытця якъ швайка“.

Въ заключеніе нужно сказать, что старые люди гораздо лучше говорятъ по малороссійски и глаголы неопредѣленнаго наклоненія выговариваютъ на „ты“; молодое же поколѣніе утрачиваетъ чистоту малорусскаго языка и приближается по своему выговору нѣсколько къ языку литературному, всегда оканчивая вышеупомянутую форму глагола на „ть“ и проч.

Народъ читаетъ въ зимнее время разныя книги, какія только можно гдѣ-либо достать. На первомъ планѣ у него книги религіознаго содержанія: Евангеліе, дѣяніе св. апостоловъ, псалтирь, житіе св. Алексія, человека Божія, Николая Чудотворца, Варвары великомученицы и т. д. Затѣмъ крестьяне любятъ читать книги историческаго содержанія, въ которыхъ выражается геройство и твердость русскаго народа, напр.: о Владимірѣ Равноапостольномъ, Ярославі, Владимірѣ Мономахѣ, Александрѣ Невскомъ, Дмитріи Донскомъ, Мининѣ и Пожарскомъ, Петрѣ Великомъ, Суворовѣ, Кутузовѣ и мн. др. Съ большою охотою читаютъ они книги сельско-хозяйственнаго содержанія, но къ сожалѣнію таковыя книги рѣдко приходится имъ доставать. Самое же низшее и послѣднее мѣсто въ народѣ занимаютъ книги, въ которыхъ помѣщаются сказки, повѣсти, анекдоты и проч., называя ихъ „брехеньками“. Отрадно смотрѣть, когда зимою, проходя по улицѣ, увидишь какъ за столомъ сидитъ грамотный членъ семьи, по большей части ученикъ, и читаетъ любимую народомъ книгу; остальное же семейство усядется вокругъ него и со вниманіемъ слушаетъ.—Нѣкоторыя книги для своего чтенія народъ получаетъ изъ училища; но такъ какъ при нашихъ училищахъ библіотекъ не существуетъ, то онъ по большей части покупаетъ ихъ на ярмаркахъ и базарахъ и разныхъ книгоношъ и въ большинствѣ случаевъ переплачиваетъ за книгу противъ ея стоимости вдвое и даже втрое. При этомъ замѣчено, что крестьяне по своей неграмотности и неопытности покупаютъ иногда куда негодную или даже вредную для дѣтей книгу,—какую нибудь повѣсть или романъ дешеваго изданія. Въ такихъ книгахъ, которыя мнѣ приходилось просматривать, не имѣется не только чего-нибудь интереснаго для народа, но даже нѣтъ смысла, кромѣ разной любовной галиматии. Газетъ и журналовъ никто изъ народа не читаетъ и на чтеніе ихъ не изъявляетъ охоты.

Жилище крестьянъ состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ деревянной просторной хаты, расположенной своею длиною съ улицы во дворъ и имѣющей два или три окна на улицу, два во дворъ и одно или два на глухую стѣну, въ чужой дворъ. Въ прежнее время, когда здѣсь было много крупнаго лѣса,

хаты всегда строились дубовыя, теперь-же рѣдко строятся изъ дуба, больше изъ вербы, которой здѣсь не мало растетъ въ огородахъ, изъ глины и кое-гдѣ изъ саману. Крыши на всѣхъ хатахъ соломенные. Большинство хатъ по своему устройству раздѣляется на двѣ половины: первую половину, отъ улицы, занимаетъ главная большая комната съ четырьмя или пятью окнами, въ которой помѣщается все семейство, а другую половину занимаютъ: небольшая комната—кухня, съ однимъ или двумя окнами, и съ поломъ (кроватью), чуланъ („хыжка“), въ которомъ помѣщается нѣкоторая одежда, съѣстные продукты и проч. мелочь, и сѣни, нерѣдко загроможденныя разнымъ домашнимъ скарбомъ: мѣшками, коробками, лопатами и т. п.

Въ главной комнатѣ „на покутти“ (въ переднемъ углу) и около него по обѣимъ стѣнамъ разставлены иконы, число которыхъ бываетъ различно, отъ 5 до 20 и болѣе; предъ ними виситъ 1 или 2 лампады. Въ другомъ, „причилковомъ“, углу, устроена досчатая „пиль“ (кровать), на которой спятъ; рядомъ съ нимъ въ третьемъ углу стоитъ большая печь, а въ четвертомъ—„мысникъ“, т. е. шкафикъ, прикрученный къ стѣнѣ, и дверь, ведущая въ сѣни. По двумъ стѣнамъ стоятъ лавки (скамейки) для сидѣнія, сходящіяся вмѣстѣ на покути, гдѣ передъ ними стоитъ единственный въ комнатѣ столъ. Изрѣдка попадаются на стѣнахъ дешевыя картины, но чаще тамъ ничего нѣтъ, кромѣ одной или двухъ „полицъ“ (полокъ) для складыванія хлѣба и проч. Въ большіе праздники около иконъ вѣшаютъ „рушныкы“.

Передній уголъ въ хатѣ имѣетъ религіозное и почетное значеніе: въ немъ стоятъ иконы, виситъ лампадка, хранятся просфоры, артось, книги и проч.; здѣсь ставятъ пасху и кутью, сажаютъ дорогаго и почетнаго гостя, а во время свадьбы, „свитылку и стороживъ“ (мальчиковъ съ палками, обмотанными соломой и репьями)—отсюда, вѣроятно, и поговорка произошла: „на покути—колы не кутя, такъ дуракъ безъ путы“.

Дворы у крестьянъ болѣе или менѣе окружены со всѣхъ сторонъ разными хозяйственными постройками: амбарами и хлѣвами для ссыпки хлѣба, хлѣвами для храненія дровъ, навоза, земледѣльческихъ орудій и т. п., конюшнями, птичниками, ко-

морями и повѣтками для рогатаго скота. У большинства хозяевъ амбары для хлѣба („комори“) и токи устраиваются вдали отъ дворовыхъ построекъ—на выгонѣ, если можно, или на противоположномъ концѣ усадьбы, если обѣ стороны улицы застроены хатами. Старыхъ неперестроенныхъ хатъ нигдѣ не сохранилось, но говорятъ, что онѣ имѣли одну комнату, съ однимъ окномъ на улицу и однимъ или двумя во дворъ, а въ большихъ семействахъ—двѣ подобныхъ комнаты, раздѣленныхъ сѣнями, которыя имѣли двое сквозныхъ дверей, одну во дворъ, а другую на глухую стѣну. Потолки въ такихъ хатахъ дѣлались изъ досокъ и мылись. Труба въ старыхъ хатахъ дѣлалась изъ дерева (хвороста) и обмазывалась глиной, а закрывалась (затыкалась) изъ сѣней пучкомъ тряпокъ („заткаломъ“). Въ настоящее время такія трубы почти перевелись и замѣнились кирпичными, правильно устроенными. Хаты теперь начинаютъ строить на подобіе городскихъ домиковъ: длиною по направленію улицы, куда выходитъ отъ трехъ до пяти оконъ, устраивается корридорчикъ со стекломъ или крыльцо съ красивыми колонками и со „сходцами“ (лѣстницей). Крыша бываетъ красиво подмалевана, ставни и окна растворчатые. На подмалевкѣ, ставняхъ и оконныхъ заличкахъ часто дѣлается красивая рѣзьба, которая иногда бываетъ и на дверяхъ. Во многихъ хатахъ подъ лавками (скамейками) и на стѣнкахъ, гдѣ полъ (кровать), высотой въ одинъ аршинъ бываетъ помазано желтою глиною, сверхъ которой проводятъ верхковую полоску (шнурокъ) красною глиной. На верхнемъ карнизѣ камина проводятъ красную полоску, подъ ней желтую, все же поле камина (въ нѣкоторыхъ хатахъ и всѣ стѣны) раскрашивается разноцвѣтными пятнами и зубчиками, для чего употребляютъ, кромѣ глины, синьку, сурикъ и фуксинъ. У нѣкоторыхъ богатыхъ крестьянъ бываютъ полы въ хатахъ деревянные, а стѣны, сволоки и два или три сволочка около иконъ хорошо выглажены, вычищены и вымыты водой. Надписей на сволокахъ не бываетъ.

Съ печью въ народѣ связано множество повѣрій, примѣтъ и поговорокъ. Во время кладки печи стараются задобрить и угостить печниковъ. Иначе они могутъ такъ сложить печь, что

она никуда не будетъ годиться, или вмажутъ въ нее живого серебра (ртути), отчего во время топки будетъ сильно гудѣть.

Въ первый разъ топятъ въ новой печкѣ житною соломою, положивъ туда нѣсколько прутиковъ свяченой вербы. Въ печи во всякое время находится одно или нѣсколько полѣнъ дровъ и вода: „огонь пыть хоче“. Если въ печкѣ сбѣжить молоко, то это мѣсто посыпаютъ солью, „шобъ дѣйки у коровы не ренались“, (не трескались). Когда дѣвочка учится прясть, то первую свою работу она должна бросить въ печь, чтобы быть хорошею пряхою. Если человѣкъ или скотъ заблудится, или долго не возвращается домой, кричатъ въ трубу или коминь, чтобы скорѣе возвратился.—Беременной женщиной не слѣдуетъ мазать печи: ребенокъ будетъ удушливый. Подъ припечкомъ, говорятъ, прячутъ клады. Если во время топки печи выско-чить искра,—будетъ гость. „Жиноцька ричь коло прыщичка“. „Старій баби и на печи ухабы“. „На мини тилко пичь та ступа не була“. „Дивчиною — повна вулиця, а жинкою — повна пичь“. „Чоловика 20 годивъ гриеть кровь, 20—кожухъ, а дальше вже, якъ не пичь, такъ ниhto не нагире“. „Якъ Богъ не годить, такъ и огонь не горить“. „Чужыми руками тилко жаръ загрибать“. „Силь тоби въ зубы та пычына, та болячка мизь очыма“ (говорятъ тому, кто завидуетъ).

На порогѣ грѣхъ садиться и становиться, а въ особенности „распынацьця“ (стать на порогъ и руками взяться за притолки). Черезъ порогъ не слѣдуетъ ничего подавать и соръ („смиття“) мести изъ хаты, а беременной женщиной лить воду: дитя будетъ страдать рвотами. Торговцы прибываютъ на порогѣ найденную подкову, чтобы больше привлечь покупателей. Въ окно не плюютъ, не выпускаютъ и не впускаютъ кошки, и не подаютъ милостыни. Вечеромъ и ночью не слѣдуетъ растворять оконъ, „ато ввійде нечысть“. По заходѣ солнца не слѣдуетъ смотрѣть въ окно: „диты не будуть спать“. Въ праздники и въ особенности въ номинальные дни, вынувши изъ печи хлѣбъ, разламываютъ одну паляницу на куски и кладутъ ихъ на окна и столъ, чтобы души умершихъ питались тѣмъ паромъ, который идетъ изъ горячаго хлѣба. Говорятъ, что одна женщина, засыпанная глиной, была въ глиницѣ цѣлый годъ,

платѣ иглу вверхъ жаломъ. Замужняя женщина не должна ходить безъ платка, въ особенности въ сѣни: „домовой за волоса потягне на горище“. Встрѣча съ попомъ предвѣщаетъ неудачу, которую можно предотвратить, завязавъ узелокъ въ платкѣ. „Шапку не годицьця класты на стиль и вертиты въ рукахъ: голова болитыме“, „дивчатамъ не годицьця шапку надиваты,—коса не ростыме, а хлопцямъ очипка и намыста: кобыла голову откусе“, „новый чобитъ не годицьця въ первый разъ надиваты безъ онучи и вустилкы: холодный буде“, „праву ногу треба впередъ вбуваты, шобъ чоботы не кривылысь“.— „Къ Риздву хочъ сырову, та абы нову (сорочку), а къ Великодню хочъ стареньку, та абы биленьку. Своя сорочка блыжче къ тилу. Сыроти тоди й недилля, якъ сорочка била. Якъ кожухъ та свыта, такъ и душа сыта. Купуй хату крыту, а шубу шыту. По Савци свыта ешыта. По Савци свытка, а по Кулыни колшакъ. Капотъ наробывъ хлопотъ. Казавъ панъ, дамъ жупанъ, ёго й слово тепле. На чужой ротокъ не накинешь платокъ. Надивай штаны шаровары, шобъ дивчата шанувалы. Кто праздника пыта, той штаны латà. Холодно одившысь у одно, а въ двое та въ худое, такъ усе равно. Тонко прясты,—довго ждаты“.

Пища мѣстныхъ крестьянъ, вообще говоря, самая простая и довольно незавидная по своему качеству. Впрочемъ, богатые и достаточные люди никогда не голодаютъ, имѣя возможность по своему состоянію разнообразить пищу; зато бѣдные голодаютъ и въ праздники, и въ будни, и въ скоромные, и въ постные дни. Они только тогда наѣдятся, когда работаютъ у богатаго, нескупого хозяина. Пищу крестьянъ составляютъ слѣдующія кушанья: борщъ, квасокъ, каша, „кулишь“, „юмка“ (супъ), „галушки рванци и галушки крышени“ (лапша), „затирка“, „кваша“, „путря“, „кутя“, „озваръ“, „лемишка“ и „вареныкы“; варятъ также горохъ, фасоль и чечевицу, кушая ихъ въ видѣ похлебки и въ пирогахъ; ѣдятъ вареный и печеный картофель и употребляютъ его въ пироги и вареники. Мною по возможности перечислены всѣ кушанья, какія готовятся крестьянами въ продолженіи года. Квасокъ, состоящій изъ кваса и мяса съ приправами, готовится рѣдко,—въ большіе праздники и на заго-

вѣны; узварь, кутья, путря, кваша и лемишка употребляются въ пищу по большей части въ посты; галушки, „затирка“, кулишъ и супъ готовятся на завтракъ или на ужинъ, когда отъ обѣда мало остается кушанья. Борщъ же, каша и картофель служатъ ежедневной пищей крестьянина. Въ праздничные скоромные дни у богатыхъ бываетъ борщъ съ мясомъ, каша съ масломъ или молочная („молошни галушки“) и какое нибудь третье изъ вышеупомянутыхъ кушаній, въ будничные—борщъ и каша съ саломъ, а въ степи—одна каша (иногда варятъ и двѣ кашки,— „круту и ридку“). Въ постные же дни готовятъ тѣ же самыя кушанья съ масломъ или безъ масла („оли“), прибавляя къ нимъ селедку, капусту, огурцы, арбузы и проч., а въ степи, если нѣтъ каши, ѣдятъ сухари съ водой и солью. У достаточныхъ крестьянъ хлѣбъ бываетъ или чисто пшеничный, или пшеничный съ примѣсью ячменя и жита, а у бѣдныхъ—житный или ячменный; борщъ же и каша у нихъ почти всегда готовится безъ сала и масла, а мясо они ѣдятъ весьма рѣдко, только въ большіе праздники. Пища крестьянская съ каждымъ годомъ ухудшается, что происходитъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ экономическихъ условій, происходящихъ отъ неурожаевъ и недородовъ хлѣба, а часто и огородныхъ овощей, и отъ уменьшенія скота и птицы. Никакого посторонняго вліянія относительно пищи не замѣчается.

Лавокъ въ слободѣ имѣется четыре: двѣ большихъ съ мануфактурнымъ товаромъ и всякою мелочью, употребляемою крестьянами, и двѣ малыхъ съ бакалейными и мелочными товарами. Торгуютъ довольно порядочно, въ особенности мануфактурнымъ товаромъ, который сбывается не только мѣстнымъ жителямъ, но и пріѣзжимъ изъ другихъ окрестныхъ селеній. Всякіе товары, потребные въ крестьянскомъ быту, имѣются въ мѣстныхъ лавкахъ; но къ сожалѣнію продаются въ большинствѣ случаевъ по весьма дорогимъ цѣнамъ, отбирающимъ у крестьянина послѣдніе остатки.

Почти все дома освѣщаются керосиномъ, который наливается въ небольшія лампы со стекломъ („пузыремъ“); но нѣкоторые бѣдняки, не имѣющіе на керосинъ денегъ, освѣщаютъ свои хаты овечьимъ, говяжьимъ и свинымъ саломъ, наливаемымъ въ „ка-

ганци“ (пешки). Керосиновое освѣщеніе стало появляться здѣсь около 20 лѣтъ тому назадъ, а прежде всѣ „свѣтылы каганцями“, употребляя, кромѣ вышеупомянутыхъ матеріаловъ, ежеевое сало, для чего нѣкоторые хозяева ходили по лѣсамъ и ловили множество ёжей.

Повѣрья, примѣты, пословицы и поговорки. Нѣкоторые крестьяне вѣрятъ, что теперь дни стали короче, чѣмъ были встарину, въ доказательство чего они говорятъ: „Встарину люди снідали, подобидували, обидали, полуднували, пидвечиркували и вечерялы, та все кашу круту и ридку съ саломъ або олією, а теперь тилко тры раза за день йидять: снідають, обидають и вечеряють,—та й то одну ридку кашу безъ сала и оліи; або сухари зъ водою и силлю“.—„Въ понедилокъ и въ четвергъ не годытьця уваривать сиривцю (квасу), а то туда влизе яка-нёбудь гадына: жаба, мыша, тараканъ“. Одна женщина рассказывала: „Уварыла я въ четверъ сиривецъ и поставыла ёго въ сїняхъ, а сама лягла спать. Слухаю,—ажъ ноччу прыйшовъ четверъ, улизъ у сиривецъ и давай булькотить; и такъ пробулькотивъ цилиснѣнку ничъ. Вранци встала я, подывылась на сиривецъ,—колы винъ увесъ осугою покрывся; такъ я взяла та й вылыла ёго геть“. [Разбрасывать хлѣбъ и въ особенности топтать ногами—великій грѣхъ. „Кваша у того удаецця, у кого пьяты довги“. Когда насыпать соль,—нужно смѣяться, чтобы не было ссоры. „За хлѣбъ, та за сіль, та за пшынышны мукыци булы поминныци“, такъ говорятъ о той хозяйкѣ, у которой работаютъ чужія. „Хлѣбъ та сіль!—йймо та свій, а ты у порога постій“. „Не про те тоби говорятъ, шо помного йидять, а про те—де мыкрушки (куски) дивають“. Йдешъ на день, а харчей (пищи) беры на недилю. Кваша—маты наша. На чужый коровай очей не порывай, а соби дбай (пріобрѣтай). Хлѣбъ та вода—молодецька йида. Лучше у писокъ умычть кусокъ, та въ тыхомыретви ззйиты. Не плачь—мате спече калачъ. Сербай, Мартыне, маты ще пидкине. Пирогы—обиду ворогы. Поганому жывоту и пирогы въ досади. Тымъ козакъ и гладокъ, шо найивсь-напывсь та й на-бокъ. Кто не заляже (послѣ пищи), тому Богъ сала не завьяже. Товкны у губу, та й кыдатымышъ якъ у грубу. Шо за быда, шо пьецця

вода,—я зѣйивъ пивбыды, та ѣ напывся воды. Чай пыть—не дрова рубыть. Налупывся (наѣлся),—ажъ свить помутывся. Оглядѣлась якъ найилась. Умна жона, якъ бочка шона, а щель була умниша, якъ бы—повниша.

Всѣ болѣзни, свойственныя слободѣ Никольской, можно подраздѣлить на четыре группы: 1) Болѣзни постоянныя, т. е. такія, которыя всегда бывають въ слободѣ, къ нимъ принадлежатъ: ревматизмы, катаральное состояніе желудка и сифились; 2) болѣзни временныя, къ которымъ принадлежатъ: тифъ, дифтеритъ, скарлатина, корь, оспа и глазныя болѣзни; 3) весеннія болѣзни, между которыми чаще другихъ свирѣцствуютъ лихорадки, заушница (свинка, паратитъ), жаба, цынга и куриная слѣпота и 4) случайныя болѣзни, бывающія у дѣтей и взрослыхъ; ихъ весьма много и называются онѣ различно, чаще народными именами, какъ на примѣръ: „переполохъ“, „нишныци“, „сплишныкъ“, „сухоты“ и др.

Болѣзни постоянныя. Ревматизмы, называемые вообще „ломотою“, лѣчатъ ваннами и настоями, приготовленными изъ разныхъ травъ, которыхъ рвутъ на Симона Зилота, и мазями изъ оподельдока.

Отъ болей желудка, называемыхъ „сояшныцями“ и „завѣйною“, существуетъ у народа множество средствъ, главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: 1) Насыпають соли въ пухъ и на колѣно, съ котораго стараются слизать ее языкомъ; 2) берутъ сухой коровій навозъ, растирають его, разводятъ водой и эту жидкость проливають въ ту „дирку вѣйя, куды закладаетца прытыка“, и даютъ пить больному; 3) заваривають „сояшныци“: зажигаютъ „кочча“ и кладутъ его въ „гличыкъ“, который перевертываютъ вверхъ дномъ въ чашку съ водою, отчего происходитъ „кыконтань“, въ продолженіи котораго лѣкарка ножомъ и веретенкомъ или ложкою проводятъ на днѣ кувшина крестообразныя знаки. Этою водою мочатъ и напайвають больного. Кромѣ того, наговаривають воду, шепчуть отъ сибирки, „скыдають“ (ставятъ) на живить гличыкы“ (народныя банки), даютъ пить больному сильно пересоленный медъ. Если же у дитяти (мальчика) рѣжетъ въ желудкѣ, то собирають около мельницы клинчики и тридевять соломинокъ, кладутъ ихъ въ ванну, въ которой и купаютъ ребенка.

Сифилисъ („нечыста бѣлиеть, нечысть“) лѣчатъ слѣд. образомъ: 1) „Сажають на зилля“, т.е. дѣлають „гнздо“, изъ разныхъ травъ, настоянныхъ на водкѣ, которое и даютъ пить больному; 2) покупають декохтъ, селитру, „яръ“ (мѣд. окисъ), синій камень и сулему,—все это кипятятъ и пьютъ, а также парятся травами 12 дней, въ продолженіи которыхъ дѣють одинъ прѣсный, не-соленый коржъ.

Временныя болѣзни. Тифъ лѣчатъ пареньемъ, ваннами и шептаньемъ отъ сибирки.

Горловыя болѣзни, къ которымъ принадлежитъ жаба, „заушница“ и дифтеритъ, называемый народомъ „давіемъ и дигтяріемъ“, лѣчатся безъ различія рода болѣзни, одними и тѣми же средствами: 1) даютъ „глотку“ большимъ и безымяннымъ пальцами правой руки тѣмъ изъ людей, кто задавилъ этими пальцами „зильске щеня“ (крота); 2) даютъ глотку утромъ и вечеромъ три раза о край стола, о припечокъ и объ „воритныцю“, а также въ продолженіи трехъ зорь поднимають теменемъ „ключину“ въ хлѣбѣ; 3) мажутъ глотку снаружи и внутри керосиномъ и раздавливають въ ней пузыри (налеты при дифтеритѣ).

Скарлатины, кори, оспы и „гвиздкивъ“ (болѣзнь, при которой все тѣло покрывается острыми прыщиками) ничѣмъ не лѣчатъ, но стараются не застудить больного.

При глазныхъ болѣзняхъ умываються въ скотскомъ корытѣ, мочать глаза водкой и каплями воды, вытянутой на зарѣ изъ колодезя ключомъ безъ ведра, а также мажутъ глаза взбитымъ яичнымъ бѣлкомъ, смѣшаннымъ съ галуномъ (квасцами).

Весеннія болѣзни. Отъ куриной слѣпоты („куряча слипота“) дѣють печенку со всякаго животнаго, а въ особенности съ черной курицы, и парятся надъ ея горячимъ паромъ; смотрять въ „мазныцю“ и на солнце, когда оно восходитъ, стараясь не мигать глазами.

Отъ цынги лѣтомъ рвутъ траву „бабки“, засушиваютъ ее, заваривають, когда нужно, и пьютъ какъ чай и полощутъ во рту.

Отъ лихорадки („лыхоманка, поганка и пропасныця“) есть много способовъ лѣченія, а именно: 1) надѣвають на мизинецъ правой руки кожицу съ того яйца, изъ котораго вывелся цыпленокъ; 2) когда весною въ первый разъ услышатъ крикъ ку-

кушки, берутъ изъ подъ правой ноги немного земли, кладутъ за „пазуху“; потомъ завязываютъ ее въ платочекъ и привѣшиваютъ на шею больному, къ крестику; 3) отсчитываютъ 77 зеренъ пшена по числу существующихъ лихорадокъ, идутъ къ какой-нибудь водотокъ (ручейку) и бросаютъ ихъ туда черезъ голову, говоря: „Вась симдесять-симъ, нате вамъ по пшаньни всимъ“; 4) „зnezнимкы“ (неожиданно) обливаютъ больного холодною водою, „шобъ винъ злякався“; 5) обмываютъ „гнить“ и эту воду даютъ пить натошакъ и передъ пищей (отъ „гнитухи“); 6) носятъ на шеѣ шкурку съ гадуки; 7) пугаютъ живою жабою; 8) велятъ во время параксизма ходить до изнеможенія; 9) даютъ пить настой изъ полыни, спичекъ, горчицы съ водкой, ржаваго желѣза съ старой подошвой и кусковъ дегтя, упавшихъ съ колесъ на дорогѣ; 10) подкуриваются собачьимъ каломъ; 11) пьютъ стружки изъ церковнаго колокола; 12) наговариваютъ воду для питья и смачиванія и шепчутъ народныя „молитвы“.

Случайныя болѣзни. При „переполохѣ“ (испугѣ): 1) надѣваютъ сорочку назадъ пазухою; 2) измѣряютъ высоту больного заполочью (ниткою), которою отмѣряютъ такую же высоту на дверной притолкѣ, гдѣ просверливаютъ дырку, куда затыкаютъ упомянутую заполочь, срѣзанные на рукахъ и ногахъ ногти и волосы съ головы больного, на крестъ срѣзанные,—все это забиваютъ „осыковымъ килкомъ“. Когда больное дитя переростетъ этотъ колышекъ, тогда пройдетъ испугъ. 3) Берутъ свяченой и непечатой воды, херувимскаго ладону, по тридевять зеренъ чернушки и пшеницы „соборной“ (той, которая употребляется при соборованіи),—все это смѣшиваютъ и ставятъ на девять дней, послѣ чего эту смѣсь пьютъ и смачиваются ею. 4) Если испугъ произошелъ отъ собаки, то одни вѣрятъ, что онъ самъ собою пройдетъ—„собака выбрыше“, а другіе лѣчатъ шептаніемъ:

„Бигла сучка черезъ мистъ, Несла чотыри ноги, пятый хвистъ,	Шѣста голова. Нехай тоби Богъ помога!“
---	---

Отъ „нишныць“ (бессонницы): 1) Носятъ или водятъ „пидь куры“, т. е. туда, гдѣ онѣ ночуютъ; причемъ не только маленькихъ водятъ, но и взрослыхъ и пожилыхъ. При этомъ трижды

говорятъ слѣдующія слова: „курѣци, курѣци! нате вамъ нишныци, а рабу (имя) дайте сонныци“, потомъ, выводятъ изъ хлѣва и, увидя гдѣ-нибудь огонь или дымъ, говорятъ трижды: „огныци, огныци! (или дымныци, дымныци!) нате вамъ нишныци“ и т. д. Затѣмъ входятъ опять въ хлѣвъ и еще трижды говорятъ, обращаясь къ курамъ, какъ и въ первый разъ. Если это средство не поможетъ, тогда берутъ старую „мазныцю“, вбрасываютъ въ нее что-нибудь зажженное, заставляютъ смотрѣть туда страдающаго бессонницей и говорятъ трижды: „мазныце, мазныце! возьми соби у раба (имя) нишныци, а ёму дай сонныци“.

2) Мать ребенка или кто другой обходитъ три раза вокругъ хаты и каждый разъ говоритъ въ „предпичне окно“: „Помогай-би!“—„Здоровъ!“ отвѣчаетъ кто-нибудь изъ хаты.—„Чы дома ваши нишныци?“—„Пишлы на вечерныци“.—„Нехай же малѣньки диты сплять!“

Отъ „сплишныка“ (болѣзнь при которой корчится дитя, деретъ назадъ голову и лежитъ больше на головѣ и ногахъ): 1) вынимаютъ изъ печи паяницу, раньше другихъ туда посаженную, сыроватой, поднимаютъ верхнюю корочку, берутъ оттуда горячее тѣсто, скатываютъ изъ него „трычи по девять“ комочковъ и катаютъ ими по спинѣ больного дитяти; 2) готовить въ ночвахъ купель для ребенка, разстилаютъ чистенькую пеленку, просѣваютъ на нее „попилу“ (зола) чрезъ сито, которое держатъ руками съ вывороченными въ стороны ладонями, заворачиваютъ эту золу въ пеленку, на которой и купаютъ больное дитя.

При „сухотахъ“ (сухость, чахлость ребенка: 1) какъ только увидятъ въ первый разъ молодой мѣсяцъ, обливаютъ больного ребенка водой на томъ же мѣстѣ и бросаютъ его рубашечку тутъ же; 2) идутъ въ лѣсъ, разщепляютъ деревцо, протягиваютъ больного туда и обратно три раза такъ, чтобы въ послѣдній разъ, протянувъ ребенка, оставить его сорочку въ деревѣ, въ которое вкладываютъ шалочку и поясокъ дитяти, сами же уходятъ оттуда, не оглядываясь и не здороваясь ни съ кѣмъ.

3) На мѣстѣ, гдѣ лежитъ „дрѣветня“ (колодка, на которой рубятъ дрова), копаютъ ямку, въ которую кладутъ больного, поливаютъ его тепленькимъ кулишомъ, снимаютъ съ него платье, оставляютъ его тутъ, засыпаютъ землей и сверху опять кладутъ

дрыветню“. 4) „До схиць сонця“ баба кладеть или сажаеть больное дитя въ печь, а на припечкѣ разводить огонекъ; затѣмъ мать больного или приглашенная вдовушка говоритъ съ бабой въ трубу: „Помогай-би тобі!“—„Здоровъ!“ отвѣчаетъ баба.—„Шо ты робышь?“—„Дытыну гнытю“.—„А хто въ свити выдавъ, шобъ дытыну гнытылы?“—„А хто въ свити выдавъ, шобъ дытыну сухоты нападалы?“ Такъ онѣ говорятъ три раза, послѣ чего вынимають изъ печи больного ребенка.

При „плиснивки“ (болѣзнь языка): 1) натоцакъ крестообразно лижетъ языкомъ „коминь“ и волосами труть языкъ, 2) дуютъ больному въ ротъ и шепчуть: „Вацю, свыни, до корыта, жабы до болота, а плиснивка зъ рота“, или: „дымъ угору, череда додому, а плиснивка додолу“. „Плиснивка буваеть отъ того, шо грыбишокъ берутъ у ротъ“.

Отъ „урокивъ“ („зглазь“) поятъ, умывають и смачивають разными водами: свяченой, наговоренной, непочатой и полученной отъ обмыванія особенно чтимой иконы, а также шепчуть молитвы.

При зубныхъ болѣзняхъ заговаривають зубы, читають молитву Господню на молодыкѣ, парятся надъ кипяченымъ дурманомъ, кладуть на больной зубъ ладонь, а также срываютъ „трыдевать“ стебельковъ молочая, варятъ ихъ въ горшкѣ три раза въ продолженіи трехъ дней; затѣмъ переливають отваръ въ кувшинъ, парятся надъ нимъ и во рту полощатъ, стараясь при этомъ не пролить ни одной капли отвара. Когда напарять и выполощутъ ротъ, выливають эту молочайную воду туда, гдѣ сходятся три плетня вмѣсто.

При болѣзняхъ груди и простудѣ: 1) идутъ натоцакъ въ хлѣвъ или повитку и давять грудью объ соху, 2) пьютъ, какъ чай, настой липоваго цвѣта, бузины и травы „буквици“.

Отъ поноса—рвутъ деревей, толкутъ его, настаивають и пьютъ; ѣдятъ сухари и груши, а дѣтямъ перевязывають мизинецъ правой руки заплочью съ свадебнаго калача.

Отъ золотухи—шепчуть и моють голову отваромъ ивы („ывыны“).

„Огныкъ“ (сыпь на лицѣ) засыпають золою изъ пережженнаго помела, крешуть кресаломъ противъ лица черезъ порогъ или

черезъ ручеекъ, гдѣ есть вода, и скатываютъ „тридевять комочковъ изъ клочча“, катаютъ ими по лицу и потомъ бросаютъ въ печь.

При ломотѣ спины (боль поясницы, „свихъ“), срывають мышку, давятъ „поперѣкъ“ (поясницу), стряхиваютъ, пьютъ мѣдныя стружки изъ старыхъ монетъ и поднимаютъ телѣгу или плетень, когда весною услышатъ въ первый разъ громъ.

Порѣзы закладываютъ паутиной и цвѣточками „петроваго ба-тога“, а зимой смачиваютъ раны отваромъ изъ него.

Обжоги мочатъ гущей и кислымъ молокомъ.

Отъ „бышыхи“ (рожи) подкуриваютъ вощиной отъ мертвыхъ пчелъ, „свяченою лушпыною“ (скорлупою) изъ яйца и ладаномъ, а также шепчутъ, говоря: „Ставь дидь Клымъ шептаты, стало лыхо всыхаты“.

Больныя ноги мажутъ керосиномъ.

Заговоры. Мѣстными знахарями, относительно лѣченія, заговариванія зубовъ и наговариванія воды для людей и скота, чаще бываютъ женщины, пользующіяся большимъ довѣріемъ народа. Свои знанія онѣ держатъ въ секретѣ, а лѣкарственныя „молитвы“—всякіе заговоры и слова, произносимыя во время лѣченія, называются у нихъ молитвами—шепчутъ про себя, начиная всегда словами „Господы помози“ и „дай, Боже, часъ добрый“, и сопровождая затѣмъ крестными знаменіями и земными поклонами.

При заговариваніи зубовъ, берутъ слегка за щеки больного и говорятъ слѣдующую „молытву“: „Мисяце Адаме! бувъ ты на тимъ свити?—Бувъ.—Бачывъ мертвыхъ людей?—Бачывъ.—Шо въ ихъ зубы болять?—Не болять.—Такъ шобъ и въ раба (имя) не болилы, не щимилы, а якъ у камини стрымили—судъ судомъ, викъ викомъ. Цѣму слову аминь. Помози, святой Антоній“.

При заговариваніи крови („кровъ замовыть“,—остановить) людямъ и скоту: 1) Сначала читаютъ молитву Господню, а потомъ говорятъ слѣдующія слова: „Ишла Пречыста Маты черезъ мисть, поставила трость; трость стала, а кровь перестала“; 2) Говорятъ трижды или девять разъ: „на гори на Осіянски, тамъ стояла скырта соломы. Кровъ червона! Стой кровь, не йды! Буде тобі, крове, те, шо тій души, шо въ нидиллю

рано йисть та пье. Не соби замовляю, а рабу Божому“ (имя).
3) „Ишло дви сестри по Божій пути, несли два ножи,—цю-
каюцьця, рубаюцьця и кровь не йде“. Эта молитва говорится
много разъ безъ передышки.

Если кто перепугается или кого „пидвие витромъ або вых-
ремь“, того берутъ за голову руками и лѣчатъ, говоря: „Спа-
сы, Господы, и помылуй одъ витру и выхрю, одъ огню и пу-
жарю, одъ воды и потону, одъ лыхого лыходия, одъ злого чо-
ловика, и одъ скорбїи и болїзни, и одъ великои напасты“. Эту
молитву „одъ выхрю и витру“ читають, кромѣ лѣченїя, утромъ
и вечеромъ, когда Богу молятся.

Народъ вѣритъ, что многіе люди страдаютъ болѣзнями го-
ловы и костей „одъ закрутѣкъ“, насылаемыхъ мстительными
знахарками „по злоби“. Вотъ одинъ разсказъ нехаевской кресть-
янки, записанный мною со словъ ея, въ которомъ сообщается исто-
рїя болѣзни и ея лѣченїе. „Одна жинка женыла сына. Писля свай-
бы вона захворала: болыть та й болыть у неи поперекъ, якъ
цуркую круте. Стала вона людимъ хвалыцьця. Люды посовету-
вали позвать ворожку-знахурку. Позвали. Та подывылась, ска-
зала, шо це закруткы и велила распороть подушкы. Распоро-
лы, подывылись, ажъ тамъ накручено: и обрѣвочки, и солома,
и ганчыркы, и чого тамъ нема вмисти съ пирьемъ! Знахурка
выбрала ци закрутки, забрала ихъ въ платокъ та й каже:
„Та вжежь и сукина дочь! Мабудь годивъ на двѣ закрутыла.
Прынесыть мيني соломки изъ свынѣчаго барлогѣ; —я оци за-
крутки съ тиею соломкою возьму додому и тамъ спалю ихъ,
воно Богъ дастъ и полегша тобі“.

„Непечатá вода“ добывается при слѣдующихъ условїяхъ. Жен-
щина знахарка надѣваетъ на себя все чистое, какъ въ празд-
никъ, и ночью, когда не слышно людского говора и шума,
идеть въ сопровожденїи кого-нибудь брать воду изъ трехъ ко-
лодезей. Предъ каждымъ колодеземъ кладетъ она три земные
поклона и говоритъ: „Господы Исусе Хрысте, Сыне Божый,
помылуй насъ, аминь. Здоровъ, земля Тытяно, а вода Оляно!
Благословы мيني, Господы, водыци набраты рабу Божому (имя,—
а если воду берутъ для скота, то говорятъ: жывотнїй рыжый
или чернїй скотыныни) для пѣмочи,—тыхой й смѣрной—изъ гирь,

изъ яривь, изъ Дону, изъ моря. Создай же Ты, Господы, милость Божу на насъ грѣшныхъ, обрадуй насъ праздничкомъ святымъ, краснымъ яечкомъ. Пошли жъ Ты, Господы, рабу Божому (имя) чого винъ у Бога просе“. Если воду берутъ для скота, тогда послѣ словъ „изъ Дону, изъ моря“, говорятъ такъ: „Пошли жъ Ты, Господы, Божую росыцю ций животнѣй скотыныни бля хозяена, хто йийи пое й корме. Просю я Тебе, Господы, пошли жъ Ты бля малѣнькихъ дитей и бля старыхъ людей, бля прыбувающихся и бля прыхожающихся, бля ныцы братїи и бля всехъ православныхъ христїанъ“. Набравши воды, говорятъ трижды: „слава Тоби, Господы, слава Тоби“; потомъ идутъ домой, не оглядываясь и не разговаривая ни съ кѣмъ, и всю дорогу читаютъ молитву Господню и другїя молитвы и крестятъ воду. Прийдя домой, ставятъ воду на столъ, зажигаютъ восковую свѣчу, проводятъ ею крестообразно надъ кувшиномъ съ этой водой, и потомъ ставятъ свѣчу къ иконамъ. Начинаетъ знахарка класть поклоны и читать всякія молитвы, какія она знаетъ, а въ заключеніе читаетъ слѣдующую „молытву сглазь“: „Божа Маты на престоли стояла, молытву читала, по всему свиту разсылала и веимъ православнымъ христїянамъ для помощи посылала. Спасы, Господы, и помылуй отъ урокивь нишнихъ и полунишнихъ, отъ вечирнихъ, денныхъ и полуденныхъ. Хрестомъ охрещаются, хрестомъ ограждаются, хрестомъ це горе проганяю. Оступыся ты, горе, нерадивое, отъ чотырехъ головъ храменныхъ... Тутъ есть домъ Божїй. Тебе, горе, заклынаты живымъ Богомъ, ниякои пакосты не сдилаты рабу Божому (имя);—на ёму Духъ Святъ спочывае, Тройця Святая просвищае. Во имя Отца и Сына, аминь. Царыця преблаженная, надежна Богородыця, прїятелице скорбящїи радости, поможы, яко немощна накормы, яко странна беда иса разлушы; яко живольше, нема мини помочи ни отъ кого, якъ одъ Бога, Матери Спасытеля небеснаго. Яко Господь милосерднѣй сокрыеть и покрыеть насъ грѣшныхъ. Господы, Боже милосерднѣй! создай же Ты, Господы, милость Божу на насъ грѣшныхъ; возрадуй Ты насъ, Господы, праздничкомъ святымъ, краснымъ яечкомъ, годовымъ праздничкомъ; порадуй Ты, Господы, раба Божого или рабу Божу (имя) здоровьемъ, аминь“.

Прочитавши эту молитву, обмываютъ „наговоренною водою“ святую икону, послѣ чего вода становится годною къ употребленію людямъ и скоту отъ болѣзней. Такою водою поятъ, смачиваютъ и окропляютъ людей (и скотъ), страдающихъ „уроками, переполохомъ, супротивнымъ“ и другими болѣзнями. Если больной („спорченный“) скотъ дѣлается злымъ, реветъ и не допускаетъ къ себѣ лѣкарки съ водою, то она для укрощенія его нѣсколько разъ читаетъ: „Помьяны, Господы, царя Давыда и кротость его“.

Къ врачамъ народъ относится неособенно довѣрчиво и обращается къ нимъ только при опасныхъ болѣзняхъ и операціяхъ или когда, испробовавъ всѣ лѣченія мѣстныхъ знахарей и знахорокъ, ничто не помогаетъ.

Народная ветеринарія.—Почти отъ всякихъ болѣзней скотъ подкуриваютъ чѣмъ нибудь „свяченнымъ“ и окропляютъ святой водою, а также шепчутъ молитвы и наговариваютъ воду. Отъ чумы заливаютъ въ ротъ скоту бураковый квасъ съ солью и разныя слабительныя масла и проч. Отъ жабы накалываютъ языкъ иглой и затаптываютъ солью.

„Перелогѣ“ лѣчатся молитвами и прикладываніемъ на крестъ дѣтской шапки между рогами, ногами и вокругъ всего тѣла, бьютъ по бокамъ животнаго пустымъ мѣшкомъ. Если быкъ истощаетъ и ничего не ѣстъ („нападае кровь“), то отрѣзываютъ ему наискось ухо, бьютъ по немъ палочкой и выпускаютъ кровь. Отъ вздутія живота мажутъ бока дегтемъ, гоняютъ скотъ, заливаютъ квасомъ съ солью и насыпаютъ соли въ уши. „Курдюкъ“ (ящуръ) засыпаютъ пережженными конскими костями и пережженнымъ пшеномъ. Когда скотъ болѣетъ „на ротъ и ноги“, тогда мажутъ таковые дегтемъ и квасомъ съ галуномъ. Больныя копыта у рогатаго скота мажутъ свинымъ саломъ, распускаемымъ на горячей полосѣ желѣза, поставленной между больными копытами. „Скала“ (трещина и загниваніе на нижней сторонѣ копыта) вырѣзывается ножомъ и „запкваривается“ саломъ, послѣ чего больныя ноги подковываются. Опухоль у рогатаго скота давится зубами найденной конской челюсти, послѣ этого челюсть кладется на старое мѣсто такъ, какъ лежала прежде. Раны скота заливаютъ скипидаромъ, дегтемъ и купо-

роснымъ масломъ, а также затаптываютъ известью („вапною“), синимъ камнемъ и порошкомъ изъ перетертыхъ и просѣянныхъ травъ „ранникъ, фелілынку и гирчакъ“. Запоръ лѣчатъ наговариваніемъ воды и молитвами, а также заливаютъ мыломъ и „оливою“, роспущенными въ водѣ. Поносъ лѣчатъ питьемъ изъ свареннаго дерева, а теленкамъ перевязываютъ хвостъ заполочью изъ свадебнаго калача и затягиваютъ въ ухо шелковую ниточку. Стертую у бычка шею („прыпоръ“) мажутъ ежевымъ саломъ. Отъ укуса гадюки лѣчатъ молитвами, травами и деревяннымъ масломъ, настоящимъ паукомъ (тарантуломъ). Бѣльмо у рогатаго скота и у лошадей задуваютъ сахаромъ и солью. Если лошадь падаетъ на землю, качается, бьется и водить головою въ разныя стороны („бьетъ шутъ или грець“), то ее напайваютъ бураковымъ квасомъ съ солью, а также шепчутъ молитвы. „Лопотуха“ (омертвеніе) лѣчится прикладываніемъ раскаленнаго желѣза къ пухлымъ мѣстамъ.

Свиной лѣчатъ отъ рвоты и тошноты питьемъ, свареннымъ изъ травы „свинячаго глыстняка“ и настоемъ изъ стараго ржаваго желѣза, которое бросаютъ въ помой.

Пословицы и поговорки о больняхъ.— Хвороба не сморыть, а зноровыть. Хворать хворае, а хлибъ безъ памьяты йиеть. Хвороба никого не красыть. Личиннымъ конемъ недовго йиздытымышъ. Болятъ ручки и ножки и въ животи трошки. Хворому хохлѣ помажь губы саломъ, а козаку кыслымъ молокомъ, такъ воны и одужають. Чоловикъ жинку любе здорову, а братъ еестру богату. Зажыве якъ на собаци (порѣзы, уколы). Чуже лыхо за сахаръ. Чужу быду руками разведу, а свой ума не прыложу. Глухый не дочуе, та прыбычуе (прибавить).

Занятіе никольскихъ жителей главное и почти исключительное — *земледѣіе*, чему способствуетъ здѣсь весьма жирная, черноземная почва, на которой произрастають всякія хлѣбныя растенія. Посѣва у каждаго крестьянина бываетъ различное количество,—отъ 3 или 5 до 50 десятинъ и болѣе, смотря по количеству рабочихъ рукъ и по достатку; въ среднемъ хозяйствѣ сѣется отъ 10 до 20 десятинъ разнаго хлѣба. Изъ хлѣбныхъ злаковъ первое мѣсто по количеству посѣва занимаетъ пшеница гарновка, идущая въ продажу и для пици; ячмень,

жито, просо и овесъ сѣются каждымъ крестьяниномъ въ небольшомъ количествѣ для своихъ домашнихъ потребностей; остатки нерѣдко продаются. Осимой пшеницы и красной (гирки) здѣсь почти не сѣютъ, а гречихой, кукурузой, свекловицей, рапсомъ, рыжеемъ и посѣвными травами вовсе не занимаются. Изъ маслянистыхъ растений понемногу сѣютъ для себя и для продажи ленъ, коноплю и подсолнухъ. Что же касается гороха, фасоли, чечевицы, бакшъ и огородныхъ овощей, то онѣ сѣются и садятся исключительно для своихъ домашнихъ потребностей.

Пчеловодствомъ въ прежнее время занимались многіе, но теперь оно, вслѣдствіе неблагоприятныхъ годовъ, упало; въ 1893 г. пасѣки опять нѣсколько возросли. Старинныхъ пасѣчниковъ въ слободѣ и хуторѣ насчитывается не болѣе 20 человекъ. Изъ нихъ два имѣютъ болѣе, чѣмъ по 100 колодокъ-дулянокъ, три—отъ 50 до 100, семь—отъ 25 до 50, а остальные имѣютъ менѣе, чѣмъ по 25 семействъ. Пчеловодство у всѣхъ пасѣчниковъ самое простое, первобытное, безъ всякихъ измѣненій и усовершенствованій. Пчелиныя семейства помѣщаются въ дулянкахъ, о рамочныхъ же ульяхъ пасѣчники и понятія не имѣютъ. Зимую пчелы сохраняются въ омшанникахъ (погребахъ), построенныхъ на возвышенныхъ, сухихъ мѣстахъ. Около Благовѣщенья ихъ вынимаютъ оттуда, ставятъ въ саду или огородѣ и закармливаютъ сьтой, въ которую одни изъ пасѣчниковъ подмѣшиваютъ водку или вино, коричку и гвоздичку, а другіе „дарныкъ“ (артось), благовѣщенскую просфору и другіе освященные предметы. Въ апрѣлѣ или маѣ, когда отцвѣтутъ сады, вывозятъ пчелъ въ лѣса на лѣтній взятокъ, гдѣ онѣ и роятся. При уборкѣ роевъ употребляютъ святую воду, окропляя ею улей, въ который сажаютъ рой, и мѣсто, гдѣ его ставятъ. Тутъ же и перегоняютъ пчелъ,—т. е. выгоняютъ ихъ въ пустой улей, куда онѣ должны на зиму наносить себѣ корму, а съ прежняго улья выбирается весь медъ для продажи. По прекращеніи взятка привозятъ пчелъ домой и ставятъ на старыя мѣста. Въ первой половинѣ октября, въ хорошую погоду, пчелъ кладутъ въ зимнія помѣщенія. Нѣкоторые изъ пасѣчниковъ

считаюся знахарями, могущими произвольно послать своихъ пчель на чужую пасѣку для ограбленія и т. п. Относительно пчель говорятъ: „бджолы—Боже созданія, ихъ грѣхъ быть и душишь“; „якъ бджолы прыеняцьця, такъ къ умеруцому“; на бджолу грѣхъ казать „пропала або здохла“, а треба казать „умерла“, якъ чоловікъ; „захотивъ кануну зъ мертвыхъ бджилъ“.

Садоводствомъ крестьяне почти не занимаются, если не считать кое у кого маленькихъ домашнихъ садиковъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ плодовыхъ деревьевъ: яблонь, грушъ, вишенъ и сливъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляетъ только здѣшній волостной писарь (попечитель училища), который самъ развелъ прекрасный садъ со всякими плодовыми деревьями. Кустарныхъ промысловъ нѣтъ, существуетъ небольшая торговля скотомъ, птицей и яйцами, собираемыми прїѣзжими и своими торговцами (часто крестьянами) по окрестности и отправляемыми для продажи въ Москву, Ростовъ и другія мѣста, а также мелкая торговля керосиномъ, дегтемъ, постнымъ масломъ, спичками, ремнемъ, сапогами и проч. Отхожіе же промыслы на Донъ и Кубань существуютъ ежегодно въ большомъ количествѣ: туда чаще отправляется молодежь послѣ весенняго Николая и нанимается въ большинствѣ случаевъ до Покрова.

Религіозное настроеніе народа наглядно выражается частымъ посѣщеніемъ храма Божія, который въ зимнее время по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ едва вмѣщаетъ молящихся. Молится народъ и дома, но старые неграмотные люди по своей простотѣ и невѣдѣнію сильно извращаютъ церковныя молитвы и выдумываютъ свои. Вѣру отцевъ своихъ народъ хранитъ крѣпко и ни въ какой расколъ не совращается. Здѣсь нѣтъ сектантовъ, кромѣ трехъ семействъ старовѣровъ-торговцевъ, переселившихся сюда изъ Стародуба (Черниговской губ.) и принадлежащихъ къ поповцамъ австрійскаго толка.

Особенно чтимыхъ или замѣчательныхъ своею древностію иконъ, церквей и монастырей не имѣется; старыя же книги прошлаго вѣка есть въ церкви, а именно: 1) Ирмосій, напечатанный въ Москвѣ 1767 г., 2) Требникъ, напечатанный

тамъ же въ 1771 г. и 3) Минея мѣсячная, служебная, напечатанная тоже въ Москвѣ въ 1781 г.

Крестьянская благотворительность выражается въ приѣмѣ къ себѣ сиротъ, въ подачѣ милостыни нищему, въ разной помощи во время нужды, несчастія и т. п.

Пословицы и поговорки: „Эй Богу и дѣлыби, хрестъ на лоби, хрестъ хрестомъ, та ще й зашморгомъ (божба). Завсегдѣ годыця Богу молиця. На Бога полагайся—не погыбшый будешъ. Богъ не безъ мылосты,—козакъ не безъ щастя. Богъ богатый, та й намъ дастъ. Кто сѣрять питае, того Богъ не забувае. Якъ Богъ дастъ, такъ и въ викно подасть. Винъ жывыи до Бога лизе. Сыдыть и Богъ баче. Шо Богъ то Богъ, та й самъ не будь плохъ. Не хвалысь богатствомъ,—не взявъ Бога за бороду. Богъ не Мыкытка,—зъ Нымъ не шуты. Богъ не теля,—Винъ баче видтиля. Зъ голого, якъ съ святого. Святъ, святъ—горшки летять. У ёго ангельскій голосокъ, та чертова думка. Душа християньска, та совисть цыганьска. До церкви близько та слызько, а до кабака далеко та легко. Який цинъ, таке й благословення“.

Молитвы.—Молитва утренняя и вечерняя: „На гори на Осіянески, тамъ стояло капарысне дерево; пидъ тымъ деревомъ прыстоль, пидъ тымъ прыстоломъ Божа Маты спала-спочивала. Пришовъ до неѣ Кий и Самъ Сусъ Хрытосъ. Маты жъ моя, Диво Марие, чы Ты спышъ, чы такъ лежышъ?—Сыну мий и Боже жъ мий, я не спала, страсть во снѣ выдала, якъ жыды Суса Хрыста на муку брали, на деревѣ руци й нози роспыналы, гвѣздемъ руци й нози прыбывалы, терновый винець на главу накладалы, коньемъ ребра пробывалы, кровь испускалы. Ангелы зъ небесъ излиталы, слизно плакалы-рыдалы, золоти кубѣчки пидставлялы, восточной крѣви до земли не допускалы.—Не есть же це, Маты, сонъ,—есть же це ыстына правда“.—„Хто буде цю молитву рано й вечеръ чытаты, буде ёго Господь зоберегаты одъ огню и одъ воды, и одъ всякой быды, одъ наглоѣ смерты. Намъ на вики викомъ, аминь“.

Молитва вечерняя: „Ходыла Божа Маты, Марія, по Божому городѣ, лягла на прыстоли, немного спочывала, во снѣ

выдала; прійшли три Кии и трое жидовячь, взяли Иуса Христа та пидь били руки, повелы на дерево, стали распы-наты, руци й нози гвоздями прыбиваты; стали ангелы зъ небесъ злитаты; золотїи кубкы пидь Хрыстову кровь пидстав-лялы, Хрыстовои крови до земли не допускалы.—Збережы, Боже, наши души до пивночя, изъ пивночи до свита, одъ свита Самъ, Иусъ Хрыстосъ, до вику. Аминь“.

Молитва на сонъ грядущій: „Хрыстомъ охрыщаюсь, хры-стомъ спаты лягаю, хрестъ пры мини, пры моему снї. Пры-чыста въ головахъ, ангелы по бокахъ. Сторожи Божи, сто-рожи добри! Стерезить души до пивночи, а съ пивночи до свита, а одъ свита до нѣни, а одъ нѣни до вика викомъ, аминь“.

Привожу одинъ характерный разсказъ: „Якъ Богъ зъ св. Пет-ромъ ходывъ по земли, такъ тоди Петръ побачывъ погану собаку и сказавъ: „Господы! онъ скажена собака“. На це Гос-подь одвичавъ: „Ничего, св. Петре, сотвори воскресну молитву и вона насъ не зачепе“. Пишлы вони дальше. Побачывъ Петръ пьяного чоловика и каже: „Господы! пьяный чоловикъ иде“. Господь сказавъ: „Эге, св. Петре, давай обыйдымъ: „пьяный чоловикъ хуже скаженои собаки“. Петръ удывывся цымъ сло-вамъ Господа. Упросылысь вони ночувать въ однимъ доми. Хозяинъ цего дома бувъ пьяный и начавъ быты свою жинку. Св. Петро сказавъ: „Господы! який же дурный пьяный чо-

тучи). „Стоять кони на прыпони, не пьютъ—не йидять, а сыти стоять“. (Кавуны или арбузы). „Сирый виль усихъ людей извивъ“. (Утро). „Лысый виль кризь ворота дывыцьця“. (Мѣсяць). „Корова лежыть, а шкура до воды бижыть“. (Подушка). „Сира корова всихъ людей поборола“. (Ночь). „Крыкнувъ виль на сто городивъ,—збиглыся диткы не однии маткы“. (Колоколь и люди). „Иде свынѣ одъ тытара та вся вона потыкана“. (Наперстокъ). „Симсотъ поросятъ одну матку сцуть“. (Сволочки). „Середь лиса-лиса старци шкуру мнуть“. (Поросята, сосущіе свинью). „Костянь деревьянь черезъ гору свыней гнавъ“. (Гребешекъ). „Баранъ у хливѣ, а рогы на двори“. (Буракъ). „Жовта курыця пидъ тынь кўблыцьця“. (Дыня). „Середь лиса-лиса, лежыть шматокъ зализа, — ни взять, ни пиднять, ни на визь положить“. (Гадюка). „Повзунъ повзе, голкы везе“. (Ежъ).

Скороговорки: „Посми́тьтюха съ посми́тьтюшеня́тами. Перепелы́чка мала-невелы́чка трычи по трычи та не выпидподю́мкаецця. Гракъ гнылоносый. Ряба курка крупы́ клюе́. Летивъ горобець черезъ верхвѣрхний хливець, нисъ пудъ гороху и намъ давъ по-троху. Летивъ шпакъ черезъ попивъ макъ, нисъ мирку гороху бизъ червоточыны, бизъ надчервоточыны“.

Народная ботаника. 1) *Деревья простыя, плодовые и кусты.* Всѣ деревья, какъ простыя, такъ и плодовые, сажаль и сѣяль Господь. Если зимою на деревьяхъ будутъ большія и твердыя „брунькы“ (почки), такъ это къ хорошему цвѣтению и урожаю плодовъ, а если онѣ будутъ малыя и мягкія, значитъ не будутъ цвѣсти деревья. Когда дерево сильно цвѣтетъ,—не жди хорошаго урожая плодовъ: его „зглазять люды“, а когда цвѣтетъ умѣренно, тогда больше плодовъ будетъ. „Якъ гримъ загремыть на голый лисъ, такъ буде на все неурожай“.

Верба. „Якъ вербу посадышь на молодыці, такъ молодныкъ здорово ростыме, но дерево не кришкѣ буде, а якъ посадышь на старому мѣсяци, такъ молодныкъ не скоро ростыме, за то дерево буде кришке. Вербу треба рубать на тощакъ въ жылявый понедилокъ, шобъ вона прочна була для постройки. Якъ у кого болять зубы, такъ треба выризать корочку, або сердце, съ свяченой вербы, яка росте у городи, и прикладать до боль-

ного зуба, а потімъ того однести цю корочку и вставить на прежне мисто, въ вербу, щобъ вона тамъ и прыросла“.

Ива. „Ивыну вѣрють и мыють голову одъ болячки“ (золотухи).

Тополь. („Туполя“). Листья и вѣтви „туполи“ варять и этимъ отваромъ моють лицо, „щобъ зийшли вугры“ (прищики, чирья на лицѣ).

Пирамидальная *тополь* здѣсь называется „райына“ или „рай дерево“, а черная тополь, осокорь, — „сокирь“.

Осина. „Якъ Спасытель ховався одъ жыдивъ, такъ тоди Винъ пишовъ та й сивъ пидъ осыкою, а вона якъ зашелестыть, та й злякала Спасытеля. За це Винъ проклявъ ии и сказавъ: „Бо дай же ты шелестила и зъ витромъ, и бизъ витру“. Поэтому листья осины и безъ вѣтру трепещутся и шелестятъ. Осины не кладуть при постройкахъ въ стѣны домовъ, „ато вся сымья дрожатыме день и ничь одъ хворобы, такъ якъ дрожыть осыка“. „Осыкы боицьця всяка нечыть: видьмы, колдуны, злый духъ“ и проч. Если въ плетень загороды повтыкають осиновыя вѣточки, то въ такую загороду не можетъ зайти вѣдьма, и не можетъ она испортить коровы.

Кленъ и пѣкленъ. „Пѣклена похожа на клыныну, тилко мякче ии и хуже на хозяйственни подилкы, та сердце у неи чорне и листья шырше, чымъ у клыныны“.

Черемуха. Черемухи въ здѣшней мѣстности довольно много. „Якъ нападуть скотыну воши, такъ тоди рубають молоду черемуху, парять ии, скручуютъ обручемъ и винають на шню тий скотыныни“.

Липа. „Лыпеною не годыцьця быть скотыну, а то здохне. Лыповый цвितъ пьютъ одъ простуды“.

Берестъ и вязъ. „Берестокъ и вязокъ“ употребляются на колеса, возы, сани, бѣроны и оси, въ стѣны же домовъ при постройкахъ ихъ не кладуть: „не годыцьця,—грихъ“.

Дубъ. Въ листьяхъ, которые зимуются на дубѣ, парять больныя ноги отъ ломоты. „Якъ у кого заболать зубы, такъ щобъ пересталы болить, винъ долженъ найты молодого дубка, стать передъ нымъ и трычы сказать: „дубе, дубе! я тебе зыймъ зъ гыллямъ, съ кориннямъ, съ пагиннямъ („паганци“—молодые побѣ-

ги): гамь! гамь! гамь!!—Если на дубѣ уродится много желудей, будетъ урожай на жито.

Ясень. Когда волю, съѣвшіе паука или вредную траву съ росой, обдуются, тогда берутъ ясеновую палочку и бьютъ ею три раза „навхрестъ по ливой здѣхвини“, отчего болѣзнь проходитъ. Ясень — крѣпкое дерево, употребляемое на столярныя издѣлія. Съ нимъ связанъ слѣдующій рассказъ: „Вывизъ мужыкъ на новимъ вѣзи, съ ясенными пидтоками, продавать кабана. На базари обступылы его ворыты, та одынь изъ нихъ и пытае мужыка: „Зъ чого це у тебе пидтоки?“—„Покоштуй тай знатымышъ съ чого“, каже мужыкъ. „Давай я ихъ перегрызу“. „Перегрызы“. „А шо ты мини дасы?“ „Та шо жь? кабана оддамъ“. „Ну, дывысь же сюды, щобъ пѣсли не казавъ, шо я ихъ переризавъ!“ сказавъ воръ, и начавъ грызты пидтоки, а мужыкъ дывицьця на его, якъ винъ грызе. Вѣривы товариши узялы кабана и понесли. Мужыкъ все дывицьця, а воръ грызъ, грызъ, и плонувъ та й каже: „Пху! яке дерево криккѣ: ясень, не ясень, кабанъ унесень. „Прощай!“ И пишовъ за своимы товаришамы, яки украли кабана“.

Яблоня. „Шобъ завести гожихъ яблунь, такъ треба посіяти яблунни зерна и, якъ вони зійдуть и поростуть одно лито, тоди выкопаты ихъ, и поставыть на зиму въ погрибъ, а весною выньняты и впять посадыть. Писля цього вони гѣжо пидуть росты и годивъ черезъ три уродять“.

Груша. Грушевые плоды ѣдятъ отъ поноса, а также перепаливають ихъ и пьютъ съ водою отъ той же болѣзни.

Вишня. Вышни слѣдуетъ выкапывать и пересаживать натошакъ, „шобъ хорошо прыйнялысь и росли“, а на Новый годъ нужно зерна, разбросанныя носыпальниками, собрать и разбросать между ними, „шобъ тамъ черва не заводылась“.

Сливы и теренъ. „Сливы“ въ здѣшной мѣстности немного, „теренъ“ же распространенъ вездѣ.

Чернокленъ, или „чорноклына“. Это маленькое деревцо употребляется на „пужална“ для кнутовъ.

Орѣшникъ, или „лицына“. Съ орѣшника крестьяне приготовляютъ хорошія „граблыщя и цыпылна“, т. е. рукоятки для грабель и для цѣпа.

Жостиръ. Плодами жостира настаиваютъ водку и пьютъ ее отъ грудныхъ болѣзней, а также дѣвушки моютъ голову, „шобъ вона не болила и шобъ волосся чорняве було“, и натираютъ лицо, „шобъ пройшло ластивьяче ряботыння“. Его же ягодами женщины красятъ въ черный цвѣтъ свои „дерги“.

Калина, или „калына“. Ея ягоды завариваютъ кипяткомъ и пьютъ, какъ чай, отъ простуды.

„*Шепшыну*“ (шиповникъ) и „*глидъ*“ (боярышникъ) сотворыль лукавый, „шобъ люди лаялысь и гришылы, якъ уколяцьця нѣмы“.

„*Брусльна*“ раньше употреблялась сапожниками для сапожныхъ гвоздей.

Бузина. Бузиновый цвѣтъ завариваютъ и пьютъ отъ простуды.

„*Поришкы*“ или „заячи оришки“. Такъ называется низкій кустарничекъ, на которомъ растутъ продолговатые, плосковатые и мохнатые орѣшки, употребляемые дѣтьми въ пищу. Нѣкоторые же называютъ „поришкамы“ и смородину, которая мало распространена въ здѣшней мѣстности.

Крыжовникъ, называемый „кряжовныкомъ“, мало распространень.

Малина, или „малына“ встрѣчается еще рѣже крыжовника.

Ежевика. „Ожны“ здѣсь въ лѣсахъ и „въ вербахъ“ весьма много.

2) *Хлѣбныя и огородныя растенія*. *Пшеница*. Когда еще не было хлѣбныхъ растеній, тогда люди питались липовыми листьями и липовой корой, да „пѣтрохомъ“ изъ деревьевъ, т. е. тѣмъ, что сыплется изъ древесныхъ червоточинъ. Затѣмъ Господь далъ пшеницу, только не человеку Онъ далъ, а собакѣ. „Вона завыла одъ голоду, а Богъ зъ неба и кынувъ ий колосокъ пшеницы прямо въ ротъ, но чоловікъ выхватывъ у собаки зъ рота цей колосокъ, ставъ сять и развивъ пшеницю. Значыть намъ грихъ убывать собаку, — мы йимо йи долю“.

Рожь. Если послѣ посѣва „жита“ въ скоромъ времени пойдетъ дождь, а потомъ морозъ ударить, то оно можетъ погибнуть, — у него примерзнутъ молодые корешки, — „паганчыкы“.

Просо. Если набрать въ „хустыну“ (платочекъ) проса и обсыпать имъ три раза вокругъ того мѣста, гдѣ собирается на улицу молодежь, тогда парубки и дѣвки будутъ ругаться и даже биться. Для прекращенія же этихъ беспорядковъ, должны

камы" (подси́жниками), немного раньше другого рода „півныквѣ“, желтаго цвѣта, называемыхъ „галѣцвиткамы“.

„Цмиль или цмильмакъ“, (иммортель) пережигаютъ и золою затоптываютъ „бѣныкъ“.

Существуютъ еще: „Ряска“, „яглыця“, употребляемая для борща, „собѣча гречка“, любимая травка для собакъ, „куряча слипота“, отъ которой заболѣваютъ этой болѣзнию люди и животныя, „собѣчи кавуны“, которые ѣдятъ собаки отъ бѣшенства, „гусѣчый молочай“, отъ котораго гуси жирѣютъ, „гадючій лукъ“, которымъ зимою питаются гадюки, „смоктунъ“ (чистецъ) и „варѣнечкы“—медоносные цвѣты, „лопуцькы“, употребляемые для ѣды въ сыромъ видѣ, „бабкы“, „маркивныкъ (церковныкъ)“, „сверіпа“, „козѣлькы“, „борщивныкъ“, или „хрестати лопуцькы“, „грѣцыкы“ и „молочай“,—последнія два растенія горькія, если не потереть ихъ въ рукахъ.

Изъ грибовъ, которыхъ здѣсь не мало растетъ, употребляютъ въ пищу: „печерыци“ (шампиньоны), „опѣнькы“ (опѣнки) и „гарашкы“.

Пословицы и поговорки. „У ёго на верби груши растутъ, а на осыци—кыслыци. Скоро садъ садятъ, та не скоро плоды йидятъ. Симъ годъ макъ не родывъ, та голоду не робывъ“.

Загадки. „Сыдыть дидъ надъ водою, трусы бородою“. (Камышь). „Сыдыть дидъ надъ кущемъ, захлебався борщемъ“. (Квачъ и деготь). „Ходе баба по току, въ зеленому колнаку“. (Метла). „Шатаецця, мотаецця, пидъ прыщичокъ ховаецця“. (Вѣникъ). „За лисомъ, за лисомъ стоить дижа съ кистомъ“. (Криница). „Середъ двора, двора стоить золота стрила, а въ тий стрили симсотъ и дви“. (Макъ).

Юридическіе обычаи. Передъ совершеніемъ брака, „на могоричѣ“, родители жениха и невѣсты въ присутствіи постороннихъ людей, свидѣтелей, заключаютъ словесное условіе, въ которомъ обусловливаются—какая сторона, кому и сколько обязывается уплатить денегъ и дать подарковъ и приданаго. По окончаніи сговора даютъ старостамъ подарки, т. е. рушники или платки, а „на сватаньѣ“ даютъ подобные же подарки жениху и его родителямъ. Запивши могоричъ и давши старостамъ

упомянутые подарки, свадебный договоръ считаютъ оконченымъ. Если въ это время женихъ или невѣста станутъ отказываться отъ вступленія въ бракъ, то виновная сторона должна возвратить полученные подарки и уплатить все расходы, произведенные на могоричѣ и на сватаньѣ. Если отъ совершенія брака откажется невѣста, то ее родители или заступающіе мѣсто родителей уплачиваютъ родителямъ жениха все расходы и тѣмъ заканчивается дѣло. Если же откажется женихъ, тогда родители его или заступающіе мѣсто ихъ, возвративъ подарки и все расходы, уплачиваютъ еще родителямъ невѣсты за „безчестье“ ея, если будетъ доказано свидѣтелями, что она согласна была выходить замужъ. Согласіе же невѣсты доказывается ее присутствіемъ на „могоричѣ“, ее словами: „Якъ батько й маты скаже, такъ и я“, и тѣмъ, рѣзала ли она принесенный старостами хлѣбъ или нѣтъ? Если рѣзала, значитъ она была вполне согласна, если просила родителей порѣзать,—тоже была согласна, а если молчала или удалилась изъ хаты,—тогда она не согласна была выходить.

Въ крестьянскихъ семействахъ почти не бываетъ случаевъ формальнаго, законнаго развода, что видно изъ того, что въ продолженіи 30 лѣтъ былъ одинъ только случай такого развода по причинѣ неспособности къ супружеской жизни. Вслѣдствіе же споровъ, ссоръ и дракъ бываютъ случаи, что супруги расходятся, чтобы вести жизнь раздѣльно. Въ этихъ случаяхъ дѣти, если они есть, остаются жить при томъ изъ родителей, который ведетъ болѣе нравственную жизнь. При такихъ разводахъ каждый изъ супруговъ пользуется тѣмъ имуществомъ, которое лично ему принадлежитъ.

Если дѣти и ихъ отецъ пожелаютъ раздѣлиться при жизни послѣдняго, то все имущество дѣлится между сыновьями и отцемъ на равныя части; причемъ отецъ и мать остаются жить на старомъ мѣстѣ съ меньшимъ своимъ сыномъ, а остальнымъ сыновьямъ строить хаты отдѣльно. Непочтительнаго, непослушнаго и грубаго сына отецъ имѣетъ право выгнать изъ дома, не давъ ему ничего.

По смерти отца, если дѣти не пожелаютъ жить вмѣстѣ, имущество дѣлится поровну между сыновьями и матерью, также

какъ и при жизни отца. Незамужнія дочери, при выходѣ въ замужество, получаютъ небольшія доли отъ родителей и братьевъ, замужнія же ничего при раздѣлѣ и послѣ него не получаютъ.

Наслѣдство, оставшееся послѣ смерти родителей и бездѣтныхъ родственниковъ и воспитателей, получаютъ братья и дѣлятъ поровну между собою: сестрамъ же они, по своему усмотрѣнію, выдѣляютъ только незначительныя доли. Солдаты, ихъ жены и вдовы съ дѣтьми обоего пола принимаютъ въ наслѣдствѣ равное участіе съ братьями.

Незаконнорожденные дѣти, соблюдающія къ своимъ родителямъ всѣ обязанности родныхъ, получаютъ наслѣдство наравнѣ со всѣми дѣтьми.

Единокровныя дѣти въ наслѣдствѣ родителя имѣютъ равное участіе со всѣми дѣтьми, а единоутробныя и сводныя получаютъ часть своихъ прежнихъ родителей.

Приемыши и сироты участвуютъ въ наслѣдствѣ воспитателей тогда только, когда у послѣднихъ не осталось своихъ дѣтей; если же у нихъ остались родныя дѣти, тогда воспитанники получаютъ то, что имъ отказали воспитатели при жизни, или же то, что добровольно дадутъ родныя дѣти.

Вдова наслѣдуетъ долю мужа послѣ его смерти.

Имущество жены, у которой не осталось послѣ смерти дѣтей, переходитъ во владѣніе ея мужа, а за смертію послѣдняго, во владѣніе ея родителей или ихъ родственниковъ.

Вообще послѣ смерти бездѣтныхъ людей, имущество ихъ переходитъ къ боковымъ родственникамъ, въ порядокъ ближайшей родственной линіи.

При наймѣ рабочихъ заключаются въ присутствіи свидѣтелей словесныя и письменныя договоры, въ которыхъ срокъ найма опредѣляется мѣсяцами, годомъ и праздниками, указывается, когда и сколько слѣдуетъ уплатить работнику денегъ въ счетъ наемной платы и опредѣляются отношенія договаривающихся между собою. По понятіямъ народа договоры личнаго найма считаются обязательными для договаривающихся сторонъ и обязываютъ нанимающагося исполнять только то, что обусловлено при наймѣ. Работникъ, взявшій плату и неотслужившій ее, обязанъ возвратить таковую хозяину.

Относительно преступлений противъ собственности, народъ держится стариннаго обычая или самосуда, по которому виновный въ кражѣ долженъ подвергаться при допросахъ народной пыткѣ. Поймавъ вора, народъ сбѣгался со всѣхъ сторонъ и, не спрашивая виновать онъ или нѣтъ, начиналъ его бить всевозможными способами, обрывать ему волосы на головѣ и бородѣ, крутить голову „цуркою“ (бичевою и палочкою) и вѣшать вверхъ ногами, по подошвамъ которыхъ бить палками и веревками. Вслѣдствіе такихъ истязаній и бичеваній, нѣкоторые ложно признавали себя ворами, чтобы избавиться отъ мученій, а другіе надолго оставались въ постели недвижими. Кромѣ физическихъ истязаній, воръ, признававшійся въ кражѣ, отвѣчалъ за похищенную вещь платою, въ нѣсколько разъ превышавшею украденный предметъ, и могоричемъ для всей присутствующей „громады“. Женщинъ же, пойманныхъ въ воровствѣ, водили съ украденными и привѣшенными на нихъ вещами по улицамъ, смѣялись надъ ними и всячески тормошили.—Этими наказаніями заканчивалось дѣло и до свѣдѣнія начальства и суда не доводилось.—Со введеніемъ же новыхъ судебныхъ учреждений, такія расправы и самосуды постепенно начали уменьшаться, хотя народъ и теперь, поймавъ вора, сильно стремится „проучить“ его.

За личное оскорбленіе словами или дѣйствіемъ рѣдко кто изъ потерпѣвшихъ обращается съ жалобой въ судъ, чаще же всего онъ предъ народомъ подвергаетъ своего оскорбителя такому же, если не большому оскорбленію. Затѣмъ у нихъ идетъ мировая, платежъ за побои и обоюдный могорычъ. За оскорбленіе женской чести виновный прежде всего беретъ назадъ свои слова, затѣмъ проситъ прощенія у оскорбленной особы, причемъ нерѣдко кланяется ей и, если нанесено большое оскорбленіе, платитъ деньги „за безчестье“; въ заключеніе же слѣдуетъ могорычъ.

Относительно нравственности, слѣдуетъ сказать, что эти преступления мужчинамъ сходятъ болѣе безнаказанно, нежели женщинамъ. Мужчина, живущій безнравственно и измѣняющій супружеской вѣрности, не подвергается презрѣнію и насмѣшкамъ народа. Если же онъ попадетъ на мѣстѣ преступления,

то все наказаніе для него состоитъ въ могоричѣ, деньгахъ или побояхъ. Женщина же безнравственнаго поведенія подвергается насмѣшкамъ и презрѣнію народа гораздо болѣе. Если она попадалась въ руки смѣлыхъ людей, то ее въ прежнее время для посрамленія водили чуть ли не голую по улицамъ, разсказывали всѣмъ о ея проступкѣ, осыпали золою, грязью и перьями, вымазанными дегтемъ и т. п.

Что же касается приличій, то онѣ соблюдаются только относительно родителей и старшихъ, и почти совершенно отсутствуютъ между болѣе или менѣе равными по возрасту людьми. И въ полѣ, и на общественной работѣ, и на улицѣ, и на всѣхъ народныхъ собраніяхъ можно наблюдать безцеремонность и полную свободу разговоровъ, шутокъ, прибаутокъ, пѣсенъ и обращеній обоихъ половъ вмѣстѣ. И все это не считается неприличнымъ и неестественнымъ. Если же кому изъ старшихъ надоѣстъ что нибудь подобное, то онъ тогда начинаетъ стыдить и усовѣщевать меньшихъ, чѣмъ и кончается все наказаніе.

Пословицы и поговорки: „Гуща дитей не розгѣны. Тамъ гарно де насъ нема. Одынъ съ сошкой, а семеро зъ ложкой! Я въ цему дили ни грачъ, ни помагачъ. Плохо не клады,—вора въ грихъ не вводи. Воръ у вора дубынку вкравъ. Скилко вору не воровать, а петли не мыновать. Украдышь лычко, а ремешкомъ не одбудешъ. Воръ краде не бля прыбыли, а бля гибели. Неправдою можно свить пройты, та назадъ не вернешся. Чуже добро въ прокъ не йде. За чысте признанія, бываетъ помылованія. Дило по диламъ, а судъ по форми. Хто ручыцьця, той мучыцьця. Якъ не баче—душа мре, а якъ побаче—зъ души пре. Правдою не задражнешъ. Чуже взять, нужно й свое показать. Якый змалку, такый и до останку. Горбатого до стины не прытулышь“.

Народная поэзія. *Сказки.* 1) „У одного пана живъ роботныкъ, звали его Фанасомъ, и бувъ винъ здорово быдовый на всяки штуки. Отъ панъ и каже ёму: „Слухай, Фанась, якъ шо зумиешъ ты украсте у мене самага лучшого баранá, такъ дамъ тобі 20 рубливъ, а якъ не вкрадышь,—голову зниму!“ Пишовъ Фанась на степъ, де дидъ та баба паслы овецъ, зайшовъ напередъ, роззувъ одну ногу и бросывъ чѣбитъ, а самъ заховав-

ся, та й дывицьця. Найшла баба чобитъ, узяла его и каже дидови: „Старый! я чобитъ найшла“.—„Та брось его, стара, може винъ на коросту брошений!“ Вона бросыла. Гонять овецъ дальше, Фанасъ узявъ той чобитъ, зайшовъ напередъ и внять положывъ его, а самъ заховався. На цей разъ дидъ найшовъ чобитъ, узявъ та й каже: „Стара! я найшовъ другый чобитъ, отъ було-бъ того не бросать!“—Ходимъ, диду, та найдемъ его!“ сказала баба. Вони пишли шукать, а Фанасъ налыгавъ барана и повивъ додому. Узнавъ панъ, подарывъ Фанасу 20 руб. и каже: „Теперь, Фанасъ, украдь у мене самага лучшого вола, такъ дамъ висимдесять рубливъ, а якъ не вкрадешь,—голову зниму!“ Фанасъ уловывъ ындычку, повисъ у лисъ, де оралы пановы робочи, оскубъ ии всю, кромы одного хвоста, и пустывъ изъ лиса. Орачи побачылы ындычку, бросылы воливъ и погналысь за нею въ лисъ. Фанасъ узявъ вола и повивъ додому. Панъ похвалывъ его, давъ 80 руб. и каже: „Якъ вкрадешь, Фанасъ, самого лобымого мого коня, дамъ тоби за це двести рубливъ, а якъ не зумиешь украсты, такъ голову зниму!“ Теперь панъ прыказавъ тремъ работныкамъ день и ничъ берегты коня; одынь сивъ на коня верхомъ, другый сивъ въ яслахъ и взявъ его за вуздъ, а третий державъ коня за хвистъ. Фанасъ кущывъ видро водкы, выливъ ии въ боклагъ, пишовъ до стороживъ и каже: „Хлопци! може вамъ воды треба? Нате,—ось я прынесъ!“ Одавъ боклагъ, а самъ пишовъ одъ нихъ. Сторожи попробувалы,—водка въ боклази, началы ии пыть и понапывалысь. Ноччу прышовъ Фанасъ, знявъ пьяного сторожа съ коня и посадывъ на переводыну („бантыну“ балку) верхомъ; тому шо державъ вуздъ, давъ въ руки кусокъ лыка, а держаешому за хвистъ давъ пучокъ конопель. Самъ же взявъ коня и повивъ додому. Вдосвита сторожи прочумалысь, та одынь и пытае: „Ты сыдышь на коня!“ — Сыдю! — „А ты держышь за хвистъ?“ — Держу! — „А я держу за вуздъ“. Колы дальше кынулысь, ажъ лыхо,—нема коня! И одынь сыдыть на переводыни, а два держуть въ рукахъ лыко и конопли. Узнавъ панъ, похвалывъ Фанаса за удалость и одавъ ему обещани 200 руб., а стороживъ наказавъ ризкамы“.

2) Жиль у жида работникъ, християнинъ, по имени Иванъ.

И сталъ онъ замѣчать, что когда похвалишь жидовскій родъ и хозяйское семейство, то это хозяевамъ весьма нравится, за что они всегда даютъ ему рюмку водки. Вотъ онъ одинъ разъ и говоритъ хозяину: „Иду я зарёю по гори; заря зорить, а надъ вашимъ батюшкой ставныкъ горытъ, та такой здоровый“! Жидъ сейчасъ же поднесъ ему за это большой стаканъ водки; затѣмъ позвалъ свою жену и говоритъ ей: „Спрашивай, что Иванъ видѣлъ“. Она спросила, и Иванъ рассказалъ ей то же самое, что и хозяину, за что получилъ и отъ нея стаканъ водки. На другой день хозяинъ созвалъ всѣхъ своихъ родичей и знакомыхъ жидовъ и велѣлъ Ивану рассказывать, что онъ видѣлъ. Иванъ всѣмъ рассказывалъ, за что и получилъ угощеніе. Когда же онъ подшилъ и рассказывать ему одно и то же надоѣло, тогда онъ на новыя просьбы жидовъ, сказалъ имъ: „Иду я зорёю по гори, смотрю,—зоря зѣрится, а надъ вашимъ батюшкой свинья роется“! Всѣ жида начали плевать и ругать Ивана, а потомъ выгнали его вонъ изъ хаты. Иванъ вышелъ и думаетъ: „постой же ты, жидовська харя, я тоби оддячу“! Въ скоромъ времени пришлось Ивану ѣхать съ хозяиномъ за товаромъ. Дѣло было ночью. Подѣхали они къ лѣсу. Жидъ и спрашиваетъ Ивана: „Иванъ! тутъ есть разбойники?“—„Есть“, отвѣчалъ Иванъ.—„Какъ бы жъ мнѣ захватиться, шобъ они грошей не взяли“?—„А отъ якъ: лизь въ чуваль, а я завяжу его и скажу разбойныкамъ, шо скло везу“. Жидъ влѣзъ въ мѣшокъ, а Иванъ завязалъ его и поѣхалъ. Подѣзжая къ дубку, Иванъ измѣнилъ свой голосъ и говоритъ: „Тпру! стой“! Затѣмъ остановилъ онъ лошадей, слѣзъ съ повозки и началъ такъ говорить измѣненнымъ и своимъ голосомъ: „Куды йидешь? давай гроши“!—„Та въ мене грошей нема“.—„А ото шо въ тебе въ мшкѣ“?—„Та то я скло везу“.—„А ну-ну, якé скло! Давай ему скло побьемъ“!—„Давай“! говоритъ будто бы товарищъ разбойника. И началъ Иванъ пороть жида нагайкой, а тотъ лежитъ въ мѣшкѣ и пищитъ: „дзинь! дзинь! дзинь“! Затѣмъ Иванъ началъ просить: „Буде вже вамъ, братци, пожалуста буде“! Когда Иванъ, отѣхавши, развязалъ мѣшокъ и выпустилъ жида, то сей послѣдній поблагодарилъ Ивана и сказалъ: „Ну, Иванъ, хоть мнѣ и горько приходилось, но я все на стѣкла переводилъ“!

3) „Якъ найнявся я въ роботныкы до дядька овецъ па́сты, якъ погнавъ я па́сты шты́рю—бырю ще й симсотъ и чотыри; якъ лигъ я спаты, та спавъ тры дни ще й чотыри noci. Якъ прокы́нувся я,—нема мои штыри-быри ще й симсотъ и чотыри. Якъ пишовъ я шукать, йиде дядько волáмы. Здоровъ, дядьку!—Здоровъ, племинныку.—Чы не бачывъ мои штыри-быри ще й симсотъ и чотыри? — Не бачывъ, плиминныку. — Вы́рю, вы́рю! Якъ выйду я на могылу, якъ загляну я въ шырокую долину, чы не видно мои ватажныны? Шось засирило, шось забилило: я жъ думавъ,—то ватажнына, а воно гречка. Бодай же тоби, дядьку, тяжко важко оцю гречку йисты, якъ мени на круту гору лизты ватажныны свои шукаты. Вы́рю, вы́рю! Якъ выйду я на могылу, якъ загляну я въ шырокую долину, чы не видно мои штыри-быри ще й симсотъ и чотыри? Шось засирило, шось забилило: я жъ думавъ, то моя ватажнына, ато прачкы сорочки перуть. Бодай же вамъ тяжко важко оци сорочки прать, якъ мини свою штырю-бырю ще й симсотъ и чотыри шукать! Вы́рю, вы́рю! Якъ выйду я на могылу, якъ загляну я въ шырокую долину,— чы не видно мои ватажныны? Шось засирило, шось забилило; я жъ думавъ то моя ватажнына, ато осыковы пенечкы. Бодай же вы одъ сонця погорилы, а одъ витру почорнилы, якъ вы мене молодого сюды заманылы. Вы́рю, вы́рю! Якъ выйду я на могылу, якъ загляну я въ шырокую долину, чы не видно мои штыри-быри ще й симсотъ и чотыри? Шось засирило, шось забилило: то жъ моя ватажнына? Сучечка-поручечка пидгоняе, а лысычка-сестричка збоку управляє, а вовчокъ-бырючокъ отстали пидбырае. Якъ прыйшовъ я додому, батько бье, маты лае, жінка зъ дому прогоняе“! (Этотъ народный рассказъ передается крестьянами не иначе, какъ нараспѣвъ, на подобіе того, какъ тужать за покойникомъ).

Разказы о кладахъ. Въ сл. Никольской много существуетъ правдоподобныхъ и ложныхъ разказовъ о кладоискателяхъ и мѣстахъ, гдѣ находятся клады. Въ окрестностяхъ слободы есть двѣ могилы: „Чугунна“ и „Погана“, въ которыхъ были раскопки, но только тамъ ничего не нашли, кромѣ угля. Въ широкомъ лѣсу, говорятъ, есть много денегъ, но ихъ нельзя брать. Одинъ

крестьянинъ выкопалъ тамъ кладъ и сошелъ съ ума. Одинъ человекъ нашелъ кладъ въ Разсыпномъ лѣсу, другой въ Бабиномъ, третій въ Парневомъ и т. д.; но рѣдко кому удалось пользоваться найденными деньгами: кто ихъ тратилъ, тотъ или заболѣвалъ, или терпѣлъ убытокъ и потерю въ хозяйствѣ. Есть еще клады въ слѣдующихъ лѣсахъ: „Пятомъ“, „Дибривномъ“ и „Данильченомъ“. Въ послѣднемъ ниже криницы, въ болотистой землѣ, есть чугунные столбы, на которыхъ лежатъ такія же балки, а на балкахъ висятъ на цѣпахъ 10 боченковъ золота. Въ другомъ же мѣстѣ этого лѣса есть въ землѣ разбойничья хата, въ которой находится крестъ, Евангеліе и деньги, положенныя разбойниками.

1) „Въ Бабынченому лиси есть кладъ. Узналы про це два чоловіка и пишы его рыть. Рылы, рылы, и якъ стали дорывацьця до клада, десь узявся чоловікъ, та й кричыть имъ: „Тикайты!—Ось круча пада!“ Не прошло и минуты, якъ зъ неба начали падать каминня. Вони злякалысь и побиглы до дому. На другый день пишы подывыцьця на те мисто, ажъ тии ямы, шо вони копалы, уже нема,—одни тилко чырыкы зъ блюдокъ валяюцьця тамъ“.

2) „Жывъ чоловікъ бидный-пребидный, и було у ёго пятеро дитей, а жинка ёго умерла. Чоловикови цѣму ни въ чо́му щастя й доли не було. Отъ винъ и надумавъ перейты на друге жытыльство, и перейшовъ на таке щаслыве мисто: та хата, де винъ жывъ, стояла на могыли, а въ тий могыли были гроши закляті. Якъ выйшовъ грошимъ зрокъ, вони выйшы отакымъ случаемъ: выйшла здорова, здорова собака, така, шо страсть и сказать! тай каже ця собака чоловічимъ голосомъ удовцю: „Добрый чоловіче! дай мини кусочокъ хлибця“. Винъ ий кынувъ кусокъ, та й попалъ прямо въ неи; а вона тилко —брызъ! та й розсыпалась въ золоти гроши“.

3) „Разказують, шо колысь у Дибривномъ лиси пидъ кислицею, бувъ кладъ. Тамъ пидъ велькы празныкы горила свичка. Найшысь охотныкы, забралы лопаты и пишы пидъ Велькдень рыть цей кладъ. Вони трошкы не дойшы до тией кыслици, дывлюцьця,—два вовкы бижать по дорози; взялы вони и силы въ травы, а вовкы, якъ тико поровнялысь зъ ными, такъ и

началы грацьця и стрыбать одинъ черезъ одного; стрыбають и стрыбають, а самы все менши и менши становляцца, и до того дострыбалысь, шо изъ обоихъ вовкывъ покотылысь клубкы. После цего вони побачылы двоухъ дидивъ въ билыхъ широкихъ шароварахъ: одинъ вивъ сирыхъ воливъ, а другой спереду ишовъ, и балакають мижъ собою: „Чы воно мы не заблудылысь?“ пытае одинъ.—„Та поспытайся отыхъ людей, шо сыдятъ въ трави“, сказавъ другой. Ци якъ схватяцца, якъ выскочуть геть изъ трави, та втикать, а дидъ якъ крыкны: „Ловы!“ Вони по лису, а дидъ въ слидъ за ными усе крычыть: „Ловы! ловы!“... Добиглы вони до полявыны. Де не взявсь туманъ, та такый, шо й свита Божого и дороги не выдно. Посидалы вони у куци и слухають, а воно усе крычыть: „Ловы! ловы! ловы! Вони тутъ десъ посидалы“. Ци якъ схватуцца, та бигты, та бигты, насылу, Богъ давъ добратысь до хутора (теперь этого хутора не существуетъ). После ходывъ туды ще одинъ чоловікъ зъ роботныкомъ грошей копать. Выкопалы вони здоровенну ямуру и нашлы тамъ кисткы чоловічески, бросылы копать и загорнулы яму“.

4) „Жыла вдова, и було у ней трое дитей. Ставъ до ней кóжну ничъ ходыть золотый виль. Недалеко одъ ней жывъ ин кумъ и кума. Пишла вона до ихъ, та й просы кума и его жинку: „ходить, кумъ, и вы, кума, до насъ, ато у мене все опивнóчи выходе золотый виль, а я его боюсь“! Пишлы. Сыдятъ жинкы та шпють, а кумъ шывцёе (сапожничаеъ). Настушыла ливночь; вдова углядила того вола та й торкае кума. Кумъ схватывся та золотого вола молотóчкомъ по голови стукъ! а виль тико брязъ! и разсыпався въ гроши. Тоди кумъ та кума подылылы гроши и стали таки богаты, шо страсть“!

5) „Жыла сямья: батько, маты и сынъ. Ожнылы родытели сына, взялы невестку; но вона имъ не полюбылась, началы вони быть ин и мало хлеба давать, а невестка веселылась та не журылась. Наставъ Велькдень. Пишлы уси до церкви, а ин оставылы дома. Прийшовъ до ней дидъ старый-престарый и каже: „Утры мене, молодычко (у его изъ рота пина текла). Вона узала рушныкъ и утерла ёго, а винъ тико—брязъ! и разсыпався въ гроши. Засвityла вона свичку, помолылась Богу, собрала гроши и положила ихъ въ скрыню; пóтимъ узалась за

Сусидочки ручку билою дер-
жыть;
Съ сусидочкой тайни речи го-
ворыть.
Годи жъ тоби худи речи гово-
рыть:
Пора, мылый, та додому ити
жыть.
Не пиду я, моя мыла, не пиду,

*
*
„Навидала кубелечко,
Де вутка несецьця;
Перечула черезъ люды,—
Ледащо смецьця.
Смійся, смійся же, ледаще,
За смихъ тоби буде:
Хворатымышъ, лежатымышъ,
Смерти бажатымышъ,
Йисты й пыты бажатымышъ,—
Нікому податы.
Чы ты чула, ненько моя,
Якъ у тебе я була;
Якъ сидила край виконця,—
Якъ голубка гула.

*
*
„Пишовъ чумаць, пишовъ бур-
лакъ
Доленькы шукаты.
Та не найшовъ щастя-доли,—
Найшовъ сыне море,
Та й ставъ потопаты.
Чумаченько потопае,
Хустыною мае.
Пишла его стара ненька
По надъ берегами;
Та зострила рыбалочокъ
Съ трема неводами.
— Рыбалочки молодии
Ввольнить мою волю:
Роскыньты вы тонкый неводъ
По сынѣму морю.

Бо про тебе худу славу гово-
рять.
Зберы, мылый, сусидочокъ до
себе,
Нехай скажуть худу славу на
мене,—
Худу славу, мий мыленький,
або ричъ,
Годи знимышь головоньку мою
съ пличъ“.

*
*
— Якъ бы жъ я, донечко моя,
Твий голосокъ зачула,
Одсунула-бъ кватірочку,
А ты бъ и влынула.—
Ой, на гори дощикъ иде,
Ажъ водыця льецьця.
А за мною молодою
Вся родына бьецьця.
Быйся, быйся, мій родоньку,
Быйся, побывайся:
Якъ пиду я на Вкрайыну,
Та й не сподивайся.
На Вкрайыни чужи люде,
Правдонькы не буде“.

*
*
Рыбалочки молодии
Воленьку ввольнылы,—
Роскынули тонкый неводъ
По сынѣму морю:
Сыночка вловылы.
Тягнуть, тягнуть до бережка,—
Вода зъ рота льецьця;
Его ненька старенькая,
Якъ орлыця бьецьця.
— Та наты вамъ, рыбалочки,
Горилкы напыцьця,
Шо вытяглы мого сыночка,
Та хочъ подывыцьця;
Та наты вамъ, рыбалочки,
Всего золотого,
Шо вытяглы мого сынка

Та хочь нежывого;
Та нате вамъ, рыбалочки,
Саршыньску сорочку:

Поховайте мого сыночка
Въ вышнеvimъ садочку“.

*
*

„Та вже весна, та вже красна,—
Изъ стрихъ вода капа;
Та вже на́шымъ чумаченькамъ
Дороженька пахне.
Пишлы наши чумаченькы
По возахъ лежаты.
Посылае маты Галю
Пшеныченькы жаты:
„Та йды, доню, та йды, Галю,
Пшеныченькы жаты;
А тамъ чумаць волю пасе,—
Буде жартуваты“.

Жартуй, жартуй, чумаченько,
Цей вечеръ зо мною,—
Якъ пойдешъ у дорогу,—
Буду плакаты за тобою.
Ты думаешъ, моя ненька,
Шо я не журюся?—
Якъ выйду я за ворота,—
Одъ вѣтру валюся.
Изеушылась, изкрушылась,
Якъ пшылька тоненька;
Симъ-аршинный поясочокъ
Обийшовсь разочокъ“.

*
*

„По горóду я ходыла.—
Нема того шо любила;
Нема его та й не буде,—
Десь одбылы его люды;
И одбылы й одсудылы,
Шобъ парочкой не ходылы,—
И другъ друга не любилы.
Якъ пиду я до ставочка,
Чы поросла рутка мятка?
Не поросла рутка мятка,—

Тамъ плавають вутынятка:
Одно вутя пиринае,
А другое вырынае,
А третее догоняе,
Соби парочки шукае.
Не давъ мини Господь пары,
А давъ тилько очи кари.
Очи кари, бровы чорни.—
Нема дружка по любви“.

*
*

„Чогось мини нелегко,—
Десь мий мылий далеко:
За крутымы горами,
Та за густымы лозама,
Умываецця слёзама;
За кущыкомъ вышнякомъ
Втыраецця рушныкомъ.
Хылитесь густы вербы—

Видкиль витерь вие,
Дывитесь кари очи—
Видкиль мылий йиде.
Хылылыся густы вербы,
Та вже й пересталы;
Дывылыся кари очи,
Та й плакаты сталы“.

*
*

„Уродыла мене маты
На вискъ горюваты;
Дала мини гирку долю,—
По вискъ не забуду.

Повезу я гирку долю
На торгъ продаваты.
Стояла дѣнь, стояла два,—
Ни хто не пытае!

Повезу я гирку долю
Та й назадъ додому;
Та й брою я гирку долю
Изъ воза додолу.

„За лисомъ, лисомъ темнесень-
— кымъ
Брала дивка лень дрибнесень-
— кий,
Вона брала, выбрала,
Къ сырій земли прыпадала:
— Ой, ты земля, ты земелька!
Прийняла ты отця-неньку,

„Не ходы у хвирту,
Не грай у сопилку:
Сопилочка грае,
Мене маты лае,
На вулицю гуляты
Вона не пускае:
— Сыды, дочко, дома,
Носы въ грубу дрова.
Я дровъ наносыла,
Гуляты маты не пустыла.

„Ой, за лисомъ, за зеленымъ
Тамъ травы растутъ.
Ой, тамъ наши ребятушки
Гурты стережуть.
Попереду самъ хозяень
Расхажываеъ;
Били ручки у карманы

Колыбельныя пѣсни.

„Коточокъ мий, коточокъ
Заховався въ куточокъ,
Тилько видно хвосточокъ.
Взяла я за хвосточка,
Та вытягла съ куточка.

„Коту, коту, котую!

Прывыкай же гирка доля,
У моёму доми;
Не ходы жъ ты, гирка доля,
Изъ моего дому“.

Приймы й мене молоденьку,
Шобъ по лодихъ не ходыла,
Чуже дило не робыла:
Якъ прыйде субота,—
Чужая работа;
Якъ прыйде неделя,—
Сорочка не била“.

— Сыри дрова не горять,
Пусты жъ мене, моя мать,
На вулицю погулять.
— Иды жъ, донько, не барыся
За ворота, та й верныся.
— Ой шо жъ то за гуляння,
За ворота та й вертанья?
Ото жъ, мамо, гуляньнячко.
Шо зъ вечера до раночку“.

Закладываеъ.
Та винъ своимъ ребятушкамъ
Прыказываеъ:
Выгоняйты сырій товаръ
Та гонить въ Москву,
Вы продайты оцей товаръ
По такій цини“.

— Котку, котку сиренький!
Ты не ходы по хати.
Не буды дитяты:
Ты не будешъ колыхать,
А дытятко хоче спать“.

Займы мою телусю

На поповы толоки:
Тамъ травычки по боки.
Кинь бижыть, трава шумыть;
Пидь тымъ конемъ козакъ ле-
жыть:

Поцюканый, порубаный,
Осокою поризаный;
Одъ соньчка погоривъ,
Одъ витроньку почорнивъ.
Бижы, коню, до хатки,
До дивчины Гапки.
А дивчина Гапка
Сыдыть край виконьця,
Пряде волоконця:
Сюды-туды нытку,

Та на лито свытку;
Сюды-туды пивтора,
Та на лито рукава.
А въ дивчины Гапки
Смолянии лавки,—
На ныхъ якъ сивъ, прыкышивъ,
Вечеряты не схотивъ.
Люлю, люлю, люляшечко!
Сны, сны, мое дытяшечко!
Люлі, люлі лолешычки,
Шовковии вервешычки;
Малевани бѣльця
Пишлы до Кырыльця;
А въ Кырыльця пышуть,
Ивана (имя дитяти) колышуть“.

* *

„Ходимъ, ходимъ, братци,
У лисъ изо мною,
Вырубаемъ дуба,
Дуба изъ корою;
Та будемо, диты,
Горохъ молотыты.

Нуты, диты, нуты
Горохъ молотыты!
А вороны, старі жоны,
Пишлы танцюваты,
А сорокы билобоки
Побралыся въ боки“.

Забавляя дѣтей, чтобы не плакали, имъ рассказываютъ слѣ-
дующія „казкы“.

1) „Зайчыку, зайчыку! де ты бувавъ?—У млыни.—Шо ты вы-
давъ?—Симъ мишкивъ оришкивъ.—Чомъ ты не вкравъ?—Тамъ
булы кравчыкы, порубалы пальчыкы, а я втикъ черезъ пошивъ
тикъ, й ножкы пошкы; та въ конопелькы, пужать горобейкы.
Шугай! шугай!! на бабынь садочокъ йисты ягидочокъ, а на
дидивъ—бражки пыты“.

2) „Сорока летыть, хвостыкомъ вертыть; за нею дыркакъ:
сороко, не плачь. Ввирвала пасмó, напяла краснó; съ кра-
снымъ носыщця, въ хату просыщця: зятеньку-батеньку! пусты
мене въ хатоньку. Кузьмына дочка-перепечаёчка перепекла
перижёчокъ зъ мачкомъ, шобъ ты не лазывъ до дивчатъ рач-
комъ“.

3) „Сыдыть видьмидь на колодци, — рукавычки крае; коло-
дочка схытнулася,—колодочку лае: „бодай тоби, колодочко, лы-
хая година, якъ ты мини на старости плечыци побыла“.

4) „Летивъ шпакъ черезъ пошивъ макъ, та й сивъ на воро-

тихъ, у червѣнихъ чобѣтихъ. Воротечка — скрынь, скрынь, воротечка впалы, телятокъ прыбылы. Телятка ревнулы, а люди почулы, попови сказали, а шиъ зза стола, погубывъ постола; дячки изъ хыжки, погубылы кныжки, а дяконъ изъ полу выбывъ соби ногу, а попадя съ печи, та выбыла плечи, а дяконыха изъ грубы, та выбыла зубы“.

Еще забавляя маленькаго ребенка, наплевываютъ ему въ руку, тыкають туда пальцемъ и говорятъ „сорокы“: „Сорока, ворона на прыпечку сѣдила, диткамъ кашку варыла. Пидить, диты, по водыцю“! Затѣмъ берутъ за каждый палець, начиная съ мизинца, и говорятъ: „И цему дамъ, и цему дамъ, и цему дамъ, и цему дамъ, а цему (большому) не дамъ: це боцманъ, —винъ дровъ не рубавъ, въ хату не носывъ, пѣчи не топывъ, воды не носывъ, дижи не мисывъ, каши не варывъ, хлеба не липывъ, въ ничъ не сажавъ, кашу доидавъ“.

Когда дитя качаютъ, и оно начнетъ икать, то говорятъ: „Хыковка, хыковка! бижы до воды, кого стринешъ тамъ, того й напады: хочъ коня, хочъ кобылу, хочъ дивчыну чернобрыву“.

Пословицы и поговорки. „Шо Богъ не робе, все къ лучшему. Не хвастай, — есть на намы и надъ вами. Йимъ ротато, — теперь несвято (не праздникъ). Дорога ложка до обидъ, а писля обидъ хочъ закънь йи. Хлебъ-силъ на столи, — а въ гостя руки свои. На столи хлебъ и нижъ, — урижъ та й йижъ. На ласый кусокъ найдецьця кутокъ. Якъ бы я бувъ паномъ, та все бъ йивъ сало съ саломъ. Не говивши пѣску зйивъ. Кыпѣть, та никому пыть. Кыпѣть кыпѣтокъ попарыть жывитокъ. Негрите зализо не зогнѣшъ. Пишки — нема замишки. Не таке гиркѣ чумакованья, якъ бычуванья. Не родысь вродливый, а родысь щасливый. У скупого и середъ зимы леду не выпросышь. Я не сонычко, — всихъ не обогрию. Не по души кыши. Дырявого мшика не наповнышь. Своя рука владыка. Зъ мыру по нытоцци, а голому сорочка. Не тилко свита шо въ викни, за викномъ ще бильше. Куды не кынь, такъ клынъ. Пишла кума по маслу, и въ пичи погасло. Въ пустый слидъ хочъ туныцею. Девять разъ одмирь, а десятый — одрижъ. Своя семеряжка не важка. Горыть ясно, щобъ воно погасло. Мы съ тобою, якъ рыба зъ водою. Взався за гужъ, — не кажы шо не дужъ.“

лы и впьять прѣсе: „Дядьку! надтышы ще кывайло“. Мужыкъ надтысавъ, а цыгана впьять заставывъ надложить сала. Такъ воны продолжалы дилать, помы у цыгана не осталось сала въ мышку“.

Говорять, что цыганамъ не грѣхъ божиться: имъ самъ Богъ разрѣшилъ это дѣлать по слѣдующему случаю. Когда жида распинали Иисуса Христа и заказали для этого цыгану-кузнецу сдѣлать пять гвоздей, чтобы забить ихъ въ руки, ноги и въ сердце Спасителя, тогда цыганъ, приготовивши заказъ, принесъ и забилъ только четыре,—въ руки и ноги, а пятый гвоздь спряталъ въ свои кучеры (волосы); такъ онъ сдѣлалъ для того, чтобы воскресъ Иисусъ Христосъ, чему онъ вѣрилъ. Жида замѣтили обманъ цыгана и начали его допрашивать, но онъ началъ клясться и божиться, что забилъ и пятый гвоздь. Въ это время на грудь Спасителя сѣла пчела, на которую цыганъ указалъ жидамъ и сказалъ: „Онъ гвиздѣкъ, той шо я забывъ! а вы й не вірыте мини. Ий жы ты Богу, забывъ! Шобъ я почорнивъ якъ земля, якъ шо неправду я кажу“! Вслѣдствіе выше-сказаннаго, Господь воспретилъ убивать пчелу („грихъ“): цыганамъ же разрѣшилъ безнаказанно божиться и обманывать людей; а за ложную клятву Господь все-таки наказалъ цыгана тѣмъ, что всѣ они почернѣли, какъ земля. Цыганъ на работу неспособенъ, что видно изъ слѣдующаго народнаго разсказа. Однажды овчаръ пасъ овецъ въ лѣсу. Идетъ цыганъ, увидѣлъ его и думаетъ: „Шобъ воно було, якъ бы оцей чоловікъ найнявъ мене овецъ пасты? Чы я бѣ его обдурывъ“? Подошелъ онъ къ овчарю и говоритъ: „Наймы мене овецъ пасты“!—„Наймысь“, говоритъ овчарь.—„А яку цѣну будешъ даваты“?—„Та яку жъ тобі цѣну?—Жывы за харчи“!—„Чы такъ, то й такъ“, сказалъ цыганъ: „тыко гляды, щобъ кашу изо-дня варывъ“!—„А то жъ якъ! Хиба ты думаешъ, шо я тебе обдурю? Я обдурювать не люблю“, сказалъ овчарь.—„Я й самъ не люблю“, сказалъ цыганъ: „колысь и я обдурювавъ людей та теперь покаюся“. Начали варить кашу. Овчаръ и говоритъ цыгану: „вѣглянь на овецъ, ато шобъ воны не пішы куда-нѣбудъ“. Цыганъ пошелъ, посмотрѣлъ, вернулся назадъ и говоритъ: „Бачывъ овецъ. Отамъ воны пасуцьця“! Скипѣла каша; овчаръ снялъ ее и говоритъ

цыгану: „Иди́ еще на овецъ подвысы!“ Готь пошелъ, взошелъ на бугоръ и кричитъ: „Эй, бр́аты, уже вивци тике хвостамы замахалы!“ Овчарь схватилъ „герлыгу“ и побѣжалъ; цыганъ же за нимъ, а потомъ, какъ закричитъ: „Ой, бр́аты, нога болыть! Нехай тоби ти й вивци поздыхають“. Воротился цыганъ назадъ, поѣлъ всю кашу и легъ спать. Пришелъ овчарь, схватилъ соннаго цыгана за волосы и давай таскать. Цыганъ вырвался съ голою головою, побѣжалъ и, ударяя себя по животу, закричалъ: „Хочь голова гу-гу-гу, такъ живить бу-бу-бу“!— Повстрѣчалъ человекъ избитаго цыгана и спрашиваетъ его: „Цыганъ! неначе тебе хтось бивъ“?— „Та тамъ такъ и бивъ,— тике увесъ двирь зволочывъ! Та тамъ такой и двирь,— тутъ круте, а тутъ и верне“!— „Та тебе, кажутъ, и черезъ тынь кыдалы“?— „Та тамъ такой и тынь, — не весне за волосся взыты, та вже й перекинувъ“!

Г. А. и А. М. Калашниковы.

II.—Сл. Александровка.

Поселеніе и населеніе. — Народная медицина. — Обряды при рожденіи и свадебныя пѣсни.

Александровка лежитъ въ сѣверной части Старобѣльскаго уѣзда, по правому берегу р. Лозной, въ 70 вер. отъ уѣзднаго города, недалеко отъ границы Острогожскаго у. Воронежской губ. Раньше къ востоку, въ 3 вер. отъ занимаемаго въ настоящее время слободой мѣста, была расположена слоб. Лозная съ церковью; послѣ чумы въ 1718 г. жители Лозной, считая это мѣсто несчастнымъ, разошлись въ разныя стороны, а оставленную церковь перенесли къ себѣ жители Липеговъ, Валуйскаго уѣз. Въ 1758 г. кн. Куракинъ, вновь заселивъ эту мѣстность, построилъ церковь въ честь преп. Александра-Свирскаго, откуда и названіе Александровки. Въ слободѣ жителей не очень много, но къ ней принадлежитъ много хуторовъ, по большей части расположенныхъ также по р. Лозной. Слобода и большинство хуторовъ заселены малороссами, языкъ которыхъ потерялъ свою первобытность, что надо приписать вліянію большой экономіи кн. М. А. Мещерской, такъ какъ въ этой экономіи бываетъ очень много рабочихъ изъ другихъ мѣсть. Роста люди небольшого; чтеніемъ любятъ заниматься, но за неимѣніемъ, гдѣ пріобрѣтать книги, пользуются продаваемыми книгами на ярмаркахъ у коробейниковъ, псалтырю, сказками. Жилище крестьянъ убранствомъ не отличается, по большей части его составляютъ: „сѣны“, и „хата“, новыя зданія состоятъ обыкновенно изъ трехъ помѣщеній: „хатыны“, гдѣ устраивается печь, „хаты парадной“ и „кимнаты“. Украшаютъ свои комнаты картинами различнаго вида, передній же уголь бываетъ весь установленъ иконами („образами“) и украшенъ „рушниками“. Дворъ, за недостаткомъ земли, отличается скученностью, у зажиточныхъ крестьянъ въ немъ находятся амбаръ („комѳря“), сарай

(„повітка“, „хливъ“) и „клуня“. Одежда мужская: кожухъ, свята, чунарка, поддевка; женская: кожушина, халать, юбка, шарафанъ.

Народная медицина. Здоровьемъ населеніе не пользуется, вслѣдствіе неблагопріятныхъ гигиеническихъ условій, въ слободѣ имѣются земскій пріемный покой, врачъ и два фельдшера, къ которымъ крестьяне привыкли и вѣрятъ имъ. Лечатся и собственными средствами, такъ, отъ грыжи у дѣтей: вбиваютъ основной гвоздь съ обрѣзанными ногтями больного, укатанными въ воскъ, въ притолокъ дверей на высоту роста дитяти; отъ „переполоха“: обливаютъ дитя на порогѣ водою или сажаютъ его подъ припечекъ и чрезъ него сажаютъ въ печку хлѣбъ и тѣмъ хлѣбомъ послѣ кормятъ больного; отъ „сухотъ“: купаютъ больного съ кошкой или собакой для передачи имъ, или привязываютъ дитя къ лопатѣ, сажаютъ въ теплую печку; отъ „плеснявки“: мать наматываетъ свой волосъ на палецъ и третъ имъ языкъ больного; отъ „соишницъ“: поставивъ „мыску“ съ водою на животъ больного, въ кувшинъ кладутъ конопли, зажигаютъ и переворачиваютъ кувшинъ въ воду, по краямъ миски кладутъ крестомъ ложку, ножъ, веретено и свѣчу, въ это время знахарка дѣлаетъ наговоры, затѣмъ веретено обмакиваютъ въ воду, бѣгущую съ него воду собираютъ въ ложку, даютъ пить больному и мочать ею тѣло.

Обычаи при рожденіи ребенка и свадьбѣ. При рожденіи ребенка выполняется слѣдующій обрядъ: неся младенца крестить, баба кладетъ его на кожухъ, кумъ съ головы, а кума съ ногъ берутъ его, при этомъ баба говоритъ: „вотъ вамъ новорожденне, а намъ приносить молитвенне и крещене“, послѣ крещенія, кумы опять кладутъ на кожухъ и съ кужухомъ кумъ и кума поднимаютъ и даютъ бабкѣ, говоря: „брали у васъ новорожденне, а принесли молитвенне и крещене“. При угощеніи говорятъ: „дай Богъ, чтобы Богъ далъ дождать кумамъ на славу, а батькови да матери на послугу“. На другой день послѣ крещенія роженицѣ баба сливаетъ воду съ конопляннымъ зерномъ на руку, причемъ роженица другой рукой задерживаетъ воду и задержавшееся зерно ѣсть, чтобы было молоко.

Когда сватаются, входятъ „старосты“ во дворъ невѣсты, стучать въ окно, говоря: „здоровъ, хозяинъ, пусты погрицьця“; хо-

зяинъ просить войти въ хату; женихъ остается во дворѣ, невѣста также не появляется къ старостамъ; когда же пойдетъ на согласіе, зовутъ и ихъ. На сватаньи поютъ:

„Ты, пропою, ты, пропоючку,
Ты пропывъ, батько, дочку
На солодкимъ медочку,

На золотому кубку,
Якъ сыву голубку“.

„Вчора звечера пороша пала,
Та по тий пороши кунѳчка
походила,
А къ билому свиту охотныки
на слидь спалыся,
Тай кунѳчку пиймалы;

Вчора звечера порошенька впала,
Та по тий пороши Паранька
походила,
А къ билому свиту старосты
на слидь спалыся,
Тай Параньку выслидовалы“.

Свадъбу гуляють почти всегда въ воскресенье; подъ воскресенье устраивается вечеръ („дружбины“), какъ у жениха, такъ и у невѣсты. Сначала вводятъ молодого въ хату съ боярами, причемъ женихъ кланяется въ ноги роднымъ, при этомъ поютъ:

„Кланяйся, Иванъ,
Тай напередъ Богу,
Отцю, ненци въ ногу,

Кланяйся низенько,
Къ серденьку близенько“.

Когда сажаютъ жениха съ боярами за столъ, поютъ:

„Иде Иванька на посадъ,
Встричае его самъ Гѳспыдъ,
Ой, изъ долею щастливою, съ
доброю годыною.
Ой, рясна, красна калынонька
въ лузы,
Ряснишии, краснишии Ивань-
кинъ посадъ:
По выкѳнычкамъ ангелы сидять,
Посадъ высылятъ.

А на дверичкахъ самъ Гѳ-
спыдъ стоить,
Самъ Гѳспыдъ стоить,
Дѳлыньку дае,
Щастьемъ даруе.
Тай вгодай, Иванько,
Чия доля луччѳя?
Лучча — Божія, чимъ батень-
кова,
Бѳтькова вродлива,
А Божія щастлива“.

Если сирота, то поютъ:

„Ой, вышенька, чириненька,
Та й ягидъ нема,
Кланяйся, Иванька,
Хоть батька нема.
Ой, выликий двиръ
Та маленький сбиръ,

Чомъ не вся родынька?
Ой, тымъ же не вся родынька,
Шо нема батенька,
Батька немае
И ридъ не знае,
Тымъ порядка немае.

Пошло я соловья
Та й маленьково
По батенька ридненька,
А зузуленьку на Вкраиноньку;

Ны соловья зъ саду,
Ны батька зъ раю:
Ны родыни зъ Украины“.

На дружбинахъ лѣпятъ „коровай“, причемъ соблюдается слѣдующій порядокъ: дружкò говоритъ: „Господы, Иусе, Сыне Божій, помилуй насъ“, старосты: „аминь“. — „Старосты, пàне пидстаросты, кто до кого, я до Бога и до вашего здоровья“. — „А мы рады слухаты“. — „Благословите коровай замысыть“. — „Богъ благословить“. — „И въ другій разъ и въ третій разъ“. — „Богъ благословить тричи разомъ“. Дружко на дижу сыплеть муки и дѣлаеть ямку въ ней, вливаетъ квасу и сыплеть овса, потомъ зовутъ мальчика и заставляють мизинцемъ замѣшать тѣсто, и потомъ облизать палець; въ благодарность ему даютъ чарку водки и шишку. Когда замѣсятъ тѣсто, четыре человекъ, два мужчины и двѣ женщины, растягивають его на четыре стороны, прилѣбливаютъ „вареньки“ съ макомъ и изъ сыромъ, поверхъ покрывають коржомъ, обводятъ обручемъ изъ тѣста и украшаютъ шишками изъ тѣста, прикрѣпляя ихъ житной соломою. При дѣланіи коровай поють:

„Сйизжайся родыньку
До Иваньки въ суботыньку,
Поряжаты его батынька,
Шо винъ мене первого жене.

Тай порядкивъ незнае
И куночкивъ несполняе,
И своихъ гостей тай не при-
витае“.

„Съ суботыньки на недилу го-
дына,
Та сйизжаецця родына,
Тай привезлы мишокъ муки та
на коровай;
Съ суботыньки на недилу го-
дына,
Та сйизжаецця родына,
Тай привезлы та дижку сыра
на коровай,

Хвалыты Бога, сырякъ буде
нашъ коровай;
Съ суботыньки на недилу го-
дына,
Та сйизжаецця родына,
Тай привезлы горшокъ масла
на коровай,
Та хвалыты Бога, маслянь бу-
де коровай“.

Дружко испрашиваетъ у „старостивъ“ благословеніе вышеупомянутымъ порядкомъ печь выметать и сажать коровай. При выметаніи печи поють три раза:

Видьмидь пичь выметае, | Чи хороше те мисто,
„Видьмидыця въ пичь заглядае, | Шо короваю систы“.

При сажаніи коровая въ печь поють:

„До бору, бояре, до бору; | Шобъ нашъ коровой гниченъ
Рубайте сосну до долу, | бувъ,
Тышите сосну на триски, | Шобъ нашъ друженько весель
Гнитыть коровой и шишкй, | бувъ“.

Послѣ поднимають дижу вверхъ опять же съ благословенія,
и каждая противоположная сторона цѣлуется, при этомъ поють:

„Пичь ходе на ногахъ, | Дижу носить на рукахъ“.

Когда невѣста, собираетъ дружокъ, поють:

„Казавъ соловейко, сяду не впа- | Май коса да до пояса
ду, | Съ квитками, ногитками,
Казала Паранька, замужъ не | Съ червоною калыною по пле-
пиду, | чахъ;
Сю осеньку погуляю, | Коса моя да до пояса,
Русою косою помаю; | Краса моя да до вечера“.

По окончаніи дѣланія коровая, бабы говорятъ:

„Что вы желали, | Хочь по одний,
То мы зробылы, | Та по повний,
За цю висть, | А хочь по половинци
Чарокъ по шить, | Та всій родынци“.

Старосты подчивають.

Передъ вѣнцомъ невѣстѣ перебирають косу гарусомъ и поють:

„Ой, тихо, тихо Дунай водынь- | Шо йде одъ мене моя ридна
ку несе, | дытынонька,
А ище тыше Паранька косу | Шо зобувавъ, зодивавъ,
чеше; | Та никимъ замышлять.
Чеше, зрывае, | Ой, пльвы коса, до свекрова
Та на Дунай пускае. | двора,
— Попльвы, коса, пидъ батень- | Послухай, коса, шо свекоръ
кивъ двиръ просто, | каже.
Тай послухай, коса, шо батынь- | — Добрая годынонька,
ка говоре, | Прийде до мене чужа дыты-
А батынька говоре: | нонька,
— Не добра годынонька, | Ни зобувавъ, ни зодивавъ,
Та буде кимъ замышлять“.

Послѣ вѣнца, когда изъ цѣркви идутъ, поютъ:

„Схилилась верба
Съ верха до корыння,
Вынчалась Паранька
Съ ранку до полудня.
Пить винчавъ,

Не богато взявъ,
Пивъ золотого,
Коня вороного,
Ще мало“.

Когда молодая за столомъ, поютъ:

„Закувала зузуленька
Въ саду за дворомъ,
Заплакала Паранька
У батька за столомъ.
— Спродай, мий батыньку,
Увесь вишневыи садъ,
Исправъ, исправъ, мий батынь-
ку,
Увесь паньскый нарядъ,
Жемчужне намысточко на шпеч-
ку

И козловы черивички на нижеч-
кы,
А чрезлатный поясочекъ на
станочекъ.
— Якъ буде твий милый та рев-
ныый,
Козловы черивички пыломъ
принадуть,
А жемчужне намысто зольци
обирвуть“.

„Плачьте подружки по мини,
Десь мои брѣтыки на войны,

Десь мои сестрици на сторони,
Никому плакаты по мини“.

„Найихалы, моя ненько, шось,
за паны,

Заплачь, моя матынько, по ко-
си;

Взялы мою кисоньку пидъ жу-
паны,

Чи лучше коси въ фартуси,

Сталы мою кисоньку трипаты,

Чи лучше дивци въ винци,

Стала моя матынька плака-
ты,

Нижъ у тебе, неньку, въ стрит-
ци,

Не плачь, моя матынько, по
мини,

Тай по улыци ходыты,

Тай по квитци носыты,

Отецькихъ сынивъ маныты“.

А. Д. Стефанова.

12.—Сл. Б ѣ л о - К у р а к и н о .

Гл. 1-я.

Видъ мѣстности, курганы и почва.—Преданіе о Петрѣ Великомъ и основаніе поселенія.—Кн. А. Б. Куракинъ.

Сл. Бѣло-Куракино составляетъ часть дачи прежняго ея владѣльца кн. Александра Борисовича Куракина, расположенной между двумя холмами, проходящими параллельно съ сѣвера на югъ по р. Бѣлой, получающей свое начало въ вершинѣ на сѣверъ по долиинѣ изъ родниковъ въ х. Шиловомъ Александровской вол. и впадающей въ р. Айдаръ подъ г. Старобѣльскомъ. Извиваясь кривой линіей и постепенно мѣняясь въ своихъ живописныхъ очертаніяхъ, протекаетъ эта рѣка, то между вербой, лознякомъ, камышемъ, то лугомъ и мѣстами въ совершенно голыхъ обрывистыхъ кручахъ. Вся эта мѣстность сплошь усеяна горными возвышеніями, украшенными курганами, „майданами“, изрѣдка остатками кирпичныхъ печицъ, служащихъ памятникомъ древняго жилья и котловинами всевозможныхъ построеній. Существующіе курганы весьма разнообразны, какъ по формѣ, такъ равно и по своему расположенію; одни изъ кургановъ довольно значительныхъ размѣровъ имѣютъ видъ конусообразный (татарскіе), другіе овальный съ вытянутымъ концомъ въ остріе,—на нѣкоторыхъ курганахъ овальнаго построенія замѣтны уступы террасами съ совершенно гладкою вверху площадью (скиѣскіе). Всѣ курганы неодинаковыхъ объемовъ,—самые большіе расположены рядомъ на одной площади съ самыми малыми, переходящими наконецъ по виду въ могильныя насыпи. Расположеніе кургановъ также разнообразно: большинство изъ выдающихся по объему лежатъ въ одну прямую линію съ С. на Ю. и съ В. на З., всѣ же меньшіе курганы расположены или вѣрнѣе разбросаны въ разныя стороны, изображая собой всевозможныя геометрическія построенія—то четырехугольникъ, то треугольникъ, то слиты въ одну сплошную мас-

су; нѣкоторыя изъ нихъ запали вглубь и образуютъ котловины. Многіе курганы состоятъ не изъ одной земляной насыпи, но имѣютъ внутри себя огромные бѣлые камни и массу мелкихъ внутри и на поверхности. „Майданами“ населеніе называетъ развалины прежнихъ жилищъ полудикаго народа; они, по ихъ мнѣнію, имѣли видъ саклей, какія имѣются въ Черкесскихъ аулахъ. Неподалеку отъ такихъ „майданъ“, а иногда и далеко,—совсѣмъ въ противоположной сторонѣ отъ кургановъ, попадаются четырехугольныя глубокія ямы, выложенныя кирпичемъ или съ голыми илистыми стѣнами.

Почва описываемой мѣстности черноземная и была когда-то покрыта массой дремучихъ, „темныхъ“, вѣковыхъ лѣсовъ. Холмы изобилуютъ въ себѣ мѣль, бѣлую, желтую и красную глину („чирвѣни каминьци“), различныхъ цвѣтовъ песокъ, внутри и на поверхности камень различнаго цвѣта и качества, годный для мельничныхъ жернововъ и многихъ хозяйственныхъ подѣлокъ, и составляютъ продолженіе Донецкаго кряжа. Нѣкоторые также отыскивали, говорятъ, на незначительной глубинѣ каменный уголь и утверждаютъ о залежахъ земляной соли. Наружный видъ мѣстности совершенно напоминаетъ окрестность грушевскихъ на Дону угольныхъ копей; попадаются нерѣдко вымываемыя водой изъ „Комлицького“ яру небольшія глыбы желѣзной руды или остатковъ ея отъ плавки (шлаки); но все это изъ боязни, возникнувшей почему то, что съ открытіемъ минераловъ земля отъ нихъ отберется и перейдетъ въ казну,—остается пока мертвымъ богатствомъ. Судя по преданіямъ, утверждающимъ о существованіи здѣсь нѣкогда различныхъ иновѣрцевъ—татаръ, калмыковъ и др. съ ихъ жилищами, огромнѣйшими печами въ видѣ горновъ и другихъ построеній, о существующихъ и понынѣ богатѣйшихъ кладахъ, а также въ виду имѣвшагося завода, съ чеканкой золотыхъ и серебряныхъ монетъ, который находился въ 12—15 в. отъ границъ имѣнія кн. Куракина (нынѣ находятся слѣды его въ лѣсу, именуемомъ „Медвѣжій“ Осиновской вол.), невольно приходится подумать мѣстному населенію о томъ, какъ много неисчерпаемыхъ драгоценностей заключено въ нѣдрахъ описываемой мною мѣстности.

Разстояніе слободы отъ уѣзднаго города 30 в., отъ губернскаго 210 в., отъ Купянска 70 в., отъ быв. уѣзд. г. Бѣловодска 90 в., отъ быв. зашт. г. Ново-Екатеринославля или Сватовой Лучки 40 в., отъ Валукѣ 90 в., отъ Уразовой 80 в.; отъ торговыхъ слободъ: Осиновой—25 в., Ново-Астрахани или Троецкаго 40 в. и отъ мало-торговыхъ слободъ: Мостковъ—25 в. Бѣлолуцкаго—25 в. и Павловки—7 в. Происхожденіе села народъ объясняетъ такъ: однажды въ 1700 г. Петръ I, вскорѣ по возвращеніи съ похода на Азовъ, былъ извѣщенъ о какомъ то важномъ политическомъ замыслѣ, сопровождавшемся ужасными бунтами, которые успѣли охватить всю Украину до береговъ Азовскаго моря. Царь снова предпринялъ походъ и лично явился для усмиренія. Возстановивъ нарушенное спокойствіе, онъ, въ сопровожденіи кн. Бориса Степановича Куракина, пожелалъ осмотрѣть необозримую, малолюдную, дикую степь, которая широко раскинулась во все стороны отъ прилегающей границы Азова. Во время путешествія Петра I по Украинѣ, ему чуть не пришлось было понасть въ плѣнъ къ какимъ-то разбойникамъ-иновѣрцамъ. Уставъ отъ долгаго похода, онъ оставилъ свой полкъ драгунъ на отдыхъ на лѣвомъ берегу рѣки Козинки (послѣ отдыха имъ было приказано положить мостъ чрезъ эту рѣку), а самъ съ небольшимъ отрядомъ, перейдя вплавъ рѣку, отправился на в. къ Осиновымъ лѣсамъ, которые издали скорѣе походили на туманъ или спустившуюся съ высоты небесныхъ сводовъ огромнѣйшую тучу, занявшую собой необозримую даль долины, мимо роскошно раскинувшейся рѣки Айдары; эта живописная картина природы такъ очаровала царя, что онъ забылъ объ угрожающей ему опасности и незамѣтно столкнулся съ хорошо вооруженной шайкой злодѣевъ, сила которой въ нѣсколько разъ превосходила царскій отрядъ. Видя свою малочисленность, Петръ I послалъ къ гвардіи гонца, а самъ вступилъ въ неравный бой, послѣ котораго пришлось отступать къ Айдары на югъ и наконецъ быть атакованнымъ со всехъ сторонъ. Драгуны, слышавъ издали сигналъ тревоги, опрометью бросились чрезъ Козинку и Тавыжный яръ, и едва лишь успѣли домчаться къ Осиновымъ лѣсамъ, какъ увидѣли, что царь, уходя отъ преслѣдованій, вынужденъ былъ броситься

вплавъ на лошади черезъ р. Айдарь. Если бы не подоспѣлъ во время полкъ, а также сторожевая казачья лодка, на которую былъ взятъ царь, ему бы не минулъ бѣды. Не смотря на всѣ встрѣчавшіяся тогда значительныя препятствія со стороны татарскихъ князей, охранявшихъ себя силою оружія и занимавшихся разбоемъ и грабежами, Петръ I побѣдоносно бороздилъ степь во всѣ концы, проходя „вздовшъ“ и „поперекъ“ Московскій, Воронежскій и Гатманскій шляхи и рѣки Евсугъ, Ковсугъ, Старую-Бѣлую (при впаденіи въ Айдарь) и степи, принадлежація къ Войсковой землѣ, а впоследствии, гдѣ нынѣ Нищеретова,—земли кн. Шереметьевыхъ, держалъ путь низомъ на Валуйскій шляхъ чрезъ Тарабановскій мостъ мимо Васильковыхъ лѣсовъ. Расположившись на отдыхъ на лѣвомъ берегу р. Бѣлой, Петръ I и въ особенности кн. Куракинъ восхищались этой очаровательной окрестностью и рѣкой съ ея обрывистыми берегами, еще издавна носившей названіе по своей чистотѣ и бѣлой мѣловой подошвы русла—„Бѣлая“. (Старое русло р. Бѣлой проходило подъ мѣловой горой, настоящее новое—прошло частью по дорогѣ). Объ этомъ-то князь и сообщилъ царю такъ: „Ахъ, какъ мнѣ нравится эта живописная мѣстность долины, расположенной по обѣимъ сторонамъ такой прекрасной рѣки!“ Петръ I былъ необыкновенно доброй души, и кн. Куракину онъ никогда ни въ чемъ не отказывалъ, почему и сказалъ: „Возьми, дарю тебѣ, какъ свояку, и сыну твоему Александру, моему крестнику, всю эту мѣстность, для которой послѣ ты самъ опредѣлишь границы“. Первоначальныя границы имѣнія кн. Б. С. Куракина простирались въ длину съ С. на Ю.—отъ имѣнія Тарабанова по долину къ войсковой землѣ (до земель кн. Шереметьевыхъ нынѣ Нищеретовой) разстояніемъ въ 15 в., въ ширину съ В. на З. или другими словами—отъ имѣнія Тевяшовыхъ („Тельшовыхъ“) по эту лишь сторону лѣваго берега р. Бѣлой, разстояніемъ въ 10 в. На другой сторонѣ рѣки подъ Бѣлой горой и яру, именуемому „Колмыцкый“ кочевали калмыки, находя уютище въ землянкахъ, крытыхъ „чаканомъ“—(плетенкой изъ „рогозу“). Со временемъ мало-по-малу полудикій сбродъ со всевозможными организованными шайками разбойниковъ царскимъ приказомъ были вытѣсняемы съ этимъ

мѣсть. Съ отходомъ ихъ, имѣніе кн. Куракина все болѣе и болѣе увеличивалось. Но князь мало заботился о заселеніи своей дачи—чему препятствовали также кочевники и разношерстный бродячій людъ, которые заурядъ чинили переселенцамъ насилія, грабежи и убійства. Другого былъ взгляда сынъ его Александръ Борисовичъ. Сдѣлавшись наслѣдникомъ послѣ смерти своего отца къ дарованной дачѣ по р. Бѣлой, а послѣ и по р. Козинкѣ и далѣе, онъ всеми мѣрами стремился къ заселенію этого богатаго края, для чего первымъ долгомъ приобрѣлъ себѣ изъ болѣе бѣдовыхъ—„шельмоватыхъ“ малороссовъ—агитаторовъ, которыхъ разсылалъ гонцами во все концы къ помѣщичьимъ крестьянамъ дѣлать кличъ, объявляя: „если кому худо живется у своихъ пановъ, поповъ или въ монастыряхъ, то пусть свободно уходятъ ко мнѣ на вольныя степи, что за Тарабановой“, тѣ, конечно, расходились къ разнымъ помѣщикамъ, поступали къ нимъ въ рабственную запись и, пользуясь этимъ, втихомолку возмущали крестьянъ и уводили ихъ по ночамъ къ кн. Куракину. При такомъ передвиженіи народа приходилось прятаться въ дорогѣ на весь день, пересидывая гдѣ-нибудь въ лѣсныхъ чащахъ до ночи. Когда молва распространилась объ этомъ благодѣтельномъ дѣйствиіи князя съ присовокупленіемъ еще того, что онъ, при какихъ бы ни было застигнутыхъ въ пути арестахъ или другихъ какихъ бѣдствіяхъ, беретъ, молъ, подъ свое покровительство,—народъ началъ сходиться къ нему со всехъ сторонъ отъ помѣщиковъ Кіевской, Полтавской, Черниговской, Воронежской и другихъ мѣсть и губерній; не брезгалъ также князь и всевозможными экземплярами бродячаго люда—людей непомнящихъ родства и т. п. Если кто изъ переселенцевъ бѣглецовъ былъ преслѣдуемъ своимъ паномъ, то ему вмѣнялось въ обязанность перемѣнить иногда не только фамилію, но даже имя и отчество. Народъ свой князь раздѣлялъ по названію:—на черкассъ и малоруссовъ, а по службамъ—на дворовыхъ и хлѣбопашцевъ; самъ же народъ дѣлилъ себя на клочки: „москаль“, „кацапъ“, „мужикъ“, „хохолъ“, „мазепъ“.—Князь очень любилъ малороссовъ, почему все дворовые его состояли исключительно изъ нихъ. Особо-отличительная черта ихъ передъ прочими была та, что это люди были высокаго роста, мужественны, красивы и, главное,

неглушы и грамотны. О школъ въ то время не было еще рѣшительно никакого понятія; всѣ дворовые обучались грамотѣ или въ с. Надежинѣ Сердобскаго у. Саратовской губ. (это любимое имѣніе князя), по тогдашнему времени самое благоустроенное, гдѣ онъ больше и проживалъ), или же въ Петербургѣ. Всѣ остальные—не дворовые выучивались грамотѣ одинъ у другого; но больше всего занимались преподаваніемъ „черныи“, которымъ даже священники отдавали своихъ дѣтей въ начальную науку. Народъ увидѣлъ у себя училище лишь съ того времени, когда всѣ школы находились въ вѣдѣніи Государственныхъ Имуществъ; оно именовалось: „Общее приходское училище Старобѣльскаго округа“.

Преданіе хорошо сохранилось относительно того, что первоначально слобода состояла изъ 20 хатъ, расположенныхъ возлѣ Мѣкортета (—такъ именуется и теперь не весьма обширныхъ объемовъ природная котловина, открытая къ рѣкѣ съ 3 стороны и находящаяся въ полуверстномъ разстояніи отъ церкви), а въ 7—8 в., гдѣ теперь Павловка, жила уже „барыня Тарабанша“ въ порядочномъ поселеніи, именуемомъ „Тарабанова“. Люди, переселявшіеся на вольныя степи Куракина, держали путь съ Валуйскаго шляха на Тарабанинъ мостъ — на Тарабанову, такъ какъ мѣстность эта давнымъ давно была уже извѣстна подъ этимъ названіемъ. Тарабановъ и Тевяшовъ происходили говорятъ изъ потомковъ татарскихъ князей, и участокъ, дарованный Петромъ I-мъ кн. Куракину не былъ свободнымъ, а принадлежалъ уже прежде по какимъ то наслѣдственнымъ документамъ Оттоманскаго („Бусурманьскаго“) царства съ одной стороны Тарабанову, а съ другой Тевяшову. О Тарабановѣ преданіе говоритъ, что онъ неизвѣстно гдѣ дѣвался, оставивъ послѣ себя бездѣтную жену Тарабаншу, которая имѣла у себя крестьянъ изъ великоруссовъ. Еще съ первыхъ годовъ владѣнія этой дачей, кн. Куракинъ „покумывся“ съ Тарабаншей и часто посылалъ къ ней своего управляющаго нѣмца, да и самъ нерѣдко раздѣлялъ съ нею время въ пиршествѣ и пьянствѣ. Во время одного свиданія князь напоилъ Тарабаншу пьяной и въ такомъ видѣ завелъ рѣчь: „Скажите, пожалуйста, по какимъ документамъ владѣете вы крестьянами и имѣніемъ“?

Та, не подозрѣвая въ кумѣ ничего дурного, достала документъ и вручила ему просмотрѣть свои права; князь, просмотрѣвъ ея данную, своротилъ и спряталъ ее себѣ въ карманъ, а кумѣ передалъ такой же величины свертокъ бѣлой бумаги, на которой барыня не обратила тогда никакого вниманія и снова положила его на прежнее мѣсто. Не удовольствовавшись данной, вскорѣ, того же дня, управляющій князя отправился съ Тарабаншей въ лѣсъ погулять, гдѣ она такъ усладилась „безумной радости“, что спала мертвецкимъ сномъ до самого утра. Управляющій, воспользовавшись ея слабостью, снялъ съ ея руки перстень, украшенный драгоценными камнями и явился съ нимъ къ ея ключницѣ съ приказомъ отъ барини отпереть какіе-то ящики и вручить ему хранящуюся тамъ связку бумагъ. Ключницѣ не разъ приходилось выполнять различныя распоряженія по извѣстному перстню, почему она нисколько не задумалась выдать нѣмцу всѣ хранящіяся въ ящикѣ бумаги. На другой день, къ неожиданному удивленію кумы, князь велѣлъ объявить ея крестьянамъ такъ: „если кто пожелаетъ присоединиться къ нему, то пусть тотъ выброситъ къ своимъ воротамъ вѣху изъ соломы или чего нибудь другого, а если кто не укажетъ никакого знака, то домъ того со всѣмъ его имуществомъ будетъ разоренъ и самъ онъ строго будетъ наказанъ“. Теперь лишь сообразила Тарабанша о той подкладкѣ, которую имѣли дружескія отношенія ея кума. Народъ сдался, кромѣ дворовыхъ Тарабанши, которые вмѣстѣ съ нею насильно были выселены изъ родового ея имѣнія на Валуйскій шляхъ, и, дабы навсегда изгладить память о ней, приказано было домъ со всѣми пожитками сжечь до основанія. Завладѣвъ такимъ образомъ имѣніемъ Тарабанши, князь не замедлилъ заселить ее любимыми малороссами, переведенными изъ какой то Петровеньки отъ отмершихъ помѣщиковъ (нынѣ Петровеньчане именуются Петро-Павловкой, Павловской волости и Курячанами и Ооменчанами по фамиліи перешедшихъ первыхъ семей). Они не применили дать прозвище прежнимъ владѣтельнымъ крестьянамъ Тарабанши—„москалы“, а заселенное ими мѣсто—„Москаливка“; въ ту же очередь получили отъ нихъ:—„хохлы“, „мазены“. — Съ семействомъ Тевяшевыхъ князь былъ въ очень хо-

рошихъ отношеніяхъ и учинилъ съ нимъ какую то сдѣлку, по которой все имѣніе, состоящее еще и понынѣ въ управленіи его потомковъ должно было достаться Тевяшову, якобы отъ кн. Куракина въ подарокъ его крестному сыну. Говорятъ, что этотъ сынъ былъ прижитъ Тевяшовой съ княземъ. Самъ Тевяшовъ состоялъ на службѣ у князя въ качествѣ полкового доктора, онъ же завѣдывалъ ремонтами и былъ поставщикомъ лошадей изъ княжескаго коннаго завода. Отъ прежнихъ границъ Тевяшова къ кн. Куракину отошли яръ съ р. Козиной и землями расположенныхъ на немъ хуторовъ. Въ то время князь считался собственникомъ земли въ слѣдующихъ границахъ: ему принадлежали двѣ слободы—Бѣло-Куракинская и Павловская съ двадцатью двумя хуторами; затѣмъ—Танюшевка, Березова, Шаровка до Ровенекъ и Александровка. Изъ этого владѣнія княземъ проданы Бѣло-Куракинцамъ земли, находящіяся въ слободѣ Бѣло-Куракиной, Павловкѣ и хуторахъ Лизинномъ, Бѣденомъ, Кризскомъ, Шапарскомъ, Ереминомъ, Цѣлуйкиномъ, Паньковкѣ-Свѣтличной, Алексѣевкѣ, Заикиномъ, Лубьянкѣ, Гриценковомъ, Бучужномъ, Кисилевкѣ, Лавровкѣ, Шолкуновѣ, Рудовѣ, Курочкиномъ, Фоменковѣ на р. Бѣлой, Фоменковѣ на р. Козинкѣ, Заводянскѣ, Морозовѣ и Стативкиномъ. Танюшевка не вошла въ категорію выкупа, потому что она досталась родному брату князя—Алексѣю Борисовичу; Березова—по случаю какой то незаконной сдѣлки одного помѣщика (Веревкина) съ священникомъ Ивановымъ, Шаровка и Александровка были отняты у князя послѣ его смерти. Всей земли отошло въ собственность крестьянъ около 60 тысячъ дес., цѣной за 1.100,000 руб. асс.

Кн. А. Б. Куракинъ не переставалъ заселять своей дачи разными пришлыми людьми до самой смерти или, вѣрнѣе, до тѣхъ поръ, пока не уѣхалъ въ Парижъ въ качествѣ посланника, по какимъ-то важнымъ государственнымъ дѣламъ. Предъ выѣздомъ князь простился съ народомъ и сказалъ: „Я уѣзжаю въ Парижъ, по возвращеніи оттуда, обещаю всехъ отпустить на волю; молитесь Бога о моемъ благополучномъ возвращеніи! Когда получите вольную, храните ее крѣпко у себя, не доверяйте ни попамъ, ни панамъ, а то они могутъ ее уничтожить и повернуть васъ къ себѣ въ крестьяне“.

пріѣдетъ къ нему „погулять“. Къ этому времени набѣжали „москали“—коробейники и „лавошныки“ съ разными „фыгами“, „мыгами“. Для княжескихъ вечеровъ выбирались изъ всего села красивыя дѣвки и записывались въ танцовщицы—„танцоры“, на неспособныхъ почему-либо къ такому искусству возлагались другія какія-нибудь обязанности: онѣ пѣли, прислуживали или просто упражнялись въ „яствіи“, „питіи“ и „веселіи“. Для всѣхъ красавицъ, раздѣлявшихся по службѣ на разныя категоріи, имѣлся списокъ, и никто изъ нихъ подъ строгой отвѣтственностью не смѣлъ отказываться явиться по требованію для выполненія своихъ обязанностей; никто изъ родителей не смѣлъ также противиться этому. Между избранными „князями“—красавицами было нѣсколько особо уважаемыхъ княземъ, съ которыми онъ проводилъ цѣлыя ночи въ свойственныхъ тому времени оригинальныхъ гуляньяхъ. Оказавшіяся изъ „танцоръ“ съ явными признаками беременности, были выписываемы на время изъ увеселительнаго журнала и, нисколько не стѣсняясь и не скрываясь отъ родителей и совѣсти людской (всякому было извѣстно, чья вина), свободно разрѣшались „прибылью“, которая, спустя 2—3 недѣли, по желанію родильницы, передавалась для выкармливанія лицамъ особо завѣдующимъ по этой профессіи; впрочемъ—желаніе испрашивалосъ лишь къ малюткамъ женскаго пола, съ дѣтьми же мужскаго пола всегда поступали и противъ всякаго материнскаго желанія. Завѣдывающей выкармливаніемъ дѣтей мужскаго пола была въ послѣднее время жена княжескаго камердинера А. Заики. Относительно участи этихъ сыновъ вольницы и довольства извѣстно, что рѣдко какой изъ нихъ выращивался; большинство ихъ уходило, какъ выражается народъ „въ землянскую станицу“. Въ двухверстномъ разстояніи къ селу Шапорскому есть яръ именуемый и по сей день „Диточынь“—это, говорятъ, и есть то мѣсто, которое именуется „Землянской станицей“,—тамъ хоронились незаконнорожденные дѣти дѣвушекъ и вдовъ. Князь очень любилъ маленькихъ дѣтей, которые могли уже говорить и бѣгать: часто любовался ими, а нѣкоторыхъ, которые особенно почему то полюбились ему, бралъ съ собою и отдавалъ на воспитаніе въ Петербургъ въ какое то „Екатерининское училище“

(такая участь постигала дѣтей мужескаго пола). Въ число такихъ счастливицевъ попалъ и мой родной дѣдушка, взятый семи лѣтъ собственными руками князя отъ матери его, находившейся въ замужествѣ за запорожцемъ Иваномъ Кравченкомъ непомнящимъ родства; онъ былъ главнымъ агитаторомъ князя по населенію его дачи на р. Бѣлой. Говорятъ про него, что онъ въ теченіе одного года принялъ пять законныхъ браковъ съ дѣвушками разныхъ помѣщиковъ и оставлялъ ихъ въ силу творившихся тогда побѣговъ. Тѣ изъ дѣтей мужескаго пола, которыя не обращали на себя княжескаго вниманія, были отдаваемы въ сыновья бездѣтнымъ или подбрасывались („пидкидиши“). По достиженіи ими 18—20 лѣтъ, ихъ женили и давали имъ какую нибудь фамилію по назначенію отъ князя, управляющаго или народа. Потомки одного такого субъекта (отъ „танцюры“) существуютъ и понынѣ съ даннымъ прозвищемъ отъ народа „Княженко“, такъ и теперь пишутся они въ х. Лубянкѣ „Княженками“.— Гулянья были устраиваемы княземъ еще и другого рода въ его зарѣчномъ саду, среди котораго былъ усыпанъ большой курганъ съ поднимающимися кверху террасами, усѣянными всевозможныхъ сортовъ цвѣтами и устроенной площадкой; на той площадкѣ устраивалась палатка съ застекленными отверстіями. Это и было то мѣсто, гдѣ пиروвалъ князь съ своими пріѣзжими гостями. Кругомъ этой могилы былъ проведенъ искусственный каналъ, выходившій однимъ концомъ въ рѣку, а другимъ въ сажалку (прудь, ставокъ). Челядь также участвовала здѣсь своими танцами, пѣніемъ и переряжаніемъ, выбрасывала подъ музыку, для потѣхи гостей, разные артистическіе артикулы, указанные въ доставшихся имъ билетикахъ. Здѣсь выбрасывались билетики „барынямы“ — „панямы“ изъ окна палатки вмѣстѣ съ пряниками и конфетами. Въ саду, говоритъ народъ по преданію, было при князѣ, какъ въ раю: всевозможныя породы деревьевъ посажены были по группамъ, аллеями, отдѣлявшими одинъ паркъ отъ другого, роскошными бесѣдками съ цвѣтниками и съ небольшою посрединѣ ихъ возвышенностью земляной насыпи, гдѣ княжеская музыка неусыпно усердствовала по цѣлымъ ночамъ; садъ-же въ пяти-верстномъ своемъ объемѣ подъ вечеръ былъ иллюминированъ плоска-

ми, („каганцами“) гдѣ горѣлъ лій (баранье сало) и деготь,— кострами и зажженными смоляными бочками. На всемъ протяженіи сада, весь правый берегъ рѣки и паромъ щедро разукрашивались огнями и пестрыми флагами. За отсутствіемъ князя были тоже устраиваемы гулянья его безконтрольнымъ управляющимъ нѣмцемъ, который, какъ говорятъ, вводилъ все на „немецкій штыль“, но только не съ такимъ уже торжествомъ и блескомъ.—Тогдашняго времени помѣщики—„панство“ и „попы“ страшно возненавидѣли князя Александра Борисовича за ту прославленную имъ „волю“, которая дала ему возможность пріобрѣсти и закрѣпить бесплатно сотни семей, въ силу различныхъ причинъ уходившихъ украдкой отъ своихъ прежнихъ пановъ, и еще болѣе озлоблены были на него за то, что онъ пользовался громаднымъ вліяніемъ и слылъ любимцемъ государя Павла Петровича, который, говорятъ, не рѣшался самъ исполнить ни одного дѣла безъ совѣта кн. Куракина. Предвидя враждующую сторону, князь всегда охранялъ себя во время поѣздки сотней драгунъ, которые находились при немъ и во все время пребыванія его на дачѣ.—У потомковъ княжескихъ камердинеровъ сохранилось въ памяти такое происшествіе. Однажды кн. А. Б. Куракинъ вмѣстѣ съ государемъ Павломъ Петровичемъ обсуждали вопросъ о положеніи крестьянъ, находящихся въ зависимости отъ помѣщиковъ и о принятіи мѣръ къ заселенію южной части Россіи къ берегамъ Чернаго моря; нѣсколько разъ обсуждали они вдвоемъ этотъ важный вопросъ, но въ этотъ разъ, вѣроятно онъ былъ оконченъ, ибо совѣтъ продолжался до двѣнадцати часовъ ночи, послѣ котораго у обоихъ явилась мысль сняться. Желаніе это было исполнено; былъ приглашенъ какой то художникъ и снялъ ихъ въ такомъ положеніи, какъ они обсуждали вопросъ, послѣ этого князь пріѣхалъ изъ дворца ровно въ 1 часъ, и только что успѣли раздѣть и уложить его на постель, какъ вдругъ раздался звонокъ, а затѣмъ вслѣдъ — отчаянный стукъ въ дверь съ отрывистой рѣчью: „изъ дворца, отвори! Скорѣй—къ князю надо!“ и тутъ же поручили извѣстить князю, чтобы онъ скорѣе поспѣшилъ во дворецъ: царь умираетъ! Обо всемъ этомъ было доложено князю, который съ яростью вскричалъ: „Какъ умираетъ? Что

это? я сейчас отъ него и онъ былъ здоровъ, — нѣтъ“... Одѣваясь на скоро, князь въ досадѣ ломалъ себѣ руки и, кусая ногти, бѣгалъ по спальнѣ: „Ахъ, Боже—мой! Ахъ, злодѣи!.. Убить!.. Убить“!.. Явился въ дворецъ князь вмѣстѣ съ своими камердинерами и засталъ царя, лежавшимъ въ постели, закрытымъ подушками. Смерть царя князь отнесъ не къ естественной, а къ насильственной, чѣмъ сразу вызвалъ весьма многія возраженія. Доказывали, что царь давно страдалъ головной болью; другіе говорили, что онъ любилъ драться на шпагѣ, и какъ не былъ ловокъ въ этомъ искусствѣ, случайно былъ пораженъ. До самого свѣта продолжался объ этомъ довольно бурный споръ, вотъ—вотъ доходившій было до боевой схватки; но князю все таки удалось доказать, что царь сначала былъ удушенъ въ постели, а послѣ уже нанесена была ему кинжаломъ рана.

Въ первые годы царствованія Александра 1-го, кн. Куракинъ былъ посланникомъ въ Парижѣ, гдѣ предался разгульной жизни: окружилъ себя интимными связями сразу съ нѣсколькими особами, между которыми была дочь одного какого-то довольно знатнаго французскаго вельможи. Последняя имѣла большее другихъ право на князя, но, не смотря на заискиванія съ ея стороны и наконецъ предложеніе жениться на ней, въ виду двухъ дѣтей, князь всячески уклонялся отъ этого, щедро одаривая ее подарками и золотыми. Не долго продолжалась такая любовь,—князь, противъ всякаго ожиданія, встрѣтилъ въ этой женщинѣ весьма устойчиваго противника. Однажды князь былъ приглашенъ на балъ, гдѣ, въ кругу своихъ знакомыхъ, пришлось проводить ему время въ карточной игрѣ на деньги; никогда не случалось князю такъ проигрываться, какъ теперь,—вмѣсто денегъ кн. обратился къ письменнымъ обязательствамъ, а послѣ,—видя совершенную свою неудачу, оставилъ игру, хотя и вызвалъ тѣмъ нѣкоторыхъ на пререканіе. Послѣ такого неожиданнаго проигрыша, француженка не промедлила воспользоваться случаемъ—заявить ему въ лицѣ нѣсколькихъ высокопоставленныхъ сановныхъ особъ, что она, въ силу своего знатнаго происхожденія, не позволитъ больше торговать собой и тутъ же потребовала отъ него дать подписку въ томъ, чтобы

онъ, прежде чѣмъ женился на ней, обезпечилъ ее и двухъ дѣтей половиннымъ своимъ состояніемъ въ суммѣ одного милліона и ста тысячъ. Чувствуя себя въ безвыходномъ положеніи и видя, что все это окружающее его собраніе было приготовлено для него съ заранѣ обдуманной цѣлью, князь рѣшилъ—что можетъ быть наказанъ за противорѣчіе не такъ закономъ, какъ кулачной расправой и согласился на все то, что отъ него требовали. Лишнихъ денегъ у себя князь не имѣлъ, такъ какъ крестьянскихъ оброковъ едва хватало ему на кутежи и карточную игру. Понадобившійся капиталъ въ суммѣ 1.100,000 р. заимообразно былъ взятъ княземъ въ Петербургскомъ государственномъ золотомъ банкѣ; пришлось вспомнить про дарованную Петромъ I-мъ дачу и заложить ее въ банкъ. Князь не забывалъ крестьянъ своей украинской дачи и, чтобы оставить о себѣ добрую память, предложилъ чрезъ управляющаго: „если народъ согласенъ будетъ внести состояцій за нимъ долгъ въ государственномъ банкѣ къ извѣстному сроку (чрезъ Воронежскую палату), то тогда лишь только могутъ получить отъ него вѣчную свободу и землю съ званіемъ вольныхъ или свободныхъ хлѣбопашцевъ“. Бывшіе тогда съ княземъ, въ Парижѣ, его камердинеры начали замѣчать усиливающееся критическое положеніе князя и предались грустной думѣ, находя что незавидная ихъ рабская жизнь не можетъ улучшиться, между тѣмъ какъ для хлѣбопашцевъ—ихъ однокашниковъ, отцовъ и братьевъ уже былъ назначенъ выкупъ. На вольный отпускъ они ужъ не надѣялись и, подстрекаемые проститутками, задумали устроить бунтъ. Они самовольно оставили князя и отправились съ дѣвками гулять по Парижу, предаваясь пьянству и другимъ вольностямъ. Возмущеніе камердинеровъ такъ подѣйствовало на князя, что онъ три дня проболѣлъ и ничего не рѣшался принимать себѣ въ пицу. Нѣкоторые камердинеры съ челобитною возвратились къ князю, остальнымъ—невозвратившимся, князь обѣщалъ прощеніе и всякія милости, желая тѣмъ вызвать къ себѣ преданность и возстановить прежнія отношенія. „Нѣтъ, батюшка, изъ лѣса въ лѣсъ не ходять по дрова“—отвѣчали прежніе крѣпаки и готовы были поднести князю переполненную чару съ ядомъ за его „милости“ къ своему мнимо-свободному разно-

шерстому наброду.—Князю пришлось одновременно испытывать на себѣ ревность и месть.—Однажды, рассказывают потомки одного изъ камердинеровъ, князь былъ въ театрѣ, который условлено было поджечь; пользуясь суетой, предполагали подвергнуть всесожженію и князя. Замыселъ былъ приведенъ въ исполненіе, князь, сильно обожженный, вынужденъ былъ возвратиться на родину.

Нѣкоторые говорятъ, что театромъ называли камердинеры мѣсто особаго рода княжескаго гулянья въ обществѣ двухъ, трехъ дамъ или нѣсколькихъ дѣвушекъ, разодѣтыхъ, въ полуадамовскіе костюмы, гдѣ пили, ѣли и веселись до упада. Во время происшествія, никакого театральнаго представленія собственно не было, и случилось все это въ частномъ домѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: поступки князя такъ возмутительны были по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ, что онъ нажилъ себѣ очень много враговъ и одна партія недоброжелателей прежде всего задумала возмутить противъ князя его камердинеровъ, что и удалось достигъ имъ безъ особаго труда; за исключеніемъ немногихъ, камердинеры оставили князя, угрожая ему всевозможной мезтью. Спустя двѣ-три недѣли послѣ заговора-бунта камердинеровъ, къ князю пріѣхали двѣ дамы изъ вельможныхъ, съ которыми онъ очень часто уѣзжалъ, возвращаясь на разсвѣтъ, и убѣдительно просили его поѣхать съ ними вмѣстѣ въ приготовленный ими театръ. Сначала князь почему-то отказался, но потомъ далъ слово пріѣхать одинъ черезъ 2—3 часа, если будутъ за нимъ присланы лошади. Въ назначенное время лошади были доставлены, и князь уѣхалъ въ закрытомъ экипажѣ, а къ разсвѣту привезли его полумертвымъ, говоря, что русскій посланникъ гдѣ-то на пожарѣ обжогся изъ желанія кого-то спасти. На самомъ дѣлѣ—впослѣдствіи выяснилось, что роль фореитора, лакея и кучера исполняли замаскированные его бывшіе камердинеры, которые, схвативъ жертву, мчались съ нею на край города, гдѣ приготовленъ былъ для него „театръ мести“. У крыльца двѣ дамы взяли его подъ руки и скрылись. Спустя нѣсколько времени, когда уже князь лежалъ, отдыхая въ опьяненіи, домъ былъ зажженъ со всѣхъ концовъ; двери и окна были забиты. Замыселъ злодѣевъ удался бы, если бы

во время не подоспѣла пожарная команда. Князь отбилъ окно и выпрыгнулъ, получивъ значительные ушибы и ожоги, требовавшіе немедленнаго его возвращенія на родину. По возвращеніи на родину князю не долго пришлось лѣчиться, пользуясь въ Петербургѣ и на теплыхъ водахъ; онъ скоро почувствовалъ приближеніе смерти и заблаговременно написалъ о томъ, какъ должны распорядиться послѣ его смерти имѣніемъ, находящимся въ с. Надежинѣ Сердобскаго у. Это духовное завѣщаніе князя было напечатано отдѣльной книжкой съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ писемъ, свидѣтельствующихъ о заботѣ князя о ближнихъ. Гораздо позже, уже послѣ смерти князя, Бѣло-Куракинская община получила отъ управляющаго за подписью нѣсколькихъ лицъ владѣтельный актъ и планъ земельныхъ угодій на р. Бѣлой и Козинкѣ. Князь оставилъ крестьянамъ въ подарокъ зарѣчный садъ и домъ съ флигелемъ и подваломъ; кромѣ этого 10 вѣтряныхъ мельницъ и двѣ водяныхъ: одну на р. Бѣлой, а другую на р. Козинкѣ, питейный каменный домъ и три небольшіе домика.

Кое-что изъ прошлаго будетъ сообщено еще въ разсказахъ о разбойникахъ, а теперь сообщу—почему такъ или иначе названы нѣкоторыя поселенія, образовавшіяся на земляхъ князя Куракина.

Заводянна, Павловской волости, получила названіе, говоритъ народъ, отъ того, что тамъ были княжескіе заводы—конный и водочный. Лошадей обѣзжали князю калмыки. Пугачивна, тоже Павл. волости, получила свое названіе отъ поселившихся тамъ выходцевъ по фамиліи „Пугачи“. Пугачане отличались разбойничествомъ и воровствомъ. Танюшевка получила свое названіе отъ того, что тамъ первой была поселена княземъ его танцюра „Танька“. Лизинъ имѣетъ названіе отъ выселившейся туда танцюры „Лизки“. Говорятъ также, что тамъ первыми были поселены Черниговскіе казаки „Лизенки“. Лубянка получила свое названіе по слѣдующему обстоятельству: стояла тамъ княжеская вѣтряная мельница, покрытая сверху и обитая по бокамъ лубьями. Отправляясь молотъ спрашивали: „Куда везти, до лубяной или водяной?“—„До лубянки!“

Гл. 2-я.

Населеніе и говоръ.—Пословицы—Загадки и скороговорки.

Число жителей въ слободѣ состоитъ, по справкѣ въ волостномъ правленіи, изъ 3,186—м. п. и 3,210—ж. п. Наружный видъ жители имѣютъ слѣдующій: ростъ высокій, изрѣдка переходящій въ средній; волосы темные и русые; глаза сѣрые, свѣтло-карие и очень рѣдко карие; носъ длинный прямой съ небольшимъ процентомъ горбоносыхъ; лицо въ перемежку круглое съ продолговатымъ; въ корпусѣ плотны, костисты, статны и въ общемъ—собой не дурны. Отчасти обнаруживаются въ средѣ ихъ слѣды вліянія инородческой примѣси,—такъ, напр., здѣсь можно отыскать типъ татарина; съ выдавшимися скулами и кривыми ногами калмыка, башкирца и другой помѣси. Женщины съ черными бровями, имѣютъ большое во всемъ сходство съ мужчинами. Какъ мужчины, также и въ особенности женщины обладаютъ пріятнымъ звонкимъ голосомъ; любители пѣнія, музыки и всякаго рода веселія. Въ области физическаго труда и мысли отличаются изрядной лѣнью и косностию; жизнь свою проводятъ безпечно и больше въ домоѣдствѣ, питая себя надеждами на будущее: „Нэхай, мовъ, що Богъ дасть, то й будэ“. „Що було, бачылы, що будэ, побачымо“. „Більшь копы лыха не будэ“.—Говорятъ всѣ твердымъ малороссійскимъ языкомъ; но замѣтны и слѣды вліянія литературнаго языка у лицъ, говоръ которыхъ представляетъ, по мѣстному выраженію, ни то, ни сѣ — „перевертней“. Къ особенностямъ такого мѣстнаго говора можно отнести то, что онъ ведется ими отрывисто, съ растяжкой—„пѣвагомъ“, мѣняясь часто въ словообразованіи, употребляя вмѣсто: е—ы; а—о и наоборотъ: о—а, напр., — „гарѣчый“, „гарячѣ“ и „горячѣ“, „хазяйейнѣ“ и „хозяйейнѣ“; вмѣсто о—у: „въ субѣри“, „въ сумыри“ и „въ сомыри“, „тупѣля“ и „топѣля“ и проч. Прилагаемые при семъ мѣстные слова, реченія, поговорки и загадки весьма могутъ дать матеріалъ и основаніе для характеристики языка мѣстныхъ жителей съ его словообразованіемъ и произношеніемъ словъ.

Пословицы. Въ торгѣ два дурня: оди́нь прода́е, други́й купу́е. Якъ не живѣшь, а дурнемъ помрѣшь. Мертви усе́й хорѣши,—

гáрни. Стільки (скілко) не живи, а умерать треба. Не почу- хавши й прыщъ не нарядыця. До биды ще три дни. Пийш- лось сиромаси (бидáзи, бидолáзи) круто ўзломъ до ўзла. Сімъ бидь, одынъ одвить. Не нагрівши мисця, не всідышъ. Не на те козакъ пьє, що въ кишени йє, а на те, що буде. Шіла (у) въ мишку не втайишъ. Хто бильшъ мовчить, той двоухъ навчить. Меньшъ ба- лакай, та бильше хліба йижъ. Горà зъ горóю не сходыця, а чо- ловикъ зъ чоловікомъ повсигдà. Чий винъ, а нашъ сєриця. Поки сонце зийде, то росà й óчи вийиеть. Грóши не свий братъ. У когò грóши той и хорóший. Свátана дівка скрїзь гáрна. Чужї рúки безъ приглядку (дóглядку) мúки. За хорò- шимъ чоловікомъ и свїнка господїнка, а за лыхимъ и лєбидь кáзна-що. Свий своєму по невóли братъ. Свий своєму óка не вїколе. Свий своєму черєзъ тынъ не плóне. Рукà рúку мїє, щòбъ бїла булà. Де наше не пропадало. Винъ такий стáвъ, шò й черєзъ гúбу не плóне. Якъ мáешъ шо втайити, мовчи жиньци. Шо жиньци сказáвъ, почитай, шо й всємú селу. Хто жинку слúха, та правду йий кáже, той недóбрый человекъ. Сердїта жинка страшнїна чòрта. Якъ мáешъ кутòкъ, живи потыхєньку, та йижъ мовчки кусòкъ. Де пàнь, тамъ и пид- пàнки. Не тàкъ пани, якъ паненята. Не то вòрь, шо краде, я го, шо приймає. Мой хáта зъ краю, ничòго ни знàю. Нà тоби, небóже, шо минї негòже. Однà головà не биднà. Ожи- нївсь тай зажурївсь. Хто не жинївся, той и не журївся. Хто зъ мóлоду не дурївъ, той на стáристь дóйде. Ожинывсь, якъ знòвъ на свїть народївсь. При злїдньяхъ та щєй зъ пєр- цемъ. Хто новинки не видáвъ, той и вєтоши радъ. Вилїка хвигура, та дúра. На злòдию шáнка горыть. На прóшеного гòс- тя багáто кóшту. Горыть, якъ мєртвый дивиця. Пани быóць- ця, а въ мужыкївъ (пидчинєнныхъ) чубы булять. Чужими ру- кáми тїко жáрь загрыбáты. Крутысь, ни крутысь, якъ бєзъ чòго нильзà, такъ нильзà обийтыся. Хочъ тàкъ,—круть, хочъ тàкъ,—вєрть. Хочъ круть—вєрть, хочъ вєрть—круть. Це всє равнò, шо въ лòбъ, шо пò лобу. Два бьєцьця, трєтий не ми- шай. Круте—й—вєрте, а треба вмерты. Ярь не долїна, чу- жà—не свой дитїна. У гуртї й кáша лúче йисыця. Въ гур- тї широкий, а на самотї ныщò. У двоухъ й бáтька гáрно бї-

ты. На личиний шкапінни (коныни, лошадыни) ни дівго йїздитимешъ. Чужий кїнь не охне, поганый, не здохне. Чужє лихо за сáхаръ. Гáрно (мяко) й стеле, та мўльно спать. Корова чи бўде телицьця, а винъ стойить ужє зъ довбнєю. Тиля чи бўде, а винъ зъ довбнєю. Пóки Хомà зберецьця, буйре й медъ попьють. Якє корінья, такє й насінья. Вїдно Куліну, шо пироги пеклà, й ворота въ кїсьти. Умна жонà, якъ бóчка пшонà, а дви сáла, то й дурàкъ такъ кáши наваре, а якъ же пшонò въ узлі, то й умъ ззадї. Симъ гòдъ мáкъ не родївъ, та й гòлоду не робївъ. Ни булòбъ снїжу, ни булòбъ й слїду. Брàтъ твїй, а рáзумъ свїй. Не булò на молоцї, не бўде й на сирòвацьци. Вїнь зо мнòю, якъ рѣба зъ водою: рѣба на дно, а вїнь въ добрò. Гусь свынї не товáрищъ. Якъ не коваль, то й клищєй не погàнь. Мотàецьця, якъ шейма на бичòвци. Хомà купївъ, Хомà й пьє. Зà що купївъ, за тє й продаю. Орàвъ чòртъ вòвкомъ, та йївъ хлїбъ. Не однà собàка блыньцї пеклà. Яръ не круча, дилòвъ не кўча. Пўзо не дзеркало, чїмъ ни напхнї, ни вїдно: хочъ клòчка, та вòвна, а бы кїшка пòвна. Орї, мелї й йїжъ. Шїты й билїты, й зàвтра велїкдень. Не святї горшкї лїплять. Шо вòївъ, то й вѣхавъ. Дырãвого мишкà не напòвнишъ. Дивїсь въ óба, шобъ не вїлизлы зъ лòба. Не тодї собàкъ годують, якъ на охòту йдуть. Пóки свàльба скòйицьця, а вонò й загòицьця. Нàйде (знàйде) свàльба сорòчку. Щòтъ дрўжбы не тиряє. Длã (блã) мїлого дрўжкà й серєжка зъ ушкà. Прийшлòсь чирвякў разъ на вїкў, та й то не такъ, якъ трєба. Чого надўвєся, якъ мѣша на крупў. Скрывѣвєся, якъ середà на пѣятныцю. Повѣсывъ мòрду, якъ свынї рѣло. Нехàй (хàй) кобїла дўма: у нєи здорòва головà. Нàвчить лихо коржї зъ сáломъ йїсты. Тодї скàжешъ: гòць (гòць), якъ вѣскочишъ. Вонї обòйи рябòйи. Хочъ рўчка въ гнойкў, такъ дўшка въ лойкў. Мертваго зъ грòбу не вертàють. Скачї, врãже, якъ пàнь кàже: на те вїнь багáтый. Найшòвъ (знайшòвъ) де риминьцã рожжїцьця, де собàки й лѣка поїли (лїко зїли). Плїтьтю не перешибєшъ обўха. На догàдъ бурякївъ, шобъ далї канўсты. Дўмають тїльки (тїки) однї индыки, та лўды дїки. И гáрни й книшї та мнї не по душї. Молодєць промїжъ овєць, а на молодцã—й сàмъ вивцã. Засмїялась вєрша зъ болòта, ажъ дївицьця: й самà въ болòти. Мовчї, глухà, мєньче грїхà.

Хлѣбъ—сѣль вмѣсти, а табачокъ врѣзь. Богу молись, тай чорта не гнивь. Не то черви, шо мы ймо, а то, шо насъ бѣдуть йисты. Худо безъ добра не живѣ. Мовчѣй—та дѣшѣ, то й бѣде кнѣшѣ. Моимъ саломъ, та по мойхъ же й губахъ. Договорѣвсь, якъ домолотивсь. Договѣрецъ—брѣтець. Шо коту, то й попу. Беруть римишкѣмы, а оддають лычкомъ. Не пидпалы й не бѣде й горѣты. И камень на огни трѣскаецця. Запѣвъ все равнѣ, якъ ворѣта забѣвъ. Вѣзьмешъ лычкомъ, а оддаешъ реминцѣмъ. Ни кѣжи, ни рѣжи—якъ пѣшъ въ рѣжѣ. Промѣжъ дѣломъ, не бѣзъ бездѣльля. Дѣма тѣломъ, а вѣе вѣвкомъ. Выля, якъ лисѣйчѣй хвѣстѣ. Выляй, не выляй, а пѣдати дай. Булѣ дѣло,—поминай, якъ звѣли. Сѣмъ бѣдѣ одинѣ одвѣтъ. Була не була,—повидѣлася. Чѣй бѣ казѣла, а твоѣй бѣ й мовчѣла. Мелѣ та не промѣлойся. Лѣве вѣвкѣ, та й вѣвкѣ якъ пѣймають... Ни на щѣ й щѣка въ мѣри, щѣбъ карѣсь не дѣрмавъ. Хто на мѣри не бувѣвъ, той и гѣря не выдѣвъ. Хто на мѣри не бувѣвъ, той не вмѣе й Богу молѣцця—(бѣтька й мѣтирь не згѣдавъ). Скрѣзь зѣлото слѣзы льѣуцця. Скѣлько (стѣки) вѣвкѣ не годѣй, а вѣнѣ все въ лѣсѣ дѣвыцця (зазираѣ). Робѣ добрѣ, добрѣ й бѣде. Не зивѣй: на те ѣрмарка. Одинадѣцѣта зѣповидѣ:—не зивѣй. Чужѣ хѣта—хѣже кѣта. Бирѣ на глѣзы, мовъ, въ ти рѣтѣзы; якъ вѣзьме й въ шѣры,—кинѣць вѣли. Примѣстѣвсь, якъ сѣрѣка на тернѣни. Хто вкрѣвъ, томѣ Богъ дѣвъ (тогѣ Богъ унѣсь). Вѣровѣ одна дѣрѣга, а тобѣ чѣтыри. Ни далѣко й ѣблѣчко откѣтѣлося одѣ ѣблѣунѣки. Якѣ сѣми, такѣ й сѣни. По Хомѣй й шапка. Вѣдно й по кулѣ, щѣ чѣтверть. Грѣши дѣло наживнѣ. Не трѣвѣжѣ (не рѣшѣ) собѣакъ, то й не бѣдуть гѣвкѣты. Не ворѣшѣ г...а, вонѣ й не вунѣтыме. Попадѣ правду, тай брѣше. На голѣви блистѣть, а въ голѣви свѣстѣть. Помѣзали, якъ мѣдомъ по губахъ. Въ одинѣмъ кармѣни вѣшѣ на аркѣни, въ другѣмъ,—блѣха на цѣпѣ. Бувалѣ—зрѣвалѣ, тепѣрь перѣсталѣ. Якъ Богъ дѣсѣть, тѣкѣ и въ вѣкнѣ подѣсѣть. Не тѣко свѣту, щѣ въ вѣкнѣ: за вѣкнѣмъ ще бѣльше. Щѣ Богъ не дѣла, то все кѣ луччѣму. Всѣкѣ ѣремѣй про сѣбе розумѣй. Жѣдна вѣвцѣ за своѣ нѣгу вѣсе. Жѣднѣй кулѣкѣ своѣ болѣто хвѣле. Кулѣкѣ кулѣкѣ бѣче здалѣка. Скрѣзь гѣрно, де насъ немѣ. Мелѣ Мѣля: твоѣ недѣля. Въ сѣмѣй не бѣзъ вѣродку. Мѣра—вѣра, мѣшѣкѣ—дурѣкѣ. Одна смѣръть усѣхъ рѣвнѣя. Бѣвъ кѣнѣ та зѣвѣз-

дывсь. Баба багата, якъ сорочокъ багала. Наша горныця зъ Богомъ не спорныця. Якъ прийде май, то хліба дбай, бо прийде юнь,—хочъ плюнь. Прывикла собака за возомъ бигаты, та й за саньмі не втерпе. Якъ ручка зробе, такъ тільце й зносе. Терпи душа: въ райо будешъ. Изъ хама не буде пана. У кружку не бизъ душкѹ. Дай, Боже, нашому теляти вѡвка въ зубы пийматы. Тѡнко прѣсты, довго ждати. Вѡду гарі, вода й буде,—а вкинъ шона, каша буде. Були бѣ свѣни, а корыто буде. Були бѣ побрязкати, а послухати будуть. На заговѣны й у горобця пѣво. Було бѣ сѣно, козы будутъ. Не давъ Богъ жаби хвоста, шобъ травѣ не толѡчила. За дурною головою, таѣ ногамъ нема спокою. Пѡки хвалькѡ нахвалящѣця, такъ нашъ буткѡ набутыщѣця. Дѣ бѣ ворѡни не литаты, йиѣ одно клюваты. Чужа вѡша не залѣзе, и своѣ не заплѡдыщѣця. Катрени голубци вѣведуть у кушци. Чужий двѣрь не свѣй,—обрушивъ таѣ въ другий. Языченько во менѣ, лѣхо рѡбе минѣ. Полюбила Харя Марю, шѡ й на ѹлицю стыдно. Гудили попѡ, а пѣпъ, якъ ягода. Вѣдно попѡ й у жупани. Пилѡ бѣ и лѣдаще, якъ бы було за що. Хто не бѣвъ малѣмъ, той не бѣвъ и дурнѣмъ. И чѡртъ въ болѡти плаче, що мѡды не настѣче. Не родѣсь вродливый, а родѣсь щасливый. У кого одна, та дѡли нема, а въ кого сѣмъ, таѣ щѣсьтя всѣмъ. Здорѡвый дубъ, та дупнастый. Смѣшки зъ чужѡи кишкѣ, а якъ своѣ здѡхне, то й заплачешъ. Дѣ що загубышъ, тамъ опѣять и шукѣй. Одѣ чѡго захворѡвъ, тѣмъ и личѣсь. Якъ въ двѣдцѣть лѣтъ умѣ нить, то й вѣкъ ѣго не буде. Не годѣй менѣ тѣмъ, чѡго я не йѣмъ. И сѣчка свойѣхъ дѣтѣй не кусѣе. За царѣци йили полянѣцы, а за царя не достанецѣця й сузарѣ. Лѣха йскра пѡле знѣле и самѡ зѣине. Цѣй вѣкъ якъ макувъ цвѣтъ; та не такъ цѣму вѣку, якъ цвѣту. Не вѣрь чужѣмъ рѣчамъ, а вѣрь свойѣмъ очѣмъ. Якъ сирѡтѡ плаче, то й нѣхтѡ й не бѣче, а якъ поскаче, то й всякъ побѣче. Були нѣви, стѣлы яры, та облѡги; были колысь, друззи прѣтели, тенѣрь стѣлы врагы, та ворогы. На лѣсый кусѡкъ найдещѣця кутѡкъ. Не бойщѣця вѡвкъ козы, та зѣй ии. Своѣ воля пѣще нѣволи. Богѡтому й въ пѣкли пѡчѣсть воздаѡтъ. Дорога й дѣнежка во врѣмня скѣднѡсты. Очкурнѣ голопѣпенку риднѣ. Не буде Гѣля, буде другѣя. Зкуштувала баба пѣтри, що ажъ самѡ напѣтрилась. Хватѣвъ горячого до слѣзь. Хочъ плюнь, та й свѣсни. Оже-

нищця не напасеть, такъ якъ бы, оженѣмше, не пропасть. Ко-мусь снящця кислѣци, та не зна передь чѣмъ. Пѣрвого куп-ця не цурайсь. Не попускай зъ мѳлоду вѣжокъ жѣньци, то й небуде на старѣсьть брикащця. Матузкомъ (матузкою) хлѣбъ рѣже, а панство наблюдае (а по паньськѳму чхае). Кругѳмъ гѳре, хочъ у бутылку лѣзь. Хочъ вѳвкъ, траву йижъ. Тѣмно, якъ у цыгана пидъ мѣшкою. Переступѣ быѳтъ и недоступѣ быѳтъ. За вкѣсь не берѣсь, а горячѣ (гараздъ) состряпаю. Собака брѣше тай брѣше, а барынь все йиде собѣ тай йиде. Винъ бы пойѣхавъ, такъ тпрука мѣку ззѣла. Не йижъ менѣ, сѣрий вовче. Хочъ ракъ-рыба, то дуракъ-кандѣба, хочъ рыба-ракъ, то кандѣба ду-ракъ. Пишло дѣло, якъ вѣзь пидъ вагою. Эѣ, це нашъ братъ Савка. Одѣнь томѣ часъ, шо маты вѣ плахти. Горѣлку пѣй, та бережѣ, умѣ не пропѣй. Пѣть-пѣй, а дѣльце помѣны. Не рады пѣва, а рады дѣва. Зробѣвъ дѣдя, на сѣбе глѣдя. Завъязавъ свѣтъ собѣ й людемъ. Усѣмъ ни зпомѳжемъ, а сѣбѣ розѳрышь. Колѣ заложѣвъ шѣю вѣ ярмѳ, такъ везѣ на ривнѣ зъ борозѣньнимъ. Менчѣе, якъ цыганъ кѣньмы. Богъ велѣтъ попо-ламъ дѣлѣтъ. Сѣгѳдня Митѣта—ни дѳма, ни тѣта. Побрѣзкъ на выдѣ, якъ кабацький утѳпленыкъ. Валѣ на сѣрого, сѣрый по-везѣ. Валѣ на вѣнного кѳштъ. У горѣльци смѣку (цмѣку), якъ у макивци маку. Ну, шо мабудъ, схватѣвъ печѣного гарбузѣ?—Дай же, Боже, шо въ здравнѣ йилѳсь, пылѳсь, та дѳбре на свѣти жилѳсь, та по двѳри хозѣйство велѳсь. Здрастуйте й вы, колѣ кращѣхъ немѣ. Ни тѣ, ни сѣ и ни кѣ-знѣ щѳ. Пышаецьця, якъ пощѣвна на крестѣнахъ. Живѣтъ,—ни слѣвы, ни пѣмьятѣ. Лѣгче всѣго осудѣты чоловѣка. Хвалѣтъ тѣло одѣныхъ мертвыхъ. По нуждѣ и вѣ водѣ якъ по сухѳму. Нуждѣ мѣче, нуждѣ и ѣче. Нуждѣ й законъ змѣняе. На свѣй аршѣнь не мѣрай. Кто не стане панѳмъ, той не будѣ дарѳмъ. На звѣчай не потурѣй, а мирщѣй вѣ кишѣню дбай. Проишлѣ ти времѣна, шо Богъ мѣжъ людѣмы. Булѣ правда, та вмѣрла. Начнѣ правду кохѣты, скусѣтъ треклѣты. Бѣзъ умѣ зрѳбы, бѣзъ умѣ й будѣ. На всѣ трѣба сумѣру, та ума вѣ мѣру. Ни тѣко гѳре жѣре людѣй, а бѣльше й люде самѣ сѣбѣ жѣрятъ. Врѣмѣня такѣ, якъ и булѳ, та люде собаки. Тепѣрь такѣ люде настѣли, шо зъ нѣми не про-живѣшь;—та ни, воно той мѳжно, та вже не такъ, якъ трѣба.

Ничимъ свиня вгору не дывыцьця: у неїи рыло замáзане. Земля терпыть, поки спыть, якъ проснецьця, комусь учхнецьця. Сегодня всякъ бя себе, а бя тебе опóсли. На те вонò и лыхо, шо нийдè тыхо. Винь и въ кулакъ соби не шéпче (дýе). Винь соби тепèрь зъ пóдушкою не дýма. Тепèрь яйця старше и курей. Вáжче всего на свити Богу молыцьця, та старóго бáтька зъ мáтирю годувáты. При лыхий годыни прийшлòсь и бáтька зъ мáтирю згадáты. Ты жидови плюй у вичи, а винь кáже: росá Бóжа. У старину пшеницю продавали та плуги купувáлы, а тепèрь плуги продають та пшеницю купують. На бідного Макара все лыхо обрúшилось. Якъ пийдешь ширóкою дорóгою,—áду не мынешь, а пийдешь тисно́ю,—цáрство знайдешь. Перерóбишь, д́иду, хливèць тай достáнешь дри́вèць. Хотила бáба в́ырви, та насýлу и сама в́ырвалась. Пусты́, в́ырвусь. Винь самъ семерèхъ послáвь, та и дóси не вертаюцьця. Катюзи по заслúзи. Не полáдылы за мáсляни в́ышкварки. Дурака и въ цéркви быóть. Тутъ булò вертилося, та не знаю, де д́илося. Тепèрь не петривка, по двичи не кáжуть. Б́ыцьця негодыцьця, л́аяцьця гр́ихъ,—а кусáцьця мóжно. Эге, вонò, бачь, пáньського рóду, та занехáяне. Залízь у чайныкъ, тай пье самувáрь. Я за вáмы, а ты тутъ, забрáлыся, та и сыдышь. Де не ступила, тамъ и согришила. Хибá якъ, хибá що, хибá гр́ихъ, чи щó? Це на ёго рúку ков́инькá. Товчèцьця, якъ Мáрко въ пéкли. У Бóга все готóво. Всякому своё. Не б́уде,—бáтько доб́уде, не стáне, мáты достáне. Бóгъ терпívь, та и намъ вели́вь. Часы панáмъ, шо живить даè намъ. Ни клады задалéгидь ёму пáльцивь у рóть, або поодкúсюе. Ни бáчиты свини нéба, хочь кой колы и трéба. Пипь—золотий сн́ипь. Мищан́инь—запасный дворян́инь: якъ переведуцьця вси дворяне, то и ихъ м́исце зáймутъ мищáне. Ему добра желáйешь, въ тюрьму пхáешь (зъ кручы пхáешь), а винь ще и спеньчáецьця (супрот́ывыцьця). Ты ёго хрысты́, а винь—пусты́. Не в́исосавь же я цéго зъ пáльця. Дос́иявся, доорáвсь, поки у мищáне попáвсь. Мищáне, цыгáне, та жиды́, якъ десятый гр́ихъ на души. До нáшого б́ерега ни що дóбре и не приплывè: колы ни кизякъ, тákъ щéпка. Зъ ёго в́ыйшовъ ни швèць, ни мнèць. Зверчáвь рябóйи кобылы сòнь. Орè, пидслúхала,—пидить, лышень, продзвонить. Не вздрити ёму намéне, гляд́иты,

якъ свині на небо. Скажи ляповци, скрізь разляпа. Зъ яру, та въ кручу. Ни втикъ, ни догнавъ. Ни въ тинь, ни въ ворота. Емѹ такъ добре, якъ у Бога за пазухою (якъ у Бога за дверьми). Було діло, за рижого Бога, на пристихъ людей. Було діло за царя Панька, якъ була земля тонка, шо шильцемъ ткнешъ, тай воды достанешъ. За царя гороба було людей трѳхи. Винъ дума, шо це вже попавъ Бога за бороду. Выминявъ котѹ у мишкѹ. Молодчина, дѹть тобі двѹ чина— дуракъ и дурачина, шей третѳго половина. Якъ багатий вмрѳ, такъ все село за нѳмъ идѳ, а якъ бѳдный вмрѳ, такъ тѳко ниць та дѹкъ идѳ. Свий бѹтько побѳдѳ й пожалѳе. Зарикалась свынѹ кѹлу йѳсты до сѹмоѳи смѳрты. Бѹба зъ нѳхотѹ й поросѹ зѳйѳла. Попавъ тудѹ, де козѹмъ рѳгы правлять. Пропавъ ни за понюху табакѹ. Ганяють, якъ солѳного зѹйця. Гѳль хитрѹ, гѳль мудрѹ, гѳль на выдумкахъ зрослѹ. Казѹвъ слийнѹ: побѹчимо. Слийѳму не свѳтять. Воно такѳ нѹжне, якъ слийѳму дѳзеркало. Не Кулына й гѳлосъ не йѳйѳ. Мы й сѹми зъ вусѹми, тѳко нисъ не обрѳсь. Билѳльця, якъ мазнѳця; чорнобрѳва, якъ сметѹна. Молодѹ, якъ у спѹсивку ягльця (ягода). Не журѳсь, шо вмѳрла жѳнка: ще въ стади хѳде двѳ. Не всякому, якъ Якову. (Не всяково-яково). Пьяныци й кѹпля дорогѹ. Немѹ сѹла, самѹ кѳстка. Не бѳйсь тиѳи собѹки, шо гѹвка, а—шо зъ потѳху хватѹ. Бѹде й квѹрты. Булѳ бѳ то мы хорѳши, тѳ й бѹдутъ грѳши. Згадѹла бѹба дѳвири, шо добрый бѹвъ. Громѹда—великий чоловикъ. Чоловикъ и не собѹка, а брѳше. Все бѳ ничѳго, та киньцѳ зъ киньцѹми не схѳдяцьця. Дуракъ дуракѳмъ о вики викѳмъ. Зъ чѳмъ у колѳску зъ тѳмъ и въ мугѳлку. Копаѳецьця, якъ жѹкъ въ г...ѳ. Зъ ѳго такой судѳя, якъ зъ г...ѹ пуля. Нагадѹвъ козѳ смѳрть, а вона хѳде тай шѳсь тай шѳсь. Спѳть сова, а кѹрей бѹче. Гарный, якъ свинѹ въ дѳщѳ. Сѳмъ гѳдъ не видѹлысь, повстрѳчѹлысь и говорѳть ничѳго. Заплачь, Матвѳйку, дамъ копѳйку. Позеленѳвъ, якъ жѹба въ петрѳвку. Оттакѳ лыхо,—хѳчь таньцѳѳй. Казѹло лыхо:—не бѹде добрѹ. Якъ ветрѳнишь сѳротѳну, такъ захѳвай пѳдъ тыномъ. Кѹме, кѹме, дурноѹме, за сѳмъ мѳль пѳва пѳты. Шо зъ вѳзу впѹло,—крычи: пропѹло. Богъ не бѳзъ мѳлости, козакъ не бѳзъ щѹсьтя. Зъ пѳсьни слѳва не выкидѹють. На двѹ кускѹ польстѳсься, ни ѳдного не зѳисѳ. Купѳвъ дѹдя, на сѳбе глѹдя.

правду робышь, то въ правди й кохайся. И чоловікъ, якъ чоловікъ, та сучка мижъ ногами проскочила. Побки судъ та діло, — телі корову зійло. Знала кобыла, на що оглобли была. Кто лове, тому й ловыщця. Собака мусе, якъ укусе. Кто чимъ занимаецця те ёму й ввыжаецця. Кто за діломъ слидыть, вонд самд до того бижыть. На добрый камины що не скины, такъ гораздъ (добре) буде. Языкомъ мели, скілько (стілько) хочъ, винъ не зитрещця. Діло не діло, а безъ діла не бйгай. Старшому напершъ перва дубина. Хочъ Мать Божу пой. Не велика й напасыть, та спаты не дасыть. По наряду зустрічають, а по гробахъ провожають. Де гроши тамъ и умъ. Що въ голову зайде, такъ и на печи знайде. Сино до шкапы ни хде. Держисъ, якъ вошь кожуха. Не давъ Богъ тысячи: девьятсотъ не гроши. Чтббъ то й гиревай журилась. Ничого лисымы киньмы й сини тровыты. Це та горячка, що безъ памьаты (памняти) хлибъ ййсть. Батько брехунъ своимъ дитямъ. (Ему всйхъ одинаково жалъ). Свий батько побье й пожалие. Якъ такъ пыть, то ничего бъ козама й сина травыть. До ёго й на кози не пидйидешъ. Пишли наши въ гору—по симъ на бичовку. Ласый до сала, а мяса не хочешъ? Нехай покуштые жижи, щббъ знавъ, одъ чога бувають штаны рьжи. Нехай думаютъ ти, что грамоти вцащця. Багатуму чорты дитей тишуть. Твердо-онъ-то—вихде: заперто. Згадуй макъ, тай ййжъ такъ. Мойимъ же саломъ та по мойй же й шкури. Дви бабы — базарь, а три — ярмарокъ. Больному—воля, спасенному—рай, а горилки дай. Нильзя тико на небо злизты. Найшлась (знайшлась) робота и для (бля) рта. (Колй хто бреше). Ты ёму:—стрыжена, а винъ:—кошена; ты ёго—кресты, а винъ:—пусты. Святы отци (оцци) карбованьци. Хто не буде паномъ, той не буде й даромъ. Купуй хату криту, шубу шиту. Чорного кобеля не вымыишь до билла. На леманъ Грыцикивъ дурыты. Чи знатъте, що въ куми буде пытьте, то й дитей бе забрала. Не робыть старьцямъ пакосты. Пани пьютъ, а у мужикивъ зъ похмилли голови булять. Вонд тико на вовка помовка, а заяць кобылу зивъ. Хочъ бичомъ, такъ йе по чомъ. Собаци й собака чесьть. Живи, поки живецця: помрещця,—все мынецця. Горилочко—матиночко, не пихайся, а ты, дураче, не напывайся. У кого гробей багачко,—купуй млинъ, а у кого хлиба въ достанку—купуй свиней.

Що годокъ, то й роекъ. Долгъ вѣзьмешъ зъ мене на тѣмъ свѣти вугилькѣми. Всѣ москалѣ однимъ мѣромъ мазани. Ваше блогородіе! свѣни въ вогородѣ,—прикажіте вигнать, чи бѣльше нагнать. Кинець и Богу слава, царю корона, а намъ жарена (печена) ворона. Якъ бы я царемъ бѣвъ, такъ сало бѣ зъ саломъ бы йивъ, та на солѣми спавъ. Гарни коржѣ у нашої тѣтки. Балака, якъ мѣртвый дыше. А щѣбъ ты живой бѣвъ до самои смѣрти. Ахъ, ты мазанный прижѣкъ. Злѣ множицьця умысьци зъ людьми. Повисывъ мѣрду, якъ свынѣ рѣло. Зпылѣ кровъ такъ и мясцѣ жъ ззижте. Нѣхай—недѣбрый чоловикъ. Безъ жинки, якъ безъ кишкы. Живѣмъ не горюемъ, хлиба не купѣемъ. Набѣвъ на пятьсотъ, а помырють на кѣрыцю. Сюды, Бѣже, патлатого, щѣбъ бѣло за щѣ браты. Бля паганого вѣду немѣ й стѣду. Есьть каятьтѣ, та немѣ вороттѣ. Я тобѣ ни грачъ, ни помогачъ. Щѣбъ довго не воловѣдыцьця одрижъ зразу: и знѣть не знѣю, й вѣдать не вѣдаю. А Хѣмци по половынѣци *). Дурный ажъ крутецьця. Трясьця тобѣ въ пѣть. Щѣбъ тобѣ нѣдно. Щѣбъ тебѣ кѣрыця брыкнула. А, щѣбъ тобѣ вѣша въ потѣлыцю. А хрѣнъ твоѣму бѣтькови. Мѣтери твой кѣвинька. А хочъ бѣ вамъ зацѣпыло. Скурвий сѣну(бѣсурчъ)“.

Загадки. „На татарьському пѣли попѣтани конѣ (Кавуни). Симсотъ свистѣть, а чѣтирѣ лопотѣть, двѣ слѣха, а двѣ нюха, а двѣ дѣвыцьця (Хвистъ, нѣги, вѣха, бѣчи,—кинь). Лижѣть бѣрина на долѣни у жовтенькѣй жупанѣни, охѣтнычки найджѣли ии въ ж...у заглядѣли (Диня, або лысьця). Скручѣно звѣрчѣно, на кольъ посажено, а по дворѣ плѣше (Митла). Бѣле рѣльлѣ, чѣрне насѣнѣня, хтѣ егѣ вмѣе, тѣй и разумѣе, хтѣ егѣ, знѣе той и позберѣе (Грамота и грамотный-письменный). Мѣля, мѣля, мылюшокъ, мѣля въ зѣмлю найшовъ (пишовъ), мѣля шапочку знайшовъ, мѣля краснѣнькую, мѣля збѣрщастѣнькую (Мѣкивка). Якъ пойду я на мистъ, й ухватѣю волѣ за хвистъ, стану тягтѣ—стане й ревтѣ (Дзвѣнъ). Стоятъ кѣни на припѣни, не пѣють, ни йидѣть, а гла-

*) Цѣя поговорка, якъ шо не брѣшутъ дѣбри люде, то зклѣлась такъ: Булѣ собѣ двѣ ятѣрѣвки; въ одиѣн старшѣн булѣ чимѣло дѣтѣй, а въ другои мѣньшой однимъ-одно. Отъ вони булѣ шо недѣлили пеклы зъ макомъ прижѣки, мѣньча ятѣрѣвка и начѣнѣ йихъ дѣлыты: оцѣ тобѣ, Панѣсе, оцѣ тобѣ, Орѣсю, оцѣ тобѣ, Ивѣсю, оцѣ тобѣ, Гѣлю, а мои дѣтки, Хѣмци, дѣйте по половынѣци. Ти дѣтки и дають, и такъ на кумѣдию и выкѣхали ии гуртѣмъ Хѣмку. Недурнѣ булѣ мѣбуть (мѣть) й Хѣмка!..

дѣньки стоять (Стинá). Чотири чотирнички, а п'ята пидстáвочка, а шоста паняночка (Вѣмья, дыйныця и та, кóтра дóе). Симсотъ тупоривъ, симсотъ козаківъ рóблять хáту бизъ углѣвъ (Комашня, муравейникъ). Одинъ чотвиртóкъ на сто двáдцять дирóкъ (Бедзвинъ). Заривъ вилъ на сто гинъ, на тѣсячу городівъ (Гримъ). Стоитъ верба середъ двора, распустѣла гилья до жáдного (кажного) двора (Зъ цѣркиви люды йдуть додóму). Стоитъ пляшка середъ хáты, усѣ сѣи сѣютъ (Писля горѣлки). Не йисеть й не п'е, а крупами с...е (Свердедецъ). Стоитъ стрилá середъ двора, а въ тий стрилѣ симсотъ и двѣ (Мáкивка). Сывий сѣлезень попидъ землѣю плава (Лемишъ). Манѣньке, гострѣньке (билѣньке) скризъ тынъ кишечкѣ тѣгне (Гóлка). Окúталось шило у чорнѣньке тѣло, та по-пидъ небесáми й ходыло (Лáстивка). Брилáмы махá, а литить не мóже (Мѣльниця). Манѣнький горбатѣнький все пóле проскакáвъ, а до дóму прийихавъ, цилый гóдь пролежавъ (Серпъ). Й нигъ багáто, та самá зъ пóля не хóде (Боронá). Зубы й цѣлѣ, та самá не кусá (Боронá). Козá въ хлѣвы, а рóги на дворѣ (Бурякъ). Ни кузнѣць, ни столáрь, ни маляръ, ни плóтникъ, а сáмый пѣрвый на селѣ работникъ (Кѣнь, вѣлъ). Малѣнький Макáрчикъ у сѣмъ людямъ пидрядчикъ (Сокира). Пийшла кумá до кумы—дáй, кумá, ляпоты, поляпаты тáй питы (Сѣта). Чотири чотирѣньки, п'яте манѣнке, а шóсте прóсте (Викна, свóлокъ, двѣри). Якъ бѣ ни дидова товхачка, то зарослá бѣ бабина мохначка (Вѣникъ, стúпа). Серѣдъ мóря—мóря, стоять золотá кумóря (Сóнце). Бáба—ягá, вѣламы ногá, увѣсь свѣтъ кóрмыть, а самá голóдна (Плугъ). Якъ-бы не дѣдово уютюха, не бабина лахва, по поясъ заросла (Ножницы). Кривый лисъ на бабу злизъ (Коромысло). Шутѣвъ, мутѣвъ по лавочки, нашовъ соби кудрявочки, шурхъ тáй нишовъ (Рукавицы). Манѣньке, рудѣньке хочъ якого пáна тáкъ зъ коня зсáде (Якъ захóчецьця на двѣрь—просѣбе). Стоять кóни на припóни, ни пьютъ, ни йидять, а пóвни стоять (лежать) (Кавунѣ). Сучка сѣрка де не вхвáте, тáмъ и дѣрка (Сокира). Сырый волѣще, черѣзъ горѣще свѣще (Дымъ). Лысый бѣкъ скризъ плетѣнь дѣвыцьця (Мисяць). Сѣва кобыла все пóле сходыла (У кóпахъ пшеницьця). Поросятко (ж)зализне, а хвóстикъ прядивьяный (Голка й нѣтка). Мой мáты й твой мáты, бѣлы бурлáку въ с...у (Зáткально). Жóвта кú-

рыця пидь тѣномъ кѹблыщя (Дѣня). Кобыла на вирбѣи гнздѣ змостыла, навелѣ поросѣть, вонѣ вгѣру глядять, полетѣты хотѣть (Лысѣтя). У лѣси дубкѣи рубѣють, а зъ нѣба трискѣи литѣють (Снигъ). Кѣло вѣха завирѣуха, а у г...и ярмарка (Вѣлий). Чорна корѣва всихъ людѣи зборѣла, сѣрѣй вѣль всѣихъ людѣи звѣвъ (пидвѣвъ) (День и ничъ). Костѣнъ, деревѣнъ чѣрезъ гѣру свинѣи гѣне (Грибинѣць). Шатѣецѣця, мотѣецѣця, по-пидь припечкомъ ховаецѣця (Вѣникъ). Манѣнѣке барѣильце бѣзъ дѣрочки ѣ бѣзъ динѣця, вѣ ѣму пѣвно вынѣця (Яйцѣ). Шѣло-мотовѣло по-пидь нѣбомъ ходѣло, по нимѣцькому говорѣло (Сорѣка). Загадѣю загадки на чѣтири гѣрамотки, всимъ трѣмъ за викнѣомъ (Зѣтулки). Дѣва кабанѣи усе пѣле залѣглы (Тумѣнъ). Вѣ нашѣи молодкѣи загорѣлося вѣ серѣдкѣи, у нашѣи молодцѣи капа зъ концѣи (Самоваръ). Крутъ-вертъ у черѣпѣчку смѣрть (Замѣкъ). Скрѣизъ бикѣи ѣ баранѣи свинѣи лѣнъ волѣче (Дѣрѣтва). Самъ дубѣвый, поясъ вѣязѣвый, а нѣсѣ липѣвый. Чѣтири зѣади дѣдусѣи додѣвлялысь зъ борѣдѣю пѣгасѣи (Копѣята). Сыдѣтъ дѣдъ нѣдъ круѣчою, заткнѣвъ дѣрку онѣчою (Вѣрхъ). Чѣтири козы на однѣи нѣзѣи (Вытѣшка). Манѣнѣка собѣчка звернѣлася, лежѣтъ, ни кусѣе, ни гарчѣтъ, и вѣвѣйтѣи вѣ хату не велѣтъ (Замѣкъ). И по землѣи ѣ ходе, а нѣба не бѣче (Свѣнѣя). Мѣрѣтѣе живѣого тѣгне (Грибинѣць-вѣши). Бѣзъ крыль лѣтѣтъ, бѣзъ нѣгъ, а бѣжѣтъ (Хмѣра). Дѣва порѣсѣнка чѣтири пѣдхвѣстѣнка (Черѣвѣки зъ волѣкамы). Шѣйка тонѣнѣка, зѣади западѣнѣка (Плѣшка). Однѣо кѣже: „полежимъ“, дрѣге кѣже:—„пѣбѣжимъ“, а трѣтѣе.—„давѣи Богу помѣлымся“ (Землѣя, водѣя, очерѣтъ). За бѣлою дѣрезѣю лежѣтъ Тѣлилѣйко (Языкъ). Прѣстелѣю рѣгѣжку, пасѣплю горѣшку, положѣю окѣрайчикъ, бѣде бѣгѣтъ зѣйчикъ (Нѣбо, зѣрки и молодѣкъ). Бѣзъ крыль ѣ бѣзъ нѣгъ, а бѣжѣтъ, якъ лѣтѣтъ; приѣде жѣ порѣа, вѣнѣ слѣзы вѣтерѣа (Тѣча ѣ дѣщъ). Хлѣба пѣвна пѣчъ, а по-серѣдѣни щѣ и ѣѣкѣраиць (Зѣвѣзды ѣ мѣсяць-бѣлолыщѣи). Пѣдъ хвѣрѣстѣомъ лежѣтъ зъ хвѣстѣомъ (Огурѣць). Бѣба и багѣта, ѣ сорѣчокъ багѣто, а якъ вѣтеръ подѣе, то ѣ хѣлодъ почѣе (Кѣурыця). Дѣ двѣ дѣрѣги умѣсѣти зѣйшлысь (Хѣлоши у штѣаняхъ). Вѣйму облыжкѣю-облыжѣю, тѣи ѣпѣять положѣю (Лѣжка). Чѣтири бѣрата-Кѣндрѣата вѣсѣ викъ одѣнъ за дрѣгимъ бѣжѣтъ и ѣдынъ дрѣгого не зѣгѣнѣять (Кѣлесѣо). Хѣто двѣчи на свѣтъ рѣдыщя? (Хѣто зъ яйцѣи, кѣурыця). Шѣло мѣтовѣло по нимѣцькому говорѣло, сѣпѣреди шѣль-

це, ззаді—вѣльце, звѣрху сукѣньце, а ззѣсподи полотѣньце. Лежѣть мѣсть въ добрый ристъ, на киньці цвѣтъ, на весь билый свѣтъ (Велѣкденъ). Двонадцѣть орливъ, пятьдѣсятъ двѣ гѣлки и трѣста шездѣсятъ шѣсть шпакивъ—въ однѣ яйцѣ зализы (Годъ). Якъ роскѣну регедзѣлю, тай задѣю товстякѣ (Збирѣецъця запрягѣти конѣ). Чѣрной кѣтъ Мѣрхву трѣтъ, Мѣрхва цѣкѣче тай йщѣ хѣче (Сковорѣдку мѣжуть сѣломъ, вона шкварчѣтъ—ищѣ хѣче). Йѣду—йѣду, немѣ ни колѣсъ, ни слѣду (Лѣтка). По за лѣсомъ лѣсомъ стоѣтъ дѣжѣ зъ кѣстомъ (Уликъ зъ бѣжѣламы). Бѣбыно ремеслѣ кругѣмъ оброслѣ (Цѣ той кругъ, що бѣбы прѣдыво на ѣго мѣтають). Пѣйшли трѣ братѣ кѣзъ копѣты, тай выконалы чѣтыри козы на однѣй нѣзѣ (Вытѣшка). Йшѣвъ чернѣць чѣрезъ Дѣнѣць, нагнавъ дѣвку, тай шѣрхъ въ дѣрку (Клѣчъ и замѣкъ). Крѣсна бѣрыня за склѣмъ сыдѣтъ и лѣдѣй собѣю потишѣетъ (Огонь у лѣмши). Бѣчка, а на бѣчци бѣчка, а звѣрху бѣчки—митлѣчка, а хтѣ й кѣже лысѣчка (Очерѣтъ). Малѣнький барѣнчикъ всѣмъ с...ъ пѣдглядчикъ (Порѣтъ). Ни нѣте я тебѣ брѣвъ, щобъ зъ тобѣю спѣты, а на тѣ я тебѣ брѣвъ, щобъ у твоѣ дѣрку своѣ тѣло пхѣты (Чѣбитъ). У борѣ на ярѣ стоѣтъ старычѣкъ крѣсный ковпачѣкъ (Грибъ). Пѣдъ черепѣчкомъ лежѣтъ чѣртъ зъ молѣтѣчкомъ (Часѣ). Однѣ вѣвцѣ до сѣна, а дрѣга одъ сѣна. Вылетѣтъ, вылетѣнь, выще цѣрквы плитѣнь (Хмѣра). Сыдѣтъ сыжѣха въ сѣмѣ кожѣхахъ, тай та змѣрзла, а хтѣ на нѣйи поглѣне—очѣма вѣяне (Цѣбѣля). Повзѣнь повзѣ, симсѣтъ голокъ вѣзѣ (Ижѣкъ). Лежѣтъ корѣва, а у корѣвы дѣрка гѣтѣва, прѣйшѣвъ бѣкъ та въ тѣ дѣрку—штрѣкъ (Замѣкъ). Пузъ лѣса—лѣса чѣрне, (крѣсне) сукнѣ мѣе (Тѣренъ, вѣшня). Лѣзу—лѣзу по залѣзу й на рѣмени сѣду (Сѣдлѣ). Серѣдъ огорѣда—горѣда лежѣтъ колѣда, вона не гнѣе й не высыхѣе (Языкъ). Собѣю не лѣтѣця и спѣвѣтъ не спѣвѣ, а хтѣ въ хвѣртки идѣ, хѣзѣину знѣтъ даѣ (Сѣбѣка). Прѣйшла Пѣкрѣва, а въ ѣму дѣрѣчка гѣтѣва, прѣлитѣвъ Свѣтѣй Дѣухъ, та въ дѣрѣчку шѣрхъ (Уликъ и бѣжѣла). Бѣзъ рукъ, бѣзъ нѣгъ, а на повѣтку збѣгъ (Хмѣль). Зѣйшла дѣвка на гѣрку тай дѣвѣецъця на своѣ ..., дѣбъ минѣ тебѣ дѣты, чи тебѣбъ, ... на ... надѣты (Обѣдѣць). Лѣзе сухѣ, а вѣлиза мѣкре (Пѣрѣ). Сыдѣтъ дѣдъ нѣдъ яркѣмъ, заткнѣвъ с...у огѣркѣмъ (Якъ йде просѣбе). Сыдѣтъ пѣвень на столѣ, спѣстѣвъ крѣла до землѣ (Стѣрецъ). Сыдѣтъ билый пѣвень на вербѣ, распѣстѣвъ крѣла до землѣ

(Скáтерть). Трáхъ—та плàхъ по полю скáче (Борона). Сýви каба-
нї по пїдъ землєю гулы (Плугъ). Приїхалы гóсьти, стáлы на по-
мости, распустылы лошадей безъ вүздъ, безъ петель (Бджóли).
Якъ бїгъ биглєць, тай вїтрыщивъ кинєць, здогнавъ дівку, тай
штрáкъ вь дїрку (Колóдязь зь зводомъ). Зкрученый (пидсмýка-
ный), звязаный (пидтыканый), а по хáти пляше (Виныкъ). Нáшъ
манєнький капитáнь усїхъ людєй пропытáвъ, а сáмъ догорє
днòмъ стáвъ (Горщòкъ). Мохнáте зь мохнáтимъ зкладáецця,
гòле тїло вь середьну ховáецця (Рукавыця). У бабыний ха-
тыни, высѣть хлїба крайна, собаки гáвкають (брєшуть), не мó-
жуть достать (Мїсяць). Два стоить, два лежить, пьáтый хòде,
шòстый вòде, сємый пїсеньку завòде (Два одвїрка, порїгъ и вер-
хнѣкъ, двєри, зáвертка и зависє). Два вүзлика усе пòле засїють
(Очї). Шо е вь хáти не тєсане? (Павутына). Сяи сяють—усї
вòли прєдъ тобòю (Якъ нашєецця хтò, то й лáецця). Симсòтъ
козакївъ, бля ихъ двонáдцять лїкаївъ (Старшї мѣши). Вїдъ
огня кòицьця, вїдъ огня й пропадà (Вүголья). Не цáрьського
й рòду, а хòде вь корòни (Пивень). Симсòтъ поросѣтъ, тїко нїж-
кы высѣтъ (Сволочкї). У лїси рубáлося, у кобылы кохáлося и
на рукахъ колыхáлося (Сыто). Хтò слобòденъ одъ гостєй? (Старь-
цї). Бєзъ мáтери родївся, бєзъ попà хрїстївся, бєзъ смєрты
вмєрь (Горщòкъ) Вдяглáсь бáба вь шїсьть кожухивъ, хтò иї роздя-
гáе, тóй и слєзы пролывáе (Цыбўля). Мїжъ двома дубáмы клáца те-
лѣ зубáмы (двї бáби бьюцьця торбáми) (Тўрныця, що прѣдыво
на нєи тїпáють). Вїдма у хлїви, цыцькї на двòри (Свòлокъ
поцяцькòваний—померєжений). Ни печуть, ни жують, ни глы-
тáють, а хòчь вонò й вунѣ, зь-охòткою єгò бажáють.—Крїòкъ
чиплѣ, а голòвà пидсоблѣ (управля) (Бєдзвинъ). Кїну я на пáлець,
рву я не пирья, йимъ я не мнѣсо (Рѣба). Вь вòдї ростє, вь вòдї
кохáецця, прїйде до вòды—злякáецця (Силь). Ни вь вáсь, ни
вь насъ поросєнокъ завьѣзъ, крычїть, пыщїть та нїкому вѣта-
щїть (Вїтеръ). Манєнький куколєчокъ скакà зь доливкї у кутò-
чокъ (Вїникъ). Сыдыть бáба на нòчивкахъ с.е (Жлўкто). Крá-
сна дивѣця сыдыть у темныци, а коса на двòри (Бурѣкъ). Ле-
тїть сорòка, а за снєю сòрокъ,—стїлько всїхъ? (Двòе; сòрокъ
—самєць). Сычїть, шкварчїть, сокòче, пидъ лáвку (лáву) нє хò-
че (Сковорїдка). Двòе выкидà, а пьáтеро пидтягà (Якъ сòпли сѣ-
кають). У лїси на кущї гавьáдына вѣсе (Грыбъ). Чорнєць—мо-

лодець—по поясь у огні (Чагунь,—чаунь,—чавунь). Біле якъ снігъ, дмецьця якъ михъ, а въ воді гине (Піна). Шо зъ тнею козю бѹде, якъ симъ гѹдъ настане; тий кози станецьця, якъ симъ лить коньчицьця? (Восьмый (пиде) наступе). Хто бачивъ церкву зъ очерету? (Ввийди въ очереть, тай побачишь). Лата на лати, ще й голкою не зшита (Капуста). Що хахлы на двірѣ викидають, то панѣ у кишѣню (кешѣню) собѣ ховають (Выскряки,—сѹпли). Бѣзъ душі й бѣзъ тіла, а сорѹчка бѣла (Пѹдушка). Бѣлий чоловікъ, а сорѹчка въ пазусѣ (Свѣчка). Баба круте, а вонѹ гуде (Прядка). Летыть—летыть, ще й хвѣсть вертыть! (Горобець). Одно ряднѹ сто бабѣ тягло (Завертка). Родыцьця й не родився, а вмѣрты вмѣрѣ (Адамъ). Шо не зъ земли робѣлося, а въ землю превратѣлося (Ева). У лисѣ росло, на куці повиросло, по рукахъ покотѣлося й на зубахъ очутѣлося (Орихъ). Безъ рукъ, безъ нигъ, не баче й не чѹе, а хату береже (Замѹкъ). Плѣхта—рахта по полю скѣче, увѣсь корѣнь баче (Борона). Чотыри братѣ шидѣ ѹдынѣ кустѣ хѹдять спѣты (Корѹвьяче вымья). Бѣле сыто, нымъ свить людеѣ покрито, й юзлі знѣть, та нельзя розязѣть (Небо й ѹблака). Лежить перѣсть на симъ верѣсть (Дорога)“.

Скороговорки. „Нашѣ полковныкъ полковныковѣвъ пѹки вы-полковныковѣвся. Ишѹвъ Даныло гнылонѹгий по розмокропогѹдивший погоди. Рѣзѣ дровѣ, двѣ дровѣ, трѣ дровѣ. Надину вѹздѹ, пойиду въ избѹ. Рыжѣ быкъ, рыжабрыѣста крѹвъ. Зшѣвъ колпакѣ не поколпакѹвськи. Я прынесѹ ряднѹ, а ты занесѣ ряднѹ. Бѹдѣ ты хлопчишка, по хвѣртыкуль тѣпнешѣ. „Штѹхѣ у ями. Чѹрна овѣчка спѣть зѣ дочкѹю“.

Врехѣнки. „А щѹ ты, дѹню, шѣишь? Шѣю, мамѹсю, шѣтки. А колы-жѣ порѹтынешѣ? Якѣ дошѣю нѣтки.—Сѣстрычки дѹбрички! чи поѣхавѣ? Дѹма нема... Запрѣгѣ... Симѣ мишкѣвъ повѣзѣ... Бѣлу кобылу до млына.—Здорѹвъ булѣ! Кутѹ товклѣ. На свогѹ бѣтька!.. На пѹтрю. (Пѹтря це такѣ кушанья,—каша).—Здорѹвъ бувѣ! Кобылу ведѹ. Такѣ, Бѹже, помѹжи (помѹгай Би)! У ярмарокѣ на Бутырлымову. Бѹдаѣ вонѣ тоби здѹхла! Спасѣби.—Здорѹвъ бувѣ! У ярѹ бувѣ. Тѹ, чи ты дурий! Тѣрну й рѣсно, та зелѣный и теркѣий.—На щѹ це ты рѹбишь? На пты, щѹбѣ дывѣались на цѣ всѣ такѣ розѹмни, якѣ ты“.

П. М. Шинкаревъ (Кравченко).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ср. 95690

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета:

Литература о Харьковской губ. (Библиографическій указатель). *И. А. Устинова*. Ц. 50 к.

Указатель книгъ и брошюръ, напечатанныхъ въ Харьковѣ, съ 1805 по 1879 г. *І. С. Чирикова*. Ц. 20 к.

Духоборцы въ Слободской Украинѣ. *А. С. Лебедева*. Ц. 40 к.

Леченіе домашнихъ животныхъ. *В. И. Выжникевича*. Ц. 10 к.

Забытые труды по изслѣдованію народной жизни (Кадастръ Харьковской губ.). *В. В. Иванова*. Ц. 25 к.

О сбереженіи почвенной влаги и возвышеніи доходности земли. *В. И. Мезенцова*. Ц. 25 к.

Столѣтіе Ахтырскаго уѣзднаго училища. *А. Д. Твердохлѣбова*. Ц. 20 к.

Харьковъ по переписи 1892 года. *А. А. Русова*. Ц. 10 к.

Современная деревня въ Харьковской губ. *В. В. Иванова*. Ц. 10 к.

Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Ц. 30 к.

„Житіе Григорія Сковороды“ (съ портретомъ). *М. И. Ковалинскаго*. Ц. 20 коп.

Карта Харьковской губерніи. Ц. 25 к.

Адресъ-Планъ г. Харькова. Ц. 60 к.

Харьковскій Сборникъ. Вып. 1—7-й. Ц. 40 к. Вып. 8 (на текущій годъ). Ц. 60 к.